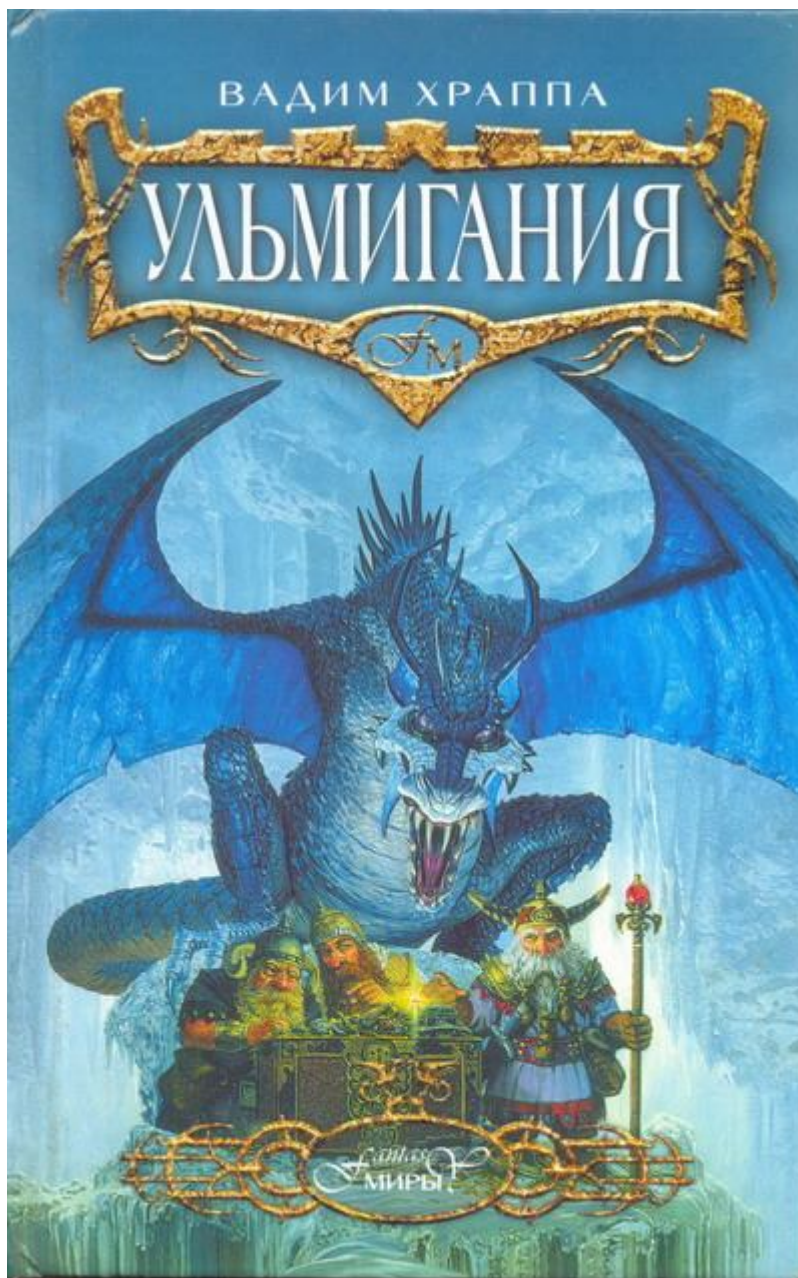

Вадим Храппа Ульмигания

OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>
«Вадим Храппа "Ульмигания"»: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04506-6

Аннотация

Воин идет навстречу славе или смерти ради славы. Боги хранят смелых и даруют им удачу. Русский витязь Тороп и варяжский наемник Дилинг ищут славы и в рати с татарами, и в бою с колдунами загадочной страны Ульмигании. Именно им, по преданию, суждено разрушить стены, отделяющие ее от остального мира, привести за собой на туманные земли нового бога и найти Великое знание, дарованное когда-то ее народу Белыми великанами, явившимися со звезд.

Вадим Храппа

«Ульмигания»

Автор считает своим долгом напомнить читателю и критикам, что он всего лишь сочинитель, а не ученый, и, следовательно, сюжет романа его занимает больше, чем соответствие описанного событиям, реально происходившим.

Это старая история, разыгравшаяся в глухой местности, но не следует пренебрегать старыми историями: кто станет относиться к ним свысока, тот легко может проглядеть много важных сторон в самых крупных современных событиях.

Э. Лависс «Очерки по истории Пруссии»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Возвращение Дилинга

«В год 6732,¹ из-за грехов наших пришли народы неизвестные, о которых никто точно не знает, кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят — таурмены, а другие — печенеги. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о бедах, которые они принесли...

Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил Бог такое. Ведь много было князей храбрых и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею. Из дружины вспомним здесь об одном, найдя рассказ о нем.

Среди жителей Ростова был некто Александр по прозвищу Попович, и был слуга у него по имени Тороп, а служил этот Александр великому князю Всеволоду Юрьевичу. А когда великий князь отдал город сыну своему Константину, тогда и Александр начал служить Константину».²

Глава 1

К маю тридцатого дня 1223 года Торопу едва исполнилось пятнадцать. Если б он по своему рождению был княжичем или смердом, его бы ждала женитьба и ночные шалости с супругой, как правило, чуть не вдвое старше. Но Тороп был витязем в девятом колене и потому лежал сейчас не на пышной белой груди молодухи, а в луже собственной крови на холме над рекой Калкой. И не мирное женское дыхание согревало его лицо, но степной ветер обдувал безбородые щеки, сушил по-детски припухлые губы.

Холм и его подножие были густо усеяны изрубленными телами дружинников с восседавшими на них воронами. Стлался дым от сгоревшей засеки, построенной великим князем Мстиславом Романовичем. Сам князь давно уже задохнулся под дубовыми плахами, уложенными татарами на него, его зятя Андрея и князя Александра Дубровского.

Великий князь погиб по собственной глупой гордости. Получив сведения о том, что невдалеке расположились татары, он не стал сообщать об этом другим князьям, стоявшим с войсками поодаль, а сам, полагаясь только на свою дружину, даже не выяснив количество воинов Орды, бросился на них, рассчитывая всю славу пожать собственноручно. А дружина

¹ От Сотворения мира.

² Здесь и ниже цитируется «Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях» из Тверской летописи в переводе Д. М. Буланина.

у киевского князя была действительно славная. Семьдесят два витязя, искуснейших воинов со всех княжеств русских, созвал Александр Попович в Киев, дабы остановить междоусобную резню на Руси, обезоружив спесивых князей. Щедр был Мстислав Романович к богатырям, но и они служили ему правдой. Потому и разыграла гордыня в великом князе. «Пока я в Киеве, — говаривал он, — по эту сторону Дона, на берегах Понтийского моря и реки Дуная татарской сабле не махать!» Однако вышло по-другому. Полегло в жестокой сече отборнейшее воинство Руси, ибо на каждый русский меч приходились сотни и сотни ордынских сабель. А расправившись с Мстиславом Романовичем и его воинами, Орда хлынула дальше, разоряя земли Переяславского князя.

Но Тороп, самый младший в дружине, еще недавно подносивший Александру Поповичу оружие, этого уже не видел. Не знал он и того, что давно присматривается к нему ворона, не решаясь подсесть ближе, чтобы клюнуть его в глаз, птичьим чутьем понимая, что воин этот безусый не мертв. Увлеченная делом, она не сразу заметила подходившего человека, а заметив, подскочила и, возмущенно каркая, отлетела в сторону. Но недалеко — человек возьмет с трупа то, что ему нужно, а самого его не тронет. Поэтому ей нужно держаться поближе, чтобы первой поспеть к добыче. Она давно летела за Ордой и знала, что мертвецов ее люди не прячут в землю, позаботиться надо только о том, чтобы товарки по стае не перехватили лакомые куски.

Татарин снял с Торопа сапоги и, сопя, стал отстегивать пряжки на богатом варяжском поясе, подаренном Торопу вместе с мечом Поповичем. Пояс сразу вытащить не удавалось, и татарину пришлось перевернуть тело витязя на бок.

Тороп очнулся, увидел прямо перед собой шишак с конским хвостом на вершине и снова прикрыл глаза. Татарин, насторожившись, прервал свое занятие и взгляделся в лицо Торопа. Но серебряные заклепки в виде грифонов на ремне занимали его больше, чем русский, пусть даже раненый, а не убитый. Татарин вытащил, наконец, пояс и, поднеся его ближе к глазам, издал довольное кряхтение.

Тороп пошевелил пальцами откинутой в сторону правой руки, которой не мог видеть татарин. Он еще не решил, что будет делать, — убьет татарина или даст тому себя ограбить. Рядом могли оказаться другие. Но кочевник сам решил свою участь. Заметив выбившуюся из-под кольчуги ниточку на шее Торопа, он потянул за нее и вытащил серебряный крестик. Дернул, но ниточка была шелковой и не порвалась.

Злость тяжелой волной напрягла тело витязя. Бог с ними, с сапогами и поясом, но крест!..

Татарин вытащил кривой нож и собрался подсунуть под нитку. Тороп левой рукой перехватил его кисть, поворачивая лезвием вверх, а правой обхватил татарина за шею и дернул на себя. Голова татарина больно ударила шишаком в подбородок. Тороп вновь провалился в темноту.

Глава 2

Беды начались со смертью великого князя Всеволода Юрьевича, оставившего Владимир и стол младшему из сыновей — Юрию. Глевшая до этого вражда княжичей мгновенно разгорелась войной. Старший, Константин, раздосадованный несправедливостью отца, спалил вотчину брата — Кострому. Тогда Юрий, уже в качестве великого князя, осадил Ростов. Предприятие это закончилось для Юрия Всеволодовича плачевно. Ростов открыл ворота, но для того только, чтобы выпустить дружину Александра Поповича.

Юрий делал еще несколько попыток усмирить старшего брата, но всякий раз неудачно.

После боя на реке Гзе, где впервые отличился юный Тороп, приведший в ужас даже седых воинов умением обращаться с мечом, великий князь вынужден был униженно целовать крест на верность брату. Исход же спора положило сражение при Липицах, где на стороне Юрия и других князей сражался знаменитый витязь Ратибор, там же и погибший от меча Поповича. Наголову разбитый Юрий отказался от великокняжеского стола, уступив его

Константину.

Казалось, на Руси наступил мир. Но через два года Константин умер, и во Владимире вновь сел Юрий. Мудрый Попович, понимая, что в столице ему больше делать нечего, ушел с дружиной к Мстиславу в Киев и туда созвал на Совет всех русских богатырей. Вместе они решили — не бывать больше раздорам на родной земле, не поднимут они отныне мечи друг на друга.

А тут пришел и 1223 год, и с ним — перепуганные половцы, посольство от князя Котяна. Мол, идет орда несметная с востока, дикая и свирепая, не поможете сегодня нам — завтра она будет у вас.

И русские выступили навстречу...

Глава 3

Тороп очнулся оттого, что у него замерзли ноги. С востока ползли сумерки и холод. На груди была тяжесть. Тороп сначала учуял смрад давно не мытого человеческого тела, смешавшийся с запахом сыромятной кожи и конского пота, и только потом вспомнил, что на нем лежит татарин. Вспомнил и то, как его самого ранили. В горячке боя Тороп потерял шлем, а потом, когда ударили по голове, что и увидел, так только черную вспышку.

Витязь скинул татарина и сел. К горлу подкатила тошнота, в глазах замельтешили рябые полосы и пятна. Его качнуло — пришлось опереться рукой о землю. Из всех сил Тороп старался остановить рябь в глазах — ему казалось, что он видит всадника, — но это не удавалось.

Всадник, однако, становился яснее. Тороп протянул руку к поясу за мечом, но не оказалось и самого пояса. Тогда он вытащил нож из горла татарина и положил под ногу так, чтобы не было видно.

Подъехавший склонился:

— Тороп? Ты ли это? — спрыгнул с коня. — Хоть одна живая душа! Что у тебя? Голова? Дай, гляну. Батюшки, да у тебя, почитай, всю кожу с затылка сняли. Как только кость цела осталась, не понимаю, — приговаривал витязь с акцентом.

Он был из пруссов. Из тех наемных варяжских воинов, что так высоко ценились русскими князьями. Обычно варяги не принимали крещения, но на приставшее к ним славянское или даже христианское имя отзывались охотно. Этого звали Даниил. Он что-то делал с затылком Торопа, и тому казалось, что в голове зашевелились огненные змеи.

— Где все? — спросил Тороп сквозь зубы. — Где Попович?

— Полегли. Я уж думал, один остался. Плоскиня, собачий сын, проданся татарам. Целовал крест у великого князя, что пропустят они нас из засеки, а как ворота открыли, так поганые и навалились. Я — за Плоскиней, он — в степь. Еле нагнал. Голову-то я ему снес, а когда вернулся — сердце захолонуло. Татары даже мертвых в куски изрубили. Так думаю, чтобы не смогли собрать да похоронить по-человечески. Как тебя не заметили, не пойму. Наверное, оттого, что ты под татариним схоронился.

Тороп вдруг почувствовал, что ему стало страшно. До сих пор он считал, что в свете нет силы, способной противостоять дружине Поповича.

— Неужели всех посекли?

— Всех, — сказал Даниил. — Я, почитай, уже полдня поле объезжаю. Все семьдесят, как один. А князей повязали, дубовыми плахами накрыли, да, видно, сверху пировать устроились... Ты почему босой?

— Татарин сапоги стянул. И крест хотел сорвать, сучий сын!

— Так это ты его... — усмехнулся Даниил. — Не зря тебя Попович столько лет возле себя держал.

— Хватит, — заерзал Тороп. — Что ты там делаешь?

— Сейчас, сейчас, вот только перевяжу.

Даниил снял кольчугу, аккуратно оторвал полоску ткани от рубахи и плотно замотал

голову Торопу.

— Ну вот, порядок, — сказал он, облачаясь. — Ты пока посиди тут, а я неподалеку коня приметил, схожу за ним.

Даниил протянул небольшую помятую серебряную фляжку.

— Вот, хлебни, чтоб не скучно было. Это тебе сил прибавит.

Во фляге была медовуха, сваренная на травах. Витязи использовали ее и для смазывания ран, и принимая понемногу внутрь. Несколько глотков этой горечи действительно сняли боль и прояснили голову Торопу. Он стал думать.

Матери он не знал, та померла при родах. Отец погиб в стычке с переславцами, когда Торопу было всего пять лет. С тех пор он всегда был подле Поповича. Попович был ему и отцом, и учителем, и князем. Теперь не осталось ничего. Куда идти? Выстояли ли галичане и прочие? Если нет, то как далеко зашли эти татары или бог их ведает, кто они? И куда направились?

Тороп почувствовал, что начинает болеть голова от вопросов, которыми никогда не задавался, и хлебнул из фляжки.

Куда же он теперь, без Поповича? Пришел Даниил, ведя в поводу оседланную лошадь. Бросил на землю меч и шлем:

— На, я вижу, твою сбрую татары увели. Эта должна прийтись впору.

Тороп отпихнул татарина и вытащил из-под него свой пояс. Потом обулся. Встал. Его качнуло.

— О-о-о, брат, — протянул Даниил. — Тебе, видать, и одеться самому невмочь, не то чтобы на коня взобраться.

Он наклонился за мечом и шлемом.

— Я сам, — сказал Тороп.

— Ладно, уж... Сам! Будет срок, и ты за мной присмотришь.

Даниил помог Торопу снарядиться и поддержал, когда тот садился в седло. Потом направился к своему коню, стоявшему, как положено боевой лошади, там же, где и оставил ее хозяин.

— Куда мы? — спросил Тороп.

Даниил нахмурился:

— Не знаю. Сначала выясним — далеко ли ушли татары. Потом решим. Однако запомни — в драку не суюсь. Ты не боец, а мне придется больше на тебя оглядываться, чем воевать. Нас теперь только двое, и каждый на вес золота. Нельзя нам ни за что ни про что пропадать. Семьдесят витязей! — пробормотал он, прищипывая коня. — Семьдесят таких бойцов уложил ты, свет Мстислав Романович! Припомнят тебе это твои потомки...

Глава 4

Монголы дошли до Днепра, вырезая и выжигая все на пути. Затем повернули и ушли так же внезапно, как и появились. Последствия их набега были страшными. Южнорусские земли превратились в голую черную пустыню. Но не меньшим потрясением для Руси была гибель семидесяти витязей. Они были тем единственным, что связывало восточных славян с арийской культурой их предков и не давало развалиться обществу в момент принятия новой религии, примиряя его с ней, амортизируя переход сознания на качественно новый уровень. Пока витязь держит свой меч, и смерд, и князь знают, что в безопасности и их имущество, и образ жизни.

Не все погибли на Калке, но лучшие из них, славнейшие, те самые, о которых слагались былины.

Началось шатание. Откуда ни возьмись во множестве появились скomorохи, колдуны. На дорогах — вереницы нищих. Повсюду возрождалось язычество. Причем в самых худших, развратных его формах. Еще слабая церковь не могла удержать народ от пьянства и блуда, тиунов — от мздоимства, а князей — от произвола. Смерд, укравший или купивший меч,

называл себя воином. Тот, кто смог собрать еще десяток таких же, как сам, занимал деревню и объявлял себя князем. Да и князья пробавлялись откровенным разбоем, не стеснясь разорять даже храмы. На зарастающих беленой столбовых дорогах шайки обезумевших от безделья и безнаказанности лихих людишек промышляли даже днем. По ночам в лесах горели костры и с визгом бегали голые девки. Даниил, с изумлением наблюдая эти игрища, говорил Торопу, что с настоящими ритуалами они не имеют ничего общего.

— Вы забыли своих богов, — говорил он. — А нового так и не полюбили. А может, просто не поняли. Нельзя верить тому, чего не понимаешь. Вы, русские, как дети — в вас нет мудрости. Вы с легкостью бросаете одну игрушку, чтобы ухватиться за другую. Так нельзя. Народ должен чтить своих предков и их опыт.

Тороп не спорил с ним. Он слушал. Попович наставлял его тому, что воин всему должен учиться. Смотреть, слушать, запоминать. «Нет ничего, чтобы когда-нибудь не пригодилось, — учил Попович. — То, как двигаются листья на березе, и то, какой корень у ре�еды, так же важно, как чужой язык или строение татарского лука».

Тороп узнал, что прусские языки имеют много общего со славянскими, что у обоих народов раньше были одни боги. Что когда-то славянские вадимы, как и прусские вайделоты, записывали знание особыми знаками — рунами. Даниил показал, как биться односторонним мечом Мазуров, рассказал, как прусские воины пользуются частыми в тех местах туманами.

— В этом мире только мы, пруссы, помним обычаи предков. Мы — последние хранители древних богов, — говорил Даниил. — Только мы помним заповеди белых великанов.

— Каких великанов? — удивился Тороп.

Больше года они с Даниилом уже странствовали по Руси, нигде подолгу не задерживаясь. На Купалу пришли в Смоленск и сидели сейчас на берегу Днепра, на холме, откуда хорошо просматривались стены кремля, купола храмов с золочеными крестами. И все, о чем рассказывал Даниил, казалось Торопу чем-то сказочным, как песни слепых музыкантов. Да и само лицо Даниила в такие минуты становилось похожим на лики деревянных идолов, которых Тороп видел в новгородских лесах, — темным, полным затаенной значительности.

«Очень давно, — сказал Даниил, — в те времена, которых никто не помнит, ибо не было еще у людей Памяти, а бродили они по земле дикими толпами, и лица их были темны, а сердца — во мраке, с Неба упала Звезда...

И родила Звезда великих людей. Рост их был выше сосен, а волосы белее снега, а глаза их светились, как небо в утренние часы. А имя им было — ульмиганы.

И взошел старший из них на высокую гору, и окинул взором пески у моря, и многие реки, полные рыбы, и многие леса, полные дичи, и сказал: „Вот страна, достойная быть нам Родиной. Здесь мы построим наши замки. Ей отдадим мы свое великое знание. Ей посвятим мы свою небесную силу. И зваться она будет отныне — Ульмигания“.

И взяли великаны темнолицых в подданные, и научили их строить замки, и выращивать хлеб, и делать одежду, и торговать. И приумножилось богатство той страны, и возросла слава ее, и счастливо жил народ ее.

Прошла тысяча тысяч лет. Стали великаны брать дочерей темнолицых себе в жены, и было у них много потомства, и разошлось оно по всей земле, но дети уже не были великанами, а только светлые волосы и синие глаза напоминали об их происхождении. И забыли люди своих предков.

Только одно племя, женщины которого носили в волосах украшения в виде луны и звезд в знак своего родства с Небом, помнило о древнем завете — вернуться в священные земли белых великанов и отыскать утерянное людьми великое знание.

В огромном замке на берегу Немана нас встретила последняя из дочерей звезды — великанша Рагайна. У нее был ключ к тем землям. И только нашим воинам под силу было поднять его».

Даниил вдруг хмыкнул:

— Получается, что Ульмигания не только нам, пруссам, родина, но всем, у кого белая кожа и светлые волосы. И тебе тоже. Захочешь вернуться — добро пожаловать.

«Украшения в виде луны и звезд, — думал Тороп. — Где я мог это видеть?»

И вспомнил — смеющееся лицо племянницы великого князя юной княжны Анны — светлые волосы стянуты повязкой на лбу, и звезда, и под косой — месяц.

«Что это? Напоминание о родстве с великанами? Чушь! Бог создал человека, а не какая-то звезда! Язычество. И все же странно...»

Тороп засыпал, а ему все чудилась улыбка княжны, и звезда в ее лбу сияла.

«Тороп, — говорила княжна, увлекая его за собой, — это правда, именно там, где морской ветер треплет сосны на песчаных холмах, а в густых дубравах живут страшные древние боги предков, там наш дом. Пойдем, Тороп, пойдем домой...»

«Ты же пропала! — отвечал Тороп. — Тебя ведь убили татары! Сгинь! Я не пойду с тобой».

«Нет, — смеялась белолицая княжна. — Я жива. Там, где стоят замки великанов, где нет креста и люди живут вместе с духами и душами предков, мы сможем соединиться».

Руки княжны дрожали, и яркие губы были открыты для поцелуя. И она звала. И звезда манила теплым светом. И Тороп почувствовал, что не может противиться...

Он проснулся от легкого толчка в плечо. По тому, как, растворившись в утренних звуках, насторожился Даниил, Тороп понял — неладно что-то.

Вскочили они на ноги, выхватывая мечи, одновременно. Из осинника, окружая полукольцом, выехали всадники с пиками наперевес. Числом более десятка, веселые, явно хмельные.

— Кто такие? — рявкнул один.

— А ты сам-то кто будешь? — спросил Даниил. — Чтобы нас пытаться, мало сидеть в седле да пикой размахивать.

— Я тебе сейчас покажу, кто я таков! — озлился всадник.

— Покажи, — усмехнулся Даниил, — а мы посмотрим.

— Осади! — вдруг крикнул кто-то высоким ломающимся голосом. — Назад, я сказал!

Всадники раздвинулись, и в проходе показался витязь примерно одних лет с Торопом в богато изукрашенном чернью и серебром шлеме и тонко связанной дорогой кольчуге. Он подъехал почти вплотную к Торопу и Даниилу и, капризно скривив губы, разглядывал их. Потом, будто что вспомнил, взгляделся в Торопа. В глазах его мелькнула насмешливая злость.

— А ты не тот ли Тороп, что в дружине Поповича служил?

Тороп промолчал.

— Тот, — то ли улыбнулся, то ли скривился витязь. — А ты, значит, Даниил, старый Поповичев приятель.

И вдруг широко, по-доброму улыбнулся:

— Слава ваша впереди вас бежит. Слышал я, как вы банду смердов в муромских лесах изрубили. Славно поработали. Приглашаю вас к себе на трапезу. Тут недалеко мои палатки. Мед у меня знатный, да и вино заморское есть. Пойдем, други! За честь почту таких воинов привечать. Возле себя посажу.

— Спасибо, княжич, — сказал Даниил. — Мы уже и сами завтракать собирались.

— Не откажете же вы мне! — напряженно сказал витязь.

— Бог с тобой, княжич, — согласился Даниил. — Конечно, не откажем. Просто не хотелось быть в тягость.

— Какая там тягость! — обрадовался княжич. — Ну, так что, поехали?

— Езжайте, а мы за вами. Только скарб наш нехитрый соберем.

Княжич пылливо посмотрел на Даниила и, круто повернув коня, ускакал. Дружина — за ним.

— Невелика честь... — пробормотал Тороп.

— Да ты знаешь ли, кто это? — спросил Даниил.

— Догадываюсь. Алексашка Ярославич, сын великого князя Владимирского.

— Верно. И то знаешь, что не отстал бы он теперь от нас?

— И то знаю.

— Ну, а раз ты такой умный, поехали пировать. Делать нечего. Может, он и не держит на нас зла за порубленную дружину своего дяди.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — сказал Тороп. — Мечи нужно будет под рукой держать.

Шатер у княжича был белый, тонкой восточной ткани. Угощал он рябчиками да медами разными. Было и вино заморское — красное, как кровь. Но Тороп с Даниилом больше пригубливали, чем пили, следя за передвижениями дружинников. Не то что княжич — тот удержу не знал, пил так, будто и не с раннего утра за стол уселся, а ближе к ночи, после ратных трудов. А напившись, стал Торопа задирать: пойдём, мол, испробуем, чей меч ловчее да чья рука тверже? Тороп отнекивался, ссылаясь на усталость, но княжич не отставал:

— Или боишься меня? Даром что ли люди говорят, будто нет тебе равных во владении мечом? Будто Попович секрет тебе какой-то передал?

Слово за слово, всем стало ясно, что княжич не на шутку распалился. Белое лицо его покраснелось, и видно было, что он вот-вот сорвется на оскорбления.

— Ладно, — неожиданно для всех сказал Тороп. — Попробуем мечи.

Княжич вскочил, опрокидывая жбаны с напитками.

— Сейчас!

— Сейчас так сейчас, — сказал Тороп. — А ты не слишком хмелен для этого?

— А мне что хмельному, что трезвому — все едино.

Бились тут же, перед палатками. Тороп быстро понял, что намерения у молодого княжича совсем не шуточные. Пару раз, когда следовало бы опустить меч, чтобы дать развернуться противнику, Ярославич работал им наотмашь, сзади, так, что Тороп едва успевал пригнуться, чтобы не сложить тут же голову. Поняв, что дело может кончиться дурно — княжич вынуждал его работать всерьёз, Тороп концом меча, приемом, который действительно передал ему Попович, подцепил меч княжича за гарду, выбил его из руки и, коснувшись не защищенного кольчугой участка шеи Александра Ярославича, сказал:

— Все, закончили. Я устал, княжич. Признаю, что ты очень неплохо знаешь свое оружие.

— Да, — подхватил Даниил. — Если б ты, княжич, не был так хмелен, наверняка бы осилил Торопа.

Слова Даниила немного разрядили обстановку, и Александр даже улыбнулся криво, приглашая их продолжить трапезу. Улыбка была нехорошей.

— Сторожись, — тихо сказал Даниил, когда они подходили к шатру.

— Вижу, — так же тихо ответил Тороп.

В продолжение завтрака Ярославич продолжал поглощать заморское вино, уговаривая при этом Даниила с Торопом идти к нему на службу.

— Отец заставит новгородцев считаться с нами, и они перестанут заигрывать с немцами, — говорил княжич. — Тогда он посадит в Новгород меня. Великий Новгород будет у меня здесь! — сжимал он кулаки. — Я им, смердам, покажу вольности! Мне нужна хорошая дружина. Такая, как была у Поповича. Я поставлю тебя воеводой! — хмельно заглядывал в глаза Торопу Ярославич.

Тороп только рассеянно кивал головой. Княжич мутно и зло смотрел на него, опрокидывал в рот кубок и снова начинал расписывать прелести своего будущего княжения в Новгороде. Тороп вышел до ветру.

Солнце перевалило за полдень, и он досадливо удивился — как быстро идет время за столом! Был июнь. Травы — по пояс, но никто не думал их косить. «Что-то сломалось в русской земле, — думал Тороп. — Как-то все не так. Будто перед великой бедой».

Он возвращался к палаткам, когда почувствовал сзади движение. Не услышал, а именно почувствовал, оно было очень осторожным. Это заставило его резко развернуться и выставить руку, уводя в сторону торс. Кисть, которую перехватил Тороп, принадлежала одному из дружинников Александра Ярославича. В ней был зажат длинный нож.

— Я хотел тебя проверить, — осклабился дружинник.

— Ага, — сказал Тороп. — Я понял.

Он улыбнулся, дернул кисть на себя, а другой рукой, локтем сильно ударил дружинника в предплечье. Кость хрустнула, и рука дружинника неестественно выгнулась. Тот даже не успел понять, что произошло. Он посмотрел на свою руку, а Тороп, все еще не отпуская ее, ногой вогнал зубы дружинника ему в рот. Захлебнувшись кровью и хрипом, тот упал в траву.

— Вот чего-то такого я и ждал, — сказал появившийся Даниил. — Ждал, да недоглядел. Извини, брат.

— Ничего, — сказал Тороп. — Я был готов к этому. Не забыл, выходит, княжич нам ни Юрюту, ни Ратибора, ни сродственников своих.

— И этого не забудет.

— Бог ему судья...

— Лошадей я не расседывал, — сказал Даниил. — А у княжичева коня подпругу подрезал. Поехали?

Скоро они уже плыли, переправляясь через Днепр.

Пьяный княжич не сразу их хватился. Да и хватившись, не стал догонять — эти двое могли принести ему гораздо больше неприятностей, чем он им. Александр Ярославич затаил обиду, уверив себя в том, что когда-нибудь они еще встретятся и уж тогда он припомнит все.

Пройдет много лет, прежде чем такой случай ему представится. А пока Тороп и Даниил держали путь на запад, в загадочную страну белых великанов — Ульмиганию, как ее называл Даниил, или Пруссию, как звалась она у других народов.

Глава 5

Литовцы спустили их на лодке вниз по Неману. Сделали они это нехотя, уступив мерцанию серебра в руке Даниила. Река была широкой, спокойной и свободно катила свои воды сквозь нехоженные дубравы. Тороп уже не удивлялся тому, что земля здесь почти не обработана, а присутствие человека на ней незаметно. Пока проходили Литву, он видел, что народ ее живет бедно, без прихотей, довольствуясь тем, что давала дикая природа.

Торопу наскучили однообразно заросшие лесом берега реки, и он задремал. Разбудила его странная, нависшая в воздухе тревога. Гребцы, насупившись, вглядывались в левый берег, где за деревьями виднелись мрачные, массивные развалины из гигантских валунов. Взмахи весел стали реже.

— Чего они испугались? — спросил Тороп Даниила.

Даниил пожал плечами:

— Кто их знает?

Он спросил что-то по-литовски у старшего из гребцов. Тот ответил.

— Он говорит, — сказал Даниил, — здесь особенно свирепствуют прусские дозоры. Никому из них не хочется попасть в рабство.

— Но ведь они не будут выходить на берег.

— Конечно. Я думаю, дело вовсе не в дозорах. Мы уже давно в Пруссии. Литовцы боятся замка великанов. Они считают его заколдованным. Вот смотри, дальше того места, на котором мы сейчас находимся, они не поплывут. Если это не так, значит, за мое отсутствие здесь произошли большие перемены.

Словно по его команде лодка повернула к берегу. Даниил засмеялся и закричал:

— Хвала тебе, могущественный Перкун за то, что ты хранишь священную Ульмиганию неприкосновенной!

От страсти, так явно прозвучавшей в его голосе, Торопу стало не по себе. Он впервые всерьез задумался над тем, что на шее у него крест, а едет он в закрытую от всего мира бдительными дозорами и заколдованными замками языческую страну.

Тем временем лодка ткнулась носом в береговой песок. Отсюда руин не было видно, но Тороп ясно ощущал их присутствие. Кроме того, чутье воина подсказывало, что следят за ним не только развалины древнего замка. Где-то близко были люди, и он чувствовал исходящую от них опасность.

Литовцы оттолкнулись веслом от пляжа и торопливо выгребли на середину реки.

— Тут кто-то есть, — тихо сказал Тороп Даниилу.

— Знаю.

Из зарослей вышел большой темный волк. Тороп положил руку на рукоять меча.

— Спокойно, — сказал Даниил. — Он не сделает нам ничего плохого.

Не дойдя до витязей, волк остановился, понюхал воздух и как ни в чем не бывало побежал по берегу вдоль реки.

— Это Скаловия — страна склавинов, — сказал Даниил. — Они издревле дружат с волками. А вообще, это мог быть и не волк, а местный вайделот. Хорошо, что ты не напал на него. У нас могли быть большие неприятности.

Кустарник, поднимавшийся по откосу, переходил в лес, мрачно взиравший на Торопа с высоты. Громко и внятно в нем прокричала кукушка.

— Это не птица, — сказал Тороп.

— Молодец, — сказал Даниил, вглядываясь в заросли. — Кстати, здесь меня зовут Дилинг.

Потом он громко сказал что-то по-прусски. В следующее мгновение лес, не шевельнув ни единой веткой, выпустил трех рослых русобородых мужчин.

Тороп немного разочарованно разглядывал воинов, о которых столько слышал от Даниила. Ни кольчуг, ни шлемов, ничего сколько-нибудь похожего на доспехи, на них не было. Все трое были в островерхих войлочных колпаках и грубых рубахах с нашитыми на плечи и грудь пластинами из толстой кожи. Они походили бы на литовцев, если б не короткие мечи на поясе и манера, с которой воины держали свои тонкие метательные копья. Она выдавала в них привычных к оружию людей. И все же Тороп думал, что без труда справился бы с ними в одиночку. И это — хваленые прусские витинги, о которых с одобрением отзывался даже Попович?!

Пока Дилинг разговаривал с дозором, Тороп прислушивался к непонятной, но чем-то похожей на славянскую речи. Иногда ему казалось, что он различает знакомые слова, однако смысла их Тороп не успевал уловить.

Постепенно напряжение, висевшее в воздухе, рассеялось, и вскоре Тороп с Даниилом-Дилингом в сопровождении дозорных шли через лес к небольшой засеке в глубине дубравы.

Засака была примитивной, похожей на те, какие сооружали бродники на зимних стоянках — холм, окруженный небольшим рвом и частоколом.

Пока Дилинг ходил договариваться о покупке лошадей, Тороп прилег с внешней стороны ограды на траву. Чистое небо в редких разводах прозрачных перистых облаков чертили стрижи и ласточки. Изредка пробовал голос соловей.

Лошади оказались неказистыми. Дилинг отмахнулся:

— Доедем до Твангсте,³ там обменяем.

И замолчал, сосредоточенно глядя себе под ноги. Тороп приготовился к неприятным известиям.

— Вот какое дело... — медленно проговорил Дилинг. — Я еще не понял, что происходит, но у меня такое чувство, что кому-то наш приезд не нравится.

Тороп почему-то вспомнил, как трепетали ноздри волка, когда тот принюхивался к

³ Твангсте — большое торговое городище, бывшее некогда в месте, где позже построили Кенигсберг.

нему.

— Мы ведь не успели сделать и шагу в этой стране, — сказал он.

— Да, — сказал Дилинг. — Может, я и ошибаюсь. Однако нам посоветовали, прежде чем ехать в глубь страны, посетить замок Рагайны.⁴

— Где это?

— Ты видел его. Те стены за лесом — это и есть замок, построенный когда-то великанами.

— Рагайна — какой-то князь?

— Рагайна — женщина. Я тебе как-то рассказывал о ней. Последняя великанша, от которой склавинны получили право владения долиной Немана. Она умерла много сотен лет назад, но замок по-прежнему носит ее имя. Склавины даже говорят, что душа ее не переселилась к предкам, а до сих пор живет в замке, охраняя его от врагов.

— Ты в это веришь? — улыбнулся Тороп.

— Нет. Я витинг, а не вайделот, и больше верю своему мечу, чем заклинаниям и духам.

— Тогда зачем нам в этот замок?

— Не знаю. Это меня и настораживает.

— Мы можем не поехать?

— Для того чтобы добраться до моего племени — вармов, нам нужно проехать Скаловию, Надровию и Самбию. Мы еще не успеем удалиться от замка и на полдня пути, а вайделоты всех этих земель будут знать, что мы ослушались их собрата склавина. Это может плохо кончиться.

— Понятно, — сказал Тороп. — Поехали, раз надо. Если только эти клячи не издохнут по дороге.

Оказалось, что до замка Рагайны ехать дальше, чем думал Тороп. Неман в этом месте изгибался широкой петлей, и приходилось делать крюк вместе с ним.

В дороге Тороп все-таки не выдержал и съязвил:

— В твоей стране волхвы сильнее воинов, Даниил?

— Да, — сказал тот серьезно. — У вайделотов столько власти, что вашим попам и не снилось. Каждый витинг должен отдать жрецу своего племени половину добытого в бою.

— Поэтому вы и нанимаетесь в другие народы?

— Не только из-за этого. Долго объяснять... Да ты и сам все увидишь.

Тороп понял, что Дилингу неприятен этот разговор, и до самого замка они ехали молча. Каждый думал о своем.

Вблизи руины оказались еще больше и массивнее, чем представлялись издалека. Стены из валунов, многие из которых были с хорошую избу, высились над кронами деревьев, и можно было только догадываться, какими они были в момент постройки. Хорошо сохранившаяся арка ворот была несколько сажень в высоту. Туда спокойно могла въехать любая из осадных башен, какие приходилось видеть Торопу. Но больше всего поразило его то, насколько камни стен были плотно пригнаны друг к другу, чего невозможно было добиться, пользуясь обычными приспособлениями — лебедками или рычагами. Казалось, какой-то гигант-строитель, для которого и была в пору эта арка, брал валуны руками и ворочал их, перебирал, находя единственно подходящий. Тороп задумался: а не правда ли то, что он считал сказками о великанах?

В воротах стоял юноша в белой одежде и с длинными соломенными волосами. Кивком он пригласил их за собой и повел в глубь замкового двора, к остаткам одиноко стоявшей среди развалин башни.

Дилинг нервно шарил глазами по стенам. Тороп тоже подозревал, что за рассыпавшимися камнями кладки прячутся витинги, но понимал, что тревожит его вовсе не это. Какая-то противная дрожь звенела у него внутри. Явственно ощутимая физическая

⁴ Замок Рагайны — на его месте был построен орденский замок Рагнит, ныне в городе Неман.

тревога давила голову, и от нее закладывало уши. С каждым шагом, приближавшим Торопа к башне, его движения замедлялись, а все становилось похожим на сон.

Тороп опустил взгляд со стены и обнаружил, что никакого юноши уже нет, а стоит перед ними древний старик в такой же белой одежде и держит в руках два платка.

— Вам нужно завязать глаза, — сказал старик, протянув платки Торопу и Дилингу.

Тороп удивился тому, что понял его, а потом сообразил, что старик произнес фразу, не открывая рта.

Они слезли с коней и надели повязки. Старик помог завязать их. Потом легко подтолкнул. Тороп с Дилингом сделали несколько шагов и встали. Было тихо. Тороп уже хотел сдернуть повязку, раздражавшую его тем, что от нее шел приторный удушливый запах, но вдруг раздался скрежет, пахнуло сырым холодом, а Тороп почувствовал, что под ногами у него ничего нет и он падает.

Приземление было мягким. Они упали на какие-то тюки, набитые шерстью. Тороп вскочил на ноги и, срывая платок с лица, выдернул меч. То же сделал и Дилинг.

Они стояли в начале длинного, тускло освещенного коридора, полого уходившего вниз, к ярко горевшему костру.

Тороп посмотрел вверх, но ничего, кроме темноты, не увидел.

— Ну, и что? — спросил он Дилинга.

Тот, не ответив, двинулся вперед. Зал, в который упирался коридор, был огромным. Стены и потолки его терялись в темноте, едва тревожимой неровным светом костра. Дыма, однако, не чувствовалось — где-то был дымоход. Костер освещал только большой плоский камень и сложенную рядом из черепов людей и животных пирамиду. На ней сидел ворон. Его красные глаза светились. На полу, поджав под себя ноги, сидел обритый наголо мальчик лет семи и большим грубым ножом строгал палку. Он посмотрел на Торопа и улыбнулся.

— Что тебя привело в Ульмиганию, чужеземец? — раздался голос. Как и в прошлый раз, голос не принадлежал никому. Он не был ни детским, ни мужским и ни женским и шел отовсюду. Более того, Тороп вдруг понял, что слышит не членораздельные звуки, а странный тихий гул, обладавший ясным смыслом.

— Я — Дилинг из рода Выдры племени вармов, пригласил его погостить в своих землях, — сказал Даниил.

— Неправда, — голос был ровным и бесстрастным. — Молодой воин из русов покинул свою страну потому, что ему грозил мстью сын могущественного князя, а в битве с желтым народом погибли все, кто мог заступиться за юного витинга. И другая неправда — у тебя нет земель, Дилинг из вармов, ибо ты был изгнан Великим Кривой из Ульмигании за то, что втянул свое племя в братоубийственную войну с бартами, тем самым нарушив заповеди короля Вайдевута.⁵ Что тебе нужно в Ульмигании, чужеземец?

— Я сам ушел! — резко сказал Дилинг. — Никто меня не изгонял. А есть ли у меня земли, пусть решит на Совете род Выдры.

Мальчик отложил палку и удивленно посмотрел на Дилинга. Ворон зашипел.

— Бог Покол⁶ терпелив к смертным, — произнес голос. — Он в третий раз спрашивает: что привело тебя в Ульмиганию, христианин?

— Я много слышал о прусском военном искусстве, — сказал Тороп. — Хочется посмотреть страну воинов. Возможно, мне удастся чему-то подучиться.

— Похвально. Согласен ли ты снять с себя крест, согласен ли забыть своего бога, готов ли вернуться к вере предков?

— Нет.

⁵ Вайдевут — полулегендарный вождь пруссов. Вместе с братом Прутеню привел свой народ в Ульмиганию (ок. 500 г.) и дал ему свод законов — заповедей.

⁶ Покол — бог духов и призраков — носейлов.

— Ответ, достойный витинга. Однако я должен тебя наказать за него. Ты увидишь страну воинов, но не прежде, чем убедишься в могуществе наших богов.

Ворон стал быстро расти, раздуваться — вот он уже размером с гуся — красные глаза вылезли из орбит, и вдруг беззвучно взорвался ослепительной вспышкой. Тороп закрыл лицо руками, уронил меч и упал на колени, пригнувшись к полу.

Дилинг, для которого ворон сидел, как и раньше, на вершине пирамиды из черепов, бросился к Торопу:

— Что с тобой?

Тот тихо стонал, слегка раскачиваясь.

— Глаза... Очень больно глазам.

— Покажи, — тормошил его Дилинг. — Открой лицо, я посмотрю, что с глазами.

Тороп поднял голову и повел ею вокруг.

— Я ничего не вижу, — сказал он. — Даниил, я ослеп! Я ничего не вижу, Даниил! Что это?

Зарывав от ярости, Даниил вскочил на ноги. Мальчик исчез. Дымилась, догорая, палка, которую он строгал.

— Сучье племя! — кричал Дилинг. — Ты где?

Ворон расправил крылья, но взлететь не успел — меч Дилинга рассек его на две половины. Обе они, скатившись по пирамиде, трепыхались и подпрыгивали на булыжном полу. Следующий удар пришелся по горке черепов. Те из них, что оказались не расколотыми, глухо стуча друг о друга, покатались в разные стороны.

— Дилинг! — в голосе слышались плохо сдерживаемые визгливые нотки. — За осквернение жертвенника ты умрешь!

— Где ты? — кричал Дилинг. — Покажись!

— Ты издохнешь, Дилинг! Но не сейчас, не надейся. Ты умрешь тогда, когда тебе особенно захочется жить!

Дилинг выхватил из костра головню и обежал с ней зал. Стены казались глухими, без намека на какие-либо ходы. Даже тот коридор, которым они попали сюда, пропал.

Дилинг знал, что, скорее всего, это наваждение, напущенное вайделотом, и все-таки ощупывал трещины в кладке, надеясь отыскать тайную дверь.

Появился запах мяты. Он становился гуще, навязчивее. Подозревая в нем очередной подвох жрецов, Дилинг старался дышать реже, неглубоко, и все же движения его становились медленнее, руки немели и плохо слушались. Он уронил меч. Цепляясь за остатки сознания, добрал до стоявшего на коленях Торопа и упал рядом с ним.

Немного времени спустя в подземелья замка Рагайны пришли витинги склавинов. Лица их были скрыты повязками из плотной шерсти. Общась жестами, они убедились в том, что Дилинг с Торопом спят, погрузили их на носилки и вынесли на поверхность, к повозке, тут же направившейся к Неману. На то самое место, где литовцы высадили воинов.

В ту же ночь, ближе к рассвету, Дилинг, надежно упрявав друга на одном из островков болотистой долины выше по реке, вернулся к замку. Но ни вайделота, ни его прислугу, ни вообще каких бы то ни было признаков людей не нашел. Холодная тупая злость душила его, однако он не поддался искушению идти одному на засеку склавинов. Пропали он, и слепому Торопу никогда не выбраться из болот.

А Тороп, лежа лицом вниз на заросшем камышом островке, плакал.

Глава 6

Два месяца ни о Дилинге из вармов, ни о юном рутене⁷ вайделот склавинов ничего не слышал, хотя постоянно просил собратьев по касте из других племен сообщать о любом

⁷ Рутены — так пруссы называли восточных славян, русских.

подозрительном витинге и слепом, появившихся в их пределах. Он бы уже забыл о них — сгинули где-то или, испугавшись еще большего гнева богов, ушли из Ульмигании — но предсказание духов, полученное им в замке Рагайны о том, что варм погибнет позже, в то время, когда ему захочется радоваться, заставило жреца снова обращаться к вайделотам всех земель.

В день, когда с полей богатой долины Немана убрали последний сноп ячменя, склавины готовились выпить остатки прошлогодних запасов пива и готовили козлов к жертвоприношению, а их женщины, надев на себя все украшения, пекли сомписины⁸ из свежей муки, вайделот проснулся не в праздничном настроении. Главному жрецу Скаловии приснился дурной сон. Привиделось ему, будто проснулся он, а на груди его сидит огромный мокрый тритон и скалит зубы.

«Уйди, — говорит ему вайделот. — Именем Потримпа,⁹ твоего властелина, заклинаю — уйди!»

«Нет, — говорит тритон. — Я не подчиняюсь твоему Потримпу, не мой это бог». И вдруг как бросится, да как вцепится вайделоту в глотку...

Жрец не очень верил снам, а толкование их держал для простых пруссов. Доверял только носейлам и богам да собственным предсказаниям, сделанным в моменты связи с высшими силами неба и преисподней. Однако сон не шел у него из головы и сильно портил предвкушение подарков и жертвоприношений к празднику.

Солнце начало скатываться на западную половину неба. В поселке Склавегарбе — столице племени — уже раздавались веселые возгласы. Пруссы несли подарки Курче.¹⁰ Жрец с прислужгой, выполнявшей и роль охраны, отправился на вершину холма, в священную рощу, где были установлены статуи богов.

На удары бубна к холму потянулись люди из окрестных деревень. Каждый нес на плечах или в корзине жертву, сообразную своему положению и достатку, — кто козленка, а кто и рыбу. Князь был в походе на жмудь,¹¹ но от его дома принесли на закланье молодого тура.

Празднество, как и положено, затянулось до сумерек. Убедившись в том, что все жертвы приняты и никто из пришедших не обижен, вайделот руками набрал в красный горшок горячих углей из костра и под радостные крики соплеменников понес священный огонь к реке. Подошло время для подарков Потримпу и Неману.

Высыпав угли из горшка на подготовленный мох, вайделот раздул огонь и положил на него ячменный сноп. Тот вспыхнул. Курче был освобожден, а жертва принята Потримпом. Пока в костер подкладывали ясеновые и дубовые дрова, жрец взял сплетенный из тростника небольшой плотик, установил на него жейт из нового урожая, поджег лучины по краям и положил на волну. Пруссы запели торжественную ритуальную песню, но на первых же словах нестройно стихли — плот, крутнувшись на месте, вдруг накренился и боком, шипя лучинами, ушел в воду. Вайделот оцепенел. Рядом с ним кто-то ахнул, а в толпе испуганно вскрикнула женщина. Положение спас хорошо тренированный и сообразительный служка, мгновенно подсунув под руку вайделоту новый плотик с уже зажженными лучинами.

Жрец дрожащими руками положил его на спину Немана, шепча заклинания и просьбы о милости. Неман покачал жертву и медленно, будто нехотя, понес ее вдоль берега. С

⁸ Сомписин — хлеб из муки грубого помола.

⁹ Потримп — бог вод.

¹⁰ Курче — божество плодородия, прячется в последнем снопе убранного урожая. С последним снопом пруссы освобождали Курче из заточения.

¹¹ Жмудь — балтийское племя, родственное литовцам, жемайты.

опозданием зазвучала песня. Зашипело, забулькало разливаемое по жбанам пиво. Взвизгнула первая облапанная девица. Один за другим по реке поплыли освещенные лучинами хлебы — десяток, два, пять десятков, вереница светящихся плотиков, пританцовывая на легкой волне, отправилась вниз по Неману, к заливу Руса.¹² Расстроенный вайделот, пользуясь тем, что склавинам было уже не до него, незаметно покинул праздник. Слуга его, должность далеко не последняя в племени и не всегда пользующаяся любовью, ибо занимать ее мог только выходец из самбов¹³ — чужак, в совершенстве владевший как оружием, так и тайнами рун, неохотно, но безропотно тоже покинул разгоравшуюся попойку.

Тут надобно заметить, что у этого самба — слуги и телохранителя вайделота — была тайная страсть к одной из жен князя, юной темноглазой ятвяжке.¹⁴ Виделись они редко, украдкой, а приласкать друг друга могли только в такие вот праздники, когда все племя обпивалось пивом и о моральных запретах заповедей Вайдевута мало кто вспоминал. Самб еще успел обменяться с женой вождя горячими взглядами и даже шепнул ей что-то любезное, но углубиться в лес им не довелось. Вайделот направился к своей хижине, и самбу, дрожавшему от неутоленного желания, пришлось плестись за ним, проклиная в душе и свое предназначение, и мнительность жреца. Мысль его стремилась к берегу реки, а тело распирало любовной жадой. Это вот греховное томление и сгубило самба.

Жрец уединился в хижине, а самб, присев на корточки у входа, прислушивался к звукам веселья, доносившимся со стороны Немана. Поэтому, когда он, наконец, услышал движение с другой стороны, было уже поздно — нож аккуратно вошел ему в сердце и повернулся там. Слуга тихо завалился на землю.

Вайделот в это время подбрасывал в очаг кусочки янтаря и змеиной кожи, изо всех сил стараясь достичь того состояния, когда сознание, отделившись от брэнной оболочки, растворяется в дыму и вместе с ним взлетает, соединяясь с волей богов, когда все сущее становится прозрачно и доступно пониманию... Но у него не получалось. Голова настойчиво пыталась решить загадку исчезновения варма и слепого русского воина, а память возвращалась к тритону во сне и тонущему плотику с жейтом.

Жрец понял, что тщетно пытается добиться внимания богов, и оставил эти попытки. Теперь он просто смотрел в огонь и думал. В эти минуты к нему и пришло странное ощущение того, что в хижине он не один. Вайделот повернул голову и с изумлением уставился на дрожащую в мерцающем свете и дымном воздухе фигуру витинга с железной головой.

Жрец не подумал о дыме. Он подумал о том, что молился и боги прислали к нему кого-то из духов.

— Кто ты? — спросил он. — Кто тебя прислал?

Витинг взялся обеими руками за голову и снял ее. Только тут до вайделота дошло, что никакая это не голова, а шлем, никогда им не виданный, закрывающий железной маской все до самой шеи, но шлем. А под ним скрывалось юное лицо ослепленного им воина. Оно было бледным, и незрячие глаза отсутствующе смотрели поверх головы жреца.

Жрец хотел превратиться в волка, напустить наваждение, раствориться с дымом, но вдруг в ужасе осознал, что воин слеп и ничего не увидит.

Он осторожно, боясь дохнуть, встал и сделал шаг к двери. Жрец мог бы догадаться, что Тороп только того и ждал. Слух и чутье воина, и без того чрезвычайно острые, теперь, в слепоте, были настроены на малейшее движение воздуха. Вайделот мог это предусмотреть,

¹² Залив Руса — прусское название Куршского залива.

¹³ Самбы — одно из одиннадцати прусских племен. Жили на полуострове и отличались особой приверженностью военным искусствам.

¹⁴ Ятвяги — прусское племя.

он был стар и повидал много воинов в своей жизни, но страх глушит разум даже мудрейших.

Тороп коротко взмахнул рукой, кнут щелкнул и выбил вайделоту правый глаз.

— О-о... — закричал жрец. — О, боги!

Крик оборвал другой щелчок кнута. Жрец взвыл и завертелся на месте.

— Ты умрешь, но не сразу, — хоть и с акцентом, но по-пруссски сказал воин. Жрец услышал это сквозь собственный вой и понял, что где-то уже слышал эти слова, но дикая боль не давала возможности вспомнить. Он только почувствовал, что его схватили за волосы и что-то холодное чиркнуло по шее.

А когда на плечо толчками хлынула горячая волна, он понял, что это жизнь — его, вайделота, священная и неприкосновенная жизнь хлынула из него наружу, выпущенная жесткой рукой чужеземца, христианина. И еще он понял, что помощи ждать неоткуда — поселок пуст, а слуга наверняка уже мертв. И упал он на глиняный пол хижины, и затих, ожидая, пока слуги Пикола¹⁵ подберут его.

Глава 7

Убийство вайделота — явление, бывшее в Пруссии не просто чрезвычайным. Достаточно сказать, что этого не случилось на протяжении сотен лет. Весть о гибели вайделота склавинов быстро обегала остальные десять земель Ульмигании, стиснув страхом перед мстью богов сердца артайсов — крестьян, возбудив гнев и жажду мести у вайделотов и скрытое злорадство у князей и витингов. Верховный Жрец всех пруссов — Крива — был в ярости и немедленно послал отряд самбов к склавином для тщательного разбирательства.

Самбы — рослые, угрюмые, по любому поводу хватавшиеся за меч, одним своим появлением навели ужас на жителей долины Немана, но истины так и не добились. Если не считать того, что, узнав о гибели своего соплеменника — слуги вайделота, они пришли в такую ярость, что чуть не перебили обитателей Склавегарбе, то их разбирательство в деле ни к чему не привело.

Никто не подумал о том, что дело-то не кончено. И еще не улеглось волнение по поводу смерти вайделота склавинов, как в другом племени, у бартов, случились события не менее пугающие и странные.

Один из вождей бартов, Рендал, был на охоте в верховьях Анграпы. Ему с дружинниками удалось загнать Короля оленей — зверя даже в тех местах исключительно редкого и совсем неведомого в других странах. Покрытый длинной шерстью, в отличие от оленей других видов, он превышал размерами лося, не достававшего ему головой и до холки. Добыть такой трофей считалось несказанной удачей, и мясо его, как правило, отдавалось богам, а шкура и рога приносили в дом охотника вместе с почетом достаток и счастье.

Рендал с несколькими витингами ждал, когда рабы выгонят из липовой рощи оленя. Вместо этого, поигрывая дротиками, на них выехал рыцарь со сверкающей на солнце железной головой. Более всего Рендала поразило его лицо, где вместо глаз, носа и рта на гладкой стальной поверхности виднелись только тонкие вертикальные щели.

Первоначальная оторопь охотников по мере приближения неземного, как им казалось, воина перешла в суеверный ужас. А тот, подъехав на достаточное расстояние, метнул копья, и двое витингов по сторонам от Рендала со стонами рухнули с лошадей наземь. Никто не рискнул преследовать его, и воин со стальным лицом ускакал туда, откуда явился.

После Рендал все-таки преодолел страх и обыскал рощу, так как не мог понять, куда девались его рабы. Он нашел их мертвыми. Страшной силы удары мечом кому отсекали голову, а кого раскроили почти пополам. В страхе Рендал с дружиной помчался домой, в Гирдаву.¹⁶ В поселке при общем стечении его жителей, потрясенных неожиданной смертью

¹⁵ Пикол — один из триады верховных богов пруссов, бог преисподней и тьмы.

¹⁶ Гирдава — позже г. Гердауэн — пос. Железнодорожный.

витингов и рабов, Рендал рассказал об олене-оборотне, спрашивая совета. Мнения разделились. Воины советовали завтра отправиться к истокам Анграпы и попробовать задобрить Короля оленей. Вайделот настаивал на немедленном паломничестве в Ромову¹⁷ к великому Криве.

Вождь колебался. Сильный и опытный воин, он тем не менее обладал тщательно скрываемой нерешительностью, которую прятал под маской рассудительности. Обычно в походах он ловко пользовался советами витингов, а в домашней жизни — указаниями вайделота. Но этот случай был особым. Погибли люди из его дружины, но не в бою, а при обстоятельствах явно сверхъестественных. Применять ли тут военный опыт или обращаться к жрецам — непонятно. Рендал воспользовался своим обычным приемом — отложил решение до утра.

Ночевать он, вопреки правилам, отправился не к одной из своих четырех женно,¹⁸ а в большой общий дом для неженатых витингов. Выспаться ему не удалось. Всю ночь он ворочался, прикладывался к жбану с пивом, прислушивался к вздохам лошадей и храпу воинов, и думал, думал...

На рассвете, едва вождю Рендалу удалось задремать, его разбудил жрец. Оказалось, что он тоже всю ночь не спал, беседуя с богами и духами предков Рендала. Те были категоричны — вождь должен собрать как можно больше добра и отнести в Ромову Криве. Только Верховный Жрец может оградить вождя и его род от оборотня.

Несмотря на скверное расположение духа, вождь не стал спорить с вайделотом. Еще ночью он решил, что попырует уладить отношения с оборотнем и богами. День Рендал собирался посвятить Королю оленей, а потом отправиться в Самбию к Криве. Он сознавал, что вряд ли для успокоения оборотня нужно вмешательство Верховного Жреца, а вайделот, посылая его с подарками в Ромову, преследует какие-то свои выгоды. Но у Рендала были там и собственные интересы. Князя ненавидела одна из жен. Явление, само по себе нелепое, она еще и сумела превратить в бесконечную пытку.

Милдена была у Рендала третьей. Он встретил ее на торжище в Твангсте, где собирался продать пригнанный от ляхов табун лошадей. Девушка поразила его хрупкой не-прусской красотой. Тоненькая, смуглая, с большими черными глазами и толстыми косами цвета воронова крыла, она буквально свела вождя с ума. Тут же выяснилось, что он хорошо знает ее отца — вармийского витинга по имени Яставт, человека знатного, но небогатого, из тех, что обладали многочисленными семьями и звались у пруссов «побрендинтами».¹⁹ С ходу, без всякого вступления, Рендал предложил ему за дочь лучшую из своих кобылиц. Тот отказался, сославшись на то, что у Милдены есть жених. Тогда Рендал, решив, что отец набивает цену, купил бочонок медовухи и, угощая Яставта, стал понемногу набавлять выкуп.

После двух дней жестокой попойки оба настолько одурели, что ударили по рукам при свидетелях, и один остался без табуна, а другой — без дочери. К несчастью для всех, самого предмета торга при этом не было. Отец отправил Милдену домой еще раньше.

Разъехавшись по своим землям и, наконец, протрезвев, оба схватились за головы. Рендал оттого, что вывалил за мергуззи²⁰ небывалую цену, а Яставт — потому, что не знал, как теперь смотреть в глаза соплеменникам. У Милдены действительно был жених, молодой, но почитаемый всеми вармами за доблесть и отвагу витинг. Очень скоро в этом пришлось

¹⁷ Ромова — духовная столица пруссов.

¹⁸ Женно — жена (*прусс.*).

¹⁹ Побрендинт — букв. «обремененный» (*прусс.*).

²⁰ Мергуззи — девица (*прусс.*).

убедиться и Рендалу.

Вождю было за тридцать, он имел детей от двух жен и был достаточно богат, чтобы выбрать себе третью. Но не за табун же лошадей! Рендал едва не рвал на себе волосы от досады. Однако делать было нечего, он отправился за невестой с мелкими подарками для родственников и жертвой богам, почитаемым вармами и родом отца невесты. Но ни умиловить богов, ни увидеть новой жены Рендалу в тот раз не пришлось.

Уже виднелся залив Халибо,²¹ на берегу которого примостился поселок Яставта, когда барты заметили вышедший им навстречу отряд вармов. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это вовсе не почетное сопровождение. Вармы были в боевом облачении и наготове держали оружие. Впереди скакал широкоплечий витинг, круглое лицо которого явно не светилось радостью.

Подъехав вплотную, витинг, сразу выделив Рендала по свадебным одеждам и родовому знаку на древке копья, без всякого приветствия заявил:

— Рендал, ты сделал не очень хорошо, напоив Яставта и взяв с него обет отдать тебе дочь. Но и ты был пьян, а боги не слышат хмельных речей и не признают договоров во хмелю. Если ты согласен с этим, Яставт готов вернуть тебе лошадей, а я, в знак дружбы, подарю тебе кривой лясский меч.

— А если не согласен? — спросил Рендал.

— Тогда нам придется драться. Мне бы не хотелось этого.

— Еще бы тебе, молокососу, хотелось! — рассмеялся Рендал.

Он успел прикинуть, что людей у витинга меньше, чем в его дружине, да и сам варм, хоть и не слаб, все же не чета вождю.

Рендал уже примирился с потерей табуна и не думал о нем, распаляя свое воображение юными прелестями стройной невесты. Но он был бы рад еще все повернуть назад. Однако хвастливый витинг с редкой рыжеватой бородкой раздражал его.

Ясно было, что это и есть тот самый бывший жених, о котором говорил Яставт. Хорош был бы Рендал, поехавший на свадьбу и из-за какого-то юнца вернувшийся без жены!

— Прочь с дороги! — сказал Рендал. — Иначе я прикажу своим витингам надрать тебе уши!

Варм поднял меч. Его люди стали разъезжаться, освобождая место для боя.

— Ну что ж, — сказал Рендал. — Не хочешь, чтобы тебе надрали уши, тогда я их отрежу.

Он вытащил свое любимое оружие — большой тяжелый топор и, отпустив поводья, поиграл им, перекидывая с руки на руку, следя за реакцией варма. Но тот смотрел не на топор, а прямо в глаза Рендалу. И в этот миг Рендал понял, что проиграет.

Так и случилось.

Довольно быстро варму удалось выбить из рук вождя топор, а потом, не дав выхватить меч, свалить Рендала на землю и прижать к его груди острие копья.

Если б варм убил Рендала, возможно, история на том бы и закончилась. Но он отпустил вождя. А через несколько недель барты неожиданно вернулись. От разорения вармов спасло лишь то, что их предупредили натанги, чья территория разделяла эти два племени. Бартам удалось сжечь несколько вармийских поселений, но пройти всю Вармию до залива не удалось. Возвращаясь домой, отряды Рендала напали на укрепления того рода натангов, что предупредили вармов об их наступлении. Через некоторое время на Бартию обрушились вступившие в союз князья Вармии и Натангии. Барты не дремали и ждали их у своих границ вместе с галиндами.

Битва не состоялась. Вовремя подоспевшие самбы разделили враждующие стороны цепью из своих дружин, предъявили Кривую — символ власти Верховного Жреца — и потребовали на суд к Криве зачинщиков уособицы.

²¹ Залив Халибо — прусское название залива Фриш-Гаф, Калининградского (Вислинского) залива.

Милдена досталась Рендалу. Но ни счастья, ни супружеских радостей это ему не принесло.

Рендал набросился на нее сразу, как только они переступили порог предназначенной ей хижины. И наткнулся на взгляд, полный ненависти. Казалось, она готова была впиться в него зубами. Это, впрочем, остановило его ненадолго, и он сделал то, чего так ждал. Особого удовольствия это ему не доставило. Милдена была безучастна. В тот же день Рендал обнаружил, что новая женно почему-то не хочет говорить.

Восемь лет ни вождь, ни другие его жены, ни рабы не слышали от Милдены ни одного слова. Если ей что-то было нужно, она старалась это делать сама. Для нее не существовало никого вокруг, и она почти не выходила из своей хижины. Когда приходил Рендал, раздевалась, ложилась на спину и, сжав губы, смотрела в дыру дымохода на потолке.

Рендал, обпившись пива, избивал ее. Не сразу. Поначалу он еще надеялся, что она родит ребенка и это поможет ей оттаять. Но год шел за годом, а Милдена не беременела. И тогда вождь напивался, шел к ней в хижину, кричал, требовал произнести хоть слово, потом бил, насиловал и засыпал.

Чтобы заглушить страдания, Рендал взял четвертую женно — девочку двенадцати лет из другого рода, но там же в Гирдаве. Забавлялся он ею недолго. Однажды, увидев заметно повеселевшую, но по-прежнему молчаливую Милдену, вождь вошел к ней. И все возобновилось.

Так что у Рендала был еще один, не менее серьезный повод искать совета у великого Кривы.

Вождь приказал подготовить козла к жертвоприношению и стал собираться к верховьям Анграпы.

Оборотня он увидел, когда стоял посреди деревни и объяснял рабу, где собрать омелу. Вождь решил, что Королю оленей это подношение должно понравиться. А раб вдруг вытаращил глаза, глядя мимо Рендала, и побледнел. Рендал тоже обернулся.

Воин мчался через поселок, высоко держа в руке факел. Солнечные лучи, разбиваясь о его голову, брызгами летели в стороны, затмевая блеском огонь.

Все, кого это явление застало на улице, стояли, ошарашенно разглядывая дымный след, зависший над поселком, и не сразу обратили внимание на приближавшийся грохот. А когда спохватились, было поздно, повозка с пылающей копной соломы, влекомая взбесившейся от страха лошадью, прошла половину деревни. Подпрыгивая на ухабах и разваливаясь, она роняла вокруг себя охапки огня, и тот весело набрасывался на шкуры, занавешивавшие вход в жилища, на низкие камышовые крыши домов, кидался в ноги заматавшимся людям.

Пожар кончился так же быстро, как и начался. В прусских глиняных постройках, кроме кровель, сгоравших мгновенно, огню пожить было нечем. Скот к тому времени уже выгнали на пастбища, так что ущерб был невелик. Сгорело несколько хижин, причем все — принадлежавшие Рендалу. Люди его, однако, уцелели. Все, кроме Милдены. Ее не могли найти. Рендал послал обыскать окрестности, но женно не оказалось ни в ближайшем лесу, ни в огородах.

Вождь смутно подозревал, что появление в Гирдаве железноголового воина, пожар и исчезновение Милдены как-то связаны. Но каким образом — не понимал. Одно он знал теперь наверняка — чтобы не навлечь на род и деревню еще большие напасти, нужно задобрить чем-то обиженного Короля оленей.

Сопровождение из витингов он оставил в Англете, поселке на берегу озера, откуда Анграпа берет начало. В лес Рендал пошел один. Долго искать оборотня не пришлось. Тот встретил вождя на небольшой поляне в лесу, недалеко от Англеты.

Рендал слез с коня, снял козла со спутанными ногами, вывалил на землю из мешка пучки омелы и склонил голову в знак почтения. Глаз, однако, не опустил — вглядывался в воина, сидевшего на высоком стройном жеребце в седле не прусской работы. Сомнения стали ворочаться в душе вождя. Он разглядел на оборотне кольчугу с наплечниками и нашитыми на грудь стальными бляхами, кольчужные голицы и щит, хоть и круглый, но

больше обычного скайтана²² и обитый железом. Все — предметы, презираемые пруссами, привыкшими больше полагаться на силу и ловкость, чем на качество бруни.²³

Пока Рендал пытался понять, откуда у местного оборотня чужеземные доспехи, тот спрыгнул с коня и отбросил голову в сторону. Вождь не видел, как она покатилась по траве, — не мог отвести глаз с открывшегося лица воина.

— Дилинг?!

Тот вытянул меч. Утреннее его появление с факелом, пожар, исчезновение Милдены — все встало на свои места. Рендал рванул меч из ножен.

Труп Рендала с глубокой раной в груди нашли поутру женщины Англеты, выпасавшие в лесу коз. Их привлекли отчаянные вопли голодного, очумевшего от запаха крови связанного козла.

Глава 8

В отличие от неизвестно кем и когда построенных замков Хонед²⁴ или Рагаины, городище Твангсте было почти не укреплено. Многоликий и разноязычный город на правом берегу Преголлы²⁵ хранил только частокол да громкая слава самбийских витингов, на чьей территории и устроился Твангсте. Впрочем, городище давно уже расползлось за пределы ограды, а самбы старались не вмешиваться в ход его жизни, и бывшее укрепление в устье реки, поставленное Великим Воином Само²⁶ для защиты Ромовы от вторжения с юга, превратилось в большое торжище. Сюда стекались товары и купцы Прибалтики и Скандинавии. Балты везли мед и меха, нордманы — ткани, оружие и рабов. Здесь же у морских волков был и свой поселок, где они отдыхали после набегов на христианскую часть Европы, пополняли дружины, продавали и обменивали добычу. Многие из тех, кто владел домами и складами в поселке нордманов, родились тут же, в Твангсте, и никогда не видели скалистых берегов своей родины. Связи Ульмигании и Скандии были столь давними, а культура и верования так схожи и настолько укреплены родственными отношениями, что поклонники Одина не чувствовали себя в гостях в стране Перкуна. У обоих народов были одни ритуалы, одна письменность — руны, один кумир — меч и один враг — христианство.

К тому времени новая религия сильно потеснила воинов Скандии, заставляя тех, кто остался верен себе, искать новые земли. Многим из них Ульмигания стала прибежищем. Наводившие ужас на города запада Европы морские волки и свирепые пруссы, которыми пугали детей матери в славянских странах, мирно и весело уживались в Твангсте. А когда крещеные даны, решив облагодетельствовать пруссов крестом, высадились на западном берегу Самбии, их соплеменники — язычники из Твангсте и других колоний — вместе с самбами яростно бросились защищать Ульмиганию. И даны навсегда забыли дорогу к Витланду,²⁷ предпочтя иметь дело с более робкими северными соседями пруссов.

²² Скаитан — небольшой круглый щит пруссов.

²³ Бруня — военное снаряжение, доспехи.

²⁴ Замок Хонед — на берегу залива Фриш-Гаф, на его руинах построен замок Бальга.

²⁵ Преголла — прусское название реки Прегель.

²⁶ Само (или Замо) — второй из двенадцати сыновей короля Вайдевута, легендарный прародитель самбов.

²⁷ Вит ланд — вульгарно: «Страна воинов» — западная часть Самбии. Так было принято переводить этот топоним в те времена и позже. На деле этимология слова «витинг», от которого произошли «витязь» и «викинг», древнее и значит «беловолосый» (см. древнеисландское «Hwitingr»). Во времена, предшествующие описанному, у народов бассейна Балтийского и Северного морей топоним Витланд значил — «Страна белых

Дилинг был вармом. Но его род, род Выдры, был тесно связан с одним из родов нордманов. Когда барты Рендала выступили против вармов, дружина морских волков помогла Дилингу отразить нападение. Помогли нордманы и в другой раз, когда вармы, подчиняясь приказу Кривы, были вынуждены изгнать Дилинга. Родственники из поселка скандиан в Твангсте устроили опального витинга на одну из лодей, уходившую торговать в Рутению. Скандиане называли эту страну Гардарика. Палочка с насечками — рунами, врученная Дилингу в Твангсте, помогла ему занять сразу достойное место в дружине одного из князей рутенов.

Деловая жизнь кипела в центре Твангсте, в торговых рядах, а на окраине, в поселке морских волков, пруссы появлялись редко. Так что Дилинг какое-то время мог пользоваться гостеприимством нордманов. Но он понимал, что в конце концов Крива умом ли, с помощью ли богов вычислит его, и тогда неизвестно, как поведут себя нордманы. Вряд ли они захотят навлечь на себя гнев Верховного Жреца и станут защищать дальнего родственника варма. И хотя Бьорн, хозяин склада, где прятались Дилинг с Торопом, не выказывал опасений на сей счет, с каждым днем Дилингу становилось все тревожней. Единственное, что удерживало его в Твангсте, — слепой Тороп. Дилинг не мог придумать, как снять с него заклятие.

Ясно, что это мог сделать любой вайделот, но обращение к нему было равносильно самоубийству. Скандианские жрецы в Ульмигании не появлялись, но они и не так ревниво оберегали тайное знание, как вайделоты, и кое-кто из морских волков был посвящен в тайны рун. Это и держало Дилинга в поселке. Он надеялся, что появится человек, который снимет с Торопа слепоту. Но время шло, Бьорн внимательно присматривался ко всем, прибывавшим в город, но воина, в такой степени овладевшего магией, чтобы разрушить козни вайделота, не было. Все решилось, когда Дилинг привез Милдену.

Ночью раздался условный стук. Дилинг, держа наготове нож, приоткрыл дверь сардиса.²⁸

— Это я, — сказал Бьорн. — Хочу угостить тебя пивом.

По тому, что тот говорил на нордманском и пригласил на пиво одного его, Дилинг понял — предстоит разговор.

Они прикончили один жбан, посетовали, что зверя стало меньше, а шкурки хуже, решили, что зима будет не очень холодной, принесли второй жбан, и только тогда Бьорн спросил:

— У тебя появилась женщина?

Дилинг промолчал.

Бьорн кивнул, будто получил ответ, и добавил:

— Беглая женно конунга из бартов.

— У тебя хорошие вайдимаи,²⁹ — сказал Дилинг.

— Хорошие, — согласился Бьорн. — По вашим законам мы должны немедленно выдать ее бартам.

— Я понял, — сказал Дилинг. — Мы уйдем еще до восхода солнца.

Бьорн поморщился:

— Отдай им женщину, Дилинг. От нее одни неприятности. Зачем она тебе?

— Мы уйдем, — повторил Дилинг.

Бьорн вздохнул и приложился к кружке. Они немного посидели, потом Дилинг встал:

— Мне пора.

— Погоди, — сказал Бьорн. — Я соберу вам кое-что в дорогу.

людей», или, проще, «Белая страна» (ср. англ. «Whiteland»).

²⁸ Сардис — хранилище для зерна, амбар.

²⁹ Вайдимай — шпион, осведомитель.

— На севере косы куров, там, где начинаются пески, живет одна старуха, — сказал он, упаковывая снедь. — Никто не знает, откуда она взялась и чем живет, но куры считают ее живой Лаумой,³⁰ боятся. Я хотел узнать о ней подробнее, но ты сам не даешь мне на это времени. Я думаю, никакая она не богиня, просто какая-нибудь вайделотка-отшельница. Так или иначе, мне кажется, она сможет помочь твоему другу. Но вам придется идти через Самбию.

— Придется.

— Если вы выйдете прямо сейчас, то, возможно, к рассвету вам удастся проскочить незамеченными.

— Мы так и сделаем, — сказал Дилинг.

— Мне жаль, что я не могу быть больше полезен тебе.

— Нордманы и так слишком много сделали для меня.

— Ерунда. Вождь куров косы — Карвейт, его еще зовут Великим за огромный рост, кое-что мне должен. Если возникнет необходимость, ты можешь обратиться к нему. Он не откажет в помощи.

— Я запомню, — сказал Дилинг.

Бьорн дал им лошадей на смену, чтобы не пришлось останавливаться, пересекая страну самбов, и Дилинг с Милденей и Торопом умчались за Полярной звездой, на север полуострова, к узкой полоске суши, отделившей залив Руса от моря.

Месяц был тонким и света давал мало. Бьорн отметил про себя, что это поможет Дилингу пересечь Самбию незамеченным, зевнул и пошел спать.

Выспаться не удалось. Еще не рассвело, когда к нему ворвался перепуганный слуга и сказал, что в Твангсте вошел отряд самбов. Кого-то ищут.

Бьорн оделся и вышел из дома как раз вовремя — самбы были уже у порога.

— Ты — Бьорн, сын кривого Эгила? — спросил их куметис,³¹ цепко глядя на Бьорна белесыми глазами. Из-под шишкообразного скандианского шлема с торчащими в стороны бивнями вепря висели две белые, как снег, косички. Брови и борода тоже были белыми и ярко выделялись на красном обветренном лице.

— Да, — сказал Бьорн.

— Говорят, у тебя гостят какие-то люди...

— Это правда. У меня часто гостят и родственники, и друзья. Но сейчас никого нет.

— Никого?

— Нет, никого.

Куметис, не спуская с Бьорна глаз, спрыгнул с коня.

— Пойдем в дом, — сказал он.

На столе стояли две кружки. Самб взял одну, понюхал и спросил:

— Любишь по ночам выпить пива?

— Люблю, — подтвердил Бьорн.

— Налей и мне, — вдруг сказал куметис на языке нордманов.

Бьорн, ничем не выказав удивления, налил пиво. Тот, не отрываясь, выпил и вновь подставил кружку. Бьорн долил.

— Меня зовут Балварн — Белый Ворон. Я из рода Вепря. Мы ищем двух витингов, один из вармов, а другой по-прусски совсем не говорит или говорит со славянским акцентом, как рутен. Слепой. С ними женщина с черными волосами. Ваши люди говорят, что не видели таких. А ты?

— Нет, — задумчиво сказал Бьорн. — Не встречал. Если б встретил, то наверняка бы запомнил. Славянин да женщина с черными волосами — такие запоминаются.

³⁰ Лаума — божество зависти и злобы.

³¹ Куметис — знатный витинг, воевода.

— Ага, — сказал Балварн. — Я понял. Значит, ты не встречал таких. Ну-ну... Налей-ка мне еще пива.

Он вылил в себя содержимое кружки и направился к двери. Уже стоя в дверном проеме, обернулся:

— Когда-то меня звали Олаф Эриксон. Но это было очень давно... Так я об этих витингах... Мало ли что бывает, вдруг встретятся где... Скажешь им, что не нужно было убивать вайделота. Крива этого не простит.

— Да, — неопределенно пожал плечами Бьорн. — В жизни всякое бывает.

Глава 9

Дилинг опасался Рудавы — большого поселка на пути к косе. Но его удалось обойти затемно. Когда солнце взошло, оно оказалось справа от путников, вступивших на земли куров, над заливом.

Куры, или корсь, как их называл Тороп, жили в основном по берегу моря севернее пруссов, на территориях, которые те уже без особой борьбы сдали Ордену меченосцев. Но небольшая их часть ютилась и в крошечных деревушках на косе, тонким хвостом вытянувшейся от Самбийского полуострова на север. Народ был бедный, молился не очень ревностно многим богам, которых пруссы считали никчемными, ловил рыбу, бил зверя и с радостью принимал покровительство самбов, одним только этим отбивавшим охоту к набегам на куров у литовцев и жмуди.

Дорог на косе не было. Кони ступали копытами по редкой, в проплешинах белого песка, траве. Решили сделать привал, отдохнуть, наконец, от перехода, большую часть которого пришлось идти на рысях и галопом. Воины могли перекусить прямо в седле, но для Милдены путь оказался слишком утомителен. Смуглая кожа на ее лице побледнела, черные глаза ввалились. Спустившись с лошади, она засуетилась, раскладывая для витингов еду.

Прабабушку Милдены выкупил у нордманов один из вармийских вождей. Морские волки привезли ее из какой-то южной страны. С тех пор среди светлокожих ширококостных вармов появились темноволосые люди. А женщины передавали из поколения в поколение маленький медный крестик, не совсем понимая, что это такое, и относясь к нему, не иначе как к покунтису.³² Этот крестик висел у Милдены под нижней рубахой вместе с кусочком хвоста Матери Выдры — покровительницы рода.

Если б не явная усталость Милдены, непривычной к верховой езде (пруссские женно редко покидали пределы своих деревень), Дилинг не остановился бы в этом месте. Место было нехорошим. Мало того что здесь, у основания косы, еще можно было встретить самбов, неподалеку находился самый узкий участок суши, где море и залив так близко подступали друг к другу, что в шторм их волны встречались. Эта часть косы была почему-то очень любима девами-амсмари.³³ Морские, с пышными шапками волос, похожих на взбитую пену, и рыжеволосые амсмари залива стайками собирались с обеих сторон косы и пели. То ли соревнуясь, то ли соперничая в желании затянуть в свои воды путника.

Дилинг знал, как опасно услышать эти высокие грустные голоса, пропитанные сладким томлением и обещанием блаженств, но помимо воли прислушивался.

Стояла хорошая ясная погода. На заливе был штиль, а море легко шуршало о песок невысокой волной. Кричала сойка. Щеглы и зяблики, рассевшись на кустиках можжевельника, приглядывались к людям в надежде поживиться остатками трапезы. Звуки, заполнившие сосновый лес, были мирными и не предвещали ничего дурного.

— Что-то не так? — вдруг спросил Тороп. Все последнее время он упорно говорил по-

³² Покунтис — талисман, оберег.

³³ Амсмари — букв. «водяной народ», сирены.

пруски, и успехи его были очень заметны.

Дилинг быстро взглянул на него. Он никак не мог привыкнуть к сверхъестественному чутью, обнаружившемуся у Торопа с приходом слепоты.

Тороп, подставив свое бледное, почти белое лицо солнцу, щурился.

— Ты видишь свет? — спросил Дилинг.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что вижу. Сейчас, например... В глазах у меня красно. Наверное, это все же не свет, а тепло. Тепло и холод я и раньше мог чувствовать, правда не так, как теперь. Ты мне не ответил...

Дилинг помялся. Он не хотел говорить Торопу об опасениях по поводу амсмари. Тот наверняка не поверил бы в них.

— Не нравится мне здесь, — сказал Дилинг. — Надо уходить.

— Лошади уже остыли, — напомнил Тороп. — Хорошо бы их напоить.

Дилингу не хотелось этого делать, но, сознавая, что Тороп прав — кони хотели пить, — он нехотя повел их к заливу. Залив питался водой Немана, а потому был почти пресным. Ветра не было, и вода лежала спокойной гладью. Лошади, зайдя по колено, осторожно касались ее поверхности губами. Вскидывая иногда головы, фыркали и опять принимались пить.

Дилинг присел на песок и грыз сосновую хвоинку, все еще опасливо прислушиваясь. На душе у него было беспокойно, и состояние это не проходило. Наоборот, становилось все тягостней.

Сначала Дилинг услышал, как скрипит песок под легкими шагами. Потом, обернувшись на звук, увидел, что вдоль берега на него идет девушка. Но поразило Дилинга не само ее появление и не то, что она была голой, а необычная, ослепительная красота белого с матовой голубизной тела, ярких зеленых глаз, длинных рыжих волос, сверкавших в лучах утреннего солнца, как позолота. В руке у нее был лоскут прозрачной зеленоватой ткани. Она помахала им Дилингу и улыбнулась. Красота и открытость молодого тела были настолько поразительны, что Дилинг не просто позабыл обо всем на свете, он потерял способность думать, самостоятельно двигаться. Дилингу показалось, что душа его покинула привычное место и медленно направилась навстречу девушке, уже готовой открыть объятия, чтобы принять его к себе. На деле он сам пошел навстречу, широко расставив руки. Девушка, смеясь, уклонилась и пошла к воде.

В этот момент их и увидела Милдена. Она не знала, что заставило ее испугаться, вскочить и побежать к заливу. Может, любовь, которую она таила в себе многие годы, обретя наконец так долго ожидаемого избранника, возмутилась возможной его потерей. Может, привычное для пруссов чутье на темные силы дало о себе знать. Так или иначе, Милдена выбежала на берег залива.

— Тороп, — закричала она. — Тороп! Она уводит его!

Асмари оскалилась, зарычала и стала кидать в лицо Милдене пригоршни песка.

— Тороп, миленький, — кричала, уворачиваясь, Милдена. — Спаси, Тороп, она уводит Дилинга!

Тороп, натываясь на сосны, запутываясь в кустах, падая, побежал на крики. Амсмари обернулась зеленой тканью и бросилась в воду. Мелькнул большой хвостовой плавник, и блеснула мелкая чешуя на бедрах. Дилинг застонал и, обхватив руками голову, сел на песок.

— Голова... — бормотал он. — Очень болит голова.

Тороп наконец выбрался из леса и, держа обеими руками меч, встал, прислушиваясь к происходящему.

— Что тут? — спросил он.

Ему никто не ответил. Дилинг стонал, стиснув руками голову, а Милдена, опустившись возле него, тонко поскуливала.

— Что происходит? — крикнул Тороп.

— Амсмари, — сказала Милдена. — Она хотела увести Дилинга.

Тороп подошел, коснулся рукой Милдены, потом Дилинга:

— Что с ним?

— Не знаю, — всхлипывая, сказала Милдена.

Дилинг поднял голову и посмотрел на Торопа мутными глазами:

— Голова болит. Что тут было? Где лошади?

— Здесь лошади. Ничего с ними не стало. Что происходит, черт бы вас всех побрал? — выругался Тороп по-русски.

— Амсмари, — повторила Милдена. — Девница-амсмари хотела увести с собой Дилинга.

— Амсмари? — спросил Дилинг. — Это была она?

— Какая еще девница?! — разозлился Тороп. — Тут ничего нет. Я никого не чувствую.

— Я видел девушку, — вспомнил Дилинг. — Голую...

— Чепуха какая-то! — сказал Тороп. — Ладно, пошли отсюда, а то еще что-нибудь привидится.

Дилинг встал и потряс головой. Выглядел он как с похмелья. Но когда Милдена хотела поддержать его, отодвинул ее в сторону.

Лошади спокойно паслись, подбирая редкую траву под соснами. Тороп шел сзади Дилинга, прислушиваясь к его тяжелому неверному шагу, и гадал — что же могло так сильно подействовать на этого большого хладнокровного воина?

Они не успели отъехать от берега, как Дилинг спросил:

— Вы ничего не слышите?

— Нет, — сказал Тороп.

— Кто-то поет.

— Я бы услышал, — сказал Тороп. — Выбрось это из головы. Тут никого, кроме нас, нет.

— Тороп, — сказала Милдена. — Это опять она. Я тоже ее слышу.

— Да что вы... — начал Тороп, но не договорил. Он по звуку копыт услышал, что Дилинг повернул к заливу.

— Дилинг! — позвал он. Тот не откликнулся.

Тороп повернул лошадь за Дилингом. Догнал и схватил за плечо:

— Ты куда?

Он не остановился и не ответил.

— Ну, мне это надоело, — сказал Тороп и, не выпуская его плеча, другой рукой ребром ладони ударил Дилинга сбоку по шее. Тот обмяк, но Тороп его придержал, не давая упасть с лошади.

— Милдена, — позвал он. — Привяжи его чем-нибудь, а то еще свалится.

Пока Милдена привязывала Дилинга, Тороп обратил внимание на странный тягучий звук, послышавшийся со стороны залива. Потом понял, что это женский голос, выводивший очень высоко и чисто какую-то тихую грустную песню. Язык, на котором пела женщина, был незнакомым, но мелодия навевала воспоминания о несбыточных снах и желаниях. От нее сосало под ложечкой и остро хотелось подойти ближе к той, что пела, заглянуть в ее глубокие теплые глаза...

Острая резкая боль полоснула Торопа по щекам, заставив его вскрикнуть и схватить то, что эту боль принесло. Это были руки Милдены. Увидев, что Тороп стал поддаваться зову амсмари, в отчаянии она вцепилась ему в лицо ногтями.

— Что это было? — спросил Тороп.

— Поехали отсюда, — сказала Милдена. — Поехали быстрее, Тороп!

— Да, поехали. Что-то неладно здесь.

Песня еще была слышна и походила на плач. Тороп перекрестился и пришпорил коня. Вскоре Дилинга растрясло, он очнулся и, обнаружив на себе веревки, стал ругаться. Милдена развязала его.

Глава 10

Вождь куров косы, Карвейт, оказался действительно очень высоким. Может, это было бы и не так заметно в другом народе, но среди малорослых и шуплых соплеменников он выглядел скалой. Сходство с каменной глыбой придавало ему и то, что круглая турья голова по-бычьей, без шеи, сидела на квадратном туловище, утопая неровно заросшим подбородком в плохо оформленной груди мышц.

Несмотря на устрашающие размеры и сонное простодушие маленьких глаз, Карвейт обладал острым умом. В сочетании с невероятной физической силой это помогло ему стать единоличным хозяином косы. Конечно, он вынужден был подчиняться указам Кривы, но к своим колдунам относился с презрением. Легко менял богов и идолов и был счастлив оттого, что пруссы, не признавая в курах равных себе, не требовали от них и строгого подчинения собственным уставам.

Сейчас Карвейт заставил весь свой народец молиться большой развесистой липе, под сенью которой, как он считал, обитала богиня Лайма.³⁴ У Карвейта было две жены, но ни одна так и не родила ему ребенка. А какой-то старик, странным образом появившийся весной в деревне вождя, напроорочил Карвейту, что через год усердных молитв богине красоты у него будет прибавление в семействе. Карвейт тут же объявил Лайму главным божеством куров и стал носить к липе жертвы. За этим занятием вождя и застал Дилинг.

Убедившись в том, что с Карвейтом нет никого из пруссов, Дилинг дождался конца церемонии жертвоприношения и вышел из зарослей облепихи.

— Я пришел передать тебе пожелание удачной охоты от Бьорна из Твангсте, Карвейт, — сказал Дилинг.

— Пусть боги хранят и Бьорна, — ответил Карвейт, приглядываясь к Дилингу. — Он славный воин и верный друг. А ты ему кем приходишься?

— Родственником.

— Но говоришь ты, как варм...

— Мы дальние родственники по линии матери.

— Хорошо, — кивнул Карвейт. — Больше Бьорн ничего не передавал?

— Кажется, нет.

Сонные глазки вождя стали еще скучнее, и он повернулся, собираясь уйти.

— Ах да! — сказал Дилинг. — Бьорн просил напомнить тебе о том шраме, что у тебя под левой лопаткой.

Карвейт быстро обернулся и пристальней посмотрел на Дилинга.

— А ты, видать, крепкий парень, — сказал он. — Я отдам тебе свой меч, если окажется, что у тебя нет слепого друга.

— Твой меч останется при тебе.

— Но мне нет дела до твоих друзей.

— Бьорн мне так и сказал.

— Хорошо, — повторил Карвейт. — В моей деревне вы будете чувствовать себя так же, как у Бьорна. Но вы должны понимать, что, если явятся самбы, я не смогу вас защитить.

— Я знаю, — сказал Дилинг. — Нам этого и не нужно.

— А чего же ты хочешь?

— Проводи нас к той вайделотке, что живет в песках.

Карвейт посмотрел на небо.

— Жарко, — сказал он. — Похоже, все лето будет сухим.

В небе чиркали стрижи, рассекая острыми крыльями тучки комариных свадеб. Белое солнце стояло высоко. Потрескивали шишки на соснах.

— Так что, Карвейт, проводишь нас к вайделотке?

³⁴ Лайма — божество красоты и нежности. В прусской мифологии Лаума и Лайма близнецы и соотносятся, как позитив и негатив.

— Залив цветет, — пожаловался Карвейт. — Рыба задыхается. Прямо беда.

Он вздохнул и покосился на большую бронзовую фибулу с крупной жемчужиной, державшую плащ Дилинга. И, будто что вспомнил, спросил:

— Вы, наверное, и не обедали сегодня? Приходите.

Повернулся и ушел.

Отдавать фибулу Дилингу было жаль. Раздумывая над тем, что подарить вождю куров, он отправился за Торопом и Милденой.

Карвейту достался татарский кривой нож с костяной рукояткой, украшенной затейливой резьбой. Вождь положил его перед собой и всю трапезу не сводил глаз с матовой бледной поверхности рукоятки, цветом и на ощупь напоминавшей женское тело. Подергивая огромной головой от восхищения, он допытывался: из какого же зверя добывают такую кость? Дилинг и сам не знал. Да и занимало его совсем другое. Когда меда было выпито достаточно, чтобы начать разговор о деле, Дилинг вновь надел на Карвейта с просьбой провести к вайделотке.

— Нет никакой вайделотки! — отмахнулся Карвейт.

— Как же нет?! — опешил Дилинг. — Если о ней даже в Твангсте говорят.

— Мало ли, о чем болтают на рынках!

Дилинг растерянно посмотрел на Торопа. Тот, по обыкновению глядя пустыми глазами куда-то сквозь деревья, прислушивался. Дилинг подумал, что Карвейт его не понял:

— Послушай, вождь, может, ты не знаешь... Говорят, на севере косы, в песках, живет какая-то старуха. Вроде бы твои люди даже считают ее воплощенной Лаумой. Вспомни!

— Красивый нож, — сказал Карвейт и досадливо вздохнул. — Жаль, что мне нечем отплатить за него. А в песках никого нет — паустре.³⁵ Даже кабан туда не заходит. Там нельзя жить. Духи никого к себе не пускают.

Дилинг опять посмотрел на Торопа. Лицо его было спокойно, глаза прикрыты, но в пальцах, поблескивая, мелькала какая-то монета, зверьком перебегая от указательного к мизинцу, от мизинца — к указательному.

— Мы заплатим, — сказал Дилинг. — Скажи, Карвейт, сколько тебе нужно, чтобы отвести нас к колдунье?

— С друзей Бьорна я бы ничего не взял, даже если б мне пришлось выступить на их стороне в войне, — сказал тот. — Но, поверь, в дюнах не выжить даже полевке, не то что человеку. Тем более — какой-то старухе.

— Он врет, — сказал Тороп по-русски. — Нам придется искать самим эту чародейку.

— С чего бы ему лгать?

— Не знаю. Может, чего-то боится? Но эта колдунья существует, это точно. Я чувствую.

— О чем вы? — насторожился Карвейт.

— Я говорю, что ты трус, — сказал Тороп на прусском. — Ты чего-то боишься и потому врешь, что ничего не знаешь о вайделотке.

Плоское мясистое лицо вождя покрылось красными пятнами.

— Я трус?! — тихо спросил он. — Я трус, и я вру?! Ах ты, сопляк!..

С быстротой, которой Дилинг никак не ожидал от него, Карвейт метнулся к Торопу и схватил того своей медвежьей лапой за горло. Казалось, вся шея русского исчезла в этой руке, и ее пальцы сомкнулись на позвоночнике Торопа.

Дилинг ухмыльнулся и подлил себе медовухи. Когда он поднял глаза, Тороп стоял сбоку от вождя и держал его вывернутую назад руку в своей. Он ударил два раза Карвейта ногой под ребра, оба раза тот издал громкий икающий звук, и, когда отпустил, вождь ткнулся лицом в землю.

— Как ты думаешь, — спросил Тороп. — Он не донесет на нас теперь?

³⁵ Паустре — пустошь, безлюдная пустыня.

— Вряд ли. Куры держатся особняком и стараются решать свои дела сами.

— Может, нам лучше сразу уехать?

— погоди, посмотрим, что он скажет теперь?

Карвейт застонал и встал на четвереньки.

— Это сейчас пройдет, — сказал ему Дилинг.

Вождь сел и посмотрел на него.

— Ты слишком резво бросился в драку, — сказал Дилинг. — Я не успел тебя предупредить, что этого делать не стоит.

На лбу вождя была небольшая ссадина, к ней прилипли травинки и песок.

— Это он меня или ты? — спросил Карвейт, покосившись на Торопа.

— Он. Послушай, вождь, если ты почему-то не хочешь нам помочь — скажи, мы не обидимся. Вайделотку мы все равно разыщем.

Карвейт потряс головой, что-то промышчал и, скривившись, встал с земли.

— Это ты меня так?! — все еще не веря в это, спросил он у Торопа. Тот был на полторы головы ниже и раза в четыре тоньше вождя.

— Поехали, — сказал Тороп. — Чего мы ждем?

— Она живет где-то за Большими дюнами, — неожиданно сказал Карвейт.

— Ты проведешь нас? — спросил Дилинг.

— Нет. Вы уж как-нибудь сами.

— Как мы ее найдем?

— Найдете. Вам нужно все время ехать вдоль моря. Там, где поселилась вайделотка, потемнел песок. Мои люди уже называли это место Черным берегом.³⁶

— Это далеко отсюда?

— Не очень. Как только въедете в пески, считайте дюны. За третьей, самой большой, и начинается Черный берег. Его трудно не заметить.

— Пошли кого-нибудь за моей женно, — попросил Дилинг.

Когда они были уже на лошадях, Карвейт подошел и протянул Дилингу нож с костяной рукояткой:

— Забери, я ведь не помог вам.

— Оставь его себе. Поможешь в следующий раз, — ответил Дилинг.

— Я не знаю, что вам нужно от этой старухи, но будьте с ней осторожнее. Она уже утопила одну нашу лодку с рыбаками. Если это и не сама Лаума, то ее сестра.

— Спасибо, что предупредил.

Карвейт посмотрел на Торопа.

— Хорошо, дорого я дал бы за такого воина.

Дилинг склонился с лошади к самому лицу вождя и тихо сказал:

— У него на родине великий князь рутенов платил этому «сопляку» столько монет, сколько тебе, вождь, не увидеть за всю твою жизнь.

— Хорошо... — повторил Карвейт.

— Ну, пошли! Удачной охоты!

Глава 11

Они спустились к морю и поехали вдоль линии прибоя. Лошади шли тонкой черной полосой высохших водорослей, смешанных с янтарной крошкой. Море было зеленым, а там, где над ним висело солнце, сверкало раскаленным металлом. Одинокий нырок то исчезал в воде, то появлялся, покачиваясь на волне. Ничего этого Тороп не видел. Высоко вскинув голову, он вслушивался в звуки моря, ловил его запах и пытался представить, как оно выглядит.

³⁶ Черный берег — название сохранилось до наших дней: Шварцорт (нем.), Юодкранте (лит.).

— Ты раньше не был у моря? — спросил его Дилинг.

— Нет.

— А хочешь, искупаемся?

— Не знаю... Оно светится...

— Это от солнца.

— Жаль, что я не вижу.

Дилинг хотел сказать ему, что еще успеет насмотреться, но передумал — он сам не был в этом уверен.

— Ну, искупаемся? — снова предложил он.

— Давай.

Дилинг бросился в море, взметнув брызги, а Тороп входил осторожно, примеряясь к новым ощущениям.

Милдена сидела на горячем песке, смотрела, как резвятся витинги — один плотный, кряжистый, с испещренным множеством полосок-шрамов телом, и другой — гибкий, поджарый, как олень, почти безусый. Они плескались и играли, гоняясь друг за другом, словно дети, и ей почему-то стало жаль их. Жаль ослепшего Торопа, жаль запутавшегося в отношениях с соплеменниками Дилинга. Стало жалко и себя. Милдена вспомнила, что всегда очень хотела ребенка. Она заплакала, и на душе у нее от этого стало томно и сладко. Она плакала, но в ее слезах не было горечи. Милдена плакала второй раз за этот день и за последние восемь лет. Что-то оттаяло в ней и пролилось теплой мягкой влагой.

Глава 12

В тот же день лета 1224 года от Рождества Христова произошло событие, резко изменившее историю Ульмигании. Еще до рассвета десять парусных барок причалили к юго-восточному берегу залива Халибо, и на землю вармов ступили пятьдесят монахов — рыцарей Добринского братства, — ордена, только что созданного епископом прусским Христианом.

Здесь необходимо напомнить, что сей высокий сан — епископ Пруссии — настоятель монастыря в Оливах, что на левом берегу Вислы, возле Дантека,³⁷ носил, мягко говоря, не совсем по праву. То есть права-то, дарующие ему это звание и скрепленные печатью папы, у него были. Однако паства, которой он мог бы нести слово Божье, отсутствовала.

Несколько лет назад этот предприимчивый монах, собрав братию, перешел зимой застывшую Вислу и построил на ее правом, прусском, берегу четыре часовни, о чем не замедлил известить Рим. Акция носила авантюрный характер, ибо пруссы немедленно спалили часовни, не оставив от них и следа. Но, вне зависимости от этого, в Риме высоко оценили рвение Христиана, и ему был дарован сан со всеми вытекающими отсюда полномочиями и правами. Другими словами, Христиан был главой епископата, который еще нужно было завоевать. Вдохновленный примером Альбрехта Буксгевдена, епископа Рижского, сумевшего отбить у ливов часть побережья, Христиан призвал под лозунги нового крестового похода небольшую армию, решив образумить язычников если не с помощью слова, то мечом. Христиан не учел того, что давно уже знали и ляхи, и даны, и рижские немцы: пруссы не ливы. Фанатично преданный своим богам, этот народ, имевший древние традиции военного искусства, был в отличие от других язычников единым и сплоченным. Все одиннадцать племен подчинялись одному уставу — Заповедям короля Вайдевута и одному владыке — Верховному Жрецу, никогда не имели серьезных межплеменных раздоров и на любую агрессию отвечали жестко и умело.

Но в тот день полсотни монахов двумя отрядами высадились в Вармии десятком миль южнее замка Хонеда. Один отряд, под предводительством саксонского рыцаря-крестоносца

³⁷ Дантек, Данциг, Гданьск, ныне Оливы являются одним из районов этого города.

фон Русдорфа, остался в месте высадки, чтобы с раннего утра приняться за строительство часовни. Другой, ведомый рыцарем из Кашубии Владиславом Бутовым, направился в глубь страны.

К утру воины Владислава успели разгромить и поджечь два поселка ничего не подозревавших вармов и осадить третий, оказавший им неожиданно сильное сопротивление. Владиславу не удалось проломить ворота поселка с ходу, и пруссы, точно метавшие из-за частокола легкие копья, заставили крестоносцев отступить, оставив у стен два трупа. Еще четверо были ранены.

Владислав, скрипя зубами от ярости, метался на мелкой прусской лошаденке вокруг укрепления, не зная, как к нему подступиться. Он чувствовал, как время, будто зыбучий песок, уходит у него из-под ног. Владислав должен был внезапно появиться у замка Хонед со стороны леса, откуда пруссы не могли ждать нападения, и занять его или хотя бы блокировать и держать до прихода новых сил добринцев. Задержка ломала все планы. Но оставить у себя в тылу непокорный поселок Владислав не мог.

Сомнения кашубца разрешили сами вармы. Ворота вдруг распахнулись, и оттуда, визжа и улюлюкая, высыпали, размахивая короткими мечами, язычники. Пруссов было гораздо меньше, чем крестоносцев, и хотя дрались они со знанием дела и отчаянно, как дикие звери, Владиславу удалось одержать верх. Он ворвался в поселок, когда пал последний его защитник, и здесь Владислава ждало разочарование, граничившее с ощущением катастрофы. Поселок был пуст. Пока часть пруссов сдерживала монахов у стен укрепления, другие увели его жителей.

Владислав послал гонцов назад, к людям фон Русдорфа, предупредить, что планы взятия Хонеды могут сорваться, а сам на рысях отправился напрямик к замку, обходя попадавшиеся поселки и уже не заботясь о том, чтобы выйти к Хонед незамеченным. Он был неглупым человеком и понимал обреченность затей. Но честь рыцаря и возможность снискать славу первого христианина, ворвавшегося в неприступную цитадель язычников, затмевали рассудок. Кроме того, он и представить себе не мог, насколько Хонед неприступна в действительности. Пятнадцать лет спустя куда более опытные, лучше вооруженные и дисциплинированные рыцари Немецкого ордена госпиталья Пресвятой Девы Марии будут стоять под стенами Хонеды несколько месяцев без всякой надежды подойти к ним, пока предатель не укажет тайный ход в крепость.

Прусы дали отряду Владислава выйти из леса, а на большом ровном поле, откуда уже виднелся залив, окружили его и быстро, деловито перебили всех монахов. Затем, разделившись на несколько отрядов, стали методично прочесывать берег, пока не наткнулись на засеку, сооруженную фон Русдорфом. Через ограду внутрь полетела голова Владислава. Какой-то прусс крикнул по-польски, что тоже ожидает всех, кто немедленно не уберется подальше от берегов священной Ульмигании.

— Мы знаем, — сказал прусс, — вы еще не успели пролить кровь наших братьев, и потому отпускаем вас с миром.

Добринские рыцари набирались в основном из славян и прекрасно поняли речь прусса. Но поскольку все они вступили в Орден добровольно, клялись служить вере Христовой до последнего вздоха и надеялись на скорый приход подмоги, никто не помыслил о бегстве. Прусы пошли на штурм засеки, и те из добринцев, что не погибли в бою, вскоре пожалели об этом. Их ждала смерть куда страшнее — на жертвенном костре в честь Перкуна, Погримпа и Пикола.³⁸ Из тех, что пришли с Владиславом и фон Русдорфом, не уцелел никто.

К вечеру у берегов Вармии появились лодки следующей партии монахов Христиана.

³⁸ Перкун, Потримп и Пикол — триада верховных богов Пруссии. Перкун — бог грома и молнии; Потримп — бог воды, рек и озер; Пикол — бог преисподней.

Медленно плыли они, вглядываясь в очертания берегов с надеждой увидеть дымы сигнальных костров. Их не было. Берега затягивал туман, сумерки сгущались, и добринцы причалили к первому попавшемуся пологому месту.

Прусы появились — как видение в дурном сне — отовсюду, словно ураган. Воздух взорвался криками, свистом копий и ржанием лошадей. Крестоносцам казалось, что сам дьявол обрушил на них злобную силу. Они бросались в барки, надеясь найти спасение на воде, но дротики пруссов настигали их и в лодках. Только три смогли отчалить и уйти в залив.

Отойдя подальше от берега и поставив паруса, монахи собирались было вознести молитвы Господу за спасение, как вдруг небо расколола молния, оно разверзлось косым дождем, сорвался шквальный ветер, поднимая волну. В завершение несчастий на добринцев навалился шторм.

В одной из лодок открылась течь, и она утонула сразу. Две других разметало по заливу.

Недели через три два измученных монаха добринского братства добрались-таки до монастыря в Оливах и поведали Христиану, что их лодку выбросило в устье Ногаты. Что стало с их товарищами в третьей барке — неизвестно и доселе.

Это была не первая попытка Христиана покорить Пруссию, но ранее вылазки его добринцев носили не такой организованный характер и обходились более скромными потерями. Глубокая скорбь охватила епископа. Запершись в своей келье, он многие сутки провел в молениях и раздумьях.

В то же самое время примерно так же проводил время забравшийся в подземелья Ромовы Великий Жрец. Так же, как Христиан, он никого не хотел видеть, не принимал пищи и, растворив свое существо в молитвах, мучительно искал выход из создавшейся ситуации.

Крива уже понял, что христиане не оставят в покое Ульмиганию — последнее пристанище древнего тайного знания. Настойчивые попытки навязать пруссам войну объяснялись не обычной агрессивностью молодых неразумных соседей, но чем-то большим. Если б дело было только в ляхах, поморянах или мазурах! Прусы готовы были преподать жестокий урок любому из народов. Да и вряд ли ляхи уже забыли, как оставил в Пруссии свое войско Болеслав Храбрый. Помнят и мазуры Великую битву. Дело не в них. Новая религия с ее единственным богом, как чума захватывала окрестные страны, требуя себе в жертву все, что накопило человечество до нее. Культ воина подменялся идеей всепрощения, великое знание, врученное человеку Сыновьями Звезды, объявлялось вне закона...

«Если чувствуешь угрозу, — говорил Вайдевут, — бессмысленно искать ее причины. Бей первым».

Крива принял решение. Он выбрался на поверхность, отдал распоряжения сеймину,³⁹ разослал по землям посыльных с объявлением времени и места Великого Совета воинов, после этого поужинал. Потом принял куметиса особого отряда лазутчиков.

Только взглянув в лицо Криве, тот упал на колени и прошептал:

— Прости, Великий Жрец... Недоглядел... Дозорные, пропустившие христиан в Вармию, уже наказаны. Слуги Пикола гложут в преисподней их кости.

Крива бросил перед ним бубен:

— Знаешь, чья кожа на него натянута?

— Знаю, — еще тише сказал куметис.

— Как бы на следующий бубен не пошла кожа твоей спины, — проворчал Крива. — Докладывай.

— Князь Руссиген собирает ятвягов для похода...

— Отменить, — оборвал Крива. — В ближайшее время никаких походов.

— Вайдимаи из Мазовии говорят, что какой-то знатный крестоносец собирается напасть со своими рыцарями на Галиндию, — продолжил куметис.

³⁹ Сеймин — челядь.

«Не успеет», — подумал Крива. Слушая доклад, он одновременно разрабатывал план нападения на Польшу и Поморье.

Куметис закончил говорить и помялся.

— Что еще? — спросил Крива.

— Этот витинг из вармов — Дилинг...

— Ну?

— Похоже, он причастен к смерти князя Рендала. Его видели в Твангсте с этим рутеном, христианином. С ними была одна из женно Рендала.

— Женно Рендала?! — Крива удивленно вскинул рыжие кустистые брови. — Не та ли самая, из-за которой разгорелась свара между вармами и бартами?

— Та, Великий Жрец.

— Интересно...

Крива задумался, а куметис потел от страха, не зная, как ему поступить, — обратиться потихоньку или продолжать мести косицами пол перед Кривой.

— Так почему, ты говоришь, их еще не поймали? — будто очнувшись, спросил Крива.

У куметиса захватило дух.

— Он ловок, как ласка, — попытался оправдаться витинг. — В Твангсте отправились лучшие воины — из рода Вепря, но Дилинг с русом все же ушли.

— Где же они теперь?

Куметис, так и не поднявший глаз от земли, готов был зарыться в нее кротом.

— Пошел вон. — Крива сказал это, не повышая голоса, но куметис чуть не лишился чувств.

Он ушел, а Верховный Жрец опять задумался. То, что ему было известно о Дилинге, наталкивало на мысль, что и его приятель, пусть и слепой, а все же не из простых воинов. Нельзя ли их использовать на благо Ульмигании?

Глава 13

Та, кого куры считали живым воплощением богини Лаумы, поклявшейся мстить людям и богам за то, что ее когда-то обошли вниманием в пользу Лаймы, купалась. Вода была теплой и розовой от заходящего солнца. Тюлени, подныривая, игриво и нежно касались гладкой холодной шкурой живота и ног вайделотки, а стая лебедей, почтительно выгнув шеи, следила за тем, чтобы покой этой женщины не нарушили невзначай крикливые чайки или беспокойные нырки.

Вайделотка вышла на берег, откинула назад длинные волосы и подставила мягким лучам усталого солнца сильное загорелое тело. Грудь ее была круглой и упругой с крепкими, как у девственницы, сосками. Живот без единой складки обтягивала тугая кожа. Тонкие ноги стояли на песке уверенно и надежно. Лебеди смущенно потупились, склонив к воде носатые головы, а бесстыжие тюлени поползли на пляж, лаская глазами свое божество. Совершенство ее тела было достойно их восхищения, и им не было дела до того, что ее густые волосы абсолютно седые, лицо с жесткой линией рта не дает представления о возрасте, а полуприкрытые глаза стального цвета холодны, как у волчицы.

Тюлени любили вайделотку, и несколько из них уже поднесли к ее ногам крупных жирных лососей. Вожак стада, большой светло-серый самец, подобрался особенно близко и, задрав голову, потерся короткой щетиной морды о ее бедро. Вайделотка улыбнулась, села на песок и похлопала вожака по загривку. Он замурлыкал и попытался положить голову ей на колени. Но женщина вдруг оттолкнула его. Тюлени насторожились и, приподнимаясь на передних лапах, беспокойно завертели головами. Пляж был пуст, если не считать одинокого кабана, бродившего вдоль линии прибоя. Однако вайделотка нахмурилась, собрала рыбу, нанизав ее на прут, подхватила одежду и быстрым шагом направилась в дюны. Обеспокоенные тюлени дружно и шумно стали шлепаться в воду и отплывать от берега.

Глава 14

В овраге, зажатою двумя высокими насупленными дюнами, грозившими вот-вот проглотить истончившуюся полосу рощи и ручей, протекавший по дну расщелины в самом мрачном и холодном ее месте, они, наконец, нашли то, что искали. Дилинг знал, какие шторма бывают осенью на косе, и его удивила ветхость жилища. На курский манер оно было укрыто звериными шкурами, но его каркас составляли хлипкие жерди. Он окликнул хозяйку и, когда не получил ответа, заглянул в хижину. Из нее прямо пахнуло отваром трав. Глинобитный пол был чисто выметен. В очаге, обложенном валунами, тлели угли, не давая остыть висевшему над ними горшку. Стены были увешаны пучками травы и мешочками, в каких вайделоты держат снадобья.

В самом высоком месте кровли, под аккодисом,⁴⁰ охрой было начертано несколько рун. Ничего необычного или особенного, что давало бы повод отличить это жилье от хижин других вайделотов и бояться ее хозяйки так, как боялись куры, не было. Правда, у дальней стены на плоском камне, напоминавшем жертвенник, лежал гладко отполированный, странно мерцающий янтарный шар размером с детскую голову. Дилинг даже хотел зайти, чтобы разглядеть шар — он никогда не видел таких крупных чистых кусков, — но не решился. Дилинг с детства, как и все пруссы, старался держаться подальше и от вайделотов, и от их берлог.

— Никого нет, — сказал он.

— Она где-то близко, — сказал Тороп. — Идет сюда.

Дилинг напряг слух, но ничего не услышал. А из-за деревьев действительно вышла высокая, прямая и тощая, как посох в ее руке, старуха в длинном, до земли, кое-как залатанном балахоне из грубой шерсти. Всклокоченные седые волосы ее были мокрыми, а лососи, которых она несла нанизанными на прут, дергались и били хвостами.

— Удачная рыбалка! — дружелюбно приветствовал старуху Дилинг.

Не обращая на него внимания, она прошла в хижину.

— Это тебя куры считают Лаумой? — спросил Дилинг у закрывшегося за ней полога.

Ему никто не ответил.

— Почтенная! — крикнул Дилинг. — Мы пришли к тебе с миром, что же ты нам не отвечаешь?

Шкуры на входе раздвинулись, оттуда высунулась сухая коричневая рука, и в лицо Дилингу полетела змея. Это было так неожиданно, что Дилинг едва успел выхватить меч и разрубить ее. В следующий момент из хижины показалась косматая голова, бросила взгляд холодных бесцветных глаз на извивавшиеся в траве половинки гадюки, потом на Дилинга. Тот был в бешенстве, но сдерживался.

— Так-то ты встречаешь гостей, — сказал он.

Старуха кивнула и швырнула в него две гадюки. Одну Дилинг разрубил, но вторую он не успел перехватить. Ее достал Тороп. Два раза свистнул в воздухе клинок его меча, и змея развалилась на куски чуть ли не над самой головой Дилинга.

Пока он решал: стоит ли дальше сдерживаться или сразу отрубить ведьме голову? — та двинулась к Торопу, с явным интересом вглядываясь ему в глаза. Подойдя вплотную, она повела рукой перед его лицом и, убедившись в том, что он слеп, спросила:

— Давно это у тебя?

Голос ее оказался неожиданно низким и хрипловатым.

— Недавно, — ответил Тороп.

— Мы из-за этого к тебе и пришли, — начал Дилинг.

— Ты говоришь не так, как наши витинги, и не так, как ляхи. Кто ты, чужеземец? — спросила старуха, не обращая внимания на Дилинга.

⁴⁰ Аккодис — дымовое отверстие в кровле, дымоход.

— Вы называете нас рутенами.
 — Это заклятие, — сказал Дилинг. — Его наложил вайделот склавинов.
 — Пусть он его и снимет.
 — Он уже в краю предков.
 — И кто же его туда проводил? — спросила вайделотка, по-прежнему вглядываясь в Торопа. — Не ты ли?
 — Я его никуда не провожал, — сказал Тороп. — Я просто перерезал ему шею.
 Вайделотка вдруг ткнула корявым пальцем Торопу в грудь:
 — У тебя здесь крест?
 — Да, — ответил Тороп, невольно отступая на шаг.
 — И ты посмел с этим прийти ко мне?
 — Больше нам идти не к кому, — сказал Дилинг. — Крива ловит нас по всей Ульмигании.
 Милдена взяла его за руку:
 — Оставь ее. Неужели ты не видишь — она не хочет нам помочь.
 Вайделотка, наконец, оторвалась от Торопа и посмотрела на нее.
 — Правильно, я не помогаю людям. Ни тем, кто носит покунтисы, ни тем, у кого на шее крест. Никому.
 Старуха повернулась и скрылась в хижине.
 Когда они выбрались из оврага на поверхность дюн, туда, где оставили лошадей, на Дилинга вдруг запоздало напала ярость.
 — Кавкс!⁴¹ — выругался он. — Я вернусь и отрублю ее поганую башку!
 — Не надо, — попросила Милдена. — Я очень боюсь ее... Я не отпущу тебя.
 — Оставь, — сказал Тороп. — Бог с ней! Может, она ничего и не могла сделать.

Они спустились к морю. Вдоль пляжа, по слежавшемуся сырому песку ехать было удобнее. Добрались до ближайшего соснового леска, где кони могли бы пастись. Спешились, развели костер. Попытались поджаривать на нем вяленую оленину, которую дал Карвейт, но от огня та становилась еще жестче, и пришлось грызть ее холодной. Зато мед из кожаной фляги оказался в меру густым и ароматным.

— Она красивая? — неожиданно спросил Тороп у Дилинга.
 — Кто?
 — Эта колдунья.
 Дилинг поперхнулся.
 — В этот раз тебе повезло, что ты слеп, — сказал он, прокашлявшись. — Вот если б этот кусок проклятого сушеного мяса встал и пошел, я подумал бы, что это она.
 — Странно. Мне показалось...
 — Что?
 — Ничего. Чепуха.
 — Я знаю, что нужно делать, — вдруг сказала Милдена.
 Никто не спросил: что она имеет в виду? Все думали об одном и том же.
 — Нужен вайделот.
 — Где же его взять? — усмехнулся Дилинг.
 — Не знаю. Может, в Вармии или Натангии, это ближе всего отсюда.
 — Не говори глупостей! Любой из них тут же донесет на нас Криве, едва мы появимся в пределах его племени.
 — Мы и не появимся.
 — Думаешь, он сам к нам придет?
 — Ты его привезешь.

⁴¹ Кавкс — нечистая сила, поминаемая в ругательствах.

Дилинг удивленно посмотрел на Милдену, но не возразил. Он уже начал понимать, к чему она клонит.

Считалось, что жрец теряет большую часть агрессивной силы или даже всю ее, будучи оторван от святилища, жертвенника и прочих атрибутов колдовской власти. Он не может навести порчу или наложить заклятие, однако снять их, отвести чужой вредный глаз или чудодейственно вылечить от ран и болезней он мог всегда. Этим, в исключительных случаях, с особого позволения Верховного Жреца, пользовались князья, беря с собой в дальний поход вайделота рода. Но выкрасть его у племени — такое еще никому в голову не приходило. Идея Милдены была настолько неожиданной, что Дилинг поначалу опешил. Но опыт говорил ему, что именно дерзкие планы, как правило, приносят удачу.

— Тебе придется дважды пересечь страну самбов, — сказал Тороп, уже догадавшийся о его намерениях. — На обратном пути — с колдуном за спиной. Это не опасно?

— Не знаю, — сказал Дилинг. — У вас говорят, — он перешел на русский, — чем черт не шутит, когда бог спит... Может, и получится. Надо обдумать.

Однако «бог», прусский земной бог — Крива, вовсе не спал. Торопа и Милдену уже сморил сон. Дилинг шевелил палочкой угли в костре, вновь возвращаясь к деталям плана похищения вайделота. А Верховный Жрец стоял у себя в подземелье, густо задымленном чадающим на жаровне янтарем, и глядел в остекленевшие глаза помощницы-девственницы. Спрашивал:

— В каком именно месте на косе? Смотри внимательнее.

— Мне тяжело, — глухо отвечала девственница. — Очень темно... Ночь... У меня болят глаза.

— Смотри, — ровным голосом терпеливо повторял Крива. — Коса. Восточный берег. Ты видишь их?

— Нет.

— Что ты видишь?

— Поселок куров.

— Их здесь нет?

— Нет. Но они были. Что-то, им принадлежавшее, есть у вождя куров — Карвейта.

— Очень хорошо. Ты внимательно осмотрела этот берег?

— Внимательно.

— Переходи на другую сторону косы, к морю. Ты видишь их?

— Вижу.

— Где они?

— Там, где начинаются пески Черного берега.

— У Виндии?! — Крива еле сдержал возглас. — Она помогла им?

— Я устала...

— Я спрашиваю тебя: Виндия помогла Дилингу и христианину?

— Не знаю, я ничего не чувствую. Я устала. Я ничего не вижу.

— Хорошо. Спи. Ты свободна — духи покинули тебя. Спи.

Крива подхватил обнаженное тело девочки, перенес его на лежанку и накрыл теплым, козьего пуха, покрывалом. Выйдя на поверхность святилища, распорядился послать за братом князя Вепря — Балварном. Крива помнил, что тот давно добивался права на отделение от Вепря и основание собственного рода, рода Белого Ворона. Крива решил дать ему это право в случае удачной охоты на Дилинга.

Глава 15

Дилинг хотел забрать лодку у рыбаков, но Тороп убедил его, что так будет больше шума, а это ни к чему. Пришлось возвращаться в поселок Карвейта. Тот обрадовался поводу лишний раз выпить медовухи, но Дилинг пить с ним не стал, только пригубил немного. Он знал, как тяжело будет грести во хмелю, а пройти на лодке предстояло больше двух миль. Но

от бурдюка с медом, который предложил в дорогу Карвейт, не отказался, бросил его в лодку.

Он собирался высадиться на восточном берегу залива Руса на узком полуострове у замка Винде — еще одного из нескольких гигантских полуразрушенных сооружений, которые оставили пруссам белые великаны. Считалось, что этот кусок суши, отгороженный от материка многочисленными протоками и болотами, часто затопляемыми водами залива, принадлежит Скаловии. Но это только так считалось. На самом деле род Винде, живший в замке на полуострове с незапамятных времен, считал себя прямыми потомками великанов и всегда сторонился склавинов, почитая их за людей низкого происхождения. Владельцы замка не враждовали с пруссами, но и не вступали с ними ни в какие контакты, жили какой-то своей, никому не ведомой жизнью. В их родство с великанами можно было верить или не верить, как Дилинг, но те немногие из пруссов, кому довелось увидеть обитателей полуострова, рассказывали, что они действительно чрезвычайно высоки, а волосы их белее снега. Правда, все это было в прошлом. Рыбаки, подходившие иногда к восточному берегу, сильно изрезанному и заросшему камышом и потому богатому рыбой, говорили, что иногда у замка Винде можно увидеть одинокого белоголового человека, но будто бы, кроме него, там уже больше никто не живет.

Дилинг не собирался общаться ни с потомком великанов, ни с кем бы то ни было другим из замка Винде, если таковые существовали. Его вполне устраивало то, что на полуострове нет склавинов, а потому о появлении чужака на их племенной территории никто не узнает. Чуть восточнее замка был затерянный в болотах небольшой поселок, в котором жили люди какого-то очень древнего народа. Пруссы называли это племя «балтами» — болотными жителями. Они говорили на языке, которого никто не понимал, и придерживались собственных обычаев. Однако вайделот — представитель богов Ульмигании и наместник Кривы — у них был. К нему Дилинг и собирался навестись. Однако боги расставили обстоятельства по-другому.

Берег в том месте, где хотел высадиться Дилинг, был усеян валунами. Некоторые были с ровными гранями — явно из какого-то фундамента или стены. Дилинг с трудом нашел место, куда можно было приткнуть лодку. Вышел на берег и прислушался. Еще в лодке, когда он только выбирал место для причала, Дилинг почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Однако поворачивать назад в залив было бессмысленно. Он понадеялся на то, что этот покалывающий спину взгляд — не человеческий. Мало ли здесь в камышах зверья — лисы, барсуки, волки. Будь это даже человек, Дилинг нашел бы, как себя с ним вести. Он боялся только одного — маркопетов — «земляных людей», порождений тьмы, слуг Пикола, гигантских человекообразных животных, живших в землянках в самых глухих чащобах и у болот. Меч отскакивал от их толстой, поросшей шерстью шкуры, копые ломалось, зубья трезубца гнулись. Маркопеты не питались мясом, они были травоядными и, казалось бы, не могли причинить вред человеку, но каждый прусский мальчишка знал, что один взгляд их маленьких, будто свинячьих глаз под нависшими косматыми бровями, может превратить человека в камень. Но за Дилингом следили не маркопеты.

Как только он вытащил лодку на берег, его обступили собаки. Три огромных кобеля молча окружили его и сели, нервно позевывая. Псы были похожи на прусских боевых собак, только раза в полтора выше и массивнее. Голова ближайшего к Дилингу доставала ему до локтя, а брылы свисали с морды, как две хлебные лепешки.

Дилинг постоял, не зная, что предпринять. С одним таким псом он бы еще справился, возможно, даже без оружия. Но сразу три ему были точно не по силам, несмотря на меч в ножнах.

Он это знал, однако голова воина все равно считала: если прыгнет один, срубить ему голову Дилинг успеет, до того, как до него доберется другой, но вот третий пес...

Ситуацию разрешил вышедший из камышей великан. Конечно, он был не таким, какими их представлял себе Дилинг, вспоминая саги. Не выше сосен. Однако и то, что тот был более чем на две головы выше Дилинга, его уже удивило. Белые, будто седые, волосы его не были заплетены в косы, а свободно свисали на плечи. Но поразительнее всего были

глаза на розовато-белом лице. Увидев их, Дилинг в первое мгновение подумал, что у этого человека вообще нет радужных оболочек, настолько они были до прозрачности светлыми. И весь он, этот человек, был какой-то выбеленный, как холстина, какие выбеливают прусские женно.

— Ты кто? — спросил он.

— Я — Дилинг из вармов, из рода Выдры.

— Что тебе здесь надо?

Неожиданно для самого себя Дилинг решил сказать правду:

— Один вайделот навел морок на моего друга. Он ослеп. И теперь мне нужен другой вайделот, который сможет снять заклятие.

— Ты знаешь, что я делаю с рыбаками, которые здесь причаливают?

— Нет.

— Я отрываю им головы, одеваю на шест и ставлю в том месте, где причалил несчастный. Другая лодка уже очень не скоро сюда приходит. Давно уже здесь не было чьей-нибудь головы.

— Я не рыбак, — сказал Дилинг. — И мою голову оторвать будет непросто.

— Я знаю, ты — воин. Здесь не было воинов вашего народа уже лет двести — с тех пор, как они пришли к нам просить помощи в битве со славянами, что живут на юге. Должен тебе сказать, что если отделить голову человека от его туловища, то исчезает разница между рыбаком и воином.

Великан говорил по-пруски чисто, без инородного акцента, но так, как не говорили ни в одном племени, — слишком чисто. Кроме того, казалось, что звуки у него рождаются не в горле, а идут из глубины груди.

Он разглядывал Дилинга, как диковинное животное, и того это начинало злить.

— Уйди с дороги, — резко сказал Дилинг.

— Если я тебя отпущу, ты ведь сейчас же пойдешь и убьешь кого-нибудь из себе подобных. Я не люблю ваш народ, Дилинг из вармов. Мы дали вам огонь, и вы начали поджигать жилища соседей. Мы дали вам власть над металлами, и вы тут же сделали мечи и стали рубить друг другу головы. Мы научили вас тайнам рун — и как же вы их используете? Вы насылаете мор и болезни на семьи родственников. Скажи мне, воин, зачем тебе жить? Только для того, чтобы убивать других?

— Я всегда убивал только тех, кто пытался убить меня, — сказал Дилинг. — Если ты попытаешься это сделать, поверь, я смогу постоять за себя. Только давай отложим этот разговор. Мне сейчас нужно спасти друга.

Великан еле заметно ухмыльнулся.

— Ну что же, пожалуй, ради твоего друга я отпущу тебя. Иди.

Собаки встали и отошли к его ногам, хотя Дилинг не видел, чтобы великан сделал им какой-то знак. Дилинг с облегчением прошел мимо, но боковым зрением не переставал следить за великаном с собаками.

— Эй, воин, — сказал великан ему в спину. — А знаешь, ведь твой друг переживет тебя, а умрешь ты по его вине.

Дилинг быстро обернулся. Великан вместе с собаками удалялся, глядя на Дилинга. При этом он не делал ни одного шага, ни одного движения, просто стоял, смотрел на Дилинга и быстро уменьшался в размерах, пока не исчез совсем.

Дилинг потряс головой и постарался поскорее забыть об этом, как о наваждении. Несмотря на долгую службу русским князьям-христианам, в нем всегда жил трепетный страх перед чудесами Ульмигании.

Дилинг, конечно, мог и не высаживаться у замка великанов, а обойти его по заливу южнее и к деревне балтов подняться по Неману. Но, намахавшемуся веслами в заливе, ему уже не хотелось грести против течения реки. Кроме того, лодка — слишком заметный предмет на глади воды. Проще и спокойнее было перебраться вплавь через неширокие протоки без нее. Незнание местных болот его не смущало. Дилинг помнил, что поселок — на

востоке от полуострова, и ни трясины устья реки, ни все великаны мира не помешают до него добраться. Искать, находить и настигать во что бы то ни стало его начали учить еще до того, как он встал на ноги.

Перед деревней, когда над развевавшимися, как маленькие флаги, головками тростника, стали видны серые конусы кровель, Дилинг наткнулся на малдая⁴² балта. Темнокожий и темноволосый, почти как Милдена, он стоял по пояс в Немане и проверял, попала ли рыба в плетеные ивовые ловушки.

Дилинг прислушался. Кроме плескавшегося мальчишки, поблизости никого не было.

Шаги на берегу, устланном многолетним слоем хрусткого тростника, были бы слышны, и потому добираться до места, где малдай оставил одежду, Дилингу пришлось по воде.

Из всего имущества у балта оказалось только короткое метательное копьё и кусок кожи непонятного назначения. Дилинг негромко хлопнул в ладоши. Малдай обернулся. Еще до того, как он открыл рот от испуга, Дилинг приставил палец к губам. Мальчишка оказался сообразительным — закрыл рот и кивнул. Дилинг поманил его. Мальчишка опять кивнул, поправил на зализанном солнцем до того, что оно казалось закопченным, плече лямку мешка с рыбой и стал осторожно приближаться к берегу. Он был коренастым и нескладным. Черные глаза на грубом лице были так глубоко посажены, что казалось, будто малдай смотрит исподлобья. На шее у него, вместо покунтиса, в ножнах висел грубый нож с деревянной рукояткой. Когда он вышел на берег, Дилинг обратил внимание на большие, непривычные к обуви, растоптанные ступни малдая.

Дилинг взял его копьё, показал малдаю и сломал. Балт на мгновение остановился, но потом все понял и снова кивнул.

— Соображаешь, — сказал Дилинг. — Молодец. А теперь скажи мне: много воинов в деревне?

Малдай что-то коротко сказал, но Дилинг его не понял.

— Что? — спросил он. — Повтори.

Тот повторил, и только тогда Дилингу стало ясно, что те гортанные звуки и щелчки, которые издавал малдай, даже не напоминают ни одного из известных языков.

— Так, — сказал Дилинг. — Интересно. Ты что же, совсем не знаешь по-прусски?

Балт пытливо смотрел, но было видно, что слова Дилинга для него все равно что плеск Немана.

— Понимаешь ли ты, дикарь, что теперь мне придется убить тебя? — спросил Дилинг больше у самого себя, чем у малдая.

Видно, какие-то интонации в голосе Дилинга успокоили и даже обрадовали балта. Он улыбнулся и, расслабившись, поднял с земли кусок кожи, обернул его вокруг бедер и подпоясал ремнем с ножнами, висевшими на шее. Получилось нечто вроде короткой женской юбки. Такого наряда Дилинг не видел никогда. Только тут он начал подозревать, что попал в какой-то другой, не похожий на привычный ему мир. Маленькую страну, отрезанную от Ульмигании реками и болотами и, возможно, никому не известную.

— Пойдем, — вставая, сказал Дилинг. — Покажешь мне свою деревню.

Глава 16

К вечеру Милдена решила искупаться.

Сначала она вышла к морю, прямо напротив того места, где они устроили привал. Но потом застенчивость погнала ее по пляжу правее, к северу. Она сознавала, что слепой Тороп никак не может увидеть ее тела, но все же не решилась раздеться там, где оказалась бы в прямой видимости от мужчины.

Было очень тихо, поперек моря струилась огненная полоса от заходящего солнца,

⁴² Малдай — юноша, не достигший совершеннолетия.

крупный темный, будто речной песок мягко поскрипывал под ногами. Она задумалась и забрела довольно далеко. Когда заметила это и собралась, наконец, скинуть с себя платье, неожиданно увидела, что в воде кто-то плавает. На всякий случай Милдена бросилась в дюны и там залегла за одной. И затаилась, подглядывая за купальщиком. Она не сразу поняла, что это женщина, а увидев, как та выходит из воды, удивилась: что может делать женщина в этих диких пустынных местах, куда, как сказал Карвейт, даже куры не забредают? Еще больше удивили Милдену абсолютно седые волосы этой женщины, которой на вид было не больше трех десятков лет.

С изумлением смотрела Милдена, как вслед за ней выползают на песок, забавно переваливаясь, толстые пятнистые тюлени, как они льнут к ногам женщины. А та, не обращая внимания на их ласки, отряхнула серебро волос и подставила крепкую высокую грудь солнцу.

И вдруг Милдена поняла, кто это. Удивление мгновенно сменил страх, она поползла, пятясь, вниз с дюны, а потом вскочила на ноги и побежала. И бежала до тех пор, пока не увидела Торопа.

Он еще издали услышал ее шаги, и встал, обнажив меч и настороженно поводя слепой головой из стороны в сторону.

— Тебя кто-то испугал? — спросил он.

— Нет, нет, ничего... — сказала Милдена.

— Ты кого-то увидела?

— Нет... Это так, мне просто показалось что-то...

Тогда Милдена не стала рассказывать о том, что увидела. Она расскажет об этом Торопу позже. Много позже.

Глава 17

Дилинг с детства привыкал к запаху крови, а видом растерзанных человеческих тел его давно уже было не удивить. Но такого он не видел никогда.

Трупы, а вернее сказать, то, что от них осталось, было сложено посреди поселка. Казалось, будто зверь невероятных размеров рвал людей на части, жевал и недоеденных бросал, чтобы схватить новую жертву.

Дилинг ждал плача и воплей, но в деревне было тихо. Ужас сковал чувства и мысли балтов, сдал их глотки и замкнул рты. Все они, собравшись на площади, смотрели на Дилинга, и что-то было в их взгляде, чего он не мог понять.

— Я не знаю, что тебя привело сюда, — сказал вайделот, — но тебе лучше уйти. Мальчик уже рассказал им, что ты — тот, кто должен прийти, чтобы спасти балтов, как было сказано в древнем пророчестве. Но ты не тот. Я знаю, кто ты. И потому тебе лучше уйти, пока в их душах не воспылала надежда.

Вайделот единственный в этой деревне носил привычную для глаза Дилинга одежду и не был темнокожим. Он был склавином, это чувствовалось по акценту.

— Кто это сделал? — спросил Дилинг. — Я такого никогда не видел.

— Уходи. Тебе здесь нечего делать. Это проклятие богов. Племя давно должно было вымереть. Вот и пришло их время. Уходи.

Дилинг посмотрел на балтов. Те сидели тихие и смотрели на него черными, глубоко посаженными глазами.

— Я не вижу воинов, — сказал он. — Они в походе?

— У этого народа нет воинов. С кем им воевать? Кругом непроходимые топи. Ты — первый витинг, которого они видят за последние десятилетия.

— Что же здесь происходит?

— Не знаю. По ночам из болота приходит чудовище, исчадие ада размером с хижину вождя, и пожирает людей.

Дилинг вдруг увидел, что жрец так же напуган и растерян, как и балты.

— Оно приходит уже четыре ночи кряду. После первой ночи мы принесли в жертву Пиколу младенца, но оно опять пришло. То, что ты видишь, это все, что осталось от племени балтов. Все здесь. Они говорят, что много лет назад такое уже было. И тогда пришел какой-то белый витинг и спас их. Они думают, что это был ты.

— Это был не я.

— Я знаю. Ты — Дилинг из вармов. Ты убил жреца в Склавегарбен, и тебя ищут лазутчики Великого Кривы по всей Ульмигании. А я должен немедленно схватить преступника и известить об этом Верховного Жреца. Но хватать здесь тебя некому, мне даже некого послать в Ромову. Так что иди с миром. Не смущай этих наивных людей. Если боги решили их известить, они это сделают.

Балты прислушивались к разговору. Дилинг не знал, понимает ли кто из них то, о чем он говорил с вайделотом, но смотреть в черные глаза ему стало невмочь.

Дилингу было не по себе. Он колебался. Десятки поколений витингов воспитывались так, что беда любого народа Ульмигании была их бедой. Оскорбление любого существа в этой стране, будь то артайс или куст бузины, под которым живет божок Пушкой, было личным оскорблением каждому витингу. Именно поэтому многие сотни лет ни один чужой воин не переступил границ Ульмигании безнаказанно. Поэтому устои страны веками оставались незыблемыми, что бы ни происходило во внешнем мире. Но Дилинг не мог позволить себе умереть. На косе куров, на чужой и враждебной им территории, его ждали Милдена и Тороп. Что будет с ними?

— Если я помогу тебе, поможешь ли ты мне? — спросил он жреца.

— Значит, ты не хочешь уйти, — обреченно сказал вайделот. — Я знал и это. Утром духи рассказали мне все.

— Ты поможешь мне? — еще раз спросил Дилинг.

— Ты не знаешь того, что знают боги и что знаю я. Но тебе ведь нужно только мое обещание. Хорошо, я даю его.

Дилинг почувствовал облегчение. Как всегда перед боем — есть враг, есть меч на поясе — все ясно и прозрачно, и больше ни о чем не нужно думать. Все остальное теперь в руках богов.

— Расскажи мне все, что вы знаете об этом. Все подробности, даже те, которые вам кажутся не важными.

— Все началось с того, что однажды ночью оно напало на лодку рыбаков, которые били рыбу гарпуном при свете факела. Оно разбило лодку и сожрало одного рыбака. Два других доплыли до берега и прибежали в поселок. Оно ворвалось за ними и начало крушить хижину и рвать людей. И с того дня приходит каждую ночь. Я думаю, оно всегда жило в наших озерах и болотах. Возможно, тогда кто-то из рыбаков поранил его и оно рассвирепело.

— А до того дня ничего особенного не происходило? Вспомни, на первый взгляд что-то может казаться не связанным с нынешним.

Жрец подумал.

— За два дня до того пропал малдай. Подростки иногда ловят по ночам сачком на свет мелкую рыбешку для юсы.⁴³ Но мы думали, он утонул.

— Тело нашли?

— Наутро искали. Но потом тут такое началось... Кто же теперь станет его искать? Люди боятся выйти из деревни в сторону болот.

— Возможно, тогда этот зверь впервые попробовал человечины. А потом напал на рыбаков, и они привели его в поселок. Как он выглядит?

— Ужасно. Похож на огромного ежа в два человеческих роста. Только с длинной зубастой мордой и хвостом. Хвост тоже длинный и на конце утыкан шипами, напоминающими лезвия мечей. Этим хвостом оно разбивает хижину, как скорлупу ореха.

⁴³ Юса — жидкая рыбная или мясная похлебка.

— Как оно двигается?

— Бегаёт. Человека догоняет запросто. У него лапы как у ящерицы, с когтями. Вокруг поселка полно следов, ты можешь посмотреть на них. Если ещё хочешь, конечно.

— Пошли.

Жрец повернулся к балтам и что-то сказал им. Те загомонили. Малдай, тот, что привел Дилинга в деревню, выхватил свой нож и показал его вайделоту. Жрец неопределенно и скорбно закивал головой.

— Пойдем, — сказал он Дилингу. — Посмотрим следы.

Они тянулись с северо-востока от озера Крок, и действительно, если бы не их размеры, напоминали бы следы ящерицы — такой же извилистый отпечаток хвоста. Только этот хвост толщиной с тысячетелный дуб. Поросль ольшаника на пути зверя была измочалена, а некоторые мелкие деревья вырваны с корнем. Следов было много.

— Это плохо, — сказал Дилинг. — Мы не можем поставить на его пути ловушку.

Следы пересекались и путались. Старые накладывались на новые. Но самый свежий был и самым прямым. Тварь вышла из озера напротив деревни и направилась напрямик к хижинам.

— Или можем? — сам себя спросил Дилинг. — Похоже, оно нашло короткую дорогу и сегодня пойдет именно по ней.

— Ловчую яму не выкопать, — сказал жрец. — Тут под почвой везде вода.

— Я заметил.

Дилинг посмотрел на небо. Оно было закрыто дымкой, но солнце, бледным белесым пятном катившееся к закату, просматривалось.

— У нас мало времени, — сказал он. — Скажи вождю, пусть соберет мужчин и нарубит как можно больше кольев. А женщины пусть уведут детей и соберут весь, какой смогут, сухой камыш.

Жрец тоже посмотрел на солнце, в сторону залива.

— Да, у нас действительно очень мало времени. А вождь в той куче, которую ты видел посреди деревни. Но балты все равно сделают все, что ты скажешь.

Дилинг сделал ловушку для ночного зверя из самой деревни. Он приказал обнести ее кольями так, чтобы заостренными концами бревна были направлены внутрь, к площади. Между ними мог пройти человек, но крупное животное не пролезло бы. Сначала он хотел соорудить за оградой нечто вроде небольших осадных пороков, которые видел в Рутении, но балты убедили его в том, что зверь хорошо защищен длинными толстыми иглами и ни камни, ни тем более легкие копыта ему не повредят. Тогда он расставил по деревне несколько опор, на которых на противовесах пристроил и поднял высоко вверх колья, закрепив их веревками за деревья вне ограды. Такими же плотно поставленными друг к другу приспособлениями на той тропе, по которой привык ходить зверь, Дилинг собирался закрыть и единственный вход в ловушку. Чтобы до сумерек набрать столько бревен, сколько понадобилось, пришлось раскатать единственную в деревне бревенчатую хижину вайделота, стоявшую чуть поодаль от остальных — глинобитных.

Детей балты прятать не стали. В случае гибели племени те все равно бы не выжили. Женщины пристроили грудных младенцев себе на спины, и так все время с ними и оставались. А те, что могли ходить сами, помогали матерям собирать камыш и хворост и раскладывать его по пространству между хижинами.

Судя по рассказам балтов и жреца, зверь был очень опасен и почти неуязвим. Но он был ночным зверем, а значит, должен бояться света. Это Дилинг и собирался использовать.

Из-за дымки, затянувшей небо, сумерки пришли быстрее обычного. Зверь тоже пришел раньше.

Дилинг услышал гулкие шаги задолго до того, как увидел саму тварь. Плохо различимая в темноте, бесформенная туша, топорщась, как молодой ельник, подошла к ограде и остановилась.

Дилинг убедил балтов не погребать своих растерзанных соплеменников. Дать им

возможность, пусть и в качестве приманки, но послужить племени в последний раз. И сейчас он видел, что запах крови манит тварь, но что-то показалось ей непривычным в облике ошетилившейся кольями деревни. Она явно не решалась ступить под перекрытия опор в наглухо окруженную частоколом деревню. Какое-то время Дилинг думал, что зверь уйдет. Еще его поразила тишина. Затаившиеся балты не издавали ни звука, и это было понятно, но и тварь, при всех своих размерах, оказалась бесшумной. Если б не ее тяжелая поступь, она могла бы подкрадываться к жертве в абсолютной тишине.

Вероятно, кто-то из детей за оградой не выдержал напряжения, раздался глухой всхлип, зверь быстро повернул похожую на щучью морду в ту сторону и двинулся внутрь ловушки. Дилинг, надеясь на то, что за гулом своей поступи зверь не расслышит чужой, побежал к воротам. Зверь остановился, и вместе с ним замер Дилинг. Тяжелый, утыканный огромными шипами, конец хвоста еще оставался за пределами ворот, а Дилинг был уже совсем близко от него. Настолько, что, поверни тварь назад, его положение оказалось бы крайне сложным. Он уже чувствовал тяжелый запах болотной тины, смешанный с вонью падали, и хорошо мог разглядеть влажно блестящие остроконечные роговые пластины, покрывавшие зверя.

Наконец тварь дернула хвостом, задев его концом одну из опор, так, что затряслась вся конструкция, и прошла внутрь деревни, прямо к площади, где были сложены трупы балтов. Дилинг подскочил к крепежным концам веревок и обрубил их мечом. Почти одновременно с грохотом захлопнувшейся ловушки из-за частокола внутрь деревни полетели зажженные факелы. Вспыхнули кучи сухого камыша, загорелись крытые тростником крыши домов. Зверь с неожиданной резвостью развернулся, и ближайшая к нему хижина разлетелась на куски, разбрасывая вокруг охапки пылающей кровли. Балты продолжали швырять факелы и мотки горючей пакли, и пожар мгновенно и весело охватил всю деревню. Зверь, разметав еще пару хижин, метнулся к воротам, но здесь его ждал Дилинг. Он обрубил следующие крепления, и три бревна заостренными концами вперед полетели навстречу твари. Одно попало в цель. Тварь вздрогнула, визгливо взревела, и, ломая воткнувшееся в нее бревно, повернула назад от ворот. Но и там у нее на пути один за другим стали срывать с креплений, подрубленных балтами, колья. Каждый раз, когда в нее попадало острие бревна, тварь издавала режущий ухо звук. Она металась, круша деревню, но везде ее поджидали или падающие сверху, или уже упавшие, но угрожающе раскачивающиеся острые концы бревен. Еще немного, и зверю пришел бы конец. Но он вдруг перестал метаться по поселку, бросился прямо на частокол ограды, и несколькими ударами хвоста разнес ее в щепы. Оттуда закричали, и Дилинг побежал на эти крики.

Зверь топтал и рвал на куски полуголых балтов, отчаянно пытавшихся защититься своими тонкими дротиками.

И вот здесь случилось нечто странное и необъяснимое, чего Дилинг так и не смог понять, сколько потом об этом ни думал.

Когда уже казалось, что тварь никого на этом клочке земли среди болот не оставит в живых, со стороны чахлой ольховой рощицы раздался треск, зверь взвыл и рухнул, подмяв под себя кого-то из балтов. Дилинг быстро обернулся в сторону ольшаника. Там что-то вспыхнуло одновременно с треском, потом еще раз. Но зверь уже не визжал и не двигался, а только грузно вздрагивал всеми своими шипами.

Белый великан — а это был он, Дилинг хорошо разглядел его в свете пожара — опустил руку с каким-то черным предметом, перевел взгляд со зверя на Дилинга, потом повернулся и ушел в темноту рощи.

Никто из балтов в суматохе не заметил его, а Дилинг не стал ничего объяснять. Он и сам не понимал, что произошло.

Потом балты при помощи кольев, подкладывая под них камни, с трудом приподняли зверя и вытащили из-под его туши своего жреца. Дилингу стало ясно, что делать ему здесь больше нечего, и он ушел так же тихо и незаметно, как белый великан.

На рассвете он уже причаливал к восточному берегу косы куров.

Но Тороп так никогда и не узнал, почему Дилинг не привез вайделота. Он ничего не

успел ему рассказать.

Едва он вышел из лодки и повернулся, чтобы вытащить ее на песок, его захлестнула петля аркана, прижала руки к туловищу и поволокла.

Балварн решил собственноручно брать Дилинга, потому что думал — тот куда опытнее, чем его юный друг. К тому же христианин слеп. Балварн редко ошибался в бою, но на сей раз его просчет дорого обошелся роду Вепря.

Когда четверо витингов, страховавших поначалу Балварна, услышали крики и лязг железа от кострища и бросились на подмогу товарищам, они увидели, что трое уже лежат смертельно раненные, а двое других еле успевают отбиваться от града ударов того самого христианина, которого все считали слепым. Один из подоспевших воинов Вепря с досады так яростно метнул дротик, что тот прошиб Торопу кольчугу и вошел в грудь. Тороп обернулся и получил удар мечом. По кольчуге широкой полосой стала расплзаться кровь, а Тороп сделал два шага и упал на бок.

Милдена кусала и пинала витингов, но скрутили ее без особого труда.

Глава 18

Виндии приснился сон, которого она не ждала. Снилось, что в ручье, там, где он спотыкается об огромную старую ольху и, огибая ее, прыгает с большого камня вниз и бурлит водоворотом, тонет цыпленок тетерева. Уже оперившийся, но беспомощный, он жалко трепыхался в пенящейся воде, высовывал головку и из последних сил держался на поверхности. Виндия вытащила его, принесла домой, он обсох, и оказалось, что это вовсе не птенец, а молодой сильный дикий кот. Он был розовым с золотыми поперечными полосами на спине, коротким рысьим хвостом и без шерсти. Только лапы и хвост были покрыты редким рыжеватым пушком.

Вайделотка проснулась. Она, как и все вайделоты, умела управлять своей душой, и та почти никогда не блуждала сама по себе. Чаще всего душа спала вместе с Виндией. Неуправляемые фантастические сны принимались вайделотами за откровения богов. Сны разгадывали, лелеяли, им верили как божественным указаниям. Однако Виндии, давно разуверившейся в религии и порвавшей с богами все отношения, Виндии, подчинившей магию и разгадавшей источники силы духов земли, воды и воздуха, явление незваного сна не понравилось. Душа трепетала, понимая, что Виндия на нее зла и наверняка жестоко накажет за эту попытку вырваться на волю.

Но Виндия была мудрее души. Она рассудила, что та не посмела бы покинуть тело без особой надобности, и отложила наказание. Сейчас для нее важнее было найти ту силу или причину, которая подсунула Виндии неуправляемый сон.

Она раздула огонь в очаге, подкинула несколько веточек можжевельника и щепотку растертой в пыль травы, которую куры называли «змеиной горечью». Когда сладковатый дым заполнил хижину, Виндия положила ладони рук на янтарный шар. Он был спокойно прохладным — безмолвствовал. Вайделотка не стала читать заклинаний и чертить руны. И так было ясно, что духи здесь ни при чем. Это ее не удивило. По тому, как с пробуждением задрожала душа, она уже догадалась, что источники сна где-то внутри нее самой.

Виндия откинула шкуры на входе, впуская в хижину свежий воздух, а сама вышла наружу.

На светлеющем небе чернел рисунок крон деревьев. День обещал быть светлым, безоблачным с легким юго-западным ветром. Подходящий день для того, чтобы заняться, наконец, переселением в зимнее жилище. Но что-то в этом безмятежном рассвете было не так. Что-то угрожающе сдвинулось и грозило рухнуть. Вайделотка обратила зрение внутрь себя и пошла за ним.

Она вышла к морю. Постояла в раздумье, двинулась на юг, прошла еще полсотни шагов и тогда заметила, что идет за следами копыт на песке. Попробовала уйти в сторону, но ее явственно тянуло к этому следу. Виндия встала и подумала — нужно ли ей это? Решила, что

не нужно. Ей нет Дела до людей. У них своя жизнь, у нее — своя. И все же не повернула, пошла дальше.

У границы ее владений вчерашние следы с уже осыпавшимися краями были затоптаны множеством беспорядочных, совсем свежих. Виндия подняла голову и принялась. Пахло потом коней, мужчин, кожей, железом и кровью. По сырому песку тянулась глубокая борозда. Волокли что-то тяжелое. Виндия хотела пойти за бороздой, но раздумала, пошла в сторону от моря, к сосняку.

На небольшой поляне в нескольких шагах от кострища лицом вниз лежал воин. Виндия уже знала, кто это.

Песчаная почва не успевала впитывать кровь, она медленно растекалась в траве. Богатый серебряный пояс с мечом, который Виндия заметила вчера, исчез. Исчезли и друзья рутена — витинг с вармийским акцентом и его темноволосая женно. Трава была вытоптана, местами сбита до песка, и все забрызгано кровью. Виндия обошла поляну, и земля показала ей два места, где на ней лежало по труп, и одно, откуда человека забрали еще живым.

Вайделотка подошла наконец к воину и перевернула его. Справа на груди, как раз между нашитыми бляхами, кольчуга была пробита копьем. Слева звенья кольчуги смялись под ударом меча. Рана под ними, судя по всему, тоже была серьезной. Виндия подняла веки русского и заглянула ему в глаза. Потом закрыла их и пошла прочь.

Она спустилась к морю, вошла в него и поплыла, надеясь, что море остудит тот жар, который вспыхнул в душе.

В детстве Виндия оставила людей, а в юности от нее отвернулись боги. Она не умерла и не сгорела на жертвенном костре. Виндия выжила и отстояла свою свободу. И с тех пор жила в ладу с собой. С тех пор ее боялись и люди, и жрецы, и боги.

Если б юноша был мертв, она погребла бы его. Будь он способен сам бороться за жизнь, Виндия бы ушла. Но тот был не мертв и не жив. Он был на дороге в Страну предков, и вернуть его оттуда могла только Виндия. А она этого не хотела. Она не должна была этого делать. Приблизиться к человеку, помочь ему, — значило разделить с ним страдания, радости, грехи, — все то, что и делает людей смертными. Сделать шаг навстречу человеку — значило сломать защиту, которую она выстраивала многие годы, значило ослабеть.

Виндия развернулась и поплыла к берегу.

Глава 19

У Дилинга были связаны только руки. Будь он в другой части Ульмигании, пожалуй, попробовал бы сопротивляться. Но он видел торчавшие на шлемах клыки вепря. Его пленили самбы, а с этими молчаливыми высокомерными витингами, потомками любимого сына короля Вайдевута, следовало быть осторожным. К тому же Дилинг не знал, что случилось с Милденей и Торопом, а из того, что воины Вебря не убили его самого, можно было сделать вывод — те живы, и все они зачем-то нужны самбам.

С другой стороны, Дилинга везли в ту часть Самбии, которую морские волки зовут Витландом, а там — столица Кривы — Ромова. А уж от него, человекобога, оборотня, от одного только вида которого люди падали за смерть, трудно ждать чего-то хорошего.

К вечеру добрались до деревни Вебря, выстроенной у ручья из бревенчатых домов. Самбы и в этом отличались от других пруссов, имевших круглые глиняные хижины.

Два дюжих витинга с бесстрастными лицами сняли Дилинга с коня, закинули в стеге,⁴⁴ заперли и ушли.

Небо в маленьких окошках, сквозь которые были видны мечущиеся со звоном ласточки, потемнело.

Дилинг ждал, что рано или поздно к нему присоединят и Торопа, но вместо этого

⁴⁴ Стеге — чулан, сарай (прусск.).

заявился витинг с такими светлыми волосами, что брови на его широком красном лице, казалось, отчеркнуты белой глиной. Он присел возле Дилинга, долго смотрел на него, пожевал травинку, потом сказал:

— Мне сказали, что твоя мать из нордманов.

— Тебя-то это меньше всего касается, — ответил Дилинг.

— Конечно, — согласился витинг. — Просто я сам из морских волков. В юности, когда я возвращался из своего первого похода, на нас напали даны. Из всех наших воинов остались только я и мой друг. Мы вплавь добрались до Витланда и попали к роду Вепря. Его люди хорошо к нам отнеслись, а мой друг даже стал вождем рода.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Не знаю. Наверное, чтобы ты понял — я не хочу тебе зла.

— Поэтому ты держишь меня в веревках?

— Это приказ Верховного Жреца. Если б тебя не изловил я, поймал бы кто-то другой. Зато теперь Крива позволит основать мне свой род — род Белого Ворона.

— Меня казнят или принесут в жертву богам?

— Вряд ли... Крива зовет пруссов на большую войну с христианами. Я думаю, он собирается как-то использовать в этом походе и тебя.

— Что, Ульмигания обеднела витингами?

— В Ульмигании еще хватает воинов, но не все из них так много времени провели среди христиан, как ты.

— Криве не удастся использовать меня. Мой род изгнал меня по его прихоти, и я больше не прусский витинг. В Рутении я достаточно заработал, чтобы больше не подчиняться ничьим приказам. Я не стану воевать ни за христиан, ни против них.

Витинг помолчал, потом вздохнул и сказал:

— Мне говорили, что ты сильный воин, но давно не был в Ульмигании. Ты забыл ее законы.

— Начхал я на законы, которые устанавливает Крива, — сказал Дилинг.

Беловолосый выплюнул огрызок травинки, встал и ушел. Дощатая дверь осталась распахнутой. Дилинг попробовал натяжение веревок, ворочаясь, но они не шелохнулись. Витинг скоро пришел. Дилинг сразу узнал расшитый серебром пояс, который он видел еще на Поповиче, и длинный меч.

— Из этого малдая вышел бы великий воин, — сказал витинг. — Он убил двоих из Вепря, а одного ранил так, что тот может и не поправиться. На это способен не каждый муж.

Дилинг замотал головой. Тороп мертв?! Он не верил, не хотел верить в это!

— Вы уже предали тело огню? — спросил он.

— Нет, мы...

— Покажите мне его.

— Твой друг остался там, на косе...

— Так у тебя нет его тела! И ты не знаешь точно — мертв ли он? — усмехнулся Дилинг. — Тогда жди: он скоро объявится в твоей деревне — и двумя воинами дело уже не обойдется.

Витинг нахмурился. Он никак не мог понять — серьезен ли Дилинг?

— Хорошо, — сказал он, подумав. — Я сейчас отправлю на косу несколько человек, чтобы они привезли рутена сюда. Ты сам сможешь проводить его в Страну предков. По крайней мере, это будет справедливо — он был славным воином.

Витинг собрался уходить, но Дилинг остановил его:

— Постой, как твое имя?

— Самбы зовут меня Белым Вороном, Балварном.

— Балварн, ты не знаешь, где моя женно?

Тот замялся:

— Я не должен этого говорить... Но... Честно говоря, мне и самому нравится не все, что делает Верховный Жрец. Он хочет, чтобы ты послужил ему, а в качестве залога упрячет

твою женщину в какое-то из своих тайных подземелий.

— Я убью его! — вырвалось у Дилинга.

Балварн удивленно посмотрел на него, но сказал только:

— Сейчас тебе принесут поесть. Не надейся на глупостей, у нас они не проходят.

Перед тем как предложить юсу, Дилингу заключили ноги у щиколоток и руки выше локтей в железные панто.⁴⁵ Так что, когда он поднимал руку, чтобы поднести ложку ко рту, за ней поднималась и другая. Ясно было, что ни о каком побеге и речи быть не может. Дилинг отложил мысли об этом до утра, тем более что ему необходимо было выяснить, что случилось с Торопом. Все-таки его пояс оказался у самбов.

Но утром случились события столь чрезвычайные для пруссов рода Вепря, что они сдвинули на задний план все остальное.

Утром Дилингу забыли принести еду. Гостеприимство пруссов, возведенное в ранг заповеди королем Вайдевутом, обязывало делиться последним куском даже с пленником. То, что Дилинг не получил своего завтрака, а снаружи сруба, в деревне, чувствовалось необычное оживление, возбудило в Дилинге вчерашнюю надежду на неожиданное появление Торопа.

Но Тороп был ни при чем. Дозорные приволокли в деревню двух миссионеров, бродивших в пределах родовой территории по прибрежным дюнам.

О Дилинге вспомнили только к полудню, когда его надежды на освобождение сильно подтаяли, солнце стояло высоко, а оба проповедника, потрепанные разъяренными вдовами, потерявшими мужей в битвах с христианами, предстали перед вождем.

Дилингу вручили сомписин с запеченными в нем кусками мяса, кружку пива, и, едва он с этим покончил, потащили на деревенскую площадь.

Князь восседал на высоком, вырубленном из цельного дуба троне, спинку которого венчала голова огромного старого вепря с закрученными кверху клыками. Русые волосы вождя были заплетены в две косы и спускались вниз на грудь, сливаясь цветом с густой бородой. Лицо с продольным шрамом, прошедшим через висок, щеку и верхнюю губу, отчего та вздернулась, обнажая темные зубы, казалось перекошенным гримасой ярости. И хотя глаза его были спокойны и внимательны, миссионеры чуть держались на ногах от страха перед этим воплощением язычника.

Вепрь посмотрел на Дилинга и спросил:

— Будешь переводить?

— Нет, — сказал Дилинг.

Князь кивнул, будто и не ждал другого ответа.

— Приведите чеха, — сказал он.

Миссионеры бормотали молитвы. Дилинг прислушался, но ничего не понял. Это была латынь, но Дилинг этого не мог знать и порадовался, представив разочарование Вепря от бессилия его керша-вайдиата.⁴⁶

Проповедники же оказались славянами из Силезии, и горбатый толмач быстро это выяснил.

— Спроси, где они закопали свое золото? — потребовал князь.

— У них не могло быть золота, — попробовал возразить чех. — Это служители Бога, и золото они считают презренным.

Вепрь засмеялся. От этого его лицо стало выглядеть еще свирепее, а хриплый смех произвел на миссионеров удручающее действие. Они прижались друг к другу.

— Я не знаю такого народа, который не любил бы золота, — сказал князь. — Они не могли прийти в чужую страну с пустыми руками. Если ты, горбун, сейчас не выяснишь, куда

⁴⁵ Панто — кандалы.

⁴⁶ Керша-вайдиат — переводчик, толмач.

они девали свои ценности, я велю тебя спалить живьем вместе с ними.

Вепрь неуловимым движением подвинулся вперед и ударил толмача ногой. Тот упал и откатился к ногам миссионеров. Один из них бросился поднимать горбуна, а другой снял с шеи крест, вознес его высоко над головой и запел.

Тот, что поднял толмача с земли, подступил к вождю и стал горячо и убежденно уговаривать его принять христианство.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил Вепрь.

— Он говорит, что ты, князь, должен принять его веру, и тогда его бог простит тебя, даже если ты их убьешь, ибо сейчас ты не ведаешь, что творишь.

Говорить такие вещи князю — значило сравнивать его с сумасшедшим. Только те несчастные, у которых носейлы отнимают разум, становятся подобны животным и не ведают, что творят. Чех знал, что наносит Вепрю оскорбление, и все-таки сказал это.

У Вепря побелел шрам. Он выхватил трезубец у стоявшего рядом витинга, но не бросил его, сдержался.

— Скажи им, — прошипел он. — Я сдеру с них кожу и отдам вайделоту на барабаны, если они не выдадут золото. Я спрашиваю об этом в последний раз.

Керша-вайдиат спросил, но миссионер не унимался и продолжал уговаривать князя на крещение. Он даже рассказал, что если этого не случится, то и Вепрь, и все его племя будет жариться в аду.

— Где же взять такой большой вертел, чтобы насадить на него весь мой народ? — усмехнулся князь, услышав перевод.

Самбы стали смеяться вместе с вождем. Дети начали кидать в пленников камни и глину, но Вепрь поднял руку, и те притихли.

Князь решил, что христиане — это именно та жертва, которой сейчас не хватает Перкуну. Их поволокли к сухостойной сосне на окраине деревни, а Дилинга — в его стеге. Он поискал глазами Балварна, но того не было видно.

В ушах Дилинга еще не успели стихнуть крики сгоревших заживо миссионеров, как за ним прибыл человек от Верховного Жреца.

Глава 20

Главным было — задержать воина на дороге в Страну предков, не дать ему сделать еще один шаг. Виндия видела, как тянет, засасывает того в бесконечность. К вечеру ей удалось найти общий язык с Арелье Пикола,⁴⁷ и они договорились о перемирии. Когда он, устав бороться с вайделоткой, отступил чуть-чуть, Виндия резким движением попыталась повернуть раненого лицом к себе. Но сил у нее осталось так мало, что этот порыв едва не стал роковым для обоих. Дыхание ее сбилось, в глаза ударила тьма крыльев Арелье, и Виндия почувствовала, что сейчас рухнет на витинга, и они оба провалятся в смрадное чрево преисподней. Отпрянув, она, как в водоворот, нырнула вниз и в сторону и всплыла в действительности.

Ей следовало бы посмотреть на подопечного, проверить, не сломала ли она то, что выстроила за день. Но Виндия лежала на холодном глиняном полу, дрожала от озноба, а в глазах ее, как облака, гонимые сильным ветром, сменялись воспоминания, которые, как ей казалось, она давно прогнала из памяти.

Вот она — маленькая, трясущаяся от страха девочка — стоит перед Кривой, и тот щупает, мнет ее взглядом...

Вот белый жеребец бога Лиго,⁴⁸ и она на нем — гордая своей ролью жрицы и юным

⁴⁷ Арелье Пикола — букв. «орел Пикола», образное выражение, мифологический ворон, уносивший души мертвых в Страну предков.

⁴⁸ Лиго — бог любви, плотских утех и гульбищ.

телом, открывшимся восхищенной толпе... Впервые она вспомнила то, что не вспоминала никогда, — своего ребенка, которого даже не успела разглядеть, его сразу отняли и принесли в жертву. Крива, благоволивший к ней, скрыл от людей грехопадение жрицы, и Виндия тогда не умерла. Она вспомнила далекий каменистый, остров, куда ее отвезли морские волки, его некрасивых простодушных обитателей... Холодные длинные темные зимы...

Виндия подняла руку и указательным пальцем надавила на точку над переносицей. Видения исчезли.

Она встала. Рубаха была мокрой от пота и липла к телу. Но прежде чем заняться собой, Виндия наклонилась к рутену. Жизнь замерла в нем и еле прослушивалась слабыми шорохами, но уходить пока не собиралась. Виндии еще предстояло залечить раны, после этого она могла бы заняться возвращением воина к земному существованию. Работа многодневная и тяжелая, но уже не настолько опасная для нее самой, как та, что она сейчас проделала. Опасность была в другом. Вайделотка чувствовала, что вязнет в связях с этим смертным. Она опять подумала о том, чтобы отнести его людям — пусть сами решают судьбу подобного себе. Но поняла, что не сделает этого. Малдай бередил в Виндии что-то, чего она, при всем своем великом знании, никогда не ведала. Что-то, что в ней спало, — цветное и щемящее...

Вайделотка вышла из хижины, быстрым шагом взобралась на дюну и, сбежав к морю, бросилась в него. Вода вцепилась тяжестью в ее рубаху, и та соскользнула с Виндии, как старая змеиная шкура.

Глава 21

Белый Ворон сдержал слово, данное Дилингу, послал своих людей на косу. Те вернулись обескураженные. Тщательно обыскав место сражения и ближайшие заросли, воины не нашли Торопа. Он исчез.

— Как исчез?! — удивился Балварн. — Куда?

Витинги не знали, что ответить. Пропало не только тело Торопа, но даже следы его пребывания на поляне. Трава в том месте, где упал русский, была не примята, и казалось, что ни одна капля крови из тех страшных ран, что ему нанесли, не стекла на песок. Русский исчез, будто его и не было вовсе. Балварн не стал спрашивать о хищниках — если б они навестили труп, витинги прочли бы это по следам.

— Там где-то живет старая вайделотка, — вдруг вспомнил Балварн. — Может, она погребла его?

Витинги подумали и об этом, но, проплутав по дюнам, не смогли найти оврага, где, как считали куры, жила воплощенная Лаума. На обратном пути люди Балварна заехали в деревню Карвейта. Ничего, кроме того, что варм с чужеземцем и женщиной с черными волосами проследовали на север, а обратно не возвращались, куры не знали. На расспросы о вайделотке, живущей в песках, они отвечали сбивчиво и невнятно, хватались за покунтисы и шептали заклинания.

Поделиться недоумением с вармом Балварн не успел. Выяснилось, что Вепрь уже отдал Дилинга Криве. Возмущаться тем, что об этом не известили Балварна, было бессмысленно — вождем был не он. Однако Белый Ворон еще надеялся встретить Дилинга. Он собирался в Ромову просить об исполнении Верховным Жрецом обещания дать ему право на собственный род. Возможно, там удалось бы поговорить и с Дилингом.

Эти расчеты не оправдались.

Крива принял Балварна благосклонно. Сказал, что давно следит за его подвигами и не видит ничего, что мешало бы Белому Ворону занять достойное его место князя. Воодушевленный радушием Кривы, Балварн попробовал заговорить о Дилинге.

— Дилинг из вармов? — удивился Крива. — Никогда не слышал о таком.

— Как?! — вырвалось у Балварна. — Разве не за его поимку...

— Ты славный воин, — оборвал его Крива. — И будешь мудрым вождем. Иди, строй свою деревню на земле самбов.

Низко поклонившись, Балварн покинул алые чертоги Верховного Жреца. Он понял, что Крива затеял игру, правил которой не дано знать воину, даже получившему титул вождя.

Но Балварн ошибался. Не Верховный Жрец пруссов начал эту игру, а совсем другой человек, о существовании которого витинг знал только понаслышке.

Глава 22

«Итак, Конрад... он часто водил ятвягов, сковитов, пруссов, нанятых за деньги, на сандомирские земли, подвергая их разграблению и опустошению. Яростно сопротивлялись жители Кракова и Сandomира...

Во времена этого Конрада по его призыву... языческий народ впервые начал опустошать Польское королевство. Ведь упомянутый Конрад щедро награждал язычников, помогавших ему. Но он не остался безнаказанным...»⁴⁹

Далеко южнее Самбии в своем замке в городе Плоцке томился в ожидании князь Мазовии и Куявии Конрад. Польша, как, впрочем, и вся Европа в те времена, была раздираема смутой и бесконечными войнами. И только ему — достойнейшему из достойных — князю Конраду Мазовецкому суждено было, по его мнению, объединить под своими хоругвями великую страну. Тогда ничего не сможет удержать его и от покорения богатой дикой Пруссии. А пока, к стыду своему, он вынужден вести тайные переговоры с погаными язычниками и, более того, униженно просить их о помощи.

Более месяца назад тайные послы Мазовецкого посетили Верховного Жреца пруссов и передали, кроме всяких дружеских подарков и заверений в преданности, просьбу выступить с войсками на Леха Белого, князя сандомирского и краковского, — брата Конрада. Несколько раньше с такой же просьбой послы Мазовецкого побывали и у Даниила Романовича Галицкого. Тот согласился выставить несколько полков при условии, что соблазнительно богатый Краков будут брать именно его витязи. Мазовецкий и сам был не прочь поживиться в столице брата, но пошел на жертву во имя окончательной цели своего плана — стать единовластным правителем Польши.

Случай представился уникальный. Дело в том, что несколько лет назад Лех Белый, наследовав от отца, кроме прочих земель, и Поморье, поставил в Дантеке капитаном одного из самых удачливых своих воевод — Святополка. Тому, однако, так пришлось по душе власть, что он взял да и объявил себя князем поморян, отказавшись от всякой зависимости.

Возмущенный Лех попытался было воззвать к его совести или хотя бы требовать дань, но Святополк, успевший к тому времени соорудить по границам Поморья несколько мощных крепостей, ответил князю откровенными угрозами. Леху ничего не оставалось, как, заручившись поддержкой брата, выступить с войсками на усмирение мятежного воеводы.

Вот только Конрад совсем не собирался помогать брату в этом. Более того, он предупредил об экспедиции Святополка, а с Верховным Жрецом пруссов сговорился о том, что тот пустит по следу Леха своих дьявольски ловких лазутчиков, не имевших в мире равных по способности к тайному убийству. Этого-то известия — о неожиданной кончине брата — и ждал в Плоцке Конрад Мазовецкий. Оно же должно было послужить и сигналом к выступлению братьев Романовичей и пруссов на краковское княжество.

Князю казалось, что никто не сравнится с ним в ловкости политической игры. Но в итоге он дважды перехитрил самого себя. Уже в тот момент, когда Мазовецкий поставил часть своего плана в зависимость от Кривы, он совершил роковую ошибку. Очень скоро

⁴⁹ Chronica Poloniae Maioris — «Великопольская Хроника» (изд. Московского университета, 1987 г.).

Конрад с неопишущим ужасом осознает, что недооценил и мощь прусских дружин, и коварство их духовного владыки. Но пока Верховный Жрец придерживался договора, посланный им для убийства Леха лазутчик поднимался вверх по Вистуле навстречу краковским отрядам. Человек этот знал много славянских диалектов, обычаи христиан и в совершенстве владел своим ремеслом. Звали его Дилинг Удро — Дилинг из рода Выдры.

Глава 23

Шел дождь. Мягкий, плотный, шелестящий — обычный прусский дождь. При других обстоятельствах погода напомнила бы Дилингу о скорой осени и о том, что пора приискать какое-то пристанище. Но позволить себе думать о чем-либо, не связанном с сиюминутной задачей, он не мог. Строго говоря, он вообще ни о чем не должен был думать. Сосредоточившись на задании, лазутчик растворялся в нем. Душа, мозг и все его органы стремились только к одному — встрече с жертвой. Дождь глушил звуки, размывал и стирал следы, сокращал видимость, а значит, был союзником.

Дождь в начале пути — хорошая примета для лазутчика. Если боги особенно благосклонны к нему, то они позволяют Окопирну лить на землю влагу несколько дней. Судя по неторопливости, с какой эта влага морщила гладь Вистулы, боги решили помочь Дилингу. Ему оставалось только идти вперед, доверившись чутью, наследованному его предками от Матери Выдры. Но так не получалось. Дилингу приходилось думать, а мысль глушит остроту чувств. Он не знал жертву, а сведения, что предоставил Крива, были скупы и расплывчаты — Лех Белый раньше не имел контактов с пруссами. Именно это и заставило Криву обратиться к Дилингу. Он считал, что тому, хорошо зная христиан, будет легче выследить краковского князя. И теперь Дилинг, вынужденный руководствоваться не чутьем, но разумом, чувствовал себя не так уверенно, как хотелось бы.

Он переплыл Осу и ступил на пустынные земли Палве.⁵⁰ Где-то здесь, на почти правильном прямоугольнике, образованном излучиной Вистулы и реками Осой, и Древантой,⁵¹ был вход в Страну предков. Здесь, под огромными валунами, разбросанными тут и там по холмистой безлесной равнине, злобствовали мятежные и побежденные духи, восставшие некогда против богов. Палве пользовалась дурной славой и у пруссов, и у Мазуров. Но именно этот кусок суши, усеянный камнями и многочисленными мелкими озерами, служил извечным поводом для раздоров. Под камнями здесь были захоронены духи, а под холмами — воины ульмиганов, пруссов, Мазуров, поморян, ляхов... Проклятая богами глинистая почва, хоть и обильно сдобренная прахом людей, не разродилась ни лесом, ни пашней. Помезаны, густо утыкавшие поселками леса к северу от Осы, так и не решились перебраться на ее левый берег. Единственной приметой человека в этой глуши были несколько пограничных укреплений по Древанте и Вистуле да кучи хвороста для сигнальных костров на высоких холмах.

Но Дилинга мало волновала древняя замороченность Палве. Он торопился к ее крайней южной оконечности. Там, вклинившись между Мазовией и Померелией, в устье Древанты стояла крепость Рагава, где его ждал проводник князя Конрада. Было условлено, что Дилинга он ждет до заката первого дня луны. Дилинг не понимал, почему лях не может ждать дольше, но это было не главной из тех деталей, которые не нравились ему в плохо подготовленной операции, и заострять внимание на ней он не намеревался. Дилинг знал, что придет в Рагаву вовремя.

Увидев на горизонте стены Рагавы, Дилинг свернул к востоку и объехал крепость. Подходящий холм он нашел почти у самой Древанты. Оттуда, забравшись на старый

⁵⁰ Палве — пустошь, пустыня.

⁵¹ Древанта — река Дрвенца.

развесистый граб, присмотрелся к укреплению. Из-за мелкого плотного дождя видимость была неважной, но Дилинг разглядел витингов, упражнявшихся в метании дротиков в большой тростниковый щит; лошадей, понуро мокнувших под дождем; маленькую фигурку малдая, не достигшего совершеннолетия и бывшего пока в услужении, пронесшего ушат с водой в приземистую длинную хижину. Из ее аккодиса стлался во двор Рагавы жидкий дымок. Застава жила своей обычной жизнью. Дилинг спустился с дерева и запрыгнул на сверяписа.⁵²

Подъезжая к засеке, Дилинг заметил, как в зарослях бузины на обочине дороги что-то блеснуло. Он сделал вид, что не заметил этого, проехал дальше и ударил в ворота тупым концом копья.

— Чего шукам, лях? — спросили сзади, и Дилинг почувствовал, как под левую лопатку уперлось острое дротика.

— Я — тот, кого боги послали тропой одинокого волка, — ответил Дилинг по-прусски, не оборачиваясь.

Неприятное ощущение под лопаткой исчезло.

— Куметис ждет тебя.

Дилинг обернулся. На пятнистом жеребце сидел и улыбался молодой витинг, лица которого едва коснулась вансо.⁵³

«Если ты и впредь будешь так хорониться, то состариться тебе не удастся», — подумал Дилинг.

— Я тебя видел, — сказал он. — Ты сидел под тем кустом.

Витинг покраснел.

— Не говори Райтвилу, — попросил он.

Дилинг равнодушно отвернулся.

Куметис Рагавы оказался тощим, с загорелым, покрытым сеткой морщин лицом. Цепкий взгляд выдавал в нем опытного воина.

— Твои люди не умеют хорониться, — сразу сказал ему Дилинг.

— Кто?

Дилинг нагнулся и стал ослаблять упряжь на лошади. Не дождавшись ответа, Райтвил приказал сменить всю внешнюю охрану крепости. Только после этого он пригласил Дилинга разделить с ним трапезу.

От пива Дилинг отказался. Попросил воды. Райтвил распорядился принести.

— Проводник здесь? — спросил Дилинг, напившись.

— Здесь, — ответил Райтвил. — Я приказал позвать их после трапезы. Они христиане.

— Их? Он что, не один?

— Двое.

Дилингу это не понравилось. Второй проводник в его расчеты не входил. «Глупо, — подумал он. — Ваша глупость, ясновельможный пан Конрад, видна даже отсюда, из-за Вистулы. Так неинтересно...»

Он откинулся к стене, вытянув ноги к очагу, и постарался расслабиться.

— Я подумал, что тебе может понадобиться что-то, о чем им лучше не знать, — сказал Райтвил.

Дилинг не ответил.

— Мне эти ляхи не понравились, — добавил куметис. — От них пахнет могилой.

Дилинг неохотно разлепил веки:

— Зови их, нам пора в дорогу.

— Я не знаю, кто ты и куда идешь, — сказал Райтвил. — Но хочу предупредить:

⁵² Сверяпис — прусская боевая лошадь особой породы и выучки.

⁵³ Вансо — первая растительность на лице юноши.

осторожнее с этими ляхами.

— Я тебя понял и благодарен за предупреждение. Доведется, отвечу тем же. У меня мало времени.

Дилингу ляхи тоже не приглянулись. Не потому, что от них чем-то пахло, и даже не потому, что внешне они резко отличались от пруссов бритыми подбородками и длинными усами. Была в них какая-то щеголеватость, не приличная воинам. Радущие, с которым они встретили Дилинга, слетело, когда тот заявил, что придется оставить в Рагаве их крупных статных лошадей.

— Снимайте упряжь, — сказал Дилинг. — Вам дадут других лошадей.

— Да ты кто такой, чтобы распоряжаться тут? — вскинулся лях помоложе.

Дилинг, не обращая на него внимания, повернулся к Райтвилу:

— Замени им коней.

Молодой лях хотел еще что-то сказать, но другой, из-под мясистого красного носа которого чуть ли не ниже подбородка висели густые с проседью усы, положил руку ему на плечо. Дилинг понял, кто из них главнее.

— Ваши лошади слишком хороши для такой работы, — примирительно сказал Дилинг, обращаясь в основном к старшему. — Они не выдержат гонки по лесам и болотам. Сверяписы лучше приспособлены для этого.

Дилинг видел, как не хотелось ляхам расставаться со своими красивыми лошадьми, но рассказывать о том, что сверяписы могут ползать в траве, прячась вместе с витингом, нырять с головой в воду, драться, лягая и кусая лошадей врага, и еще многое другое, не стал. Ляхам об этом было необязательно знать. Он только подумал — не срезать ли с ляшской упряжи лишние побрякушки и металлические соединения, но решил, что это ни к чему, — те были всего лишь проводниками. Он и коней заменил им так, на всякий случай, чтобы самому иметь лишних под рукой.

Из-за туч, сплошной серой массой нависших над землей, сумерки пришли раньше обычного. Дождь прекратился, но было видно, что ненадолго.

Дилинг вошел в воду Вистулы как был — в одежде, с мечом на поясе, и поплыл, придерживаясь за гриву сверяписа. Ляхи же замешкались, суетливо снимая оружие и доспехи. Тот, что помоложе, снял даже штаны. Когда мощное течение реки вынесло их на восточную оконечность острова Лиска, они, даже не отдышавшись, бросились искать прусса. Следы его коня уходили к ольшанику посреди острова, но там путались и исчезали в высокой траве.

— Песья кровь! — выругался Мирослав. Он был не только моложе своего напарника, но и менее сдержан. — Куда он делся?

— Может, покричать? — спросил его товарищ.

— Ты знаешь его поганое имя?

— Нет.

— Мне он тоже не представился, — сказал Мирослав. — Ну, погоди, дрянь, дай только срок, я тебе...

— Тише, он может нас слышать!

Мирослав примолк, настороженно озираясь. Он злился, и не столько потому, что не понимал, куда девался прусс, сколько оттого, что вдруг вспомнил все жутковатые рассказы о воинах этого народа. Об их колдовских чарах, о том, что они якобы могут становиться невидимыми или превращаться в животных, о том, что они-де зарываются в землю, как кроты, и летают по воздуху, как летучие мыши, об их коварстве и звериной жестокости. Миреку было не по себе, и он злобствовал, пытаясь заглушить непонятное, пугающее предчувствие беды.

— Пся крев... — повторил он сквозь зубы. — Может, сбежал?

— Не думаю. Надо его найти.

Они сговорились обойти остров по берегу с обеих сторон и, если никто из них до встречи на другом конце не обнаружит прусса, пройти вместе назад сквозь ольшаник.

Лошадей, которые были им неприятны, потому что казались союзниками прусса, оставили пастись.

Мирославу выпало идти по северной стороне. Он не прошел и половины пути, как вдруг увидел на опушке рощи мирно стоявшего жеребца прусса и почти сразу — человеческие следы, идущие прямо к реке. Мирек какое-то время ошалело смотрел туда, где они заканчивались, пытаясь понять, почему следы идут только в ту сторону и не возвращаются? Затем ему показалось, что в воде, немного поодаль, что-то темнеет. Вглядываясь в расплывчатое пятно, он зашел в реку. Чем ближе он подходил к темнеющему предмету, тем с большей ясностью и изумлением понимал, что это и есть тот прусс, которого они только что потеряли. Лицом вверх, раскинув руки, тот лежал на дне в месте, где Мирославу было по колено. Сквозь легкую рябь хорошо были видны раскрытые светлые глаза прусса.

— Холера! — сказал Мирослав и нагнулся, чтобы вытащить его.

Неожиданно левая рука утопленника вскинулась и железной хваткой вцепилась Миреку в шею. В следующее мгновение он сам уже оказался в воде, а прусс сидел на его груди.

Когда Мирослав наглотался воды столько, что движения его стали вялыми, Дилинг поднял ляха. Тот только таращил глаза и беззвучно хлопал ртом.

«Передержал», — подумал Дилинг и, встряхнув его, несколько раз сильно ударил ладонью по щекам. Лях закашлялся.

— Рассказывай! — потребовал Дилинг.

— Ты что?.. Пся крев... Ты что это?.. — выдохнул лях.

— Говори!

— Подожди, подожди... — сказал Мирослав. — Сейчас.

Он собрался с силами и схватил Дилинга за горло. Но тот сделал руками круговое движение так, что они оплели руки Мирослава с боков, потом резко подался вверх. Мирек услышал хруст, и дикая боль в локтевых суставах ослепила его. Закричать он не успел, потому что в рот хлынула вода.

— Я скажу, скажу! — торопливо проговорил лях, когда Дилинг снова привел его в чувство. — Только не топи меня, я все скажу!

— Проводника достаточно и одного. Почему вас двое? — спросил Дилинг.

— Князь сказал, что ваш главный колдун пошлет такого человека, что один с ним не справится.

— Когда и где вы должны убить меня?

— После того, как ты сделаешь свое дело. Но мы не собирались тебя убивать! Только в крайнем случае... Мы должны только сдать тебя людям князя. Он хочет, чтобы убийца его брата был наказан по закону.

— «По закону», — усмехнулся Дилинг. — Куда вы собирались отвезти меня?

— В Плоцк.

Последнее, что видел Мирослав, это капли воды из Вислы, что падали на его лицо с короткой бороды прусса. Легкие ляха наполнились этой водой, а сознание тихо и умиротворенно растворилось в реке.

С ближайшего дерева Дилинг наломал веток и сложил веником. Потом вернулся к Вистуле и, пятась, замел следы на берегу.

Несмотря на осеннюю погоду, было еще лето, пусть и самый конец его. Ночь наступила по-летнему робко и нерешительно. Дилинг нашел в центре острова дерево, напоминавшее руну «S», отсчитал от него пять шагов по направлению к Ромове, на северо-восток. Убеждаясь, что за ним никто не наблюдает, огляделся.

— Прусс! — где-то в дальнем конце острова кричал второй лях. — Прусс, где ты есть?

Дилинг обеими руками взялся за ствол невысокого высохшего боярышника и потянул его на себя. Вместе с деревцем от земли оторвался и кусок дерна, открывая круглое отверстие. Дилинг спустился в него и приладил над собой крышку с дерном и сухим

боярышником.

Лях миновал мыс, вытянувшийся длинным языком на западной стороне острова, и теперь шел по его северному берегу. С самого начала, когда он увидел белесые рыбы глаза прусса, он понял, что они не сулят им с Миреком ничего хорошего. В отличие от Мирослава, он уже воевал с пруссами и знал, что, простоватые с виду, они проявляли необычайную изворотливость ума, когда дело касалось войны. Он не верил в сказки об их колдовских способностях, но подозревал, что пруссы, обучая детей воинским искусствам, дают им не только умение обращаться с мечом, но и нечто такое, чего никто, кроме этого дикого племени, не знает. Когда прусс исчез, лях понял, что добром это не кончится. Он хотел сказать об этом Миреку, но, увидев, что тот и так напуган, решил промолчать. Теперь, когда они не встретились в условленном месте, он ругал себя за то, что отпустил его одного. Это было ошибкой. Лях еще отгонял мысли о непоправимости этой ошибки, но они все настойчивей лезли ему в голову.

Было темно. Он не видел ни следов, странным образом обрывавшихся посреди песчаного пляжа, ни одиноко стоявшей на опушке лошади.

На рассвете лях, измотанный бессонной ночью и нервным напряжением оттого, что приходилось прислушиваться к каждому шороху, осознавший наконец, что если остался и не в полном одиночестве, то по крайней мере, с неизвестно где притаившимся язычником, стоял, тупо уставившись в то место, где кончались следы Мирека, и бормотал молитвы. Его тронули за плечо. Непроизвольно отскочив в сторону, лях выхватил меч.

Лицо прусса было спокойно и лениво равнодушно, когда он спросил:

— Где твой приятель? Нам пора переправляться через Вистулу.

— Вистулу? — переспросил лях. Почему-то он забыл, что пруссы так называют Вислу. — А где Мирек?

— Твоего приятеля зовут Мирек? Мирослав? А почему ты у меня о нем спрашиваешь? Я вас не видел со вчерашнего вечера.

Глядя в простодушное лицо прусса, лях поймал себя на том, что верит ему. Действительно, они ведь не виделись со вчерашнего вечера, откуда ему знать, куда пропал Мирек? Лях понимал, что это бред, — Мирек не мог пропасть просто так, тут не обошлось без участия этого дикаря, но верил ему! Откуда пруссу знать, куда пропал Мирек?!

— Нам пора, — твердо сказал прусс. — Если твой приятель где-то спит, пусть сам потом добирается. Мы оставим здесь его лошадь. Мне хватит и одного проводника.

— Да, — повторил лях, — тебе хватит и одного проводника. Нам пора.

Когда они вошли в воду, прусс сказал:

— Меч.

— Что? — спросил лях.

— У тебя в руке меч. Тебе будет неудобно плыть.

Лях посмотрел на меч в своей руке и, что-то пробормотав, сунул его в ножны.

Шел дождь.

Глава 24

В то утро над холмами вниз по течению Вистулы поочередно поднялись столбы дыма от сигнальных костров. Цепочка огней перекинулась на берег Халибо, и дальше — к дюнам Самбии. К ночи того же дня дружины самбов перешли Преголлу. На пути к устью Вистулы к ним должны были присоединиться отряды вармов и помезан. Шли ночью. В светлое время всякое движение в Пруссии замирало.

Князь поморян Святополк, чьим землям в первую очередь угрожало нашествие пруссов, в то утро еще ничего об этом не знал. Его мучило от чрезмерных возлияний этой ночи, и он беспрестанно прикладывался к кувшину с крепким темным пивом. Опохмелялся. Настроение его было под стать самочувствию. Уже почти неделю он сидел в походном лагере в лесу близ Накло, вдали от своей столицы — Сартавицы, и ждал, когда разведчики

принесут ему весть о приближении Леха Белого. Он уже получил заверения от Конрада, что тот не станет вмешиваться в битву, и ожидание только раздражало его.

Святополк носил на груди большое распятие на толстой золотой цепи, но при этом придерживался языческих обычаев и обрядов, что и помогало ему с легкой душой заключать союзы и с богом, и с дьяволом. Он одинаково презирал как Леха, так и его не в меру честолюбивого брата, и с радостью прикончил бы обоих. Однако при всех своих бесспорных полководческих талантах он был всего лишь князем поморян — немногочисленного небогатого племени, которое не могло выставить нужного для завоевания Польши количества воинов. Но, в общем, Святополк был и так доволен своей участью. Поморяне в большинстве оставались верны старым богам. Буйство характера и склонность к бражничанью и идолопоклонству, которые не нравились в князе христианам, они ценили превыше всего. Чего и говорить, воин Святополк был бесстрашный, а воевода отменный. Чему, к слову сказать, во многом был обязан пруссам. Они же помогли ему семь лет назад занять Поморье. Теперь, правда, отношения с Кривой у него не складывались. Из-за монахов, которых Святополк пустил на свои земли. Но, даст Бог, Перкун поможет ему решить и эти проблемы. Святополк предчувствовал, что война с братом, в которую Конрад втянул пруссов, закончится и для самого Мазовецкого плачевно. Он слишком хорошо знал пруссов и их отношение к ляхам, чтобы думать, как Мазовецкий, что те ограничатся помощью одному из князьков в борьбе с другим. Вот, мечтал Святополк, когда мы вместе с пруссами огненным смерчем пройдем по Польше, я буду великодушен и отдам Криве большую часть добычи. Тогда и наш союз возобновится. Однако же тогда надо будет что-то делать и с этими проклятыми «добринскими братьями»! — думал Святополк. Монахи Христиана ему и самому порядком надоели тем, что лезли в каждую бочку со своими проповедями, и тем, что из-за них у поморян испортились отношения с пруссами.

«Зачем я их к себе пустил?» — тоскливо думал Святополк, прикладываясь к горлышку кувшина.

В то же утро князь сандомирский и краковский Лех по прозвищу Белый, объезжая полки, был рассеян и пару раз не ответил на приветствия своих доблестных воевод, чем вызвал справедливые обиды.

До встречи у крепости Крушвица с войсками Конрада краковцам оставался один дневной переход. Потом они вместе должны были двинуться к землям «нечестивого, самозваного» Святополка, чтобы принудить его к подчинению.

«Пора раз и навсегда положить конец...» — дальше этой кулей мысли у Леха дело не шло. В голове у него вертелось что-то насчет уничтожения полуязыческого княжества, выхода поляков к морю, замирения с братом, но все как-то сумбурно и нечетко.

Лех Белый верил в сны. Тщательно анализировал их, прислушивался к советам ночных видений, пестовал воспоминания о снах и был глубоко убежден в том, что только неправильная трактовка снов — причина тому, что иногда кажется, будто они не сбываются. В то утро Лех был рассеян оттого, что весь отдался обдумыванию очень странного сна.

Снился ему город. Огромные стены, сложенные из маленьких, будто кошачьих, желтоватых черепов. И на стенах этих — великаны, беловолосые, синеглазые гиганты. Машут руками, смеются. И хочется Леху туда к ним, но страшится он ходить по человеческим костям. Но отважился-таки, попробовал влезть на стену. А она гладкая, не за что уцепиться, некуда ногу поставить. Силился Лех, но ничего не получается. Тогда решил он поискать ворота в замке. Идет вдоль стены, а под ноги всякие гады кидаются. То лягушка с собачьими зубами норовит в ногу впиться, то пиявка толстая, как свинья, черная и длинная, на Леха пасть разевает. А из замкового рва чудные рыбы выскакивают. Плавники парусами развеваются, челюсти — как ножницы щелкают. Жутко Леху еще и оттого, что маленький он, как младенец, беспомощный. Хочет отца позвать, но тот отмахивается: «Сам придешь». — «Куда?» — хотел спросить Лех, но вместо короля Казимира уже стоит какой-то обросший не то человек, не то пес на задних лапах, весь в рыжей шерсти, вместо носа

пороссячья морда, и скалится радостно. «Скоро, — говорит Леху. — Скоро...» И катятся вдаль за стены белого замка тележки на железных колесах по железным жердочкам.

«Что бы все это могло значить?» — мучился Лех. А думать-то ему нужно было вовсе не об этом, а о том, встретятся ли их с братом Конрадом дружины, да как воевать будут, да как после власть делить над Поморьем? Но не до этого Леху, князю сандомирскому и краковскому. Сон не идет из его головы. Вот и не замечает он своих верных рыцарей, вот и хмурятся они.

А на западной стороне Самбийского полуострова, в Ромове, в то утро Верховный Жрец освящал руны в послании к вождям, призывая принести достойные богов жертвы и быть готовыми к походу на юг.

— Клантемай!⁵⁴ — вполголоса произнес Крива, но клич этот тысячекратным эхом отозвался в Ульмигании.

«Клантемай!» — подхватили жрецы у священных костров. «Клантемай!» — зарычали витинги, седлая сверялисов.

И в то же самое утро во Львове братья Романовичи — Даниил Галицкий и Василько — приняли решение: не дожидаясь более вестей от Конрада, самим выступить на Краков.

Глава 25

Весь день, пока, таясь, поднимались вверх по реке Нотеци, лях пребывал в странно раздвоенном состоянии. Все происходившее с ним и вокруг него он воспринимал будто со стороны, как во сне. Разум не оставил его, но в отсутствие воли, которая осталась на острове посреди широкой Вислы, он бессмысленно возмущался, не в силах вернуть себе власть над телом. Даже страх, который все сильнее овладевал ляхом, не мог разбудить его. Лях должен был и хотел бежать от водянистого взгляда прусса, который неотступно преследовал его, но вместо этого безучастно подчинялся приказам.

Наконец они наткнулись на один из краковских дозоров. Задолго до того, как между деревьями показался отряд из шести всадников, прусс насторожился. Его напряжение как свое передалось и ляху, хотя он ничего не слышал. Быстро оглядевшись, прусс знаком велел спуститься к реке. Спешившись и ведя коней в поводу, они вошли в заросли рогоза. Умные тощие прусские лошаденки стояли в воде смиренно, затаив дыхание вместе с людьми.

Разведчики разговаривали во весь голос, не таясь. Опасаться им было нечего, дозор они несли больше по обязанности, нежели от необходимости.

Когда подъехали так близко, что уже можно было разглядеть кичливого льва на красном щите одного из воинов, прусс вопросительно посмотрел на ляха. Тот утвердительно кивнул — да, это краковцы.

Теперь по заранее разработанному Конрадом плану прусс должен был убить Леха Белого, а лях — помочь своим соплеменникам схватить язычника. Но он уже знал, что дальше события будут развиваться так, как того захочет прусс. И помешать этому никто не сможет. Лях напоминал сейчас себе барана на бойне, и было ему от того противно, но он ничего не мог с этим поделать. Он полностью был во власти светлых, не отражавших никаких эмоций глаз прусса.

После того как дозор отъехал достаточно далеко, прусс посмотрел на ляха. Тот понял, что за этим последует, и опустил взгляд к воде. Она была темновато-прозрачной. Было видно, как на дне возле сапог шевелятся косматые водоросли. Потом внезапно стало темно. Боли лях не почувствовал.

Дилинг подхватил его и вытащил на берег. Прислушался. В лесу было тихо. Он вернулся за лошадьми. Свою привязал тут же, на берегу, а ту, на которой приехал лях, отвел

⁵⁴ Клантемай — букв. «проклинаем» — ритуальная формула-приговор. Считалось, что устами жреца его выносят боги.

подальше за деревья и, просунув уздечку под лежавшее бревно, подтянул морду лошади к земле. Затем перерезал ей горло. Лошадь дернулась, пытаясь освободиться, но силы быстро оставили ее, передние ноги подкосились, и она упала сначала на колени, а потом завалилась боком. Дилинг обтер нож о шкуру и подставил ладони под бившую из шеи горячую струю. Онпил ипил, пока не почувствовал, что желудок полон кровью. Тогда вытер о лошадь руки и снял с нее сбрую.

Глава 26

К Леху Белому его привели после полудня.

— Ну, — спросил князь. — Что такого важного ты хотел сообщить мне, язычник?

— Твой брат, князь мазовецкий Конрад, вошел в сговор со Святополком и Верховным Жрецом пруссов с тем, чтобы выманить тебя из Кракова и погубить в этих лесах, а земли твои предать мечу и огню.

— Ты что такое говоришь, поганый? С этим ты шел ко мне, думая, что я поверю? И как посмел ты при мне нести хулу на единокровного моего брата?

— Верь мне, князь, ведь я и есть тот человек, которого послали, чтобы убить тебя.

— Кто послал?

— Крива. А за твою голову Конрад обещал навечно отказаться от претензий на Палве и отдать на разграбление часть твоих владений. Пруссы выступают, как только получают известие о твоей смерти.

Лех задумался. Его и самого уже начинало тревожить затянувшееся ожидание. От Конрада, как это ни странно, не поступало никаких известий. А ведь до Плоцка было рукой подать. Лех послал к нему гонцов с запросом — отчего, мол, тянет с выступлением? Но те почему-то не вернулись в срок. Конрад с детства отличался завистливым и склочным нравом, с возрастом его характер не выправился и особой любви друг к другу братья не питали, но чтобы тот замыслил братоубийство? Такого Леху и в голову не могло прийти. Все же сыновья они одного отца и одной матери, крестились в одной церкви...

— Я тебе не верю, — сказал Лех. — А послал тебя ваш колдун скорее для того, чтобы посеять раздор между мной и братом.

— Я знал, что ты так скажешь, — ответил Дилинг. — А как ты объяснишь, что мне известно место вашей с Конрадом встречи? Ведь ты только вчера сюда пришел, не так ли?

— Ну, этим ты, язычник, никого не удивишь. Все знают, что у вас звериный нюх.

— В этот раз он не понадобился. У меня был проводник из ляхов, от Конрада.

— Был? И где же он теперь?

— Рядом. Прикажи своим людям сходить к большой липе, что стоит на откосе над рекой.

— Проверьте, — распорядился Лех. — А тебе я советую рассказать все, как есть на самом деле, а не сказку, придуманную колдуном. Да поскорее, пока за тебя не взялись мои мастера по дознанию. Они у меня знатоки своего дела.

— Я тебе, князь, все по совести рассказал. Другого ответа не будет.

Когда принесли ляха с вывернутой назад головой, князь рассмеялся:

— Что это? Тот, кто сможет подтвердить твои слова? Из него уже вздоха не выжмешь. Однако ты не так уж и хитер, а, гот?⁵⁵ Не удалось тебе убедить меня мертвецом. Попробуй теперь уговорить моих мастеров.

— Если б я не свернул ему шею, — сказал Дилинг, — возможно, он это проделал бы уже с тобой.

— Уберите его, — отмахнулся Лех. — И этого тоже...

⁵⁵ Гот — в те времена поляки часто называли пруссов готами. Что послужило причиной для этого — остается загадкой и по сей день. Разные версии происхождения этого этнонима сомнительны.

— Такова твоя благодарность, князь? Погоди, спохватишься, да поздно будет!

Прусса увели, а Леху вспомнился его загадочный сон. «Что, если гот говорит правду?» — подумал он. Если вдуматься, то от Конрада можно любой пакости ждать. И гонцы куда-то подевались. Все одно к одному складывается так, что впору поверить язычнику.

Пришел один из палачей.

— Чем прикажешь испытать прусса, князь? Огнем или дыбой?

— Вы его очень-то не увечьте, — сказал Лех. — Он еще пригодится. Прижгите так, для порядка, может, чего нового скажет. А не скажет, оставьте. Изуродовать мы его всегда успеем.

— Ничего вы от него не добьетесь, — сказал Говорек, воевода, наиболее приближенный к Леху. — Я этот народ знаю. Для них мучения или смерть от руки врага то же, что для нас милость Божья. Врет он, нет ли — нам все равно не узнать.

— Посмотрим. Иди, иди! — замахал Лех руками на ката.⁵⁶

Потерявшего сознание Дилинга отволокли в один из шатров и поставили охрану. Очнулся он уже ночью.

Живот горел так, будто раскаленный прут, которым ему прижигали кожу, вошел внутрь и там остался, обугливая внутренности. Но кости были целы, а выпитая днем кровь давала уверенность, что Дилинг сумеет быстро восстановиться. Очень хотелось пить, да и ожоги нужно было присыпать золой, но Дилинг счел, что лучше будет, если его оставят в покое до утра, и не стал объявляться. Он пошарил руками вокруг, нашел свою куртку и в ее складках сухие скорлупки моке — «сон-травы». Сунул в рот сначала половину запаса, но потом подумал, что при такой боли эта доза может не сработать, и высыпал все остальное. Пожевал, прислушиваясь к звукам снаружи шатра, и вскоре уснул.

Утром его разбудили. Лицо Леха, и без того бледное, посерело. Приближенные к нему рыцари были озабочены. Все посмотрели на Дилинга, когда его ввели. «Началось...» — подумал Дилинг.

— Я узнал, что Конрад убил моих послов, — сказал князь. — Теперь я думаю, что в твоих словах была истина.

— А как быть с этим? — спросил Дилинг, задирая нижнюю рубаху. Живот его был испещрен вспухшими багровыми рубцами. Они еще не успели затянуться корочкой и сочились сукровицей.

Лех поморщился:

— Ты должен быть благодарен мне. Тебе оставили жизнь и не искалечили. Могло ведь быть и по-другому.

— Я запомню твое великодушие, князь, — сказал Дилинг.

Лех пытливо посмотрел на него, но по бесстрастному лицу прусса нельзя было что-либо прочесть. Он ворчливо сказал:

— Не пойму, ты дерзок от безрассудной смелости или это очередная готская хитрость? Запомни, прусс, если ты затеял со мной игру, мои мастера вынут твою паршивую душонку, если она у тебя есть, по кусочку.

Дилинг промолчал.

— Итак, чего ты хочешь? — спросил Лех.

— Я спас тебе жизнь, это дорого стоит, — начал Дилинг.

— Чего же ты требуешь? — перебил его Лех.

— Службы. Я мог стать вождем, но Крива добился, чтобы мой род изгнал меня. Я странствовал восемь лет, а когда вернулся домой, Крива отнял у меня жену и убил друга. Я не хочу возвращаться в Пруссию, потому и пришел к тебе. Я славный воин, и ты очень скоро убедишься в этом, если возьмешь к себе на службу.

— И ты не просишь вознаграждения сразу?

⁵⁶ Кат — палач (польск.) .

— Я воин. Все, что мне нужно, я заберу в бою.
— Твои слова мне нравятся. Положим, я возьму тебя, согласен ли ты окреститься?
— Нет.
— Почему?
— Я прусс. Таким уж уродился и вряд ли изменюсь, если повешу на себя крест.
Лех помолчал, с любопытством разглядывая Дилинга, потом сказал:
— А знаешь, прусс, если б ты мне сейчас ответил утвердительно, я бы тебе не поверил.
Хорошо, я принял решение. Завтра мы выступаем на Плоцк. Ты пойдешь впереди вместе с моими лучшими рыцарями. Посмотрим, каков ты в деле. А после поговорим о службе. Ты свободен. Но не думай, что тебе удастся бежать, за тобой будут присматривать.
— Сегодня, — сказал Дилинг.
— Что?
— Выступать на Плоцк нужно сегодня.
— Так... — протянул Лех. — Вот теперь я вижу, что ты знаешь гораздо больше, чем сказал мне.
— Я сказал все, что знал. Только ты плохо слушал, князь. Я говорил, что твой брат в союзе с пруссами и поморянами. Но если пруссы должны двинуться на юг после того, как узнают о твоей кончине, то Святополк вряд ли станет ждать. Я думаю, он уже идет и будет здесь если не сегодня, то завтра.
Князь задумчиво уставился в узор ковра под ногами.
— Похоже на то, — сказал он после раздумий. — Конрад не осмелился бы убить моих гонцов, если б не был уверен, что это сойдет ему с рук. Видно, он действительно рассчитывает на чью-то помощь. Ну что ж, милый братец, значит, пришла пора окончательных расчетов.
— Выходим не медля. Говорек, трубить «поход», — приказал Лех.

Глава 27

Лех Белый не дошел до Плоцка. В районе Бреста Куявского его нагнали отряды Святополка и с ходу, не дав краковцам возможности развернуться, ударили в тыл и разметали обозы.

Удар был настолько неожиданным, что в первые мгновения обескураженный Лех в панике принялся отдавать самые нелепые приказы. Так, он распорядился выстроить повозки для обороны, хотя видел, что большая их часть уже уничтожена, а остальные в беспорядке разбросаны. Он кричал, призывая под свои флаги рыцарей, не замечая, что хоругви втоптаны в грязь бесцельно метавшимися воинами. Те пытались спастись от окружения поморянами. Лишенный поддержки, Лех, как простой воин, сражался, размахивая мечом направо и налево, пока под ним, вспоротая ловким ударом, не рухнула лошадь. Какой-то пехотинец занес над Лехом топор.

— Я князь! Князь! — закричал Лех, сдергивая шлем.

Крик этот, казалось бы, абсолютно бессмысленный, все же оказал свое действие. Пехотинец отступил, опуская оружие, и тут же пал сам, сраженный мечом Дилинга.

Лех вскочил в седло приведенной пруссом лошади.

— Бежим! — сказал Дилинг. — Ты уже не спасешь свое войско, спаси хотя бы голову.

В отчаянии Лех окинул взглядом поле битвы. Повсюду поморяне гонялись за бросившимися врассыпную краковцами. Прусс был прав, их уже ничто не могло спасти.

«В Гнезно!.. — мелькало в голове Леха под стук копыт. — Собрать горожан... Поднять Великую Польшу... Связаться с русскими. Романовичи помогут... Покарать изменников!»

Он так и не узнает, что зять Святополка Владислав Одонич уже выбил из Гнезно Владислава Великого и погнал его в сторону Познани, а князя Романовичи, бывшие до сих пор союзниками обоих братьев Казимировичей, решили принять сторону одного из них и уже бесчинствуют в пылающем Кракове. Не узнает, потому что в планы его спасителя-

прусса не входило длинное путешествие.

У какого-то ручья они спешили, чтобы передохнуть. Дилинг напился коричневой от листьев воды, потом вымыл руки и вытер их о штаны.

— Ты спас мне жизнь, — сказал ему Лех.

Прусс не ответил.

— Как тебя зовут, гот?

— Дилинг, из рода Выдры.

Лех усмехнулся:

— У нас считается, что человек произошел от человека, а не от зверя. Но все равно, я запомню твое имя.

— Ага, — кивнул Дилинг.

Лех сидел, привалившись к березе, а прусс стоял перед ним.

— Садись, — сказал Лех. — Отныне я разрешаю тебе сидеть при мне. А доберемся до Гнезно — я посвящу тебя в рыцари.

— Мне это не нужно, — сказал Дилинг. — Да и ты уже не доберешься до Гнезно.

— Разве мы поехали не в ту сторону?

— Мы уже приехали, князь. Я ведь говорил, что должен убить тебя.

— Да, но ведь ты не сделал этого. Садись же!

— Я это сделаю сейчас.

Только тут Лех заметил, что прусс держит руку на рукоятке кинжала. Тот еще был у него в ножнах, но само положение руки вызвало у князя прилив холодной тошноты. Он потянулся за мечом, одновременно заметив, как внимательно прусс следит за его движениями.

— Ты что это вздумал? — спросил Лех, поднимаясь с земли.

— Молись, князь, не теряй времени, — сказал Дилинг.

Лех уже встал на ноги и почувствовал себя увереннее.

— Ах ты быдло!.. — рявкнул он.

Вытащить меч князь успел только до половины. Длинное лезвие кинжала вошло ему в голову снизу вверх точно под мочкой левого уха, и он рухнул без единого звука и вздоха.

Дилинг снял с его пальца печать с орлом и спрягал в кожаный кошелек на груди. Потом обтер кинжал пучком травы и занялся разоблачением князя. Доспехи были добротны и богаты. Вместо кольчуги — склепанный из тонких чешуек гибкий панцирь с наплечниками в виде львиных морд. Меч был непривычно длинен для Дилинга, но хорошей работы и стоил прилично. Его он тоже взял. Щит же — массивный, украшенный кованым гербом, неудобный и слишком заметный — он положил на тело князя. Теперь ляхи по крайней мере по щиту узнают его.

Погрузив добычу на лошадь Леха, Дилинг неторопливо отправился на север.

Глава 28

Бросившись в погоню за краковцами, Святополк был вынужден тут же ее прекратить. Объявился один из оставленных для защиты Сартавицы рыцарей и, еле ворочая языком от усталости, сказал, что в замке пруссы.

— Какие пруссы?! — изумился еще разгоряченный схваткой Святополк. — Ты что плетешь, идиот?!

— Не знаю какие, князь... С рогами. Ночью они как-то прокрались в замок...

«Прусы с рогами... Пьяный он, что ли?» — мелькнуло у Святополка. Он хотел накричать на рыцаря, стоявшего перед ним в исподней рубахе, но вдруг до него начало доходить то, о чем он до сих пор старался не думать. Крива, Великий коварный Жрец, проклятый колдун, лучшего случая для мести Святополку за заигрывания с добринцами и не мог найти. И ему, Святополку, опытнейшему воеводе, следовало бы подумать об этом раньше, до того, как опьяненный возможностью разделаться со своим бывшим господином,

он бросился на юг и обнажил спину. Как мог он, старый матерый зубр, так легко попасться в простейшую ловушку?!

Спешно, даже не взглянув на добро в обозах краковцев, Святополк собрал воинов и помчался к своим владениям.

«Прусы в Поморье! Один Бог знает, что они могут там натворить!» — думал он.

Успели пруссы гораздо больше, чем даже мог предположить Святополк. Разграбив Дантек и стерев с лица земли монастырь Оливы вместе с его обитателями — монахами-рыцарями добринского ордена, пруссы направились на юг, быстро занимая города и поселки вверх по течению Вислы. К тому времени, когда их встретил Святополк, они уже перешли границу Поморья, вторглись в княжества Великой Польши и взяли Накло и Вышеград. Святополк, между прочим, смог убедиться, что их рога не приснились нерадивому воину.

Два войска стояли друг против друга в долине между холмами южнее пылавшей Быдгощи. Впереди пруссов гарцевал на вороном жеребце витинг в шлеме с рогами по бокам. Святополк высоко поднял свое копьё и демонстративно воткнул его в землю. Прусс помедлил, потом отделился от своих и поскакал к поморянам. Святополк тут же послал коня навстречу.

Когда прусс подъехал настолько, что можно было разглядеть его лицо, Святополк увидел у него на шлеме бивни вепря и узнал знак одного из самых знаменитых родов самбов, поставлявшего Криве воинов для охраны и специальных заданий. Участие этих витингов в походе указывало на серьезность намерений Кривы. Святополк поблагодарил всех богов, каких знал, за то, что они дали ему благоразумие не ввязаться в драку с пруссами.

У самба было изуродовано вертикальным шрамом лицо, отчего оно казалось оскаленным в злой усмешке.

— Ну что, князь, как будем биться? — весело спросил самб.

— Да это уж — как придется... Вы зачем мои земли пожгли?

— А ты зачем к нам монахов засылал?

— Я их не посылал. У них на то свои господа имеются.

— Нам это без разницы. На твоих землях они себе и кров, и прокорм нашли, тебе отвечать.

Святополк окинул взглядом ряды пруссов. С виду их было меньше, чем поморян. Но князь знал этих воинов, не ведавших ни страха, ни разума в битве, и одной только яростью наводивших ужас на противника. А сколько у него найдется рыцарей, готовых достойно встретиться с самбами? Полтора, два десятка. Остальные разбегутся.

— Мы можем разойтись и мирно, — сказал Святополк.

— Это как же? — усмехнулся самб.

Святополк сделал вид, что не заметил иронии и сказал:

— Вы платите мне пятьсот марок⁵⁷ за ущерб, а я пропускаю вас к ляхам.

Самб рассмеялся. Лицо его и впрямь стало походить на рыло оскалившегося кабана. Святополк стиснул зубы, чтобы не разразиться бранью.

— Хорошо, — буркнул он. — Триста марок.

— А может, так, — продолжая смеяться, сказал Вепрь. — Ты платишь нам пятьсот марок, а мы пропускаем тебя в Поморье? Или твоя голова дешевле, князь?

— Да ты, дикарь, знаешь ли, с кем разговариваешь? — не выдержал Святополк. — Перед тобой князь!

Самб разом перестал смеяться и злобно посмотрел на Святополка.

— А ты, капитан Дантека, знаешь ли, что перед тобой вождь Вепря?

Святополк видел, что самб еле сдерживается, чтобы не пустить в ход меч. «А ведь мне его, пожалуй, не осилить», — быстро подумал князь.

— Ты оглянись, воевода, — презрительно сказал Вепрь. — Тебе ли сейчас торговаться?

⁵⁷ Марка — мера веса серебра (около 55 граммов) служила и денежной мерой.

Святополк повернулся, и у него захватило дух. Всюду, сколько хватало глаз, и в долине, и на склонах холмов были пруссы. Поморяне жались испуганным стадом.

— Что, князь, будем биться или заплатишь откупные? — прервал его оцепенение самб.

— Заплачу, — сказал Святополк, не сводя глаз с пруссов.

Он впервые видел их в таком количестве. По знакам на треугольных кожаных флажках князь определил, что среди них были не только самбы, но и более знакомые ему роды вармов и помезан. И тут, когда он подумал о том, что на этот раз пруссы надолго отобьют охоту ляхам соваться к ним со своими крестоносцами, ему пришла в голову блестящая мысль.

— Я заплачу откупные, но потом, после похода.

— Ты пойдешь с нами?

— Пятьсот марок с моей добычи — ваши.

— Счастливой охоты! — усмехнулся Вепрь.

— Счастливой охоты! — по прусскому обычаю пожелал самбу и Святополк.

Они разъехались к своим дружинам. Воины поморян, радостно возбужденные оттого, что удалось избежать поголовного истребления и даже выгадать удачный поход к полякам, смешались с прусскими витингами.

Святополк ехал рядом с Вепрем. Они обсуждали предстоящее взятие Гнезно, а прямо им навстречу, держа в поводу вторую лошадь с поклажей, ехал прусс. Святополк определил это по куртке с нашитыми пластинами из шкуры тура. Странно было уже то, что прусс ехал в обратную общему движению сторону. Но еще более удивительно, что прусские воины почтительно уступали ему дорогу, образуя живой коридор, беспрепятственно обтекавший витинга с обеих сторон. Вепрь, заметив прусса, оборвал разговор и остановился. Встал и Святополк.

— Поезжай, — сказал ему самб. — Я догоню тебя.

Минуя странного прусса, Святополк попытался угадать в нем приметы власти, но тот был явно из простых воинов. Только небольшой кожаный медальон с тисненными рунами, в которых князь не разобрался, отличал его от других витингов.

Вскоре Вепрь догнал Святополка. По тому, что самб вдруг удивил его знанием подробностей битвы поморян с краковцами, князь догадался, что встретили они одного из лазутчиков Кривы.

— Лех Белый отправился сегодня в Страну предков, — добавил вождь Вепря.

Святополк какое-то время переваривал новость, а потом воскликнул:

— Пятьдесят марок тому, кто это сделал!

— Я передам, — заверил его Вепрь.

Потом он подозвал витинга в шлеме, украшенном белыми перьями, и что-то сказал ему на самбийском диалекте, которого Святополк не знал.

Дилинг в это время был уже позади колонны. Услышав топот копыт, он обернулся. К нему скакал Балварн. На груди его, сияя свежей краской, раскинул крылья белый ворон, а на шлеме развевался пышный султан из белых перьев.

— Ты получил род? — спросил его Дилинг.

— Да. А Крива все же заставил тебя служить... — сказал Балварн, глядя на медальон. Дилинг неопределенно пожал плечами. Балварн расстегнул куртку и, отвернув пластину с вороном, вытащил из-под нее серебряный пояс Торопа. Протянул его Дилингу:

— Это твое. Я знал, что встречу тебя здесь. Хочу сказать одну вещь. Мои люди не нашли на косе рутена. Понимаешь? Его нет ни среди мертвых, ни среди раненых. Не знаю, что это значит, но он исчез. Я обязан был сказать тебе это. Ну, мне пора. Счастливой охоты!

Балварн круто развернул коня и с места послал его в галоп.

— Он жив, вот что это значит! — крикнул вдогонку Дилинг.

Белый Ворон, не оборачиваясь, махнул рукой.

— Удачной охоты и тебе, друг, — тихо сказал Дилинг, улыбаясь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Король барстуков

В то давнее время, когда в небесах шла война богов и Перкун, сражаясь с другими, еще не занял небесный трон, на земле было тоже беспокойно. Дух Гянтар, который очень хотел царствовать над землей, бился за это право с множеством драконов, населявших тогда и лес, и дюны, и морские воды.

Бился дух очень долго, но ему удалось одолеть драконов. Уставший Гянтар прилег отдохнуть на берегу под огромной сосной и уснул. В этот момент его и увидел Перкун. Он метнул в Гянтара молнию, но попал не в него, а в сосну. Дерево раскололось, и смола хлынула на спящего духа. Тот проснулся, понял, что тонет, и произнес заклинание, делавшее смолу твердой, как камень. Соки смолы застыли, но сам дух Гянтар оказался к тому времени уже полностью погребенным в них.

Позже море подмыло берег, глыба застывшей смолы рассыпалась на маленькие куски, но в каждом таком кусочке остается частица духа Гянтара.

Если знать руны и правильно расставить их, если заклинания точны, а огонь верен, можно из куска окаменевшей смолы вызвать дух Гянтара, и он выслушает тебя и послужит....⁵⁸

Глава 1

У Карвейта Великого родилась дочь. Вождь куров многие годы ждал этого события. Перебрал не одну жену, снес горы добра богам и вайделотам, но своего добился. Девочка — ее назвали Неринга — лежала в плетеной из лозы корзине. Ноги торчали наружу. Ей было три недели от роду, а размерами она была с трехлетнего ребенка. Карвейт очень гордился своим гигантским ребенком, никак не мог закончить праздник по поводу его появления и не обращал внимания на происки вайделота, шептавшего курам о том, что здесь не обошлось без козней Лаумы.

Дилинг оставил Карвейта с младенцем и отправился дальше, к Черному берегу.

На косе, где времена года всегда запаздывают, приближение осени не чувствовалось. Листва на деревьях была зеленой, а трава сочной, но на этом фоне уже выделялся краснеющий шиповник и алые кляксы рябины. В лесу иногда были слышны голоса курских женно, собиравших на зиму грибы, коренья и орехи.

Дилинг нашел место привала, где на них с Торопом напали самбы, осмотрел его, но, кроме смешавшихся с песком углей от костра, ничего не обнаружил. Он и не надеялся на это. Времени прошло много, частые ветры давно замели все следы. Его не удивило и то, что куры ничего не слышали о Торопе. Вряд ли тот, раненый, стал бы являться на люди. Скорее всего, укрылся бы где-нибудь отлежаться. А на Черный берег куры давно перестали ходить, несмотря на обилие в этих местах лещины и ягод, — боялись вайделотки. Вот она, полновластная хозяйка Черного берега, вполне могла наткнуться на Торопа. Но Дилинг никак не мог найти тот овраг между дюнами, где стояла ее хижина. До самой темноты он метался от залива к морю и обратно, пока не понял, что Нечто водит его кругами. Дилинг круто взял вправо, к центру кругов, но скоро ткнулся в собственные следы.

От часто и высоко вздымавшихся боков сверяписа шел ощутимый пряный жар. Он измучился карабкаться по сыпучим песчаным склонам. В деревню Карвейта возвращаться было уже поздно. Дилинг снял седло со спины лошади и, привязав коня за уздечку к какому-то сучку, чтобы остыл, насобирав сухого мха и хвои для растопки костра. Он устроил его в

⁵⁸ Здесь и далее используются тексты прусских саг, реконструированные автором при содействии А.П. Бахтина и членов Восточно-прусского клуба.

небольшом, в человеческий рост, углублении в песках. От огня стенки ямы должны были нагреться и держать тепло. Там он и уснул, вытянув ноги к тлеющим углям.

Утром, открыв глаза, он увидел над собой на кромке ямы старуху вайделотку. Она показалась ему еще отвратительнее, чем в первый раз. Не то чтобы лицо ее стало старше или приобрело новые черты, но в глазах была неприкрытая глухая враждебность, почти злоба. Это делало ее похожей на гадюку. Дилинг нащупал рукоятку кинжала. Отмахиваться от подарков вайделотки, сидя в яме, было бы неудобно.

— Я пришел к тебе с миром, — сказал Дилинг.

— А я тебя не звала, — проскрипела старуха. — Ты осмеливаешься тревожить меня во второй раз.

Вместе со звуком ее голоса Дилинг услышал тихий шорох и вдруг увидел, что края ямы осыпаются. Он бросился наверх, но песок под ним рыхло проваливался и оползал. На мгновение он вспомнил, как в детстве точно так же не давал выползти из лунки блестящему зеленому жуку. Тот карабкался, суча ножками, а Дилинг все подгребал и подгребал ему песок.

И Дилинга, ходившего в одиночку и на медведя, и на тура, дравшегося и с ляхами, и с русами, и с татарами, охватил непривычный панический страх. Он судорожно и бестолково барахтался в песке, как жук, оставаясь на одном месте, сознавая, что яма становится все меньше, а его ногам все труднее двигаться от тяжести навалившейся песчаной массы.

Когда он выдохся, а мышцы свело от бесплодных усилий, песок перестал сползать в яму. Дилинг выбрался и упал на ее краю.

Вайделотки не было. Восток алел, сливая лес и дюны в сплошную тень на своей груди. Море безмятежно спало. Было безветренно и тихо. Только очень высоко в небе черным треугольником парил проголодавшийся орел. Неподалеку от Дилинга выползла на сухую корягу большая серая эстурейта.⁵⁹ Она насмешливо смотрела на витинга и дразнилась тонким языком. Дилинг бросил в нее пригоршню песка, и ящерица исчезла, как вайделотка, — в никуда.

Дилинг привстал, чувствуя, как еще дрожат от перенапряжения мускулы, и осмотрел место, где только что стояла колдунья. Не осталось даже намек на то, что она была. Песок гладко зализан ветром, а из редко торчавших в нем сизо-зеленых жестких былинки ни одна не изломана. Можно было подумать, что старуха приснилась Дилингу. Но песок в безветрие сам по себе не двигается, тем более со всех сторон одновременно. Во сне ли, наяву, но вайделотка была и хотела убить его. А хотела ли? Если б ей действительно это было нужно, то Дилинг уже был бы похоронен в яме. Значит, решила напугать. Зачем?

И вдруг сама эта тишина, штиль, отсутствие птичьих голосов — все показалось Дилингу неспроста. За безмятежностью таилась угроза. Дилинг поднял голову и посмотрел на орла. Тот опустился совсем низко, можно было разглядеть когтистые лапы. Круги его становились все уже, но целил он не в Дилинга, добыча орла была где-то рядом. Дилинг вскочил и побежал к лошади.

Сначала он не понял, что это такое. Вместо сверяписа на земле под деревом лежала бесформенная, шевелящаяся, как змеиный клубок, груда. Из нее вверх, вслед за уздечкой, скаля зубы, вздымалась полуобглоданная лошадиная голова. Невольно замедлив шаги и подавляя растущее отвращение, Дилинг подошел ближе.

Лоснящиеся слизью жирные угри сплошь покрывали тушу сверяписа. Дилинг до этого видел их только в реках и даже не подозревал, что угри, как змеи, могут ползать по земле. Они извивались, они ползали по раздувшимся бокам коня, вгрызались в них так, что снаружи оставались только концы хвостов. Они высовывали из дыр тупые мышинные морды с тем, чтобы снова скрыться во внутренностях. Угри деловито сновали и в траве вокруг. Они пировали.

⁵⁹ Эстурейта — вид ящерицы.

И Дилинг понял — то же могло случиться и с ним. Он наломал сосновых веток, собрал хворост и забросал этим лошадь.

Угри, когда их касалась хвоя, ежились и гибко вздрагивали, но от добычи это их не отваживало. Угрей становилось все больше. Они ползли от залива, торопливо ныряли в хрусткую кучу и шуршали там.

Хвоя загорелась весело, с треском. Дилинг ушел, даже не сняв со сверяписа дорогой ляшской сбруи.

Глава 2

Виндия сама не знала, что ее так разозлило, — то ли этот настойчивый варм, то ли его назойливость, но она рассвирепела так, что готова была растерзать его на куски. Только в последний момент, когда удар готов был обрушиться, в то мгновение, когда его нельзя было остановить без риска для самой себя, она отвела волну злобы в сторону, направив на лошадь. Бедное животное даже не успело всхрапнуть. Внутренности его взорвались, и оно превратилось в подобие медузы в конской шкуре. Этот же взрыв, звук которого не слышим земными тварями, разбудил и угрей, живущих в прибрежных водах. Чуткие пожиратели падали, как всегда, готовы были услужить хозяйке.

Виндия не хотела убивать человека. Она не любила этого делать. В тот единственный раз, когда ей пришлось утопить троих рыбаков, они сами оказались виноваты, соблазнившись вышедшей из воды голой женщиной. Варма Виндия хотела только напугать, чтобы наглый витинг на собственной шкуре испытал ее силу. Поэтому убийства лошади ей показалось мало, и она послала на него песок. «Теперь он надолго, а может, и навсегда, забудет дорогу сюда», — думала Виндия. Может, теперь ему не захочется посягать на то, что она считала своей собственностью.

Здесь Виндия поймала себя на том, что самая эта мысль, это чувство — она считает юного воина, человека, своим — не кажется ей странным. Она — владычица Черного берега, великая вайделотка, причастная к тайному знанию, презревшая покровительство богов и суетное почитание людского рода, повелительница водных, земных и небесных носейлов, она пала настолько, что готова была, как волчица, сражаться за животную страсть, поддавшись мелочной и смехотворной ревности. И это теперь не смущало ее.

Она взошла на самую высокую из дюн, посмотрела на льнувшие к ее ногам берега, на склонившие перед ней мохнатые гривы вековые сосны, на семерых орлов, выстроившихся в полете звездой, и громко, как в юности, рассмеялась.

И тюлени, изумленные переменой в ней, испуганно попрятали круглые головы в воду. И рыси сжались в комок среди дубовых ветвей, нервно подергивая короткими хвостами. И барстуки,⁶⁰ разом бросив свои работы, брызнули по норам, торопливо приваливая изнутри входы камнями.

Никто на Черном берегу никогда не слышал смеха Виндии и не знал, чего от него ждать.

Глава 3

Милдена еще издали заметила, что Дилинг возвращается на другой лошади. Один. Она быстро разгребла плоской зерно и высыпала в жернов. Стала молоть. Когда Дилинг подъехал, она улыбнулась ему. Он, не глядя на нее, спешил и прошел в хижину.

Это место на берегу залива Халибо, окруженное со всех сторон болотом, почему-то называемым самбами Конским, Дилинг выбрал сам, хотя Крива и предлагал ему вернуться в Вармию. Вдвоем с Милденей они быстро соорудили простую глиняную хижину, благо

⁶⁰ Барстуки — маленькие, ростом в локоть человечки, издревле населявшие Ульмиганию вместе с людьми.

тростник для обвязки стен и кровли был в двух шагах. Но Дилингу этого показалось мало, и он целыми днями пропадал в лесу, заготавливая бревна для деревянного дома.

Отсюда, с крутого откоса над заливом, хорошо были видны берега их родины — Вармии, но сюда же, в самое сердце Страны Воинов, никто ни из их рода, ни из родственников Рендала не смел сунуться. Впрочем, и самбы, хотя большое их городище Шоневик⁶¹ было совсем рядом, за болотом, тоже здесь не появлялись. Слишком сложен был путь через топи, обладавшие стойкой славой прибежища многих маркопетов. И хотя Милдена вздрагивала при одном только упоминании об отвратительных служителях Пикола, с Дилингом она не боялась даже земляных людей. Испугаться ей пришлось только однажды, на днях, когда Дилинг заявил, что поедет к курам, поищет Торопа. Его тревожило, что до сих пор о рутене ничего не было слышно, хотя — Дилинг был убежден — тот остался жив. И Милдена испугалась. Причем не столько того, что останется одна, сколько за самого Дилинга. Почему-то ей стало страшно. И было страшно все время, пока он отсутствовал. Милдена не понимала, откуда пришел страх. Ведь не боялась же она, когда ее запер Крива в подземелье, не боялась, когда узнала, что Дилинг ушел к ляхам. А сейчас страх просто сдавил ей холодными пальцами сердце, заставил оцепенеть и забыть о том, что осталась одна в хижине, и о болоте с маркопетами. Только вчера, когда солнце поднялось высоко над заливом, у нее отлегло. Она почувствовала, что Дилинг возвращается. Сегодня Милдена была уже весела и, готовя жаркое к приезду мужа, напевала.

А он приехал один. Милдена теперь не знала, что делать, радоваться приезду Дилинга или скорбеть оттого, что он не нашел своего друга? Или нашел, но мертвого?

Очаг она держала раскаленным весь день. Горячий сомписин — Дилинг любил горячий, свежий — вот-вот должен поспеть к трапезе.

Но Дилинг не стал дожидаться обеда. Он вышел из хижины с топором на плече и, ни слова не говоря, ушел в ельник. Милдена подумала было отложить выпечку, но потом что-то подсказало ей, что в лесу он долго не пробудет. Она занялась формовкой теста.

Дилинг действительно пришел очень скоро. Милдена подала еду у дворового очага, как он любил, и присела у его ног. Заглянула в лицо. Дилинг вертел в руках ломоть хлеба и смотрел вверх залива. Потом повернулся к Милдене:

— Я его не нашел. Ничего. Нет даже намека на то, что он там был. Но ведь он там! Проклятое место!

Милдена хотела напомнить ему о вайделотке Лауме, но потом подумала, что Дилинг и без нее во всем разберется.

— Ты его найдешь, — сказала она. — Поверь мне.

Дилинг внимательно, будто очнувшись, посмотрел на нее, потом обнял и прижал к себе.

Глава 4

«Когда Сыновья Звезды научили темнолицых растить хлеб, шить одежду и строить крепости, они вручили им свое Знание. И люди презрели богов и забыли их. Но боги не простили предательства. Многажды они пробовали мстить людям, насылая и воду, и огонь, и мор. Но всякий раз беловолосые великаны отводили от людей напасти, ибо так возлюбили тех, что взяли дочерей темнолицых в жены и имели от них много потомства. А когда умер последний из Сыновей Звезды, боги опять объявились людям. Но люди смеялись над ними и поносили их, ибо возгордились и сочли себя сами великанами, равными богам. И объявили богам войну, и призвали к себе на помощь зловредных духов и великих драконов. И была война. И небо застлал дым, а землю пепел...

⁶¹ Шоневик — городище и укрепление, бывшее в месте современного Фишхаузена/Приморска. Конское болото южнее.

...А когда марево рассеялось, увидели люди, что погибли их драконы. И смрад стоял над всем миром. И поняли люди, что духи подчинились богам, ибо холод наступил по земле. И осыпались цветы с деревьев, и замерзла вода в морях...

...Горько раскаялись люди, и возопили, и припали к ногам богов. Но не вняли им боги и воздали каждому должное. У кого отняли самую жизнь — те умерли в страшных мучениях и болезнях; у кого — огонь, они одичали, и покрылись шерстью, и бродят в густых лесах, и стали те маркопетами; у кого — силу и стать человеческую — те обмельчали, и прячутся под камнями, и зовутся барстуками...»

Поблескивающий золотистой корочкой, хорошо прожаренный калкан занимал всю поверхность круглого стола. Двенадцати старейшинам, рассевшимся за ним, казалось, что эта рыба и была собственно столешницей, а ножки стола приделаны прямо к ее бледному брюху.

Барстуки очень любили рыбу. Но из-за своего малого роста могли ловить только мелочь — карася, ершей, изредка — салаку или корюшку. Деликатесы вроде камбалы доставались с большим трудом у людей — в обмен на изделия кузнецов-барстуков или найденные в земле драгоценные безделушки и монеты времен расцвета ульмиганов. Самый вид калкана говорил о важности собрания.

В зале было тепло и сухо. Потрескивая, ярко горели в очаге лиственничные шишки. Светильники, висевшие на стенах, распространяли тонко-смолистый запах масла сосновых орешков.

Клабун дождался, пока всех обнесут можжевельным пивом, и начал с традиционной формулы:

— Все ли присутствуют на этом собрании?

— Все здесь, король, — отвечали старейшины.

— Все ли здоровы?

— Здоровы.

— Нет ли у кого из вас возражений против времени, места или состава собрания? — спросил король Клабун, обводя лица присутствующих взглядом. Не найдя в них тревоги или излишней озабоченности, Клабун удовлетворенно кивнул головой, отчего его пышные седые волосы подались вперед, и уже менее торжественно сказал:

— Приступим же к трапезе.

Как только король, оторвав с края калкана кусок хрустящей маслянистой корочки, поднес его ко рту, старейшины разом загомонили, потянувшись двенадцатью парами рук к рыбе. Ритуал, узаконенный многими поколениями барстуков, был соблюден, и теперь они могли приступить к главному. Заключалось оно отнюдь не в дружном поедании редкостной по вкусу пищи, а в обсуждении неизбежных проблем, возникавших у карликового народа Ульмигании. Однако еще их предками так уж было заведено, что решения принимались старейшинами только за дружеским столом.

Двенадцать старейшин, по числу земель Ульмигании,⁶² обычно собирались два раза в год — в дни равноденствия. Причем обязательным считалось весеннее, когда барстуки после сонной зимней жизни выбирались на поверхность земли, вынося вместе с сором из своих нор и все неурядицы. Тогда, в преддверии бурной летней деятельности, их вождям и нужен был совет равного себе по положению или указ короля. Осенью же в резиденции Клабуна на северном берегу Самбии, в маленьком подземном замке Тависк, собирались в основном для того, чтобы расслабиться после трудового сезона да повеселиться, перед тем как впасть в спячку. В эту пору часты были дожди, и нежелание старейшин из дальних земель путешествовать в столицу ради пары кружек пива было извинительно. Но на сей раз Клабун

⁶² Собственно прусских земель было одиннадцать. Но в сферу влияния Верховного Жреца входили и литовские племена, родоначальником коих, согласно преданию, был старший сын короля Вайдевута — Литво. Очевидно, барстуки, придерживаясь старых традиций, Литву и считали двенадцатой землей Ульмигании.

специально известил всех о неперенной явке в Тависк.

Клабун был стар даже по понятиям барстуков. Он хорошо помнил, как полегли под прусскими мечами поляне короля Болеслава. Именно барстуки помогли завлечь ляхов в непроходимые дебри Галиндии. Они же по ночам резали сухожилия на ногах польских лошадей. Тогда барстуки и люди в Ульмигании были заодно. Сейчас же что-то разладилось.

Клабун тревожился. В лесах развелось много волков, и они обнаглели настолько, что стали нападать не только на ездовых алне,⁶³ но и на самих хозяев. Были случаи, когда волки раскапывали жилища барстуков, и не всегда их обитателям удавалось уйти потайными ходами. Но не это было главным.

Люди часто забывали заботиться о пропитании своих маленьких помощников. Рыбаки почти не оставляли, как раньше, на берегу часть улова. А ведь барстуки занимались разведением малька и отгоняли тюленей от лососевых нерестилищ. Артайсы⁶⁴ выбирали урожай до последнего зернышка, забывая, кто его сберег от полевок, а их женно все реже оставляли на ночь молоко для барстуков-пастухов и яйца для тех, кто гоняет от птицы хорька и ласку. Но и это само по себе еще не вызвало бы такого беспокойства короля, какое он чувствовал в последнее время.

Крива затеял войну, не посоветовавшись, как раньше, и даже не известив об этом Клабуна. И это бы еще ничего—в конце концов, это их, людская война. Она вне пределов страны и барстуков, наверное, не затронет.

Но все эти мелочи и еще масса других, менее заметных, вместе вызывали у Клабуна смутное предчувствие чего-то очень дурного, какой-то катастрофы, неумолимо приближавшейся к Ульмигании. Истоков этой тревоги король не знал и никак не мог вычислить. Вот это последнее обстоятельство и заставило его собрать старейшин. Он надеялся с их помощью найти причины неполадок в стройной системе отношений маленького народа страны с его большими братьями, с соседями, с Лесом и духами.

Густое, почти черное пиво карликов отличалось от людского и способом приготовления, и крепостью. Но барстуки и пили его по-другому, потягивая небольшими глотками из чашек — желудевой скорлупы, отделанной серебряной и медной сканью. Барстуки не использовали глину для изготовления посуды. Считали ее нечистым материалом, прахом, который своим происхождением обязан трупам животных.

Ели долго. Смачно цокали языками, обтирая жир с бород шапками. Кряхтели после каждого глотка можжевельники. Говорили, спорили... Клабун в беседы не вступал, но внимательно ловил каждый возглас. Досадовал: как дети безмятежны, и никто не чувствует, что тучи сгущаются над страной. Думал: а может, он просто слишком стар и оттого ему мерещатся под каждым кустом опасности?

Разговор сыто стих, рассыпался на отдельные неспешные беседы, в которых уже участвовали не все сразу, но по двое, трое. Старейшины поглядывали на короля. Ждали, когда же он объявит причины собрания.

Юндир — крепкий молодой барстук, бывший охотником до своего избрания старейшиной Сассовии, вдруг повернулся к Клабуну и громко сказал:

— Король, в моей земле неспокойно. Сассы ушли в поход к ляхам. Звездочеты говорят, что они вернутся с богатой добычей, но не успеют прожить ее, как придет возмездие. Барстуки ропщут. Им не нравится, что люди не предупредили нас о войне. Многие хотят увести семьи на север, за великие озера.

— Куда это на север? — вскинулся вождь Помезании. — У вас там что, леса горят?

Возмущенный, он даже привстал со скамьи.

— Не проходит и дня, чтобы мне не доложили об очередных беженцах. Теперь еще

⁶³ Алне — лань.

⁶⁴ Артайсы — сословие крестьян в древней Пруссии.

твои потянутся.

— Сядь! — резко сказал ему кто-то. — Не у тебя одного голова болит.

— Рамбут, — обратился Клабун к старейшине из Бартии, — у тебя тоже беженцы?

— Да, король. Из Галиндии.

— Много?

— Земли всем хватит. Не это меня волнует. Почему люди не предупредили нас? Они нам больше не верят?

Клабун не знал, чем успокоить старейшин, и это расшевелило его раздражение, копившееся в последние дни.

— Разве копыта польских коней уже топчут ваши жилища? — начал он вкрадчиво. — Или сожжен урожай в пограничных землях?

— Не сожжен, но и нам почти ничего не досталось, — тихо буркнул кто-то.

Клабун предпочел сделать вид, что не расслышал.

— Разве пограничные засеки пруссов разрушены, а их дозоры больше не стерегут покой Ульмигании? — с каждым словом король повышал голос, и взгляд его, перебежавший от лица к лицу, становился грозен. — Может, у вас короткая память и вы думаете, что это первый поход, в который уходят большие братья? Чего вы испугались?

— Да мы-то ничего... — сказал Юндир. — Народ волнуется.

— Если ты не можешь успокоить подданных, то не пора ли тебе подумать об отдыхе?

— Не стоит набрасываться на Юндира, король, — мягко упрекнул Клабуна Клаусик из Вармии.

Клабун и сам знал, что напрасно накричат на того. Ведь когда-то он, Клабун, настоял на выборе барстуками Сассовии бывшего охотника, вопреки обычаям, закреплявшим это право за ремесленниками.

— Юндир хороший вождь и отечески правит в своих землях. Не его вина, что в народе брожение. — Клаусик замолчал, как бы подбирая слова, а Клабун заметил, что все притихли в ожидании.

— Мы не хотели тебе говорить, думали, что сами разберемся как-нибудь, да, видно, дело не совсем простое... — медленно сказал Клаусик. — Появились дейвуты.⁶⁵ Ходят по лесам оборванные, попрошайничают, ничего не хотят делать, говорят: все равно конец Ульмигании.

«Вот, — подумал король, — сейчас все и встанет на свои места». Чтобы скрыть волнение, он поднес ко рту чашку и потянул из нее пиво.

— Дейвуты рассказывают, что есть древнее пророчество белых великанов о том, как через семь сотен лет правления потомков Вайдевута с запада придут железные люди на закованных в железо лошадях, и это будет концом Ульмигании. Это правда, есть такая сага?

Последних слов Клабун не слышал. Струйка можжевельники текла по его бороде — он забыл о пиве в своей руке. Семь сотен лет... Король судорожно считал. Семь сотен... Числа и годы путались, и он никак не мог с ними справиться.

«Семь сотен лет правления потомков Вайдевута», — именно эта фраза была в пророчестве. И Клабун знал его. Знал, но позабыл. Как же он мог забыть? Ведь оно запало ему в душу, когда он, принимая трон и золотую шапку короля барстуков, посвящался в «Сведения, неведомые для смертных». Он еще пустился тогда, вроде бы в шутку, не веря особенно в пророчества, в подсчеты — сколько ему осталось править, если доверять сагам? Выходило — немногим более ста лет.

«Семь сотен лет»... Ровно столько правили белые великаны.⁶⁶ Будто ель,

⁶⁵ Дейвуты — блаженные, юродивые.

⁶⁶ С высот сегодняшнего дня видно, что барстуки, как и прусские жрецы, неправильно трактовали пророчество «белых великанов». Речь в нем, как видно, не шла о конце Ульмигании, но только о циклической сменяемости доминирующих этносов в этой стране. Мы можем теперь судить только о двух последних —

вывороченная с корнем осенним ураганом, обрушилась на кровлю королевского замка, и Тависк затрещал, посыпался песок с потолка, и мох вывалился из щелей в бревенчатых стенах.

— Есть, — сипло сказал Клубун и прокашлялся. — Есть такое пророчество, но я никогда в него не верил.

Было тихо. Казалось, что слышно, как шуршит под ветром сухая трава над Тависком и со стуком перекатываются опавшие листья.

— Я заканчиваю собрание, — сказал король.

— Дейвуты... — начал Клаусик, но Клубун оборвал его:

— Дейвутов отлавливать и содержать под стражей. Передайте это своим охотникам через посыльных. Сами не смейте покидать Тависк. Через несколько дней вы мне понадобитесь. Я объявлю свой указ. Все.

Клубун покинул старейшин и длинными крутыми лестницами стал спускаться в нижние этажи замка, туда, где его никто не мог потревожить без достаточных на то, чрезвычайных причин. Королю барстуков нужно было подумать.

Глава 5

Виндия перебралась в зимнюю хижину. Крепкая, добротная, она была сложена из бревен на южном склоне заросшей соснами дюны, навечно застывшей крутым холмом над оврагом. Большая часть дома была скрыта в чреве холма, снаружи виднелась только почерневшая лицевая сторона с входом, да и та едва угадывалась за зарослями сидиза.⁶⁷ Только по синеватым клочьям дыма, поднимавшегося над оврагом, можно было понять, что здесь обитают живые души — та, кого куры считали Лаумой, и тот, кого Дилинг называл Торопом. На самом деле вайделотку звали Виндия, а юноша, что лежал в ее доме, бессмысленно вперив пустой взгляд в низкий закопченный потолок, вообще не знал своего имени.

Раны на его теле благодаря стараниям Виндии затянулись бесследно, но о том, что они были, он не догадывался. Виндия сотворила чудо, вернув человека с полдороги в Страну предков, но путешествие туда еще никому не давалось даром. Он перестал быть самим собой. Едва ли того, кто был укрыт шкурами у дальней стены, можно было назвать человеком. Он ничего не знал, ничего не помнил, не мог говорить и двигаться. Если б не гулкие удары молодого сердца, это тело можно было бы назвать «трупис»,⁶⁸ словом, которым пруссы именовали мертвых. Но Виндия звала его иначе.

— Этскиун,⁶⁹ — говорила Виндия по вечерам, касаясь мокрой льняной тряпицей его еще по-детски нежной кожи. Она обмывала его. Она кормила его и меняла подстилки, как ребенку. Она пела ему длинные тягостные песни, которым обучилась на далеком каменистом острове. Иногда ей казалось, что он слышит, но, заглянув в зеленовато-серые глаза, она убеждалась, что сознание его так же далеко, как и раньше.

— Этскиун, — шептала Виндия, прижимая к животу его безвольную голову, и заплетала в две самбийские косички длинные, цвета ячменной соломы волосы.

Она редко выходила из дома. Только затем, чтобы раздобыть еду. Тюлени, завидев

прусском и германском. И те и другие действительно правили в Ульмигании по семь сотен лет, с истечением коих и тех и других ждала этническая катастрофа.

⁶⁷ Сидиз — сорт кизила.

⁶⁸ Трупис — «колода» (прусск.).

⁶⁹ Этскиун — «воскресший».

Виндию на берегу, шумно, с пыхтением и повизгиванием, устремлялись к ее ногам, но теперь она с ними не купалась подолгу. Окунувшись в холодную уже воду, Виндия брала рыбу и, не приласкав, как обычно, своего любимца — серого самца-вожака, торопилась домой.

Небольшая колония барстуков, живших в этом же овраге, была немало озадачена требованием Виндии добавить к ежедневной дани из ягод, орехов и прочей съедобной растительности мясо. Они поворчали для виду, но отказать не осмелились.

Осыпались и закоптились начертанные цветными глинами рунические знаки на стенах. Пылится в углу потускневший янтарный шар. Давно расползлись, не чувствуя над собой власти, змеи и ужи. Верная старая эстурейта, забравшись под притолоку, сонно приоткрывала один глаз, ловила муху и, уверившись, что хозяйке все еще не до нее, опять дремала. Косули, всегда топтавшиеся по утрам у двери хижины в ожидании пригоршни зерна, больше не приходили — из хижины пахло человеком.

Звери еще не убегали в сторону, увидев на тропе Виндию, но уже настороженно поводили носами и подрагивали кончиками ушей. Виндия изменилась, и они это почувствовали раньше, чем она сама. Она ничего не замечала. Она была счастлива и больше не общалась с духами — те стали ей неинтересны. Она не занималась магией — наука стала скучной. Этскиун заменил ей все. Ни с чем не сравнима была радость от того, что он поел. А временем высочайшего блаженства стал вечер, когда Этскиун, чистый и сытый, засыпал, а Виндия, прислушиваясь к его дыханию, осторожно ложилась на краешек лежанки. И была тихая усталость, и было уютно и покойно на душе, и хотелось, чтобы этот миг длился века. А носейлы, еще слетавшиеся по привычке на ночь к ее дому, толпились поодаль, не решаясь заявить о себе.

Визит варма все перевернул. Сам по себе он ничего не значил. Виндия могла заморочить целую дружину вармов. Но, вернувшись домой, она вдруг увидела, что в ее постели лежит в беспамятстве совершенно чужой ей молодой воин, чужеземец, о котором она ничего не знает и у которого где-то была своя жизнь, друзья, мать...

Пораженная этим открытием, она долго стояла, вглядываясь в сразу ставшие незнакомыми черты лица Этскиуна. Внезапно и ясно ей открылась вся нелепость того положения, в которое она сама себя завлекла.

Виндия хотела развести огонь в очаге, но тот не слушался ее, гас, не желая перекидываться со мха на щепки. Впрочем, Виндия за ним и не следила, сосредоточившись на собственной душе. Мысли ее путались с чувствами, заслоняли друг друга, и она никак не могла принять верное решение.

Потом, окончательно забыв об очаге, она вскрыла тайник в одной из стен и вытащила длинную коробку с несколькими десятками маленьких кожаных пакетиков, помеченных одной ей понятными значками. Быстро нашла нужный и извлекла из него прядь волос.

Глава 6

Карвейт как раз приложился к первой в то утро кружке, и его вырвало. Все, что он употребил за ночь, вылетело плотной струей на стол и небранную с ночи посуду. Вождь изумленно уставился на беспорядок, учиненный его желудком, потом выругался, кое-как стряхнул с себя частицы позднего ужина, выплеснул из кружки испорченное пиво и повернулся к бочонку налить свежую порцию. Вид янтарной, наполненной пузырьками пенящейся жидкости не обрадовал Карвейта. Наоборот, его замутило пуще прежнего. Он бросил кружку, наспех заткнул отверстие в бочонке и выскочил на свежий воздух — к кустам.

Такого с вождем еще никогда не было. Его выворачивало наизнанку, как кунью шкуру. Ему казалось, что его организм выбрасывает наружу не только вчерашнее, но возлияния и всех последних дней. Женно, как чайки, метались вокруг, не зная, как облегчить его мучения. Но всему приходит конец, успокоился и живот Карвейта. Вождь привалился к

дереву и, тараща красные слезящиеся глазки, тяжело дышал. Спазмы прошли, и ему хотелось вымыться и надеть чистую одежду.

— Принесите белье, — сказал он, направляясь к заливу.

Холодная вода и ветер освежили Карвейта. Одевшись, он прошел к конюшне и стал седлать лошадь.

— Ты поешь сейчас или тебе собрать в дорогу? — робко поинтересовалась одна из жен — мать Неринги. Спросить мужа напрямую, куда он собирается, она не решилась.

— Что? — спросил Карвейт.

Женно растерялась. Она поняла, что Карвейт только сейчас заметил ее.

— Тебе собрать что-нибудь из еды в дорогу? — спросила она.

— Собери.

Женщина заторопилась в дом. Когда она вышла из него с дорожными сумками, Карвейта в конюшне уже не было. Неспешной рысью лошадь несла его на север косы.

Карвейт сам не знал, откуда у него возникло это желание — проехать по своим владениям. Просто появилась острая необходимость съездить на север, и он не видел в этом ничего необычного. Вождь давно не отлучался далеко от своей деревни, и ему не мешало посмотреть, как живут куры в других поселках.

Странной поездка Карвейта показалась другому человеку — вайделоту племени.

Рождение у Карвейта чудо-девочки, росшей на глазах и в три недели пробующей встать на ноги, принималось курами за особое благоволение богов к своему князю. Не то вайделот. Неринга казалась ему исчадием самых темных сил, какие только бывают. Он считал, что это уродец, посланный курам в наказание за их легкомысленное отношение к ритуалам и верховным богам Ульмигании. Он был самбом, и все время службы у куров не переставал возмущаться слабостью их веры и готовностью поклоняться самым никчемным, а порой и выдуманным божкам. Естественно, что чего-то такого — чудовища, призванного уничтожить неверный народ, он всегда и ожидал. То, что кавкс появился в образе младенца, нисколько вайделота не смутило. обстоятельный доклад и соображения на этот счет он уже переслал Верховному Жрецу, а в ожидании ответа усилил бдительность и не спускал глаз ни с Неринги, ни с ее отца.

Оказавшись свидетелем утреннего недомогания вождя, вайделот поначалу отнес его на счет неумной страсти Карвейта к медовухе. Но потом, словно скаленикс,⁷⁰ учуявший след зверя, наострился. Откуда-то пахло наваждением. Кто-то или что-то, от кого исходил морок, действовал второпях и не предполагал, что рядом с вождем будет находиться вайделот. Сила, захватившая Карвейта, обходилась с ним грубо и бесцеремонно. Тот потерял даже видимость контроля над собой. Вайделот мог этому воспротивиться, но не стал. Счел, что лучше будет выследить то, что имеет власть над вождем. Он даже обрадовался — наконец-то уличит неверного князя — и потихоньку отправился за ним. Он не сомневался, что Карвейт с этой враждебной курам силой заодно.

Однако вайделоту так и не удалось выяснить причин странного поведения вождя. Взбираясь на дюну, за которой было уже рукой подать до Черных песков, тот вдруг остановился и, потоптавшись на месте, повернул назад. Вайделоту пришлось срочно искать убежище в низкорослом прибрежном сосняке.

Карвейт, бормоча ругательства и проклятия собственной глупости, проехал совсем рядом с вайделотом и не заметил его. Он и не мог заметить — слишком был увлечен внезапно свалившимися на него похмельными переживаниями. Затея с объездом владений уже казалась ему идиотской. Он недоумевал — как только могла прийти ему в голову этакая глупость? — и торопился домой, к бочонку с пивом.

Глава 7

⁷⁰ Скаленикс — прусская порода охотничьих собак.

Виндия отпустила Карвейта. Она почувствовала, что с ним есть еще кто-то, но разбираться с тем, другим, ей было некогда. Она отложила это до вечера. Повозка, на которой Виндия собиралась отвезти Торопа к границе Черных песков, осталась стоять у двери хижины без дела. У рутена начался жар.

Он лежал, по-прежнему безучастный ко всему, и по его виду еще ничего нельзя было заметить, но Виндия определила это сразу. Самый цвет темноты, окружавший Торопа у стены над лежанкой, изменился, обретя легкий красноватый оттенок. Виндия быстро разорвала магический круг и освободила Карвейта, положив прядь его волос в коробку. Решение отдать воина людям далось ей трудно, а растаяло с легкостью пара. Виндия об этом даже не задумалась. Она растопила очаг, повесила на него котелок с водой для отвара и стала растирать Торопа медвежьим жиром.

Ни это, ни другие простые и надежные средства, применяемые обычно, не помогли. За день воздух над Торопом раскалился до режущего глаза Виндии багрового цвета. К вечеру исчезли последние светлые проблески, а Тороп, перестав дрожать, дышал громко и часто.

Пикол, решив вернуть себе этого воина, был где-то рядом и ухмылялся щербатым провалом вонючей пасти.

Виндия в сердцах швырнула о стену горшок с цветочной смесью. Пыльца и мелкие частицы трухи повисли в воздухе. Разбежались по полу березовые почки, догоняя осколки горшка.

— Я тебе его не отдам, — сказала она. — Слышишь ты, куча тухлятины? — крикнула Виндия. — Ты не получишь этого витинга! Он мой!

Она втащила в дом большое долбленое корыто и наносила в него воды из ручья.

Темнело. Ветер шумел верхушками деревьев и сыпал мелким дождем.

Косуля, которую Виндия зазвала условным свистом, постукивала копытцами, не отставая ни на шаг от вайделотки, распахивающей по щелям стен лучины. Виндия наклонилась к ней, погладила длинную шею и быстро, одним движением, затянула петлю веревки на ее передних ногах. Потом, перекинув конец через крюк в потолке, подтянула косулю вверх. Та задергалась в воздухе, взбрыкивая задними ногами, но не находя опоры, вскоре провисла кулем, тонко бляя и поводя выпуклыми мокрыми глазами.

От брошенной в очаг смеси трех порошков — белого, красного и черного — клубился искрящийся зелеными звездочками и полосами дым. Лучины в нем потрескивали. Виндия разделась донага, сдернула на пол шкуры с Торопа и, сделав разрез на груди косули длинным ножом, вытащила ее сердце. Оно пульсировало в руке вайделотки и истекало частыми темными каплями, когда Виндия шла с ним к лежанке.

Начертав в воздухе сердцем несколько знаков и сильно забрызгав при этом и себя, и воина, вайделотка полоснула ножом сначала его плечо, а потом свое. Две струйки одновременно стекли в корыто и смешались там с водой. Ненужное теперь сердце полетело в сторону. Откатившись к двери, оно еще продолжало биться.

Виндия стащила Торопа в корыто. Его раскаленное тело, коснувшись холодной воды, вздрогнуло и сжалось. Несколько раз она окунула его с головой и подняла на лежанку.

Вода была ледяной, но Виндия привыкла к этому — купалась в море весь год. Она полежала, прислушиваясь, как вдаль, вместе со злобно оскалившимся Пиколом, уходит все напряжение дня, потом тщательно обмылась и обтерла себя и воина.

Снаружи ветер гудел в кронах, обрывая листья с дубов и мелкие ветви сосен. Близилась пора ураганов. Внутри дома потрескивали, догорая, лучины, и мерно капала кровь с подвешенной к потолку косули. Искрился зеленым дымом воздух.

Виндия поцеловала рутена в губы. Она делала это и раньше, но не так. Теперь его жар передался ей, прошел через нее и отозвался внизу живота непривычным чувством сладкой тяжести. Что-то спружинило там, внизу, отразилось и ударило Виндии хмельной волной в голову. Она стала целовать Торопа с жадностью, какой никогда не знала за собой, в грудь, в живот... Она мяла, трясла бездвижное тело, впивалась в горячую кожу. Слияние с ним из

необходимости выросло в дикое животное желание. И Виндия перешла последнюю черту, отделявшую ее от людей. Она сама захотела этого, сама втолкнула юношу в себя, и ночь Черного берега треснула и распалась от протяжного томного крика, а в самую высокую дюну ударила молния.

Глава 8

Карвейт Великий, вождь куров, к вечеру опять напился так, что жены сообща затащили его под навес к лошадям, да там, на сене, и оставили.

Вайделоту, напротив, не спалось. Он тоже немного выпил с усталости.

Ему редко приходилось ездить верхом. Прогулка по пескам косы сильно отозвалась на его поясице. Но уснуть не получалось. Не выходило из головы странное поведение Карвейта. В том, что здесь была замешана посторонняя сила — скорее всего старуха Лаума, — он не сомневался. Но уличить вождя не удалось.

К полуночи вайделот, досадуя на бессонницу, встал, раздул в очаге огонь и начал вырезать на липовой плашке зигзаги рун — послание Криве.

Над косой бушевал шторм. Атримп⁷¹ с ревом кидался грудью на авандюну, Окопирн⁷² сыпал частым дождем, а Перкун пучками метал длинные молнии в полоску суши, зажатую волнами моря и залива.

Вайделот прислушался к богам и подумал о том, что если к утру они не уймутся, то придется вадить, задабривая их жертвами. Иначе, рассвирепев, боги станут валить деревья на хижины и разбрасывать по заливу рыбацьи лодки.

За шумом урагана и собственными мыслями он не сразу услышал шорох за спиной. Повернулся — и от испуга выронил дощечку с посланием. Она упала на пол, подпрыгнула и угодила в очаг.

На расстоянии локтя от его лица мерцали льдистые прозрачные глаза гигантской гадюки. Ее плоский череп был размером с голову собаки, а туловище кривым бревном терялось в темноте. Вайделот оцепенел. Будь он воином, вспомнил бы о ноже в своей руке, но он был жрецом и стал бормотать заклинания, сам не сознавая, что в страхе путает слова.

Движения змеи почти не видны глазу человека, и вайделот не заметил, как, выгнувшись дугой, она выбила хвостом нож из его руки, и не успел уклониться, когда, разинув пасть, бросилась ему в лицо. Два длинных, острых, как ритуальные кинжалы, зуба проникли сквозь височную кость жреца и наполнили его мозг ядом. Он упал на очаг.

Жилище вайделота, как и положено, стояло поодаль от деревни, и огонь не перекинулся на другие хижины, а дождь не дал загореться стоявшим рядом деревьям. Куры сделали вывод, что жрец по собственной воле отправился на небеса. Смерть в огне считалась освященной богами.

Глава 9

Виндия проснулась рано, как всегда. Коснулась губами лба Этскиуна. Он был прохладным. Потом сходила к морю и искупалась. пляж и волны были пустынные. Ночной шторм распугал зверье. Поплескавшись, Виндия вернулась в дом и убралась. Вынесла корыто, подмела, расставила по местам горшки со снадобьями и стала разделявать косулю, в нетерпении поглядывая на Этскиуна. Она знала, что победила Пикола, но вернулся ли к рутену разум и насколько, ей было еще неизвестно.

Время от времени напоминали о себе ощущения, испытанные ночью. Тогда она

⁷¹ Атримп — бог морей.

⁷² Окопирн — бог неба.

застывала над тушей косули, поджималась, чувствуя, как желание вновь кружит ей голову и, сглотнув слюну, стискивала зубы, чтобы не броситься на лежанку, под шкуры...

Пробуждение Этскиуна Виндия пропустила: выносила потроха. Вернувшись, увидела, что он стоит посреди хижины, сдвинув брови, будто пробует что-то вспомнить. Вид его обнаженного тела сейчас смутил Виндию, и она, тайком любуясь им, протянула одежды. Он стал разглядывать их.

— Витинг, — позвала Виндия, вглядываясь ему в глаза. — Хорошо ли тебе спалось со мной? — спросила она, не желая еще верить закравшимся подозрениям.

Взгляд его был пытлив и чист, как у младенца.

— Кавкс!.. — прошептала Виндия. — Да ты прозрачен, как воздух! Что же мне теперь делать с тобой?!

Но тут же ее огорчение сменилось радостью, даже восторгом. Она ведь может наполнить этот красивый кувшин тем, что сама сочтет нужным. Он будет принадлежать ей без остатка, потому что полон будет только ею!

Он замерз и попытался закутаться в то, что дала ему Виндия. С радостной готовностью она бросилась помогать ему. Потом отвела к ручью и умыла. Причесала русые кудри своим гребнем.

— Мьилс...⁷³ — сказала она, разглаживая ему волосы.

Он сделал губами движение, будто пробовал воспроизвести звук, который услышал. Виндия заметила это и повторять не стала.

«Не хватало еще, чтобы он принял это за свое имя», — усмехнулась про себя.

Отливая ему часть своей силы, помогая вернуться к жизни, Виндия была готова на все. Уйдет ли он, останется ли — ей было все равно. Важно было не отдать его Пиколу. Она это сделала. Под утро, глядя на него спящего, Виндия уже подумала, что, сливаясь с человеком, потеряла гораздо больше, чем это стоило ей. Сожалеть о содеянном было поздно, и она только грустно перебирала в мыслях те из привилегий, которых лишилась.

Но когда поняла, что Этскиун весь в ее власти, расценила это как неожиданную награду за свою самоотверженность и компенсацию за многие годы одиночества и страданий.

Такого счастья не выпадало еще ни одной женщине на земле. Она будет ему и матерью, и женой! — думала Виндия. Она научит его всему с самого начала. Она станет для него всем, и ничего другого, кроме нее, у него не будет.

Сидя на лежанке, он следил за каждым ее движением и часто морщил лоб в надежде что-то вспомнить. Потом лицо разглаживалось, становилось беспомощным, и он снова наблюдал за Виндией.

— Йидис,⁷⁴ — сказала Виндия, указывая на похлебку.

Он смотрел непонимающе.

— Йидис, — повторила она.

— Йидис? — спросил он, постучав пальцем по миске.

— Нет, — улыбнулась Виндия. — Это вогон.⁷⁵ Вот это йидис, — показала она на то, что в миске.

— Йидис... — удивленно прислушиваясь к звукам собственного голоса, сказал Этскиун. — Вогон...

Виндия изобразила движение ложки ко рту:

— Йист. Йист.⁷⁶

⁷³ Мьилс — «любимый», но и «милый» (прусск.).

⁷⁴ Йидис — «еда».

⁷⁵ Вогон — глубокая миска.

⁷⁶ Йист — «ешь, есть» (прусск.).

— Йист, — кивнул он, и стал есть, продолжая следить за Виндией глазами.
— Алу, — показала она на пиво. — Алу.
— Алу... — повторил Этскиун. Странная, мимолетная мысль вдруг посетила его. Показалось, что этот язык вовсе не родной ему, хоть и очень похож на него. Но мысль мелькнула и угасла, так и не успев оформиться, — ей было не во что облечь себя. В голове, где она возникла, не было слов.

— Менса,⁷⁷ — сказала Виндия, сталкивая с вертела на обеденную доску дымящийся кусок. — Менса!

— Менса, — послушно вторил Этскиун.

Присев у стены на корточки, она смотрела, как он ест, неуклюже ворочая ножом так, будто никогда не держал его в руках. Было забавно видеть воина, который не умеет управляться с ножом. И тут Виндия вспомнила о кольчуге, висевшей в углу на видном месте. Тонкой работы, плотно вязаная мелкими кольцами, с наплечниками и бляхами, прикрывавшими грудь, она отличалась от тех, что носили прусские витинги. Виндия подумала, что эта красивая вещь может разбудить у Этскиуна воспоминания.

Кольчуга висела за его спиной. Он мог заметить ее, когда входил в дом, но, видно, не заметил. Больше такую возможность Виндия не собиралась ему давать.

— Алу, — сказала она, подливая в кружку пиво. — Алу.

И вышла.

Лайлик — маленький курносый барстук в линялой зеленой шапочке явился мгновенно.

— Что ты опять жуешь? — поморщившись, спросила Виндия.

— Сушеную землянику, — простодушно сказал он.

С тех пор как Вилун, староста барстуков косы, приставил к Виндии этого карлика для мелких поручений, она никогда не видела того с пустым ртом. Иногда она раздражалась и набрасывалась на барстука с бранью, но ни разу это не помогло. Лайлик быстро глотал то, что было у него во рту, а при следующей встрече снова жевал. Сейчас ругаться с ним Виндии было некогда.

— У меня в доме гость, — начала она.

— Знаю, госпожа, — сказал барстук.

Виндия разозлилась:

— Если ты еще раз посмеешь перебить меня, я превращу тебя в лягушку и раздавлю!

Желтые глаза барстука стали круглее, а вздернутый нос побледнел. Все-таки он боялся Виндии. Как, впрочем, и все их карликовое племя.

— В доме, в углу, висит кольчуга. Нужно вынести ее так, чтобы витинг ничего не заметил. И побыстрее.

— Я сделаю это, госпожа. Больше ничего не прикажешь?

— Возьми с собой кого-нибудь. Один ты эту кольчугу не вынесешь, она тяжелая.

Лайлик, мелькнув зеленой шапочки, нырнул в сухую траву. Виндия хотела идти в дом, но передумала. Дождалась барстука.

— Спрятали? — спросила она, когда карлик появился вновь.

— Да, госпожа. У Аусы.

Ауса была невестой Лайлика. Он ухаживал за ней больше десятка лет, но все не мог жениться. Обязательным условием для женитьбы барстука было наличие у него справногo хозяйства. У Лайлика же не держались даже козы. Сбежали.

— Твоя невеста умеет шить? — спросила Виндия.

— Ауса умеет все, — обиделся барстук. — Она лучшая рукодельница в Ульмигании.

— Нужна теплая вилна.⁷⁸ Скоро зима, а у витинга нет подходящей одежды.

⁷⁷ Менса — «мясо» (прусск.).

⁷⁸ Вилна — род верхней мужской одежды у пруссов.

— А мерки? Как мы его измерим?

— Вилна не штаны. Можно сшить на глаз. Кроме того, у вас есть его кольчуга.

— Хорошо, — важно сказал барстук. — Я скажу Аусе, если она не особенно занята...

— Что? — перебила его Виндия. — Ты что там плетешь, лягушонок?

— Я это к тому, что тебе ведь нужно побыстрее! — торопливо проговорил Лайлик.

Несмотря на то, что этот бестолковый барстук был хитрым и нахальным, Виндии никогда не удавалось рассердиться на него всерьез.

— Убирайся, — незло сказала она.

Лайлик топтался.

— Позволь спросить?..

— Ну, чего тебе еще?

— Наши говорят, что чужеземец слеп...

— Ты же видел его, — сказала Виндия. — Разве он похож на слепого?

— Нет, не похож, — сказал Лайлик. — Я потому и спросил. Он немного странен, но не слеп.

— А с чего ты взял, что он чужеземец, барстук?

— Наши большие братья не носят таких кольчуг.

— Он не простой витинг, оттого у него и кольчуга не простая. Так и передай вашим.

— Понятно.

Виндия собралась уходить, но барстук остановил ее, сказав как бы между прочим:

— К нам едет король.

Виндия повернулась:

— Это не слухи?

— Мне сказал брат.

Брат Лайлика прислуживал старосте Вилуну и всегда все знал первым. Вторым важнейшие новости подбирал Лайлик и тут же передавал их Виндии. Это было удобно. Частенько случалось, что о каких-то событиях в барстучьем мире Виндии доносили раньше, чем Вилуну.

— Что это вашего короля потянуло в такую глушь?

— Точно никому не известно. Но к тебе-то он наверняка заглянет.

— Наверное.

— Клабун уважает тебя, — не унимался барстук.

— Ты это к чему? Хочешь, чтобы я уговорила его насчет твоей женитьбы на Аусе?

— Хочу.

Виндия подумала.

— Приведи ко мне сначала Аусу, — сказала она. — Я поговорю с ней.

— Когда? Сегодня? Я приведу ее сегодня, — оживился Лайлик.

— Нет, сегодня мне не до вас. Завтра. Я сама тебя позову.

— А почему не сегодня?

— Сегодня мне не до ваших карликовых забот. И не вздумай сказать ей, что я тебе что-то обещала! Я еще ничего не решила. Может, я вообще отговорю ее выходить за тебя замуж. Все, уходи. Ты мне надоел.

Лайлик, кивнув головой в знак поклона, торопливо засеменил прочь.

«Вот подлец! — подумала Виндия. — Наверняка побежал обрадовать невесту».

Глава 10

В те дни жители прибрежных поселков северного берега Страны Воинов были удивлены рассказами очевидцев о большом количестве барстуков, якобы встреченных ими в лесу. Особенно изумляли клятвы свидетелей процессии в том, будто большинство карликов

были вооружены маленькими копьями. В это не верилось потому, что события напоминали военный поход, а всем было известно отвращение барстуков к ратному делу. Их кузнецы ладили лучшее оружие, какое только можно было найти в Ульмигании, однако сами барстуки им не пользовались, продавали людям.

И это действительно не было военным походом. Просто старый Клубун, король барстуков, в сопровождении карликов-охотников Самбии шествовал на косу куров.

На душе у него было беспокойно. Старейшины ждали ответов на свои вопросы, а он не знал, что им сказать. Его умудренный десятилетиями правления ум бездействовал.

Он чувствовал, что на Ульмиганию надвигается катастрофа, знал, что она неотвратима — пророчества белых великанов всегда сбывались, — и ему нужно успокоить свой народ, не позволить впасть в смуту, чтобы с достоинством встретить любые удары судьбы. Но король не представлял, как это сделать. Вот и сейчас, вместо того чтобы искать выход из создавшейся ситуации, Клубун разглядывал охотников Самбии, размышляя над тем, как тверды и незыблемы законы мироздания. Хмурые, немногословные, сосредоточенные на своей работе охранников короля, самбийские барстуки очень походили на витингов этой земли. Даже внешне — они почти на голову превосходили своих южных и восточных собратьев. Точно так же барстуки Надровии, как и сами надры, отличались простодушием и склонностью к земледелию. Галинды считались неряшливым и беспечным народом, этим же грешили и карлики Галиндии, выше всякой работы почитавшие кружку пива. Несмешливость вармов, вздорный и вспыльчивый характер их соседей — помезан, угрюмая недоверчивость бартов — все это в точности повторялось в карликах, населявших те земли. Характер, привычки и даже внешнее сходство были очевидны. Значит, мир устроен так, что кто бы то ни был, если довелось родиться в Самбии, быть тебе высокого роста и руки твои сами собой потянутся к оружию. А если дом твой стоит на тучных почвах восточных лесов, то так и выйдет, что придется тебе обрабатывать эти земли и в том искать свою судьбу.

В таких вот, чуть ли не праздных размышлениях и проводил время король барстуков, трясаясь в крытой повозке, запряженной парой белых алне, на лесной тропе, ведущей в сторону залива Руса, к косе куров.

Он сам не понимал, отчего его вдруг потянуло к Виндии? Может, надеялся с ее помощью преодолеть свалившиеся на барстуков напасти. А может, им двигало скрытое желание получить совет от кого-то, кто гораздо сильнее, с тем чтобы потом в неудаче развести руками: дескать, если уж она оказалась не права...

Хорошо обученные, редкие в природе белые королевские алне несли повозку аккуратно. Охотники-разведчики работали слаженно, не допуская встреч экипажа с людьми. Понемногу, несмотря на неудобства лесной дороги, Клубун стал дремать. Приближалась зима, и на короля все чаще нападала вялость, предвестница зимней спячки.

Королевская процессия подъехала к небольшой речушке и встала. Охотники принялись валить росшую в изобилии по берегу ручья молодую ольху для переправы. Стук топоров потревожил короля, но ненадолго. Он приоткрыл глаза, с удовольствием отметил, как быстро и ловко орудуют самбийские карлики, и снова уснул. Он был уже в возрасте, когда сон становится одним из немногих удовольствий жизни.

Внезапно долгий и жуткий крик ворвался в дрему. Король сморщился и замотал головой, прогоняя его. Ему показалось, что этот звук из сна, только начавшего складываться из разрозненных образов. Звук пропал, но потом раздался вновь еще более громкий и близкий. И тогда Клубун понял, что это наяву. Он привстал, выглянул из-за высоких бортов повозки и обомлел. По ручью, высоко поднимая кривые и толстые, как бревна, ноги, шел в его сторону поросший бурой шерстью маркопет. Это был огромный самец с убеленными сединой плечами и грудью. Барстук, которого он держал в руках поперек живота, продолжал кричать, отчаянно суча руками и ногами. Маркопет, как мухе, оторвал ему голову и отбросил в сторону.

Стало тихо. Клубун опять подумал, что все происходящее ему снится. В тишине журчал ручей, почти беззвучно металась охотники, швыряя дротики в похожего на копну

перепрелого сена человекозверя. А тот молчаливо двигался к королевской повозке и не обращал внимания на вонзившиеся в него копы.

Маркопет был уже так близко, что Клубун отчетливо видел выпученные красные светящиеся глаза и чувствовал резкий запах, заполнивший мирный воздух.

Один из охотников, подбравшись сзади близко к маркопету, рванулся вперед и на бегу ткнул его копьём в брюхо. Дротик вошел наполовину. Маркопет, вздрогнув всей тушей, взревел, обломал торчавшую из живота часть древка и с неожиданной прытью бросился за барстуком. Тот помчался в сторону от королевской повозки.

Барстуки бегали очень быстро. Веками бег был их единственным средством спасения от хищников, и они довели его искусство до совершенства. Однако разъяренный маркопет — не волчонок. Довольно скоро он догнал охотника и схватил.

К тому времени карлики уже обрезали постромки и подвели к королю одну алне. Они что-то говорили, но Клубун не слышал, не в силах отвести взгляда от страшного зрелища. Маркопет утробно рычал, скаля желтые клыки, рвал барстука на части и раскидывал по поляне.

Не дождавшись внимания короля и понимая, что маркопет, покончив с одной жертвой, вот-вот вернется, охотники бесцеремонно выдернули Клубуна из повозки, и только тогда он понял, чего от него хотят.

Сидя верхом, король опять обернулся. Маркопет двигался в их сторону, а охотники рассыпались вдоль ручья, выставив против чудовища тонкие дротики. Что-то дрогнуло в душе Клубуна. Он понял, что эти маленькие человечки, его подданные, будут стоять здесь, пока маркопет не разорвет последнего из них, и для того только, чтобы он, их старый король, мог убраться как можно дальше от опасности.

«О, боги! — подумал Клубун. — Зачем?»

— Зачем мне эта жертва?! — спросил он вслух самого себя.

Кто-то грубо дернул его за полы вилены:

— Не медли, король! Тебе нельзя тут оставаться!

Рядом, на другой алне, сидел крупный осанистый барстук с жестким лицом и коротко стриженной бородой. Вид этой стриженной бороды поразил Клубуна не меньше, чем нападение маркопета. Волосы на лицах барстукков появлялись поздно, годам к семидесяти, и росли очень медленно, поэтому борода всегда была предметом гордости и заботы каждого. А тут — стриженная. У короля вновь возникли подозрения в том, что он спит.

Барстук ткнул алне копьём в ляжку, та взвилась в высоком прыжке, а Клубун еле удержался на ней, обхватив руками длинную шею.

В лесах Ульмигании не было и нет животного быстрее алне. В беге ее не догнать стреле охотника, в прыжке она подобна стрижу в полете. Люди, видя порой, как мчится по полю это грациозное создание, не успевают и разглядеть его как следует. Где уж им заметить, что часто на нем восседает, прижавшись к гибкой шее, маленький всадник.

Королевские белые алне с месячного возраста воспитывались так, чтобы ходить в упряжке чинно, неторопливой рысцой. Однако это вовсе не значило, что они совсем забыли свою природу. При необходимости или с испуга мчались так же, как их дикие сородичи. Скоро Клубун со спутником уже были в узком болотистом горле косы, там, где проходила граница Самбии с владениями куров. Здесь нужно было остановиться и дать отдохнуть животным.

Барстук со стриженной бородой помог Клубуну спешиться и предложил горсть сушеных фруктов — пищу, всегда водившуюся в котомках охотников. Король поблагодарил, но отказался. Зато воду из фляжки, обшитой шкурой полевки, он выпил почти всю.

— Ты уж извини, король, что я так непочтительно обошелся с тобой у Медвежьего ручья, — попросил барстук.

— Ничего, — сказал Клубун. — Ты был прав, в таких случаях следует быть расторопнее. А тот ручей зовется Медвежьим? Не знал.

— Клокис,⁷⁹ — сказал барстук. — Так его называют самбы.
— А как твое имя?
— Гунтавт, король. К твоим услугам, — поклонился барстук.
— Ты охотник?
— В двенадцатом колене.
— Ого!

Клабун смотрел на высокого Гунтавта и думал о том, как бы поделикатнее спросить у него о бороде. Однако, заметив на его поясе ножны, тут же забыл об этом.

— Это что у тебя висит?
— Меч, — просто ответил охотник.
— Какой еще меч? — глупо спросил Клабун.

Тот вытащил и показал. Клабун замер, словно замороженный блеском стали, не зная, как на это реагировать. Меч на поясе барстука. Такого еще не было никогда. Такого не может быть никогда!

— Но ведь это что? Это ведь оружие... — пробормотал он.
— Оружие, — подтвердил Гунтавт.

Клабун забыл обо всем на свете — о маркопете, о лихорадочной скачке и стонавшей от нее пояснице, о стриженной бороде... Мир перевернулся. Вот сидит он, король барстуков — мирного племени, гордившегося тем, что они единственные из потомков ульмиганов унаследовали их терпимость и умение решать все вопросы с помощью ума, а не оружия. И вот перед ним стоит барстук с мечом в руках.

— Но ведь ты — барстук! — напомнил охотнику Клабун. — Как же ты можешь носить меч?

— В Самбии уже многие охотники имеют мечи, — осторожно сказал тот. — Разве ты не знал об этом, король?

— Нет, мне об этом никто не говорил. Но зачем вам оружие? Разве вы глупее ваших предков? Те прекрасно обходились одной силой ума.

— Нам надоело бегать от волков. Нам надоело, что каждый поросенок, не говоря уже о взрослых кабанах, может разрыть наши жилища и сожрать детей. Людям сейчас не до нас, и мы решили, что теперь будем сами защищать свои семьи и кормить их.

— Но это же нарушение всех заветов и договоров!
— Ну и что? Если заветы предков нам в ущерб, не грех и отказаться от них.

Клабун встал и выпрямился. В таком положении он все равно оказался ниже охотника. Но он был королем.

— Ты забываешься, охотник! — грозно сказал он.
Тот и сам это осознал и молча опустился на одно колено, склонив голову.

— Я мог бы жестоко наказать тебя за твои речи, — сказал Клабун, — но я не стану этого делать. Ты спас мне жизнь, и я благодарен тебе. Но запомни: презревший один завет, завтра презреет и другой, а затем попрет все законы. Если ты презираешь заветы предков, не думай, что твои дети прислушаются к твоим заветам.

Охотник молчал, не поднимая головы.

— Встань, — сказал Клабун. — Я прощаю тебя. Как ты думаешь, — спросил он немного погодя. — Откуда взялся этот бешеный маркопет?

— Не знаю, — ответил охотник. — Я никогда ничего подобного не видел.
— Да и я не слышал о таком, — сказал Клабун, задумавшись.

Лишиться разума маркопет не мог по причине полного отсутствия такового. С другой стороны, одичав, эти звери все же сохранили многое от человека и, укушенные бешеной собакой или лисой, тихо умирали, не буйствуя, как другие животные. Бешеный маркопет — это звучало как-то очень уж подозрительно.

⁷⁹ Клокис — медведь (прусск.).

«Что-то происходит... — подумал Клабун. — Нет, не зря все же я еду к Виндии».

Глава 11

К тому времени, когда напигованный дротиками маркопет упал в ручей, поднимая кучу брызг, из восемнадцати охотников, сопровождавших короля, уцелело только двое. Раненых не было. Шестнадцать барстуков раздавил и разорвал своими лапами впавший в бешенство человек-зверь. Оставшиеся, стараясь не смотреть на агонию гиганта, достали маленькие складные лопатки и начали копать для своих товарищей могилу. Барстуки не сжигали покойников, как люди, а зарывали в землю.

Земляные работы были привычны карликам, и дело двигалось быстро. Правда, почва была полна камней. Попадались и такие, что вдвоем никак не удавалось осилить, и тогда барстуки, досадуя на то, что их только двое, оставляли валуны в яме. Ни одному, ни другому и в голову не могло прийти, что поблизости есть еще кто-то. Однако он был. Тощий барстук с красноватого цвета бородой, в малиновой шапке старейшины наблюдал за работой охотников, прячась за толстым черным стволом граба. Он был здесь с самого начала, когда повозка короля остановилась у ручья, а из леса вышел маркопет. Он видел, как тот схватил и разорвал охотника, первым бросившегося на защиту короля. Видел и все остальное. Все это время он стоял за деревом, не вмешиваясь в события.

Маркопет, захлебнувшись в ручье, подох. Барстук в малиновой шапке, убедившись, что ничего больше уже не произойдет, двинулся, приседая в траве, прочь, к оставленной поодаль алне. Возбравшись на нее, он поскакал вдоль моря на запад. Но не в Тависк, где ему надлежало быть. Не доезжая замка, он стал забирать все левее к югу.

К концу дня он был в Ромове. Пробравшись тайным ходом в подземелья, сел в первом же попавшемся зале на пол и стал ждать.

Крива пришел быстро. Он чувствовал все, что происходит в Ромове так, будто она была частью его самого.

— Ничего не вышло, — сказал барстук. — Они убили маркопета, а король успел сбежать.

— Я знаю, — сказал Крива. — Клабун сейчас уже говорит с Виндией. Но у тебя есть еще одна возможность. Он ведь будет возвращаться.

— Но боги сказали, что он не должен встретиться с ней.

— Этим они хотели сказать, что советы Виндии не должны быть услышаны барстуками. Если Клабун не вернется в Тависк, кто передаст ее речи барстукам?

Карлик задумался.

— Но как это сделать?

— Не знаю, — сказал Крива. — Это твое дело, и мне оно неинтересно.

Крива сделал вид, что собирается уйти, но потом, снисходительно глянув на барстука, сказал:

— Хорошо, я помогу тебе еще раз. Но если и теперь у тебя ничего не выйдет, больше ко мне не приходи.

Глава 12

Барстуки знали ее настоящее лицо, и Виндии незачем было представляться Клабуну старухой. Он рассказывал ей о нападении взбесившегося маркопета, а сам думал о том, что молодая сильная женщина, сидевшая напротив него, мало чем отличается от той юной жрицы, которую он много лет назад увидел в храме Лиго. Вот только волосы, туго стянутые на затылке в косу, были абсолютно седыми, да большие серые глаза где-то на длинных дорогах непростой жизни потеряли былую детскую наивность и обрели блеск оружейной стали.

Лицо ее было безмятежно, и Клабуну стало казаться, что она не слушает его,

задумавшись о чем-то своем. Но, как только он заговорил о разладе в жизни своего королевства, Виндия протянула руку. Клубун ощутил мягкий толчок, будто от порыва ветра, и понял, что не может больше произнести ни слова. Вайделотка встала, похлопала успокаивающе короля по плечу и вышла.

Клубун онемел, но первый, панический испуг исчез, едва Виндия коснулась его. Королю это не доставило неудобства. Он сидел и спокойно ждал, когда Виндия вернется и снимет чары.

В доме находился тот самый витинг, о котором среди барстуков ходили путанные, противоречивые слухи. Одни говорили, что Виндия нашла его на берегу, другие — что сама создала из ветра и глины.

Клубун, разглядывая красивого юношу, решил, что все это чепуха. Он видел, что в том дремлют огромные силы, но силы человеческие, земные. И вдруг, как вспышка, что-то блеснуло в голове у короля, какая-то счастливая находка мелькнула и затаилась. Клубун попробовал вспомнить, что же это было, но пришла Виндия и провела рукой над его головой, и рот Клубуна захлопнулся.

— Теперь ты можешь говорить, — сказала она. — Нас никто не услышит. Кое-кто на полуострове очень внимательно прислушивался к нам, — добавила Виндия в ответ на удивленный взгляд Клубуна. — Я закрыла щель. Теперь он не скоро пробьется.

Клубун не мог знать, что в это время в Ромове Крива пытается привести в чувство упавшую замертво девочку, следившую за хижинкой Виндии, и не может понять, отчего это вдруг у нее хлынула кровь из носа и ушей? Но король догадался, о ком говорила Виндия, хотя и не придавал своей догадке значения, считая, что внимание Кривы скорее приковано к вайделотке, чем к нему. Если б он немного подумал, то не так легкомысленно отнесся бы к сообщению Виндии. Но в голове у него вертелось какое-то слово, означавшее то озарение, которое он не успел осмыслить. Слово было где-то рядом, а Клубун не мог уловить его. Он двигал мохнатыми бровями и морщил и без того смятое старостью лицо.

Виндии надоело смотреть на ужимки короля барстуков, и она напомнила:

— Ты что-то хотел у меня спросить?

— Да, — сказал Клубун. — Я хотел посоветоваться.

— Насчет маркопета?

— Маркопет тут ни при чем... — начал Клубун.

— А мне кажется, что маркопеты просто так не бесятся, — оборвала его Виндия. — Тут не обошлось без чьей-то помощи.

— Чьей-то помощи? — не понял Клубун. — Ты хочешь сказать, что кто-то специально натравил его на меня?

— А с чего бы ему бросаться на вас? Ничего плохого ты ему не сделал, мяса они не едят.

— Но зачем?

— Это уж тебе виднее.

— Нет, это невозможно. Клантимон,⁸⁰ тринтвей⁸¹ или им подобные слова даже не переводятся на язык моего народа. У нас их нет! Да и не может барстук иметь власть над маркопетом, ты ведь знаешь.

— Знаю. Но знаю и то, что твои старейшины часто общаются с вайделотами.

Клубун растерялся.

— Известно, кто наследует золотую шапку после тебя? — спросила Виндия.

— Конечно.

— Тогда последи за своим преемником.

⁸⁰ Клантимон — «проклинать» (прусск.).

⁸¹ Тринтвей — «мечь» (прусск.).

— Да ты что?! — испугался Клубун. — Ты к чему клонишь?

— К тому самому, зачем ты и пожаловал ко мне. Я ведь вижу — ты напуган переменами, что происходят с миром. Нет привычных тебе любезных отношений с пруссами, старейшины понемногу начинают принимать решения без твоего ведома. Тебе кажется, что перемены угрожающе неуправляемы, и ты хотел бы оградить свой народ от их последствий, но не знаешь — как? За этим советом ты пришел ко мне?

Клубун молчал. Он, наверное, должен был чувствовать неудобство оттого, что Виндия так легко разгадала его тайные мысли, но не чувствовал. Он мучительно искал слово, которое так некстати выпало из памяти.

— Я дам тебе совет, — сказала Виндия. — Посмотри на меня.

Клубун посмотрел.

То, что он видел, ему нравилось. Виндия была красива той уверенной красотой, какая бывает только у сильных зрелых женщин. Даже ему, барстуку, которому женщины людей казались уродливо громоздкими и неуклюжими, с пугающе грубыми чертами лица, было приятно на нее смотреть... Но что же это было за слово, показавшееся чуть ли не жизненно важным? Какая-то часть его мозга все еще продолжала поиски образа, который был связан с этим словом. Остальной разум следил за ходом мысли вайделотки.

Виндия порвала все связи с миром людей, с его страстями, радостями, болезнями, с его представлениями о жизни и смерти, с его богами и страхами... Она замкнулась в себе... Она свободна и независима... То же самое должны сделать и барстуки.

Неожиданно Клубун вспомнил то слово. Оно было на прусском языке.

— Энтерпен!⁸² — громко сказал Клубун и посмотрел на юношу... Того совершенно не занимала их беседа. Он с недоумением ребенка следил за своей кистью, которая, ловко перебирая пальцами, играла с ножом. Нож мелькал лезвием и вертелся, как пойманный угорь, полностью подчиняясь руке, управлявшей им. Такие фокусы могли проделывать только опытные воины.

— Энтерпен, — довольно повторил Клубун.

Виндия быстрым движением отняла нож и повернулась к Клубуну:

— Забудь об этом!

— Нет ничего проще, — сказал Клубун. — А ты уверена, что и он об этом не вспомнит? Я не спрашиваю, откуда он у тебя? Но что будет, если он однажды спросит: кто я?

— Это моя забота.

— Виндия, опомнись! Ты не сможешь вечно держать его у себя под кекулисом.⁸³

— Почему бы и нет?

— Потому что он взрослый человек, витинг. Посмотри на его руки, они приспособлены только для того, чтобы держать меч или кидать копье. Их уже нельзя научить чему-то другому.

— Ну, хватит! — сказала Виндия. — Займись-ка ты лучше своими бедами, а мои оставь при мне.

— Именно это я и собираюсь сделать.

— Я не понимаю тебя.

— Сейчас объясню, — сказал Клубун. — Только обещай выслушать меня, не перебивая.

Виндия пообещала, решив про себя, что делает это из благодарности за многие услуги, оказанные ей барстуками. Однако чем дальше Клубун развивал свою идею, тем больше она понимала, что недооценивала короля.

«...и было сказано: однажды, когда в мирные жилища под корнями деревьев придет

⁸² Энтерпен — «полезный» (прусск.).

⁸³ Кекулис — здесь — покрывало.

отчаяние, и матери будут бояться производить потомство, не желая обрекать его на мучения, звери станут преследовать маленьких потомков славных ульмиганов, а большие братья отвернутся от них...

...соблазненный женщиной, в мир вернется дух Гянтар в образе прекрасного юноши. И будет он и сыном, и мужем той женщине, и воцарится он отцом и богом барстукам. Маленький народ станет великим, и подчинится ему все живое в Ульмигании, и далеко пойдет слава об ее благоденствии».

До утра в доме Виндии не гасли лучины. А утром, ветреным, но ясным, когда солнце расцветило листву деревьев, самые расторопные из барстуков косы понесли во все концы Ульмигании благую весть: юноша, чудесным образом объявившийся на косе, не кто иной, как дух Гянтар. И король барстуков Клубун, обнажив голову, преклонил перед ним оба колена.

Глава 13

Клубун произвел Гунтавта в старосты королевской охраны, а тот позаботился, чтобы на обратном пути короля сопровождало чуть ли не вдвое большее количество карликов, чем в дороге на косу.

Принимая пост, Гунтавт оговорился, что возглавит только вооруженных барстуков. Причем не охотничьими дротиками, что разрешались им до сих пор, а оружием настоящим, наподобие того, что ковали карлики-кузнецы для торговли с пруссами. Неожиданно Клубун согласился на это. Более того, сказал, что, пожалуй, стоит обучить небольшой отряд всем правилам военного искусства, чем совсем поразил Гунтавта. Правда, ни тот, ни другой не представляли себе, как осуществить это на деле, ведь никто из барстуков никогда не воевал и не мог поделиться опытом. Но по сравнению с важностью принятого решения его воплощение не казалось столь уж сложным.

Что касается внезапно объявившегося духа Гянтара, то на сей счет у Гунтавта было свое мнение, обнародовать которое он совсем не собирался.

«Если витинг, которого он видел у Виндии, и не совсем дух, — рассуждал Гунтавт, — то все равно, пользы от него барстукам будет немало. Похоже, — думал Гунтавт, — дело складывается так, что барстуков ждут большие перемены». От этих мыслей ему было радостно и хотелось петь.

В то же самое время Клубун, сидя в повозке, поглядывал на деревья, наслаждаясь разнообразием их осенней окраски, и ни о чем не думал. У него уже давно вошло в привычку, принимая важное решение, на несколько дней забывать о нем, чтобы события сами доказали нужность или никчемность сделанного шага.

Они были в самом узком месте косы. Том самом месте, которого так боялись куры из-за частого появления там девиц-амсмари — похотливых тварей, готовых на все ради мгновения соития с человеком. В отличие от людей, барстуки знали, что это необходимо амсмари для продолжения рода, поскольку самцы этих животных бесплодны. Но это не меняло брезгливого отношения барстуков к водяным женщинам, хотя к карликам те не чувствовали влечения и никакого вреда принести им не могли.

Впереди был небольшой курский поселок, и процессия подалась ближе к морю, чтобы не встретиться невзначай с людьми.

Подумав об амсмари, Клубун вспомнил, что некогда, еще в детстве, видел, как несколько водяных женщин затянули в воду рыбака. Тот совсем не сопротивлялся; наоборот, вытянув руки, с идиотской улыбкой на лице сам поплелся за ними. Воспоминание было столь ярким, что королю показалось, будто он и сейчас слышит женские голоса. Он прислушался, потом выглянул из повозки и спросил Гунтавта:

— Ты ничего не слышишь?

— Кто-то, кажется, зовет на помощь, — сказал тот.

— Я думал, что мне послышалось, — сказал король. — Какая-то женщина, ведь так?

— Похоже на то... — сказал Гунтавт с сомнением.

— Чего же ты ждешь?

— Что-то мне это не нравится.

Женщина вдруг закричала так пронзительно, что у Клубуна заledenело сердце.

— Как ты можешь стоять здесь?.. — разозлился Клубун и выскочил из повозки. Он сам уже собирался мчаться на крик. Но староста опередил его, отдав приказ, и барстуки охраны побежали через авантюну в сторону моря.

Гунтавт же остался, не решаясь бросить короля одного. Барстук не мог не прийти на помощь, кто бы его ни звал. Это было их инстинктом. Но как бы ни подмывало Гунтавта бежать за своими подчиненными, опасения за короля были сильнее. Что-то внушало ему недоверие к искренности призывов. На всякий случай он вытащил меч и стал ждать нападения.

Оно пришло в образе огромного рыжего пса.

Все произошло так быстро, что Гунтавт, будь он даже более подготовлен, не смог бы ничего изменить. Собака появилась на расстоянии одного прыжка от короля. Гунтавт видел, как она метнулась к Клубуну и сомкнула челюсти на его шее. Потом мотнула головой так, что тело короля взлетело вверх, отпустила хватку и скрылась в кустах так же внезапно, как и появилась. Гунтавт, прыгнув с алне, подбежал к королю, но все было кончено. Его голова, почти напроць оторванная от туловища, была неестественно свернута набок, а из открывшегося горла кровь свободно стекала на траву.

Позже Гунтавту расскажут, что у моря никто не взывал о помощи.

Девица-амсмари, не скрывая того, что она обманула барстук, рассмеялась им в лицо, когда они сбежали на пляж, и плюхнулась в волну.

Тогда Гунтавт, ополоумев от горя, в котором винил себя, приставил меч к груди и собирался упасть на него. Вовремя подоспевшие барстуки связали его, беснующегося, и повезли в Тависк в одной повозке с мертвым королем Клубуном.

События эти ошеломили и взбудоражили карликов. Старейшины всерьез опасались беспорядков. Из всех земель Ульмигании на полуостров стали стекаться толпы барстук. Испуганные и злые, они роились вокруг Тависка. Их делегации требовали тщательного разбирательства. Каждому было понятно, что покушения на короля были кем-то организованы, и это было величайшим преступлением. Кроме того, гибель короля, сто семь лет справедливо и безукоризненно правившего барстуками, вызывала в их душах такую тоску и обиду за свое племя, что они были готовы наброситься на любую, пусть самую грозную силу, нанесшую им оскорбление. А пока, в отсутствие таковой, они напирала на Совет старейшин. А тот, в свою очередь, был тоже немало смущен. И не только смертью монарха. Совет раздирали противоречия.

Золотую шапку короля барстук должен был надеть назначенный самим Клубуном преемник — старейшина из земли сассов, Юндир. Однако Совет медлил с его признанием, а одобрение Совета было хоть и формальностью, но обязательной. И дело было не столько в том, что Юндир происходил из охотников, что противоречило традициям, сколько в том, что часть старейшин, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства гибели Клубуна и смуту в умах народа, требовала избрания королем Кантила из Самбии.

Этот старейшина выделялся из прочих необычной худобой и какой-то желчной молчаливостью. Говорил он всегда мало, сквозь зубы, будто ему было все равно, слышит его кто-нибудь или нет. Но это было не так. Как выяснилось в последнее время, Кантил обладал редким честолюбием и сумел завести в Самбии порядки, при которых никто не мог ему перечить. Поговаривали даже, что у Кантила был отряд вооруженных охотников, с помощью которых ему и удается держать подданных в страхе и повиновении. Во всяком случае, от барстук Самбии за годы правления Кантила никто не слышал ни жалоб, ни прошений к Совету или королю. Все удавалось решать самому Кантилу.

Со смертью старого, державшегося традиций короля Клубуна кое-кому из старейшин

стало казаться, что именно крепкая рука Кантила необходима в управлении барстуками. Не все так думали, и даже не большинство. Но к жаждущим твердой власти присоединились и те, кто считал для себя оскорбительным правление неремесленника Юндир. Если б золотая шапка, согласно обычаю, передалась из рук в руки, никто бы не оспорил волю Клабуна. Но, поскольку обстоятельства сложились необычные, многие подумали, что на сей раз, ради народа, позволительно и отступить от правил. И Совет выбрал бы Кантила королем, если б тот сам все не испортил. В окрестностях Тависка вдруг появились барстуки с мечами на поясах. Они вели себя тихо и дисциплинированно, но скрытая угроза, исходившая от них, вызвала настороженность других карликов, вылившуюся в открытое возмущение.

Кантил сообразил, что перебрал в давлении на Совет, и услад своих охотников. Но было уже поздно. Рамбут и Стангий, старейшины Бартии и Надровии, склонявшиеся в выборе к Кантилу, резко изменили намерения. Количество голосов за и против Кантила сравнялось. Юндир опять получил шанс стать королем.

Никто не знает, что думал один или другой претендент, но ситуация в Тависке накалялась, а народ за пределами замковых пещер роптал. Никто также не знает, чем мог закончиться раскол среди барстуков, если б в дело не вмешалась совсем неожиданная сила.

В день похорон, когда тело Клабуна покоилось на длинном столе зала собраний, уже натертое бальзамом и укутанное в парчовое покрывало для погребения, в пещеру центрального входа вошла Виндия. Она была не одна. Дух Гянтар, известие о воскрешении которого вытеснило из умов смерть короля, в ореоле золотистого сияния шествовал рядом с вайделоткой.

Старейшины, сеймин, плакальщицы, слуги с чашами благовоний — все замерли. Свечение Гянтара было мягким, но помещение, которое барстуки строили сообразно своему росту, казалось освещенным до самых темных углов. Неслышно ступая, Виндия и Гянтар прошли к трону короля, а их шаги отзывались в сердцах карликов громом божественной поступи. Гянтар был в старинной сверкающей бронзой кольчуге ульмиганов, а Виндия — в пурпурном платье, расшитом серебряными рунами, и со звездой в волосах — символом родства с сыновьями Звезды.

Пораженные зрелищем сошедшего в бранный мир Древнего божества и женщины, посмевшей надеть пурпур и тем поставить себя вровень с Верховным Жрецом пруссов, старейшины и не заметили, что следом за Гянтаром барстуки косы, которых легко можно было узнать по зеленым шапкам, внесли большое кресло. Гянтар сел. Виндия положила ему руку на плечо, а звезда вспыхнула и раскинула лучи по всему залу.

— Все ли присутствуют на этом собрании? — спросила Виндия. Ее хрипловатый голос гулом прошел по залам Тависка.

— Все... — по привычке ответили старейшины.

— Все ли здоровы?

— Здоровы... — нестройно забормотали старейшины, сообразив, что Виндия ведет себя по-королевски. Но возразить никто не посмел.

— Я, жена и мать воплощенного духа Гянтара, пришла объявить вам о договоре, заключенном между мужем и сыном моим и вашим королем Клабуном третьего дня и скрепленном клятвами их и кровью, — рокотал голос Виндии. — Согласно договору, в случае неожиданной смерти короля Клабуна вся королевская власть и ее имущество переходит в божественные руки духа Гянтара. Народ барстуков обязан подчиниться ему и воздать почести, как единственному законному властителю.

Виндия усмехнулась и окинула старейшин взглядом:

— Нет ли у кого из вас возражений?

— Нужны свидетели договора, — сказал кто-то.

Виндия согласно кивнула, и к Гянтару, сидевшему молчаливо и гордо, как подобает божеству, подошли и преклонили колена двое барстуков: в зеленой шапке — староста косы Вилун и в кожаной, охотничьей, — Гунтавт.

— Этот барстук не может быть свидетелем! — торжественно и неожиданно громко

сказал, выступая вперед, Кантил. — Он подневолен, это мой охотник!

— Он староста королевской охраны, назначенный самим Клабуном! — резко сказала Виндия.

— Я слышал об этом, — сказал Рамбут.

— Я тоже, — поддержал его Клаусик.

Они подошли к Гянтару и встали на колени. За ними потянулись остальные старейшины. Одна за другой снимались малиновые шапки. Следом на мощный дубовым кругляком пол стали падать синие, серые, желтые — простых барстуков.

Кантил, затравленно озираясь, медлил. Но, поймав на себе острый взгляд Виндии, нехотя согнул колени.

Барстуки признали нового короля.

Глава 14

После захода солнца в Тависке кончилось время короля Клабуна и началось воцарение короля-духа Гянтара. Барстуки перешли от скорби к радости, и музыканты уже пробовали звучание своих скрипок и свирелей, готовясь к танцам.

А в Ромове Верховному Жрецу доложили, что его внимания добывается карлик, судя по малиновой шапке, старейшина.

— Некогда, — ответил Крива. — Пусть придет в другой раз.

И карлика в малиновой шапке бесцеремонно выставили из Ромовы, не обращая внимания на причитания о том, что ему обязательно нужно увидеть Жреца сегодня, иначе случится непоправимое.

Верховному Жрецу было действительно некогда общаться с карликом. Он только что выслушал доклад о событиях в Плоцке, где пруссы осадили Конрада Мазовецкого, перебили всех его рыцарей, а самого князя оставили в живых за огромный выкуп. Крива подсчитал долю богов в этом выкупе. Она была внушительной. Но кроме этого известия отряд Балварна — новоиспеченного князя — привез с собой монаха. Да не простого — самого Христиана Оливского, объявившего себя главным монахом пруссов.

Весело было слушать Криве, как тот прятался от самбов в куче навоза, переодетый в женское платье. И как стал бегать по скотному двору, задрав подол, когда его отыскивали слидениксы.⁸⁴ «Ну вот ты и попал, куда стремился!» — думал Крива, прикидывая, сколько серебра можно запросить за Христиана.

Самозваного епископа определили под присмотр вайделота-отшельника, избравшего местом затворничества глубокий овраг неподалеку от Ромовы.

Балварн, сдав ему монаха с рук на руки, переночевал в своей деревне, а утром отправился к Вепрю с рабочей лошадью, навьюченной их долей добычи. Сам Вепрь пошел с дружиной дальше на юг Польши, но, пользуясь тем, что Балварн повез в Пруссию Христиана, передал с ним нажитое в боях добро.

Рабы князя вывалили на землю содержимое тюков, и все, кто при этом присутствовал, были так зачарованы блеском груды изделий из драгоценных металлов, что не сразу решились подойти к ней. Балварн, заметив их горящие глаза, предупредил:

— Это не все ваше. Здесь и доля богов. Крива меня вчера не спросил, привез ли я добычу Вепря, а я запамятовал об этом сказать. Теперь вы можете выбрать то, что оставите себе.

Радость домашних поубавилась, но ненадолго, и та часть, что оставалась, была богатой.

Десятилетний княжич Ванграп, присев у кучи, прикоснулся к серебряному кресту с распятым богом христиан и, подняв голову к Балварну, спросил:

⁸⁴ Слидениксы — порода прусских боевых собак.

— Аве,⁸⁵ можно я возьму это?

— Зачем он тебе? — удивился Балварн. — Князь привезет подарок, о котором и взрослые витинги могут только мечтать. Он просил меня не говорить какой, но то, что тебе он понравится, — это точно.

Ванграп молчал, водя пальцем по голому человеку на кресте, потом, не глядя на Балварна, сказал:

— У меня был такой, но князь отнял и отдал кузнецу, а тот перековал на нож.

Балварн тронул его за плечо:

— Ну-ка, посмотри на меня.

Княжич встал.

Вепрю не везло с детьми. Они умирали в младенчестве или чуть позже, от несчастных случаев. Ванграп был единственным сыном князя. Но в него боги вложили все, что отняли у вождя с другими детьми. Если б не возраст, он вполне мог пройти испытания на совершеннолетие и стать полноправным членом дружины. Не по годам высокий, широкоплечий Ванграп обещал стать одним из самых могучих витингов страны воинов. Одно огорчало его отца — слишком задумчивый. «Что у него на уме — никто не знает!» — жаловался князь Балварну. Но, странное дело, именно этот непонятно серьезный взгляд светло-серых глаз мальчика больше всего и привлекал в нем Балварна.

— Что, аве? — спросил Ванграп, откидывая со лба свободно выующиеся желтые пряди. Малдай не имел права заплетать косы.

— Ты уже совсем взрослый... — сказал Балварн.

— Нет, мне не хватает еще двух лет.

— Они пробегут быстро. Ванграп, скажи, зачем тебе этот крест?

— Не знаю... — сказал Ванграп. — Мне кажется, он красивый.

— Это чужой бог. Ты знаешь об этом?

— Ну и что? Я же не собираюсь на него молиться. Мне нравится, как он сделан. Это красиво.

— Ванграп, ты самб! Не сегодня-завтра ты можешь стать князем Вепря. Негоже тебе играть с чужими богами.

Княжич улыбнулся и отвел глаза.

— Чему ты смеешься? — спросил Балварн.

— Я не смеюсь. Просто вспомнил, как ты рассказывал о том, что вы с отцом молились другим богам, когда были морскими волками и жили за морем.

— Кавкс! Видно, Лаума тогда дергала меня за губы, когда я ляпнул это, — сказал Балварн и рассмеялся: — Ну, хорошо, я дарю тебе этот крест. Мой подарок Вепрь не посмеет перековать. Отнесите его на мой даллис,⁸⁶ — сказал он женам Вепря. — Мы с князем как-нибудь сочтемся.

Балварн собирался съездить к Конскому болоту, и Ванграп увязался с ним.

По дороге Балварн рассказывал княжичу о походе, заметив, что особенный интерес у Ванграпа вызвало не описание сражений и военной доблести самбов, а подробности быта христиан: их одежда, города, замки и убранство храмов. Балварна сначала это разозлило, и он даже примолк на время, но потом вспомнил, что и сам в такие годы интересовался больше обычаями чужих земель, чем подвигами дружинников в них.

«А может, это и к лучшему, что в Ванграпе нет присущего самбам самодовольства? — подумал он. — Во всяком случае, его не прусское любопытство явно от отца. И Вепрь не должен удивляться, если увидит, что Ванграпу не все нравится в устройстве Ульмигании».

Они ехали дорогой, прорубленной от северного берега до Шоневика еще самим Замо,

⁸⁵ Аве — «дядя», уважительное обращение к родственнику по линии отца.

⁸⁶ Даллис — доля воина при дележе добычи или наследство витинга.

если верить сагам. Относительно прямая и широкая, она шла вдоль западного, «янтарного» берега, повторяя его линию. Дорога эта переживет века и еще долго будет служить людям.

Ни Белый Ворон, ни будущий князь Вепря об этом не задумывались. Неторопливо беседуя, они где шагом, где рысцой двигались мимо наполовину оголившихся липовых рощ, мимо пустырей по правую сторону дороги с нагло обнажившими песчаную плоть дюнами, мимо густой и темной дубравы у замка Гирмова на юг, к Шоневику, и дальше через Конское болото — к одиноко стоявшей на мысу у залива Халибо хижине гордого варма, так несчастливо вернувшегося домой из дальних стран.

Балварну нужно было передать Дилингу пятьдесят марок серебра от князя Святополка. А Ванграп хотел еще раз взглянуть на витинга, с которым пришлось договариваться самому Верховному Жрецу и который так долго жил среди христиан. Еще он надеялся услышать что-то о бесследно исчезнувшем воине из рутенов, поразившем воображение княжича тем, что тому — слепому! — удалось убить трех самбов из рода Вепря.

Ванграпа ждало разочарование. Дилинг в простой рубахе, какие носят артайсы или ремесленники, с топором в руках ошкуривающий бревно, мало походил даже на самого себя. Вернее, на того свирепого витинга, которого Балварну пришлось заковать в панто.

На вопрос Балварна, не слышно ли чего о Торопе, Дилинг только пожал плечами, сказав, что пробовал отыскать его на косе, но безрезультатно.

Потом они говорили о пустяках. Балварн обещал прислать несколько хороших скалениксов и спросил: не нужны ли варму плотники для помощи в строительстве? Тот отказался. Потом жена варма с симпатичным, но непривычно темным лицом и чрезмерно тощей, на взгляд Ванграпа, фигурой подала жидкую юсу. Они поели. После Дилинг взялся за топор, а самбы отправились в обратный путь.

— Он не похож на славного витинга, — сказал Ванграп, когда они узкой тропой, след в след, пробирались через болото. — Разве витингу пристало махать топором?

— Он похож на витинга, который умеет махать не только мечом, — ответил Балварн.

Дилинг же, едва самбы скрылись в ельнике, воткнул топор в тесину и сел.

Небо было серым и висело так низко, что сливалось с серой водой залива. Деревья на мысу из-за частых ветров скинули листья раньше, чем в глуби Самбии. Все было безрадостно и уныло.

Подошла и села рядом Милдена. Потерлась щекой о его плечо.

— От тебя хорошо пахнет, — сказала она.

— Еловой смолой. Брызжет во все стороны, — сказал он. — Рубаха уже липкая, как от меда.

— Что-нибудь новое сказали?

— Нет.

— Мне сегодня приснилось, что молодой розовый кот пришел и лег у моих ног. А на шее у него был такой же покунтис, как у меня.

— Крест?

— Да. Я думаю, это был Тороп. Он жив, я знаю. Ведь знала же я все годы, что жила у бартов, что ты придешь за мной. Точно так я знаю, что Тороп жив. С ним что-то случилось, но он еще объявится, вот увидишь.

Милдена сказала не все. Она не сказала Дилингу, что в этом сне кот позвал ее с собой, а она не хотела, но пошла — ей было некуда деваться. Она не сказала и о том, что утром, проснувшись, подумала: а вдруг Тороп действительно в Стране предков? И ей стало страшно. Потому что в этом случае розовый кот мог увести только туда.

Глава 15

Шло время. В Ульмигании наступила та отвратительная пора, когда холодные туманы чередуются с промозглым западным ветром, а бесконечные дожди сменяет мокрый секущий снег. Когда деревья, вяло сопротивляясь ураганам, жалко трепещут ветками, а птицы и

грызуны жмутся к человеческому жилью.

Барстуки, надежно законопатив входы в свои норы мхом, завалились в редко прерываемый сон. Правда, не все. Часть из них, позевывая и моргая от недосыпу глазами, все еще возилась в Тависке, заканчивая перестройку нескольких залов, сводившуюся в основном к углублению полов и переделке мебели под размеры нового короля. Еще две сотни карликов, набранных из охотников Самбии, Вармии и Натангии, усиленно обучались приемам владения мечом и военной науке под началом самого Гянтара.

Он почти совсем пришел в себя. «Почти», потому что хоть его физическое состояние и приводило в восторг барстуков, с обожанием взиравших, как послушна сталь их королю, сказать то же о его душе было нельзя. Часто он задумывался, и тогда взгляд его застыл, а мысль блуждала в каких-то далях, и трудно было вывести Гянтара из оцепенения.

Барстуки заметили, с какой тревогой следит за мужем в такие мгновения Виндия, старавшаяся всегда быть рядом. Ни то, ни другое не казалось карликам необычным. Странности в поведении короля легко объяснялись его божественным происхождением, а постоянно настороженное присутствие Виндии — ее любовью к нему. Барстуки и сами полюбили короля, вполне поверили в легенду о духе Гянтаре и привыкли покорно ждать, когда он вернется из задумчивости и обратит на них внимание.

А королю Гянтару часто было не по себе. Он знал, что когда-то летал над землей, сражался с драконами, помнил ту вспышку молнии, которая расколола сосну... Виндия рассказала, с каким трудом ей удалось вызвать его из куска янтара и дать живое тело. И все же...

Иногда что-то, неуловимым дуновением коснувшись — обрывком запаха, далеким звуком, неожиданным блеском куска позолоты, — вызывало мучительное ощущение потери. И Гянтар замирал в надежде поймать ускользающую нить призрачного напоминания о чем-то, то ли забытом, то ли неизвестном.

У него не было снов. Иногда, впрочем, что-то похожее на сновидения подступало к нему ночью, но, еще не успев разобрать — что же это было? — он просыпался и видел перед собой большие внимательные глаза Виндии.

— Что, милый, — спрашивала она, — тебя что-то потревожило?

— Нет, — отвечал он, успокаиваясь, прижимался к ее гибкому телу и засыпал.

Вот эти проблески в его полностью обновленном сознании, слабые искры, которые невозможно погасить до конца, это было единственным, что беспокоило Виндию. Все остальное шло как нельзя лучше.

Виндии было известно, что Крива, увлекшись разорением Польши, посылает туда дружину за дружиной и ему не до таких мелочей, как сгинувший где-то на косе славянин и жившая там же, в Паустре, мятежная вайделотка. А узнать ему о переменах в мире барстуков было не от кого, поскольку не занятые в Тависке карлики залегли в спячку. Того же единственного, кто так стремился к золотой шапке короля и дружбе с Кривой, настигла страшная смерть. В самом начале зимы к нему в нору забралась гигантская гадюка и сожрала его со всеми домочадцами. Гадюка напомнила барстукам самые жуткие саги о временах драконов и Анге⁸⁷ и уползла, не тронув больше ни одного жилища. Старейшиной Самбии стал Гунтавт, и Виндия с этого момента была уверена, что до весны, пока не кончится спячка карликов, никому из людей не станут известны ее планы. Нет, она не собиралась объявлять войну пруссам, слишком хорошо понимая, чем это может закончиться. Но весной, когда тысячи карликов наводнят Самбию, заперев Криву в его логове, Виндия предьявит Ульмигании короля Гянтара — великого воина божественного происхождения, ее сына и мужа. Короля, достойного править священными землями белых великанов, чтобы возродить былое величие страны.

Она слишком многого лишилась, связав себя с человеком, но теперь не жалела об этом.

⁸⁷ Анге — мифологический гигантский змей.

Чего стоит бессмертие, если приходится влачить его в пустыне? Теперь Виндия была смертна и не знала своего часа, но у нее оставалось Знание, и она могла его употребить.

Время шло. Слякоть сменялась морозами, а их, в свою очередь, сдувал морской ветер. Потом он слабел, и холод вновь сковывал землю.

Прусские витинги ненадолго появлялись в своих деревнях, лечили раны, делили добычу и снова уходили на юг. Гянтар занимался в Тависке с барстуками в кожаных охотничьих шапочках воинскими искусствами. Виндия, не спуская с него глаз, обдумывала планы, величия которых пока никому не дано было знать.

Так прошла зима.

Напряглись на деревьях почки, зазвенели, радуясь высокому солнцу, синицы, барстуки все чаще открывали входы в норы, проветривая жилища. Их жены и дети прогуливались по лесу, выискивая свежую поросль кислицы. Под корой деревьев быстрее начали двигаться соки, а в жилах тварей беспокойнее бурлила кровь. До собрания Совета старейшин оставалось меньше месяца. И вдруг, поддавшись общему весеннему нетерпению, Виндия резко изменила своим планам, решив поторопить события.

Глава 16

Верховному Жрецу нужно было очень мало времени для сна. Обычно он ложился за полночь, а вставал с малиновками. Христиан Оливский как достойное оценил это качество, ибо и сам не привык долго тешить сном тело и предпочитал посвящать время молитвам.

Несостоявшийся епископ и Крива бок о бок сидели на бревнышке у подножия Ромовы и наслаждались трелями зарянок и горихвосток, празднующих приход весны.

Два дня назад Христиан напросился к Жрецу погостить, и тот милостиво разрешил ему посетить главное прусское святилище. Одни боги знают, чем руководствовался Крива, допуская христианского священника в место, которое мог видеть не каждый прусс, но своего он, похоже, добился. Христиан Оливский был потрясен величием языческого алтаря. В воспоминаниях он подробно описывает и гигантский вечнозеленый дуб за пурпурным пологом, и обиталища трех богов в его ветвях, и даже самих Перкуна, Потримпа и Пикола, якобы одновременно взглянувших на него огненными очами.

Теперь, оправившись от первых впечатлений, Христиан чинно размышлял о преимуществах и недостатках этой веры. Высказывать что-либо вслух он не собирался, помня, как легко здесь вырывают сердце у живого человека. Зима, проведенная в Пруссии, полностью перевернула его представления об этой стране. Он уже понимал, что проповеди тут не произведут впечатления. Обвинять пруссов в идолопоклонничестве смешно: у них, оказывается, вовсе нет никаких идолов. Убеждать, что их три бога хуже, чем один христианский, — глупо. Нужно очень хорошо знать народ, который собираешься в чем-то убедить. Вот что понял Христиан Оливский за зиму. И чем больше он приглядывался к пруссам, тем яснее обнаруживалась скудость его познаний о них. Он давно перестал проповедовать и посвятил все время наблюдениям и запискам, которые делал соком бузины на кусочках холста.

Христиана раздражало от любопытства, и он о многом хотел бы спросить Верховного Жреца, но больше помалкивал, интересуясь мелочами.

— Как зовется у вас эта птица? — спрашивал, к примеру, Христиан, указывая на дятла, пристроившегося к сухой березе.

— Женикс, — лениво отвечал Крива.

— Очень интересно... — говорил Христиан. — А есть ли у вас в Пруссии, уважаемый Жрец, большие города?

И Крива, хоть и не резво, но охотно рассказывал о деревнях и городищах, о том, кто и как там живет.

Они сидели, поглядывали на спящих в еще голом лесу птичек и белок и беседовали.

— Наши храмы, — говорил Христиан, — высокие, с каменными стенами. А вот у вас,

насколько я заметил, прямо в лесу, ничем не скрытые. Это отчего?

Крива не ответил, Христиан подумал было, что чем-то оскорбил его, и искательно заглянул в лицо Жрецу. Но тот, вытянув бритую голову на старой морщинистой шее, прислушивался. Рот его приоткрылся, и Христиан подумал, что лицо этого язычника напоминает морду хищного зверя. Ему даже показалось, что тот рычит. Но нет, не показалось — Крива действительно оскалился и рычал, вглядываясь в заросли орешника. Христиан посмотрел в ту же сторону — и обомлел.

Оттуда ползло что-то, что можно было бы назвать змеей, если б не невероятные размеры. Она была толщиной с хорошее бревно, а длину ее невозможно было разобрать. Хвост скрывался еще в кустах, тогда как голова была уже в нескольких шагах от священников. На блестящей спине отчетливо виднелся черный зигзагообразный рисунок.

Христиан почувствовал острые режущие спазмы в мочевом пузыре. Змея подняла голову, напоминавшую ведро, и посмотрела на него равнодушными стеклянными глазами.

— Матка бозка! — сказал Христиан и обернулся к Криве. Тут его ждало не меньшее потрясение.

Крива стоял на четвереньках, весь в рыжей вздыбленной шерсти, и только морда его еще походила на человеческое лицо. Впрочем, только одно мгновение. В следующее она стала мордой огромного пса с оскаленной пастью.

Пес подобрался и прыгнул, норовя вцепиться гадюке сверху позади головы. Но, видно, шкура была толстой — клыки пса скользнули, а сам он отлетел в сторону. Вслед метнулась, блеснув длинными зубами, и голова змеи. Пес извернулся и, избежав укуса, сам вцепился ей в шею снизу. И хотя пластины там были широкими, как на рыцарском панцире, каким-то образом псу удавалось удержаться на них, пока змея, мотая головой и вздымая с гулким звуком гигантские кольца, пробовала скинуть его. Наконец ей это удалось, и пес кубарем откатился к ближайшему дереву, ударившись о него всем телом. Видно было, что ему трудно подняться и от гибели его отделяют едва уловимые мгновения. Широко распахнутая пасть нависла над ним, и смертоносные зубы уже готовы были вонзиться. Но, неизвестно откуда, возник полуголый воин, и с криком всадил в гадюку меч. Длинной тенью, как вскинутое ураганом дерево, метнулся ее хвост, сбивая с ног витинга, тот упал, и зубы змеи вспороли ему живот двумя ровными линиями. Оттуда, как из лопнувшего бурдюка, вывалились внутренности.

Змея, яростно тряся жалом, повернулась к псу, но того уже не было у дерева.

С шипением, какое бывает только у моря в шторм, гадюка, не взглянув на Христиана, уползла. По желтой траве за ней тянулся кровавый след.

Через некоторое время, у дерева, возле которого упал пес, появился Верховный Жрец. Припадая на один бок, он доковылял до витинга, посмотрел на его кишки, потом поднял голову к Христиану.

— Уползла... — с неясной интонацией сказал он, глядя сквозь Христиана. — Что бы это все могло значить?

Христиан Оливский хотел бы что-то сказать, но почувствовал, что язык ему не повинуется. Еще он понял, что штаны его мокры, и с них капает.

Глава 17

К вечеру у ручья, над которым стоял подземный замок Тависк, появился небольшой отряд из шести самбов. Спешившись, медленно двигались они вдоль речушки, тщательно осматривая берега. Дойдя до бобровой запруды, они вдруг увидели, как с крутого откоса на правой стороне к ним спускается светящийся желтым светом витинг.

Самбы были не из пугливых, к тому же Крива предупредил, что вайделотка, укрывшаяся как раз в этом месте, способна напустить любое наваждение. Они вытащили мечи и стали ждать.

Смеркалось.

Витинг спустился к самой воде и громко, отчетливо сказал:

— Я, великий дух Гянтар и король барстуков, объявляю вам: это земля моего народа и проход по ней возможен только с моего позволения. Немедленно уходите.

— Чей король? — удивился один из самбов.

— Может, ты и король, — резко сказал другой. — А только здесь еще Самбия, страна витингов, и...

Договорить ему не дал маленький, как охотничья стрела дротик, вылетевший прямо из бобровой плотины и вонзившийся самбу в горло. Он издал хриплый звук, взялся рукой за дротик и, изумленно посмотрев на Гянтара, упал головой в ручей. Оставшиеся самбы прикрылись скайтанами и, сгрудившись, стали озиаться. Но, кроме светящегося короля барстуков, они больше никого не видели.

— Кавкс! Что здесь происходит? — выругался тот, что заговорил первым, — куметис отряда.

— Я повторяю, немедленно поворачивайтесь и уходите, иначе всем вам придется сложить здесь головы! — звонким молодым голосом сказал светящийся витинг.

— Вперед! — скомандовал куметис, и самбы, выставив скайтаны, двинулись к ручью. Не ступив и шага, один из них вскрикнул и рухнул на землю, схватившись за ногу. В падении он заметил, как скользнула от его ноги в сгущавшиеся сумерки маленькая, будто заячья, фигурка. Собравшийся было подхватить товарища, ближайший к нему витинг нелепо взмахнул руками и, промахнувшись, упал лицом вниз. Из его спины торчал тонкий дротик.

Оставшиеся на ногах самбы, поняв, что нападения можно ожидать с любой стороны, встали спиной к спине.

— О боги! — простонал один из упавших самбов. — У меня перерезаны жисла!⁸⁸

Двое других уже ничего не могли сказать.

Но несмотря на то, что у него оставалось только три меча, а невидимая опасность подстерегала со всех сторон, куметис не собирался отступать. И не сделал бы этого, не пояись кругом множества карликовых воинов с дротиками и мечами в руках. Они, как грибы, выросли на крутом правом берегу ручья, на левом, позади самбов, на бобровой плотине и даже в самом ручье. Везде были барстуки в лоснящихся кожаных шапочках и с оружием.

Самбы прежде встречали барстуков и даже знали, как отличить по шапкам ремесленников от пастухов, но никогда никто из людей не видел карликов в таком количестве. Они стояли молча, ошетилившиеся своими игрушечными мечами.

Куметис не испугался. Это чувство не было знакомо самбам. Но решимость барстуков защищать свои владения ошарашила его. Ничего похожего он и ожидать не мог. Его послали за отбившейся от рук вайделоткой, и вдруг выясняется, что вместо нее здесь сидят какие-то крошечные человечки со своим блестящим королем и собираются перерезать его воинов.

«Нет, — подумал куметис. — Так мы не договаривались! Если Криве нужно что-то от барстуков, пусть сам с ними и разбирается».

— Эй, барстуки, — сказал он. — Я пришел вовсе не за тем, чтобы вас обидеть. Нам с вами нечего делить, мои родовые территории южнее. Мы уходим.

Их король повернулся и спокойно, будто это его уже не касается, пошел вверх по склону. Барстуки расступились, давая самбам вынести павших. Никто больше не произнес ни слова.

Когда Гянтар вернулся в Тависк, Виндия металась по залу, не находя себе места от злости.

— Ты отпустил их? — крикнула она, увидев Гянтара. — Ты отпустил их!..

— Зачем нам лишняя кровь? — пожал плечами Гянтар.

— Ты не хочешь крови? — нервно засмеялась Виндия. — Так знай же — еще не

⁸⁸ Жисла — сухожилия на ногах.

взойдет Дейнайна,⁸⁹ как Крива утопит в ней и Тависк, и весь твой народ. Не надо было отпускать самбов!

— Тебе не надо было раньше времени выпускать свою змею, — сказал Гянтар. — Хорошо, я догоню их.

Он снял со стены меч, подпоясался им и выбежал.

И вдруг что-то остро и холодно полоснуло Виндию по сердцу.

— Нет! — закричала она. — Не уходи, вернись!

С криком она побежала за ним, но, выскочив на поверхность, слышала только удалявшийся в темноте леса стук копыт сверяписа.

Захватив с собой Гунтавта с десятком барстуков, на боевых, приученных к лязгу железа алне Гянтар помчался прямо к Ромове, надеясь перехватить самбов перед ней. Барстуки показали ему дорогу, по которой, вероятнее всего, могли проехать самбы, и Гянтар, расставив дозоры по обе стороны от нее, укрылся в лесу на склоне холма.

Была тихая светлая ночь. Небо цвело звездами, обещая такую же хорошую погоду, как накануне. Зеркальная половинка луны плавала в кронах деревьев.

Гянтар вдохнул густой, с запахом прелых листьев воздух, и, как часто в последнее время, к нему пришло зыбкое ощущение того, что все это уже было, и не в прошлой, духовной жизни, а недавно, чуть ли не давеча. Вместе с этим появилось чувство свободы. Будто что-то тяжелое и чужое свалилось и больше не нужно его нести, а надо только отвернуться и уйти куда глаза глядят.

Гянтару казалось, что это темнота и тишь так на него действуют. Он думал: вот здесь, под холмом, идет дорога, и он должен убить на ней трех самбийских витингов, иначе его народ ждут неисчислимые беды, и это — действительность. А чувство ускользающих воспоминаний, борьба с ними — все это уже вошло у него в привычку.

Ночью самбы по дороге не прошли.

Перед рассветом, вызвав Гунтавта криком совы, Гянтар убедился, что ни один из барстуков не заметил ничего подозрительного. Самбы не могли их обойти, потому что вряд ли догадывались о засаде. Значит, они решили сначала отвезти в деревню своих товарищей, а объяснения с Кривой оставили на утро — подумал Гянтар.

Холм, на склоне которого он прятался, начинался от дороги и шел куда-то далеко вверх. Гянтар, рассудив, что с него должны быть хорошо видны окрестности, спешился, чтобы не трудить лишней раз лошадь, и стал подниматься в гору.

Чем выше он заходил, тем четче становились его подозрения в том, что лес кем-то ухожен. Там было мало кустарников и привычной для дубовых и грабовых чашоб густой поросли. Не было следов бурелома. Будто кто следил за сухостоем и вовремя убирал упавшие деревья.

Гянтар поднимался долго. Когда он наконец добрался до вершины, то не сразу решился выйти на нее. Сначала его насторожил просвет между деревьями, суливший немалое открытое пространство. Потихоньку похлопывая сверяписа по холке, отчего тот стал ступать осторожнее, Гянтар подошел настолько, чтобы можно было разглядеть поляну, не выходя из-за деревьев.

Это была большая круглая площадка, как для карья-войтис,⁹⁰ только вместо учебных станков посреди поляны высилось сооружение из огромных плоских валунов, собранных таким образом, что некоторые из них являли собой стены, а другие — кровлю. Камни были так велики, что трудно было представить, кто мог нагромоздить их на вершине холма. По углам этой столоподобной громады, словно дозорные, стояли стройные бледнокожие буки.

⁸⁹ Дейнайна — Утренняя Звезда, покровительница витингов. Вероятнее всего — Венера.

⁹⁰ Карья-войтис — место для упражнений в военном искусстве и для военных парадов.

Стволы их в утреннем солнце отливали серебром, а ветви, тронутые первыми лучами, розовели. Земля вокруг зеленела короткой свежей травой без единого желтого пучка пырея, явно выкошенного осенью.

Стараясь держаться за деревьями, Гянтар стал обходить поляну. Ему показалось, что сбоку каменной громады он слышит какие-то звуки.

Сначала он увидел край каменной плиты на земле, выступавшей из-за угла сооружения. Впоследствии это оказалось жертвенником. Потом уличный очаг — пеланно — с висевшим над ним котлом. У очага на корточках сидела женщина и помешивала в котле длинной деревянной ложкой. Тут же, за ее спиной, чернел квадрат входа в каменное жильё.

Гянтар глядел на старуху, казавшуюся вайделоткой, и думал о том, что его наверняка уже ищет Гунтавт, а в том, что он видит, нет ничего особо интересного. Но что-то напряглось внутри него в ожидании, не отпускало. Словно какой-то голос говорил ему: стой, смотри, сейчас случится...

Старуха обернулась к входу и что-то сказала. Немного погодя из темноты в камнях, ведя в поводу белого жеребца, укрытого красной попоной, вышла другая старуха. Она подошла к очагу, присела, и обе вайделотки стали негромко переговариваться.

Вдруг обе поспешно встали и, повернувшись к камням, почтительно склонились.

В середине черного квадрата появилась тонкая белая фигура. Она встала на пороге и потянулась, закинув голову к небу.

Сердце Гянтара забилося так, что он испугался, как бы его не услышали вайделотки.

У девушки были длинные светлые волосы и белое просторное платье без пояса и украшений. Она подошла к жеребцу, легко запрыгнула на него и, ударив босыми пятками в бока, направила к краю поляны. Одна из старух затрусила следом.

Они спустились с холма на противоположную от дороги сторону. Гянтар поехал за ними, держась на расстоянии видимости.

Внизу светилось, отражая небо, небольшое озеро. Берега его, за исключением того, что у подножия холма, были заболочены и заросли камышом и рогозом. Не слезая с жеребца, девушка стянула с себя платье, бросила его, и вместе с лошадью зашла в воду, скрывшись от Гянтара. Со своего места он мог видеть только старуху, сгучавшую на берегу с комком белой ткани в руках, и камыши. О девушке напоминал только ее смех да фыркание коня сквозь плеск воды.

Гянтар собирался, оставив сверяписа, подкрасться ближе, но что-то шевельнулось сзади него, и он, выхватив меч, обернулся.

— Я тебя еле нашел, — сказал Гунтавт.

Гянтар с изумлением смотрел на него. Даже в таком положении — верхом на алне, Гунтавт едва доставал Гянтару до пояса, и это почему-то казалось королю барстуков очень странным. С одной стороны, он знал, что ничего необычного нет в старейшине барстуков Самбии, но где-то глубоко шевелилось недоверие к тому, что он, Гянтар, такой большой, король вот этого маленького человечка. А может, он и не король? И не Гянтар?

— Тебе нехорошо, король? — обеспокоенно заглядывая ему в глаза, спросил Гунтавт. — Ты бледен.

Гянтар помотал головой, отгоняя нелепые видения:

— Нет, ничего...

— Король, — осторожно сказал Гунтавт. — Нам лучше уйти отсюда. Та девушка, в озере — это жрица бога Лиго. Так, как она, не охраняется ни одна женщина в Ульмигании. Нам еще повезло, что мы не навалились на ее охрану. Пойдем.

— Я должен ее увидеть.

— Ты увидишь ее, король, — мягко сказал карлик. — Но не сейчас. На празднике Лиго она сама выедет на этом жеребце. Тогда ее тело может видеть каждый житель Ульмигании. Но не сейчас. Сейчас нельзя. Нам уже хватает неприятностей...

— Наплевать мне на ваши праздники, — оборвал его Гянтар. — Я ее увижу. Жди меня здесь.

Озадаченный переменой в короле и его грубостью, барстук не нашел, что ответить.

Старуха и не заметила, как из ясного разгоравшегося дня провалилась в темноту обморока. Гянтар уложил ее на траву и посмотрел на озеро. Жрица играла и плескалась в воде, как амсмари.

Чужого почуял жеребец. Он раздул ноздри, скосил черные выпученные глаза к берегу и заржал, вырываясь из объятий девушки. Гянтар встал во весь рост и подошел к воде. Жрица стояла к нему спиной. По бледной, как слононая кость, спине струились мокрые льняные пряди.

«Слононая кость... откуда мне известны эти слова?» — мелькнуло у Гянтара.

Жрица наконец обернулась. Ее синие глаза взорвались в голове Гянтара, рассыпаясь васильками по ржаному полю.

— О Господи! — громко сказал он по-русски. — Анна!

Испуг, появившийся в глазах жрицы, почти сразу сменился жгучим, болезненным любопытством.

— Кто ты? — тихо спросила она.

— Я — Тороп, ты меня не помнишь?

Жрица медленно, как зачарованная, шла на него из воды, обнажая юное тело. Но ни один, ни другой этого не замечали, вглядываясь в глаза друг другу.

— Мне кажется, я тебя где-то видела, но не могу вспомнить — где?

— В Ростове, когда Великий князь, твой дядя, приезжал замиряться с братом. Помнишь?

— Как странно... Мне кажется, что и язык этот я слышала. Я понимаю его. Странно... Откуда ты, чужеземец?

— Вспомни же, Анна, вспомни! Я — Тороп! Мы танцевали с тобой. И потом... Ржаное поле... Помнишь? Васильки...

— Анна... Тороп... Какие знакомые имена! Но я ведь никогда их не слышала.

Она стояла напротив, и его руки были на ее плечах, а она понимала, что должна их скинуть, — никто из смертных не смеет касаться жрицы Лиго, — но руки были такими знакомыми, а их прикосновение так походило на те, что бывают в тайных снах, что жрица не в силах была справиться с ними. Она чувствовала, что эти руки вот-вот обнимут ее, и знала, что хочет этого.

И она, и он, и Гунтавт, онемевший от изумления, — все трое были убеждены, что видят сон, настолько нереально было происходившее.

Однако единственным человеком, кто спал тогда возле озера у подножия храма бога Лиго, была старая служанка жрицы. Но она очнулась. А очнувшись, заверещала диким голосом.

Жрица, взглянув на нее, затем на Торопа, отшатнулась, пытаясь скрыть наготу руками. На лицо набежала тень ужаса.

— Уходи! — крикнула она.

— Почему? — спросил Тороп.

— Уходи, я прошу тебя...

Она бросилась к жеребцу, вскочила на него и помчалась вверх, к храму. Старуха, воя без остановки, вприпрыжку побежала за ней. На берегу осталось только скомканное белое платье. Тороп подобрал его.

— Поехали отсюда! — опомнился Гунтавт. — Быстрее, король, сейчас тут будет вся Самбия!

— Какой я тебе король? — сказал Тороп, запрыгнув на коня.

Глава 18

В Ромове было беспокойно. Христиан почувствовал это и старался никому не попадаться на глаза. Из обрывков разговоров и приказов, отрывисто раздававшихся в

галереях святилища, можно было понять только, что восстало какое-то племя и некий славянин, пользуясь этим, осквернил один из храмов. Все это вместе как-то было связано со вчерашним нападением на Верховного Жреца дракона, о котором Христиан и вспомнить-то страшился, и исходит от женщины по имени Виндия.

Последнее особенно заинтересовало Христиана. До сих пор он привык считать прусских женно второстепенными членами общества. Правда, некоторые из них становились вайделотками и в этом качестве пользовались известным уважением, но чего это им стоило! Потеряв на войне мужа, но, не имея к тому времени детей, молодая вдова обязана была впускать к себе любого мужчину, какому только захочется, до тех пор пока не родит ребенка. После этого ее чрево запирали каким-то варварским способом, а саму стригли, посвящали в вайделотки, и до самой смерти женно должна была прислуживать какому-нибудь храму или мужчине-вайделоту. Дитя ее отдавали колдунам, и те решали, воспитывать того или сжечь на костре. То, что причиной суеты в Ромове оказалась женщина, было для Христиана серьезным открытием.

«Виндия!» — записал он на куске ткани и завязал на нем заметный узел. «Надо будет выяснить все обстоятельства подробнее», — подумал монах.

Сам объект его любопытства чувствовал себя не так безмятежно. Виндия болела.

Еще с вечера она поняла, что теряет связь со своим Этскиуном. Она ощущала, где он и что с ним, но уже не могла на него влиять. Утром и эта нить оборвалась. Сразу ей стало плохо. Ломило суставы, болело сердце, голова была будто сдавлена железным обручем с шипами. Виндия раньше подозревала, что так может быть, но что это настолько больно, не думала. Впрочем, она вообще мало думала, когда связывала себя с человеком.

Запершись в самой глубинной комнате Тависка, она запекшимися губами шептала заклинания, глядя в янтарный шар, но тот был холоден и безразличен к ее призывам, ибо все мольбы были ради одной, суетной и никчемной цели — вернуть себе призрачное плотское счастье смертных.

Глава 19

Словно дунул ветер и разогнал туман. Все стало четким и ясным. Тороп вспомнил, что было вчера, позавчера, год назад.

— Нет никакого духа Гянтара, — сказал он Гунтаву. — Все это выдумки Виндии.

Барстуки стояли понутив головы и молчали. Торопу даже стало жаль их. Они были похожи на обиженных детей. Но игра, в которую он поневоле их втянул, была слишком взрослой, и, пока не поздно, они должны были отказаться от нее.

Первым заговорил Гунтавт:

— Как бы там ни было, полгода ты был нам королем, и мы многому у тебя научились. Вчера мы доказали это самбам, но прежде всего, — самим себе. Теперь мы уже не те барстуки, какими были долгие века. Ты научил нас сражаться и повел в первый бой. Наш народ никогда не забудет этого. Но он будет помнить и мое предательство, если я сейчас не пойду с тобой. По нашим законам, пока ты не передал золотую шапку, ты все еще король. А раз так, любой из нас обязан отдать свою жизнь взамен твоей. Так сказано в заветах наших предков, и не нам их менять.

Гунтавт преклонил колено, и вслед за ним то же сделали и остальные десять барстуков. Тороп понял, что отговаривать их не имеет смысла. Они пошли бы за ним, так или иначе. Трудность в выборе решения заключалась для них только в том, чтобы привести его в соответствие с законами. Они нашли, как это сделать, и теперь с легкостью пойдут на верную смерть.

— Хорошо, — сказал Тороп. — Я все понял. Ну, а раз я король, вот вам мой указ: после моей головы пуще всего стерегите голову Гунтавта. На нее я возложу золотую шапку, если все обойдется. Ну, с Богом!

Глава 20

Весть о том, что какие-то барстуки, возглавляемые славянином, ранним утром пробовали штурмовать храм бога Лиго, облетела Витланд мгновенно. Такого Ульмигания еще не знала. Об этом говорили все. Пожалуй, единственным, кто мог этого не узнать, был Дилинг, спрятавшийся на мысу за болотом от всего мира.

Вмешался случай. Рыбак, который раз в пять дней возил Милдене рыбу, в тот день снял сети с огромным эскетресом.⁹¹ Недолго думая, он погреб к мысу, выволок на песок лодку с рыбиной и заторопился к хижине, стоявшей рядом со строившимся деревянным домом.

— Хозяйка! — еще издали начал кричать он. — Хозяйка! Выходи, посмотри, какую рыбу я тебе привез!

Милдена вышла на шум и, прикрыв глаза, смотрела на радостного рыбака, прикидывая, тот ли это день, в который он должен привозить рыбу? Ее подсчеты не сходились.

Добежав, наконец, запыхавшийся рыбак взял ее за руку и осторожно — Милдена была с заметным животом — потащил к заливу.

— Ты посмотри, какая рыба! — приговаривал он. — Я сразу подумал, что не стоит везти на рынок такую рыбу. Зачем? — думаю, Милдене и самой такая рыба нужна.

Эскетрес действительно был хорош. Милдене трудно было отказаться.

— Ну, что я говорил, — радостно бормотал рыбак, с трудом волоча на себе рыбу. — Понравился? А я только вышел, поднял сети, смотрю — тяжесть какая-то, думал, зацепил что-то или амсмари баловались, накидали в сеть камней... А я поздно сегодня вышел, думал, останусь уже ни с чем, а вот видишь...

Посмотреть на эскетреса из дома, который он уже подвел под крышу, пришел и Дилинг.

— А я сегодня поздно вышел, — бросив на разделочную доску рыбину, стал объяснять ему рыбак. — С утра такие вести принесли, не слышали? Ну да, где же вам тут услышать! Какой-то витинг напал на храм Лиго. Говорят, хотел похитить жрицу!

— Зачем? — удивилась Милдена.

— Да кто ж его знает? Говорят, он не из пруссов, разве прусс такое себе позволит? Христианин!

Рыбак сказал это с таким отвращением на лице, что Милдена рассмеялась. Она еще ни о чем не догадывалась и не видела, как сдвинул брови Дилинг.

— А что же охрана? — спросил он.

— Охрана! — рыбак аж плеснул руками по бокам от возбуждения. — Еле отбились! Витинг, говорят, молод, да как заговоренный. Пятерых положил! А ему еще целая стая барстуков помогает.

— Значит, отбились, говоришь? — спросил Дилинг.

— Отбились. Что творится! — закричал рыбак. — Разве в былые времена...

— Он ночью придет, — негромко сказал Дилинг.

— Что? — спросил рыбак.

Милдена быстро повернулась и посмотрела на Дилинга. Тот задумчиво почесывал бороду.

— Дилинг, — тихо позвала Милдена.

Он посмотрел отсутствующим взглядом и пошел в хижину.

— Так вот я и говорю, — продолжал рыбак. — В былые времена разве кто посмел бы подойти к храму Лиго? Или вот взять хотя бы то, что творится на рынке в Шоневике. Разве раньше кто из молодых посмел бы...

Дилинг вышел в кольчуге и опоясанный мечом. В руке у него был серебряный пояс Торопа. Ни слова не говоря, он направился к навесу для лошадей и стал седлать сверяписа.

⁹¹ Эскетрес — атлантический осетр.

Милдена пошатнулась и схватила рыбака за рукав вилны, чтобы не упасть. Тот что-то говорил ей, но она не слышала. Рыбак подвел ее к штабелю досок у хижины и усадил. Дилинг приладил скайтан, сел на лошадь и усакал.

Глава 21

Крива не был уверен так, как Дилинг, что нападение на храм повторится. Но, несмотря на это, к вечеру вокруг вершины холма стоял высокий частокол, а внутри расположились лучшие витинги страны воинов.

Обо всех приготовлениях на горе Торопу постоянно доносили вездесущие и незаметные людям барстуки. Они же, как только самбы начали сооружать ограду, стали рыть под нее подкоп. В земляных работах с барстуками могли сравниться только кроты. И те и другие одинаково хорошо ориентировались под землей. К окончанию работ самбами ход, шедший к самым стенам храма, тоже был готов. До поверхности оставалось около двух локтей земли, которую два барстука могли выбрать в считанные мгновения.

Как всегда бывает весной на полуострове, после яркого дня с моря натянуло туман. Он оседал на деревьях, и те роняли с веток частые крупные капли. Туман густел, ускоряя мутные сумерки.

Витинги, охранявшие храм, выставили на склонах несколько дозоров. Воины жались к кострам, отчасти спасавшим от сырости.

Барстуки не знали, зачем их королю нужна жрица Лиго, и не задумывались над этим. Их задачей была защита короля, и только она казалась им важной.

Самбы за оградой и в дозорах у костров тоже не привыкли задаваться вопросами. Их делом была война, а на ней раздумывать некогда.

Дилинг, ящерицей облазавший весь холм в поисках Торопа, иногда задумывался о причинах, толкнувших того на штурм храма, но только чтобы понять его дальнейшие действия и оказаться вовремя в нужном месте. Он привел Торопа в эту чужую для него страну, и чувствовал себя виноватым за все злоключения, свалившиеся здесь на русского. Но никаких признаков его присутствия на холме Дилинг не нашел, хотя и знал, что Тороп где-то близко.

Это и радовало Дилинга, — значит, Тороп тот, каким он его знал, — и волновало: Дилинг боялся опоздать к нужному моменту.

Всерьез обеспокоены ситуацией на горе Лиго были только два человека, два великих вайделота. Крива, потому что не понимал, что происходит, а это всегда бесило его. И Виндия, сознававшая, что уже потеряла «сына и мужа», но все еще отказывавшаяся поверить в это. Вновь и вновь она звала на помощь носейлов, умоляла шар заговорить, открыть ей тайны провидения, но духи к ней не шли, а шар мстил безмолвием и холодностью.

У храма разожгли несколько костров. Сумерки, смешавшись с туманом, загустели, как сусло, и облаком колыхались над вершиной холма.

Витинг, присматривавший за кострами на южной стороне храма, шел с охапкой дров и уронил несколько поленьев. Он наклонился, чтобы поднять их, и ему показалось, что трава перед ним шевелится. Потом почва просела, а в одном месте провалилась дырой в земле. Дыра была небольшой, и витинг хотел сунуть туда руку, но поостерегся, вспомнив разговоры об Анге и его нападении на Криву. Он бросил дрова, подошел ближе и взялся за рукоять меча. Но тут ему стало не до оружия — земля начала проваливаться. Витинг замахал руками, и, вскрикнув, вместе с комьями почвы ушел вниз.

Всадив нож в шею витинга, Тороп оставил его заботам барстуков, а сам выскочил наружу. Для того чтобы попасть в каменное святилище, ему достаточно было завернуть за угол, но он видел, что в его сторону уже смотрят несколько воинов. Дыра им была не видна, и пока они принимали его за кострового.

— Что там у тебя? — спросил один из них.

— Дрова рассыпал, — сказал Тороп и стал собирать поленья.

— А чего кричишь, они тебе на яйца упали, что ли? — спросил тот же голос, и витинги засмеялись.

— Зиман! — позвал кто-то из компании.

Тороп не знал, зовут кострового или еще кого, и продолжал молча собирать на руку дрова.

— Да это, кажется, не он.

Один из воинов направился в сторону Торопа. Тогда он бросил дрова и пошел вдоль стены.

— Эй! — крикнули сзади. — Постой!

Тороп, не оборачиваясь, побежал, на ходу вытаскивая меч. Он знал, что спину ему прикроют барстуки. План тихо вывести через подкоп ту, которую он считал Анной, провалился. Со всех сторон к святилищу бежали витинги.

Первого, на кого он наткнулся, завернув за угол, Торопу удалось свалить в несколько ударов. Другой упал, подкошенный ударами по ногам мечами барстуков. В темноте витинги забывали смотреть под ноги, хотя этим утром кое-кто из них уже пострадал, столкнувшись с маленькими злыми воинами.

Тороп бросился к входу, но там вырос высокий витинг с боевым топором в руках. Лицо его было рассечено глубоким шрамом.

— Ага, — сказал витинг. — Ты все-таки пришел. Хорошо, а то мне пришлось бы тебя искать.

Тороп ударил его снизу, не размахиваясь. Этим приемом владели немногие, и мало кто мог его отбить. Меч громко звякнул, ударившись о вовремя поставленный топор, и отлетел в сторону, едва не вырвавшись у Торопа из рук. Тороп понял, что нарвался на одного из тех, кем держалась слава пруссов.

Вепрь крикнул, нанося свой удар, и Тороп еле успел от него увернуться. Тут же последовал второй, третий... Тороп стал пятиться, с трудом поспевая отбиваться.

Дилинг, услышав крики и звон стали за частоколом, чуть не взвыл от досады. Он искал Торопа, а нужно было искать лаз под ограду. Как же это ему сразу не пришло в голову? Ведь он еще днем слышал, что Торопу помогают барстуки!

Бревна были в два человеческих роста, хорошо ошкурены и пригнаны друг к другу — не забраться. Ругая собственную глупость, Дилинг побежал к воротам. Они как раз открылись, и внутрь храмового двора бежали витинги. Дилинга они приняли за своего, и никто на него не обратил внимания.

У святилища уже была свалка. Барстуки дрались не по тем правилам, к которым привыкли за века воины пруссов. Карлики очень быстро двигались, перебегая с места на место, наносили опасные калечащие раны ногам самбов и швыряли им в лица маленькие незаметные дротики.

Неожиданностью для самбов стало и то, что один из витингов начал вдруг яростно рубить своих же.

— Держись! — кричал он. — Держись, Тороп, я иду!

Тороп держался, но из последних сил. Вепрь был опытнее и гораздо сильнее него. Два раза Тороп уже падал, но успевал вскочить до того, как опускался топор Вепря. Наконец, понимая, что в прямом бою ему не одолеть самба, Тороп поддался, подставил меч так, что Вепрю удалось выбить клинок. Самб зловеще ухмыльнулся, неторопливо взмахнул топором, открываясь, а Тороп метнул в его незащищенную грудь нож и отскочил в сторону. Вепрь вздрогнул, как дуб, получивший удар, подрубающий его, и рухнул. Тороп подхватил свой меч.

— Держись, Тороп! — услышал он.

Так кричать мог только один человек — Дилинг. Тороп искал его глазами, но не нашел. Зато увидел, что, возвышаясь над скрежетом и лязгом, над кровью, над стонами раненых и злобным шипением живых воинов, на жертвеннике стоит с факелом княжна Анна. Ее широко распахнутые глаза были устремлены прямо на него, на Торопа. И в глазах этих

были и страх, и мольба, и изумление.

Тороп с утроившейся силой развалил голову подвернувшемуся витингу и ринулся вперед.

Дилинг был совсем рядом.

Занесся меч над одним из самбов, который разрубил надвое барстука, как полено, он замешкался, разглядев белые крылья на куртке. Тот же, уловив сбоку движение, ударил в развороте наугад. Удар пришелся на шею. Меч Балварна разрубил Дилингу шейные мышцы и гортань.

— Эх!.. — выдохнул Дилинг вместе с кровью, прежде чем упасть.

— Ты?! — поразился Балварн, подхватывая его.

Дилинг скривил губы в улыбке. Он что-то хотел сказать, но изо рта с красными пузырями вылетело только бульканье и свист. Тогда он указал себе на живот.

На нем было два пояса. Один с серебряными грифонами, уже знакомый Балварну.

— Так это он? — спросил Балварн.

Дилинг не ответил. Умер.

А в Тависке у Виндии ожил шар. От него стало исходить слабое теплое свечение. Оно разгоралось, постепенно затмевая свет масляных ламп. Потом появилось белое ядро и в нем — разгоряченное схваткой лицо Торопа. Оно было совсем не таким, к какому привыкла Виндия, не лицом покорного Этскиуна. В нем была надменная ярость — гордая печать, отличавшая потомственных воинов, превыше всего ценивших свою спесь и свободу.

Виндия придвинулась так близко, что рисковала коснуться ядра, а это было очень опасно. Но не одно только лицо Торопа заинтересовало Виндию. Что-то было еще, чего она пока не видела, но к чему уже чувствовала лютую ненависть.

Там было еще одно лицо. Лицо юной жрицы бога Лиго.

Издав хриплый, как треснутое дерево под ветром, звук, Виндия задохнулась. Ей не хватило воздуха. Потом она закричала, протяжно и с подвыванием. Виндия выла, и тем, кто слышал ее вой, сеймину Тависка, казалось, что кожа их рвется и сползает сама собой.

Эхо еще гуляло по замку, а Виндия стояла, вытянув перед собой руки, и шептала заклинания. Она обратилась к богам. Она отдавала им свою власть над Гянтаром и отдавалась сама.

Изображение над шаром стало дрожать, меркнуть, а сам он раскалился, зашипел и треснул, рассыпаясь на множество кусков.

В недрах храмового холма заурчало, заворочалось так, что витинги и барстуки попадали наземь. Страшной силы удар сотряс гору, она раскололась, и каменное святилище с грохотом провалилось в трещину, краем прошедшую прямо под ногами Торопа. Он оступился и упал бы туда вслед за камнями и жрицей, но Балварн схватил его за ворот кольчуги.

Люди и карлики бросились в стороны от трещины, прочь по склонам холма. Сражение закончилось тем, что его участники разбежались кто куда.

Гора, продолжая гроыхать, закрылась.

Глава 22

Говорить было не о чем. Тороп чувствовал себя так, будто очнулся от долгого мучительного бредового сна, и разобраться, насколько его отдельные видения реальны, был не в силах.

Балварн хотел было спросить его: зачем все это понадобилось? Но не стал. Этот чужеземец, в глазах которого еще не полностью остыл мутный огонь сумасшествия, был неприятен ему. Из-за него погибли два великих витинга, и их не вернуть, сколько ни выясняй, зачем и почему это случилось.

Всю дорогу молчали.

Ночью переходить Конское болото было опасно. Они заночевали в Шоневике у

знакового Балварну торговца лошадьми. Тот узнал в трупe Дилинга, но лишних вопросов задавать не стал. Дал по куску лайтяна,⁹² по жбану пива и оставил их на сеновале.

Уже устроившись спать, Балварн сказал:

— Да, я забыл тебе сказать, его жена беременна.

Тороп не ответил. Балварн подумал, что он уснул, и решил, что скажет об этом утром.

Однако утром, едва он заговорил о Милдене, Тороп ответил, что уже слышал это вечером. Они опять замолчали.

Туман все держался. Редкие березы на болоте плавали в воздухе. Тороп никак не мог отделаться от чувства, что бредовый сон не окончательно рассеялся. Он подумал, что ни в одном из русских княжеств нет таких плотных и бесконечных туманов.

Милдена не плакала и не голосила. Она все выплакала ночью, когда поняла, что если и увидит Дилинга, то вот таким — с мертвой желтоватой кожей на лице и перепачканного кровью.

Костер складывать не стали. Выкопали могилу. Тороп убил оружие Дилинга и положил с ним рядом.⁹³ Милдена предложила зарезать и сверяписа, но Тороп не дал. «Пригодится», — сказал он.

Когда все условности были соблюдены и витинги собрались забросать землей тело Дилинга, Милдена бросилась к ним.

— Не надо... — иступленно бормотала она. — Не закапывайте, я сама...

Тороп посмотрел на Балварна, но тот только развел руками. Решив, что это часть ритуала, Тороп не стал настаивать, хотя и думал, что Милдене, в ее положении, кидать землю вовсе не стоит.

На тризне он сказал ей:

— Поедешь со мной.

— Нет, — мотнула она головой.

Балварн отвернулся.

— Почему? — спросил Тороп.

Милдена упрямо промолчала.

— Она собирается уйти в Страну предков вместе с Дилингом, — сказал Балварн.

— Как это? — опешил Тороп.

— Она потому и не дала нам закрыть равис.⁹⁴

— Это правда? — спросил Тороп у Милдены.

— Прусские женно часто так поступают, — вместо нее ответил Балварн.

— Я не позволю этого сделать, — сказал Тороп. — По обычаю моего народа, если воин умирает, младший брат должен взять его жену и заботиться о детях. Ты беременна, а кроме Дилинга, на этом свете у меня больше никого не было. Поедешь со мной.

— Куда? — спросила наконец Милдена.

— Посмотрим. Земля большая, найдется и нам место.

— Я провожу вас до границы, — сказал Балварн.

Только на другой день, когда они добрались до Немана, туман поредел. Над Жмудью уже стояло солнце.

Глава 23

Виндия ушла из Тависка. Когда и как — сама не знала. Несколько дней где-то бродила,

⁹² Лайтян — сухая колбаса.

⁹³ Оружие «убивали», сгибая или переламывая. Оно уходило в Страну предков вместе с витингом.

⁹⁴ Равис — могильный холм над сожженным телом воина.

а опомнилась на берегу моря. Она сидела на валуне посреди большой лужи, намытой последним штормом, в изорванном и мокром пурпурном платье.

Туман размыл горизонт и стер границы между морем, небом и сушей. Было тихо и пусто.

Виндия посмотрела в лужу и увидела там древнюю морщинистую старуху с ввалившимися глазами, длинным носом и редкими серыми свалывшимися волосами. Рукой, похожей на сухую ветку, она провела по этому лицу, ощупывая его морщины, убеждаясь, что это ее лицо и что она уже никогда ничего с ним не сможет сделать. Виндия старилась. И так быстро, что если б ей вздумалось посидеть на камне до завтра, то она уже не смогла бы с него встать.

Вайделотка поднялась и пошла в море. Она входила в него все глубже и глубже, но не делала никаких попыток поплыть.

Глава 24

Гунтавт стал королем барстуков и, несмотря на усложнившиеся отношения с Кривой из-за участия карликов в штурме храма Лиго, правил очень долго и мудро, стараясь больше никогда не иметь дел с людьми. Это он завещал и потомкам. Они придерживались завета, благодаря чему благополучно дожили в Ульмигании до наших дней.

А о самой попытке похищения жрицы Лиго поведал нам Христиан Оливский, бывший в то время в плену у Верховного Жреца пруссов. Пробудет он там еще четырнадцать лет, пока князь Вепря Ванграп в жестокой стычке с витингами охраны Кривы не отобьет монаха. Князь этот претерпит удивительную эволюцию сознания, в результате чего уведет свой род на юго-запад Пруссии и там, в замке Фогельзанд,⁹⁵ примет крещение и станет известен под именем Альбрехта фон Эбура, одного из первых прусских вождей, выступивших на стороне Ордена и Христовой Церкви.

Тороп с Милденой поселились в славном городе Пскове. У Милдены вскоре родился сын, которого она назвала Висигайл. Правда, так его там никто не звал, а звали по-русски — Василько. От Торопа у Милдены будет дочь — Анна. И жили бы они все долго и счастливо, если б в 1242 году не набежали на Псков татары Александра Ярославича. Защищая Псков, погиб Тороп. Татар поначалу прогнали, но псковичи решили с помощью ливонских рыцарей отомстить поганым и бесславно сложили головы на Чудском озере. После этого Псков, оставшийся беззащитным, ждали еще большие беды. Милдену с дочерью вместе с другими псковитянками Ярославич сжег в одном из храмов города. Василько оказался в Риге. Затем, на какое-то время его следы теряются, но после, совершенно неожиданно, обнаруживаются в Пруссии. И самое удивительное, что сын убитого Торопом Вепря — Ванграп — Альбрехт фон Эбур, встретится здесь с Василько, воспитанным Торопом сыном Дилинга. Их судьбы странно и причудливо переплетутся, но ни один, ни другой так и не узнают друг друга.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Жрец

Никакому народу нельзя безнаказанно так резко отличаться от своих соседей.

Э. Лависс «Очерки по истории Пруссии»

⁹⁵ Замок Фогельзанд — первый замок, выстроенный Орденом на левом берегу Вислы, откуда и начался крестовый поход в Пруссию. Раньше его существование некоторыми историками подвергалось сомнениям, однако в последнее время получены свидетельства того, что Фогельзанд — реальность.

Еще с тех времен, когда в замке Гермау жили крестоносцы, там появился призрак. Каждый год 20 декабря в полночь из подвалов замка выходил рыцарь в латах, с двуручным мечом. Всю ночь призрак бродил в окрестностях замка, а с первыми петухами исчезал в подземельях. Говорят, что ночи эти были необычайно темными и ненастными и мало кто из жителей поселка отваживался высунуть нос из дома.

Рассказывают, что в 1670 году некий молодой человек по имени Ганс из бедной, но честной дворянской семьи Клаук, поддавшись на уговоры польских контрабандистов, выкрал из карьера близ Пальмникена два шеффеля⁹⁶ янтаря. Выкрасть-то выкрал, но продать мешки с янтарем не успел — был пойман с поличным. Тут надобно напомнить, что Янтарный суд, как и Янтарная палата, находились в то время в замке Гермау.⁹⁷

Сидит Ганс в подвале замка и ждет суда. В приговоре можно было не сомневаться. За это преступление что простолюдина, что барона ждало одно — виселица, построенная специально для таких, как он, на холме Гальгенберг, у Кирпенена. И вдруг дверь его камеры открывается и к Гансу входит рыцарь в латах, какие носили еще во времена крестоносцев. О чем они договаривались, никто не знает. Известно только, что в ту ночь Ганс Клаук объявился дома и рассказал, что из замка его вывел призрак через подземный коридор, ведущий под болотом из Гермау до Кирпенена, вход в который был к тому времени уже утерян. В плату за спасение рыцарь потребовал от Ганса, чтобы он в третью ночь привел к замку какого-то человека. Какого — Ганс не сказал. Этот Ганс был довольно сообразительный малый. Рассудив, что того человека, который нужен призраку, он может и не найти, а распорядители Янтарного суда того и гляди явятся по его душу, он решил бежать куда-нибудь подальше и от судей, и от призрака. И бежал.

Два дня о Клауке ничего не было слышно. На третье утро крестьяне поселка Кирпенен, выгонявшие коров на пастбище, увидели труп Ганса, болтающийся на виселице на холме Гальгенберг. Тут же выяснилось, что Янтарный суд не имел к этой казни никакого отношения.

Глава 1

С того дня, когда Герман Зальца с шестью рыцарями и оруженосцами перешел Вислу и ступил на земли священной Ульмигании, прошло двадцать пять лет. Четверть века война с косой и факелом гуляла по Пруссии. К зиме 1254 года в западной и южной части страны уже стояло более трех десятков замков, к стенам которых жались городки и поселки колонистов. Жили в них голодно и в непрестанном страхе. В любое мгновение воздух вокруг укреплений мог взорваться звоном мечей, и замок со всеми его обитателями сметался дружиной пруссов. Потом следовала ответная атака братьев Ордена, за ней — долгие переговоры, плохо выполняемые посулы и обещания с обеих сторон — и мирный договор. Замок переходил в те или другие руки, отстраивался, у стен появлялись хижины крестьян и ремесленников. И вдруг, как молния, без всякого предупреждения одна из сторон налетала на другую в этом или ином месте. И так — вся четверть века. Только Самбия продолжала жить по законам, завещанным пруссам королем Вайдевutom. Оказалось, что преодолеть небольшую речку Преголлу несравнимо труднее, чем полноводную Вислу. Вся мощь Немецкого Ордена госпиталья Пресвятой Девы Марии, регулярно подпитываемая высокородными крестоносцами Римской империи и наемниками, ничего не могла поделать с одним стариком — Верховным Жрецом пруссов, засевшим где-то среди дюн на полуострове Витланд, и племенем, мужчины которого считали себя прямыми потомками второго сына короля Вайдевута — Великого Воина Само, племенем, самими богами приставленного к охране

⁹⁶ Шеффель — мера веса — около 55 килограммов.

⁹⁷ Прусский вариант названия Гирмова.

Ромовы. В ту зиму Орден ждал, что армия короля Богемии Отакара, которую тот собрал со всего цивилизованного мира, поможет, наконец, сломить сопротивление самбов. Но пока король вторую неделю сидел в Бальге и вместе с Оттоном Бранденбургским и прочими крестоносцами — герцогами и маркграфами, не просыхая от пьянства, готовился к походу, самбы вихрем прошли по Натангии и Бартии и разорили несколько замков. Среди прочих — и считавшийся неприступным Кройцбург. И ушли на полуостров так же молниеносно, как появились, уводя с собой около сотни женщин и детей. Орден выслал в погоню два десятка рыцарей с оруженосцами и кнехтами под предводительством брата Вольрада. Но, едва переправившись через реку, крестоносцы столкнулись с отрядом князя Налубе. Половина рыцарей была тут же уничтожена, а остальные, воспользовавшись наступившими ночными сумерками, ушли и исчезли. Четыре дня о них ничего не было известно. Орден отправил две экспедиции, но только одна из них смогла переправиться на правый берег реки, однако в районе прусского городища Твангсте оказалась наголову разбита самбами и была вынуждена вернуться. Только тогда до магистра фон Хиршберха дошло, что найти в Самбии пропавших монахов мог только тот, кто знал эти леса и дюны лучше, чем «Отче наш», кто не боялся самбийских туманных ночей вместе с их витингами и дьявольского происхождения диковинными тварями.

У Ванграпа — рыцаря Альбрехта фон Эбура, как называли его братья Ордена, не было ни оруженосцев, ни кнехтов-пехотинцев, поэтому его дружина могла делать самые длинные и стремительные переходы и появляться в самых неожиданных местах. Кроме того, он служил Ордену, но не был посвящен в братство и потому мог позволить себе не согласовывать все свои планы с орденским начальством, а значит, не бояться шпионов и действовать так, как ему подсказывало чутье потомственного воина. А оно ему говорило, что Вольрад увел своих людей не на запад к устью реки, где было ближе до замков Бранденбург и Бальга и где его наверняка ждали самбы, а на восток, к границе Самбии с Надровией, в мало разведанный Дикий лес, куда, как полагали пруссы, крестоносцы не осмелятся сунуться. Хитрый Вольрад — фогт без замка — вряд ли станет рисковать своей шкурой и лезть напролом сквозь прусские засеки, — думал Ванграп. Будучи кастеляном Ленценберга, тот однажды пригласил к себе на дружескую пирушку двенадцать вождей вармов и натангов. А когда те перепились и уснули, он запер замок и сжег его вместе с вождями и их челядью. Так что теперь ему просто необходимо быть еще более изворотливым, чтобы не попасть в руки пруссов-язычников. Уж они-то найдут применение его шкуре и черепу.

В том, что Вольрад ушел на восток, Ванграп не сомневался. Его смущало другое — почему он до сих пор не объявился? Пошли пятые сутки с момента его исчезновения. За это время не только до Надровии, можно было добраться до Жмуди. Кое-кто из братии считал, что поиски пропавшего отряда уже бессмысленны — пруссы вместе с дымом костров отправили крестоносцев к своим богам. Но если бы это случилось, Ванграп узнал бы первым. Это для крестоносцев и пилигримов Пруссия — большая таинственная страна, Ванграп был у себя дома. И все же он переправил на правый берег Преголлы двух лазутчиков. Те должны были идти вдоль реки на восток вровень с дружиной Ванграпа и в случае обнаружения следов Вольрада подать знак криком сойки. Так они дошли почти до самой Деймы. С холма, на котором остановился Ванграп, сквозь голые деревья был виден хорошо укрепленный пограничный замок самбов Тапиов. Чуть дальше был поселок, но виднелись только его дымы, поднимавшиеся над черными бревенчатыми стенами крепости.

Юный Линко, зажимая рот рукой, сдавленно закашлялся.

«Все-таки не надо было брать его с собой», — в который уже раз подумал Ванграп.

Витинг таял на глазах. Совсем молодой — три года, как начал отращивать волосы — Линко показал себя в боях очень неплохо. Еще окончательно не сложившись силой, он заменял ее ловкостью и умением обращаться с оружием. Ему одинаково легко давалось владение и мечом, и трезубцем. А уж метнуть копьё или топор в цель, как он, редко кому удавалось. С легкостью он освоил и незнакомый пруссам арбалет. К сожалению, парня радовал не только блеск стали. Так же жаден он был и до женщин. Тем более что и они

старались не пропустить его мимо. Не мудрено — среди колонистов женщин было втрое, а то и вчетверо больше, чем мужчин. Слишком многих мужей скосила война. В чьей-то постели Линко и подцепил чахотку. Ему бы лечиться, но любой вайделот скорее дал бы Линко змеиного яду, чем лекарственный отвар, а орденские братья, как и витинги, хорошо разбирались только в ранах.

Крикнула сойка. Витинги напряглись, натягивая поводья, и это напряжение передалось лошадям, те нервно зафыркали, перебирая копытами. Но сойка крикнула и другой раз, и третий. Значит, лазутчики нашли, где самбы держат Вольрада, но освободить его не так просто, как хотелось бы. Третий крик значил, что они возвращаются на левый берег.

Ванграп спешился и походил, разминая ноги. Пожевал еловую веточку — главное лекарство витинга от зимних болезней.

Подъехал Тирско из вармийского рода Стейновых и протянул флягу.

— Не хотелось бы мне портить отношения с бойцами из Тапиова, — сказал он.

Ванграп отхлебнул медовухи.

— Да, — ответил. — Похоже, Вольрад там.

— Вот именно, — сказал Тирско. — То-то и оно, что Вольрад. Был бы кто другой, я бы не задумываясь и на Ромову пошел. А за эту крысу я бы еще и приплатил самбам пару марок, чтоб они его получше поджарили.

— Там не только Вольрад. С ним Троппо, Райнальд Сидонский, Варгул, Хельмерик.

— Да знаю я. Я тебе не рассказывал, как мы с Хельмериком на медведя охотились? Нашли берлогу, Хельмерик туда копьем тычет, чтоб медведь вылез, а в берлоге, видно, маркопет сидел. Он оттуда как выскочит, Хельмерик как эту рожу увидел...

— Тихо! — сказал Ванграп.

Ему показалось, что со стороны реки послышался хруст, будто кто-то неосторожно наступил на кусок льда.

— Слышал? — спросил Ванграп шепотом.

Тирско помотал головой.

Ванграп поднял руку и сделал знак Йоне и Скурдо проверить подступы к реке. Те неслышно спрыгнули с лошадей и исчезли в прибрежных зарослях. Остальные воины рассыпались по лесу и растаяли среди бурелома и молодого ельника. Ванграп как стоял, так и остался стоять посреди поляны, пожевывая жвачку из еловых иголок.

Предосторожности, как часто бывает, оказались лишними — Йоне и Скурдо привели лазутчиков. Они рассказали, что Вольрад, как и думал Ванграп, был в Тапиове. Он действительно пошел на восток, но, плохо зная те места, вскоре уперся в непроходимые Гиблые болота в пойме Преголлы. Болота эти по странной прихоти богов никогда не замерзали, а человек или зверь, попадая в те места, засыпал смертельным сном. Так что князь Налубе, нагнав отряд Вольрада, не просто пленил его, а, можно сказать, спас от верной смерти. Правда, затем только, чтобы принести их в жертву тем же богам, которые и создали болота.

— Так Налубе не убил Вольрада? — удивился Ваграп.

— Нет, князь, — сказал Поманда. Он был из рода Вепря, как и Ванграп, и никогда не называл своего вождя иначе, чем привык с детства.

— Мы прошли до Тапиова и я своими глазами видел восемь связанных крестоносцев. А женно, которые собирали в лесу хворост, говорили о том, что те сидят в яме на площади и один из них серьезно ранен.

— Ты уверен — их собираются принести в жертву?

— Я видел восемь столбов для жертвоприношения Перкуну. А кроме того, женщины обсуждали переживания вайделота. Он волнуется, как бы раненый не умер до приезда Кривы.

— Этот старый пес все никак не успокоится. Ему с каждым днем нужно все больше и больше людей для жертв. Когда-нибудь он подавится их кровью. В Тапиове много витингов?

— Много, князь. Дружина Налубе — не меньше сотни мечей и люди из окрестных

поселков. Приедет Крива, и народ ждет большого праздника.

— Мы им его устроим. Возьми у Тирско меду, он всегда запасается им сверх меры, выпейте и отдохните. Только не очень усердствуйте. Сегодня будет много работы.

Ванграп не сказал, что все эти тридцать лет со дня бессмысленной гибели отца на холме бога Лиго мечтал отомстить Криве за ту ночь. Не сказал, но все и так это знали. Ванграп считал, что последний Крива — а других он не знал — живет кровью, питается ею и властвует на крови.

Он даже думал, что это Верховный Жрец придумал войну с крестоносцами. По крайней мере спровоцировал Рим на войну, чтобы удержаться у власти. Князьям и витингам давно опостылело абсолютное царствие жрецов, пронизывающее всю жизнь пруссов от колыбели до погребального костра. В юности он прислушивался к разговорам воинов и теперь был уверен: не приди орден в Пруссию — разразилась бы усобица между витингами и жрецами. Именно поэтому многие вожди с приходом ордена встали под черный крест.

— Хельмерик потом три дня из часовни не выходил, — рассказывал Тирско Поманде свою историю с охотой на медведя. — Грехи замаливал. Он-то думал, что из берлоги черт выскочил.

Хельмерик был давним приятелем-собутельником Тирско. А с Вольрадом он оказался только потому, что магистр попросил Ванграпа укрепить отряд Вольрада кем-нибудь из своих людей.

Теперь Ванграп сожалел, что поддался на уговоры магистра. Благодаря этому там, в Тапиове, оказались и витинги из рода Вепря — Варгул и Троппо. Если, конечно, не погибли еще раньше, при столкновении с князем Налубе. Люди Вепря не заезжие пилигримы, вряд ли они побежали от Налубе вдоль Преголлы так же охотно, как Вольрад.

Ванграп позвал Виссамбра — огромного витинга, служившего князю дружинником еще в детских игровых битвах.

— Ты хорошо знаешь эти места?

— Бывал как-то.

— Надо выманить Налубе из замка. Со всей его дружиной нам не справиться.

— Что я должен сделать?

— Возьми у Райнера плащ крестоносца — кажется, он повсюду таскает его с собой — и покрасуйся в нем в окрестностях замка. Так, чтобы тебя увидели артайсы или их жены. Налубе поймет, что кто-то пришел за Вольрадом, но вряд ли ему придет в голову, что это я и что нас только полтора десятка. Я бы на его месте решил, что орден прислал по меньшей мере сотню рыцарей. Уведи его миль на пять на запад в сторону болот. Там места дремучие, пока он будет тебя искать, да пока сообразит, что его обвели, мы успеем вытащить из ямы этого хорька, Вольрада.

— Мне идти прямо сейчас?

— Да. Прямо сейчас, пока не стемнело. Да постарайся не оборачиваться к Налубе лицом. Твою рожу за милую любую самб распознает.

Виссамбр самодовольно ухмыльнулся во всю свою необъятную физиономию. Ему нравилось, что слава о его силе разошлась далеко за пределы родовых земель.

— Иди, — сказал ему Ванграп. — Потом будешь веселиться. И пошли ко мне Линко и Поманду.

Парень был совсем плох. И без того бледное лицо Линко отсвечивало голубизной, будто из него выпустили жизнь. Но держался он бодро, стараясь не выказывать слабости.

«Вернемся, уложу его в постель, — подумал Ванграп. — Пусть братья-духовники хоть из кожи лезут, но выходят мальчишку».

Разговаривая, Ванграп старался не смотреть на него, чтобы не выказать глазами жалости.

— Поманда, вам с Линко сейчас надо занять башню. Виссамбр постарается увести Налубе из замка. Как только Налубе погонится за Виссамбром, подайте знак. Мы будем под стенами. Прикроете нас сверху арбалетами. Очень может быть, что Налубе скоро вернется,

так что не забывайте поглядывать и за воротами. Если увидите Криву, не стесняйтесь, сделайте в нем дыру. Тому, кто это сделает, я заплачу любую сумму.

Поманда нахмурился и отвел глаза в сторону.

— Что, тебе трудно это сделать? — спросил его Ванграп.

Он промолчал.

— А ты, Линко? Ты тоже все еще боишься старых богов?

— Нет, князь. Единственное, чего я боюсь, — это твоей немилости. Мне плевать, какая шкура у твоего врага — козья или белая с крестом. Прикажешь, буду стрелять и в Криву, и в папу римского.

— Ну, вот и договорились. Поманда, оставь одного из лазутчиков с лошадьми.

Линко не соврал. Когда Крива, учуяв своим собачьим нюхом что-то неладное, выскочил из палатки и стал озираться на стены замка, он навел на него арбалет. А со стен вниз во двор уже прыгали люди Ванграпа. Еще мгновение — и история последнего Кривы на этом закончилась бы. Если бы тот был просто человеком. Но это был Верховный Жрец пруссов. Едва Линко нащупал пальцем спусковой крючок, Крива обернулся и посмотрел ему в глаза. И грудь воина взорвалась кашлем, стрела из арбалета ушла выше головы Кривы, а изо рта Линко хлынула кровь. То ли оттого, что пришло, наконец, время расплачиваться воину за распутную жизнь, то ли от прожигающего насквозь взгляда желтых глаз жреца, но легкие его стали лопаться и больно разваливаться на кусочки, а перед взором повисла багрово-черная пелена.

Очнулся он уже только ночью в замке Вилава.

Казалось, где-то совсем рядом, прямо над головой, бьет колокол.

На стенах, чадя, горели факелы.

Голова Линко была на коленях Помандо, и тот мокрой тряпкой обтирал его лицо. Линко стало стыдно за свою немощь, и он попытался подняться.

— Лежи, лежи! — остановил его Помандо. — Тебе лучше полежать сейчас. Погоди немного, придем в Бальгу, сдадим тебя монахам. Они тебя поставят на ноги. Полежи.

Линко хотел бы встать, но не мог. Руки и ноги были как соломенные, как у чучела божка Курче, которого на празднике последнего снопа делают детям для забавы.

В груди что-то остро рвалось и булькало. Он закашлялся, а Помандо тут же вытер ему рот. Тряпка была кровавой.

«Жаль, — подумал Линко. — Мало я послужил князю».

Неподалеку разгоралась какая-то свара. Кричали все громче, и в голосах слышалась угроза. Кто-то смеялся. Линко повернул голову в ту сторону.

Виссамбр и Герлак Рыжий стояли друг против друга уже с мечами в руках и готовы были схватиться в драке. Оба с разных сторон держали за одежду юную мергу лет двенадцати-тринадцати. У нее были огромные и опустевшие, бессмысленные от ужаса глаза.

— Тебя вообще не было с нами! — рявкнул Герлак.

— Потому что я уводил Налубе от твоей рыжей задницы! — заорал Виссамбр.

— Вы еще проткните друг друга из-за этой сучки, — смеялся Тирско, размахивая флягой. — Рыжий, ткни, ткни его мечом.

— Ну попробуй, возьми ее! — кричал Герлак.

— Я не только ее возьму, я еще унесу с собой твою поганую рыжую немецкую башку! — кричал Виссамбр.

— Виссамбр, ну-ка съезди этому тощему немцу в ухо! — подзадоривал Тирско.

Они так орали, что не заметили, как подошел Ванграп.

— Что тут происходит? — спросил он.

— Да вот — два дурака сучку не поделили, — смеясь, сказал Тирско.

— Эту?

Витинги притихли и отступили от девушки.

Громче стали слышны мерные удары в колокол.

— Это я ее нашел, — сказал Герлак Рыжий.

Мерга, казалось, пришла в себя и, как пойманный зверек, затравленно скашивала глаза то на одного витинга, то на другого.

— Подними руки, — сказал ей Ванграп.

Она подчинилась.

Ванграп взмахнул мечом и рассек девушку поперек на две части.

— Теперь вам будет легче ее делить.

Линко отвернулся.

Подошел Тирско и присел рядом на скамью.

— Вот так, брат Линко... — зачем-то сказал он и поднес флягу: — Хочешь хлебнуть?

Линко кивнул. Тирско осторожно влил ему в рот немного меда. Напиток приятно горчил полынью, и его запах напоминал о разогретых летним солнцем дюнах на западном берегу Самбии.

От нескольких глотков из фляги Тирско Линко заметно полегчало. Грудь, казалось, расправилась, и дыхание уже не давалось так болезненно. Он даже смог приподняться и самостоятельно сел, прислонившись к бревенчатой стене. Только колокольный звон медью отдавался в голове.

— Ну, ты прямо совсем молодец, — сказал, вставая, Помандо. — Посиди-ка пока здесь с Линко. Мне нужно на стену.

— Где мы? — спросил Линко.

— В Вилаве, — сказал Тирско, протягивая ему флягу.

— А зачем бьют в колокол?

— Видишь ли, брат Линко, Налубе нас все-таки нашел и запер здесь. Их там, за стенами, видимо-невидимо. Ночью они, конечно, не ползут, понимают, что тут сидят не пилигримы из Алемании, да и зачем им лезть? Они знают, что и мы до утра не высунемся. Ванграп приказал звонить в колокол — может, кто из орденских братьев услышит, придет на подмогу.

— А если никто не услышит? Сколько мы будем здесь сидеть?

— Ну, это не нам с тобой решать. Об этом пусть Ванграп думает. Он — князь, ему ума больше дано. Да ты не переживай, долго сидеть не будем. Налубе утром пойдет на приступ. Не думай об этом. На, лучше хлебни еще.

— Постой, мы же в Вилаве.

— В Вилаве, точно. Сам догадался?

— Тут из колодца должен быть подземный ход.

— Думали уже об этом. Налубе как услышит, что колокол стих, тут же начнет рыскать по окрестностям. А у нас четверо раненых, да ты вот еще занемог. Да на двадцать три воина только пятнадцать лошадей. Быстро уйти не получится. А в поле нас Налубе в корм для свиней нарубит, и охнуть не успеешь. Так что, сиди, брат Линко, отдыхай, пока колокол звонит.

Они помолчали, прихлебывая из фляги. Потом Линко попробовал встать. Получилось.

— Ты куда это собрался? — спросил Тирско. — Не на стены ли? Сидел бы уже. Там пока и без тебя воинов хватит.

— Мне нужен князь.

Ванграп сначала его и слушать не хотел.

— Такого не было и никогда не будет, чтобы я своего витинга оставил.

— Князь, я уже не жалею, — сказал ему Линко. — Мне, так или иначе, до Бальги не добраться.

Он кашлянул и сплюнул на землю сгусток крови.

— Я и стою перед тобой только потому, что пьян. А протрезвею — тут мне и конец. Позволь хоть умереть с мечом в руках. Не хочу перед смертью видеть монахов в душной келье.

Ванграп отвернулся, постоял в раздумьях и позвал Тирско.

— Отдай Линко одну из своих фляг и помоги подняться на колокольню.

Потом повернулся к витингам.

— Уходим через колодец. Поманда, собери витингов со стен. Хельмерик, всех лошадей зарезать. Да посмотри, чтобы люди напились крови вволю. Раненым — в первую очередь. Виссамбр, готовь раненых.

В лесу было много снега, и идти пришлось след в след.

Чтобы обмануть Налубе, уходили не на запад, к Бальге, а прямо на юг, в Бартию к Гирдаве, там правил верный Ордену молодой князь из рода Рендалов.

Пока шли, все время оборачивались назад на звон колокола. Примерно через орденский час⁹⁸ ближе к полуночи небо позади на севере окрасилось в оранжево-алый цвет пожара. Налубе все-таки решился на ночной штурм. Заметив зарево, все, как по команде, встали. Потом колокол прозвучал в последний раз. Не услышав очередного удара, долго прислушивались. Наконец поняли, что больше колокол не зазвучит. Кто-то из немцев вслух произнес молитву. Кто-то из витингов в бессильной ярости скрипнул зубами.

Глава 2

Ванграп — Альбрехт фон Эбур — десять дней подряд не снимал кольчуги. Вши донимали нещадно, а подшлемник вонял не меньше конской попоны. Однако ванну принять он не успел, хотя кнехты налили воду в дубовый чан. Вызвал магистр.

В зале для церемоний уже были рыцари, слушавшие сбивчивый рассказ мальчишки, сына поселенца из Лохштедта.⁹⁹ Только вчера оттуда прибыл гонец с известием, что в районе Шоневика видели скопление вооруженных самбов. Рыцари замка решили напасть на них неожиданно и немедленно выступили к поселку, оставив для охраны замка только одного из братьев с десятком кнехтов. Теперь же выяснилось, что лазутчик из крещеных самбов, который донес о скоплении язычников, на полдороге сбежал. Крестonosцы, почуяв неладное, спешно повернули назад, к Лохштедту, в котором уже шла к тому времени резня.

Отряд у самых ворот встретила засада, и со стен на них посыпались копья и камни. Мальчишка бежал в тот момент, когда братьям удалось ворваться в замок и бой шел уже на площади, перед замковой капеллой. Самбы превосходили гарнизон замка во много раз. По словам мальчишки, они наводнили Лохштедт и его окрестности. Мать мальчика вместе с другими женщинами заперлась в башне форбурга. Они собирались поджечь ее, если пруссы одержат верх. Мальчик не сомневался, что так и случилось, пока он на рабочей кляче добирался к магистру Ордена.

Фон Хиршберг был в ярости. Самодовольное чванство некоторых братьев и послушников Ордена доводило его до иступления. Оставить Лохштедт беззащитным перед ордой варваров! Слишком многим эта война все еще кажется веселой авантюрой. Легкой прогулкой, такой веселой безопасной охотой на диких туземцев. Он покосился на фон Эбура.

— Ваши соотечественники слишком коварны, упрямы и опасны, чтобы их можно было считать животными, как это водится у некоторых из нашей братии.

— Мое отечество — святая Церковь, — угрюмо сказал Ванграп.

Магистр не любил пруссов и не доверял даже тем из них, кто, как Ванграп, служил делу Ордена. Но к прусскому барону благоволил его крестный — Пеппо фон Остерн — гроссмейстер Ордена, и с этим приходилось считаться всем. К тому же Хиршберга, как многих, смущал крутой нрав вождя и свирепость преданной ему личной охраны — свиты, состоявшей большей частью из самбов, натангов и прочих «дикарей», перешедших на

⁹⁸ Орденский час — в Тевтонском ордене сутки делились на восемь часов.

⁹⁹ Замок Лохштедт — не сохранился, был на мысу, юго-западнее Фишхаузена.

службу Ордену вместе с ним.

Он скривился, что-то хотел сказать, но передумал и только махнул рукой.

Светало, когда подходили к Лохштедту. Но еще задолго до этого сквозь морось над кронами деревьев было видно зарево. Их встретила дымящаяся восточная башня форбурга. Торчали печные трубы, и выла обезумевшая собака. По пепелищу ходила, раскачиваясь из стороны в сторону, простоволосая босая женщина с грудным ребенком на руках. Лошади храпели — приходилось пробираться через горы трупов, наваленных в замковых воротах.

В живых осталось несколько человек — дети да старухи, прятавшиеся в камышах на берегу залива. Они рассказали, что поселенки сражались наравне с мужьями и малолетними сыновьями. А когда пал последний защитник замка, появился старик с большим, загнутым сверху посохом, в рыжей шкуре, увешанный побрякушками и костями и обритый наголо. Женщину, которая сообщила о старике, Ванграп отвел в сторону и потребовал описать подробнее его внешность.

Командовавший отрядом молодой отпрыск герцогов Люксембургских полагал послать за пруссами лазутчиков и одновременно гонцов к королю Отакару, чтобы к концу дня, сойдясь с его отрядом в условленном месте, напасть общими силами на самбов.

— Тогда надо и к ним послать гонцов, — сказал Ванграп. — С просьбой до конца дня не разбегаться, а собраться всем в условленном месте. С самбами Крива. Нельзя дать ему уйти. Пока он жив, этой земле не знать покоя. Надо идти на Ромову, — добавил он.

— Может, ты и прав, брат Альбрехт, — задумчиво сказал комтур Христбурга Генрих Штанге. — Может, ты и прав...

— Надо идти на Ромову. За Кривой.

Кое-кто из рыцарей опасался идти на такое серьезное предприятие без благословения магистра. Решили послать к Хиршбергу, но не ждать ответа, а выйти немедля, пусть благословенное слово догонит в пути. Послать также и к королю Отакару лазутчиков фон Эбура, хорошо знающих местные леса и болота, с просьбой срочно выступить в сопровождении проводников и напасть на священный лес пруссов с востока. К тому времени отряд брата Генриха вступит в бой. План был крайне рискованным. Не дойди лазутчики до короля или опоздай Отакар на полдня — крестоносцы сгинут в Ромове бесследно, как уже исчезла не одна экспедиция.

Развернули походный алтарь. Отслужили короткий молебен.

В пути Штанге подъехал к Ванграпу.

— Брат Альбрехт, по праву ты должен бы вести отряд. Не моя вина, что магистр не доверяет тебе... Я прошу, если что случится со мной, возьми отряд под свое начало. Так мне будет спокойнее умирать.

Ванграп посмотрел на комтура. Такие настроения перед битвой были очень опасны.

— Что-нибудь случилось? — спросил Ванграп.

— Вчера во сне мне явилась Дева Мария, — сказал Генрих. — «Скоро ты будешь с сыном моим», — обратилась она ко мне и благословила.

«Да-а... — подумал Ванграп. — Однако такая глубокая вера может не только помогать в бою, но и мешать».

— Вместе идем на святое дело, вместе и вернемся! — жестко сказал Ванграп. — Бог не выдаст. Мои люди умеют меч держать, а король Отакар — славный рыцарь — поспеет вовремя. Мы вырвем у этой старой змеи зубы.

Лес становился угрюмее, деревья выше и раскидистей. Лошади по грудь утопали в папоротнике. На сучьях дубов и грабов колыхались клочья тумана. Бесшумным призраком явился лазутчик. Отдал Ванграпу четыре покунтиса — в тысяче сажений сняли дозор. Ванграп отослал покунтисы Генриху с просьбой перестроить колонну и дать ему выйти в авангард. Слава богу, они с комтуром знали друг друга давно, несмотря на то, что Генрих был вторым человеком в Пруссии после магистра, а фон Эбур — светским братом. Ванграпу не нужно было вдаваться в объяснения того, почему он предпочел выйти вперед со своими людьми — в лесу они были гораздо проворнее братьев Ордена и заезжих крестоносцев.

Колонна на ходу разломилась вдоль, и Ванграп прошел сквозь нее, оказавшись в голове сомкнувшегося отряда.

Генрих дал приказ обнажить оружие. Арбалетчиков и кнехтов — в середину колонны.

Перед собственно святилищем было ритуальное поле Ромовы, и Ванграп молил Господа, чтобы он довел рыцарей до этого поля, не дал завязаться битве в лесу, где самбы, легко вооруженные, на своих жилистых сверяписях, имели вдесятеро больше преимуществ, чем на открытом месте. Рыцарям с их тяжелыми мечами и длинными копьями было трудно даже повернуться в густых зарослях.

Отряд перешел на крупную рысь, и ему удалось вскоре выскочить из леса на широкую круглую поляну, окаймленную древними дубами. С другой стороны двигалась между деревьями туча визжащих и улюлюкающих воинов с короткими мечами и метательными копьями. Первая волна ее была отброшена назад, к лесу, залпом арбалетчиков. Первая кровь защитников Ромовы оросила ее неприкосновенную землю.

Туча разбухла, зачернела и выплеснулась до середины поля. На сей раз лучникам и арбалетчикам удалось остановить ее, но не отогнать. Спотыкаясь о трупы своих товарищей и их коней, падая и снова вскакивая на лошадей, самбы двигались в сторону крестоносцев. Рыцари встали «вепрем», поглотив в его монолите кнехтов.

— Братья! — крикнул Генрих. — С нами крестная сила! Не посраим же честь рыцарскую и Церковь Святую, пославшую нас ради Господа нашего Иисуса Христа! Смерть поганым язычникам! Да храни нас Пресвятая Дева Мария!

И под ровный топот тяжелых тевтонских коней, от которого задрожало сердце Пруссии — Ромова, двинулся Орден навстречу божьей воле — славе или смерти во славу. Железным клином врезался он в войско самбов, разбрызгав витингов на окраины ритуального поля. Сеча была жестокой. Крестоносцам, облепленным самбами, как медведь разъяренными пчелами, отступить было некуда. Но и для пруссов Ромова была последним пристанищем в мире. Холмами уже лежали изрубленные самбы. Ручьи прусской крови текли, но силы не иссякали. Со звериным упорством бросались самбы на крестоносцев.

С криком: «Прощайте, братья! Матерь Божия призывает меня!» — упал Генрих Штанге.

Упали уже Гуго фон Альменхаузен и саксонец — брат Фридрих. Упал барон из помезан — фон Торн. Корчится в траве от удара метательным копьём в лицо брат Христиан из венгров. Зарублен топором брат Ребодон с низовьев Рейна. Теснят самбы крестоносцев, прижимают к лесу. Все ближе дубрава, а там — верная и быстрая погибель в клетке плотно столпившихся деревьев.

Ванграп сделал отчаянную попытку прорваться со своими людьми на открытое пространство, но только увяз, теряя одного за другим преданных ему с детства дружинников. Лучшие воины умирали, вручая души богу своего вождя.

И вдруг где-то совсем неподалеку протрубил боевой рог.

И Ромова содрогнулась от страшного удара трех сотен рыцарей короля Отакара в спину легкой коннице самбов. Посыпались листья с дрожащих деревьев от лязга железа и хруста прусских костей. Стон прошел по земле самбов. Переломился не ход битвы — сломали позвоночник целому народу. Удар этот смял, сплющил прусское войско. Король выслал вперед фланги, и поле битвы стало котлом для самбов. Немногим удалось уйти в леса.

Глава 3

Крива извивался под ногой фон Эбура и визжал:

— Самбы! Не слушайте его! Это оборотень, продавшийся монахам за кусок хлеба. Не слушайте его! Наши боги не простят вам этого. Во имя Перкуна, Потримпа и Пикола, вспомните заповеди короля Вайдевута! Не отдавайте родной земли проклятым монахам!

Криву подхватили под руки, посадили на лошадь и подвезли к петле.

— Ваши могильники станут отхожими местами! Жены ваши станут рабынями...

— Кончайте с ним! — сказал Ванграп.

Лошадь ткнули копьём, она рванулась, и на мгновение Крива повис в петле, судорожно суча ногами, но тут же выскользнул, и на землю шлепнулась большая рыжая собака. Вскочила на ноги и, злобно рыча, оскалилась. От морды до хвоста ее с треском пробежали голубые язычки пламени. Все, кто это видел, отпрянули, в ужасе крестясь и бормоча — кто молитвы, а кто и непотребные ругательства. Ванграп выхватил у кого-то топор и метнул в собаку, но она уже рванулась в лес, и только кусок ее хвоста извивался на дубе под топором.

Глава 4

Прошло две зимы с тех пор, как славный король Отакар железным ураганом пронесся по Самбии. Король пришел, помахал мечом и, прославленный, ушел в свою далекую Богемию. А Самбия осталась. Она гудела, как опрокинутая дравина¹⁰⁰ со злыми лесными пчелами. Дравина раскололась, и пчелы, обезумев от ярости, вились вокруг, потрясая легкими, но очень острыми метательными копьями.

Две зимы — с тех пор, как маленький отряд начал кружить по Самбии, охотясь на Криву.

Ванграп не думал о нем и не старался просчитать поведение Жреца. Оборачиваясь собакой, Крива и действовал как зверь. Принимая облик человека, вел себя как вайделот, чьими поступками в большей мере руководят духи и силы тьмы. Простому смертному не постичь их коварства. Ванграп охотился, используя себя как приманку. Он знал, что Крива не забыл ни того, как бывший князь Вепря отнял у него монаха Христиана, возмнившего себя епископом Пруссии, ни того, что рыцарю фон Эбуру дважды едва не удалось прикончить Верховного Жреца. Рано или поздно они встретятся.

Ванграп очень хотел покоя своей земле. Где бы ни прошел рыжий пес, он всюду метил тропу кровью. Горели замки, вырезались мирные поселенцы, бесновались даже крещеные пруссы. Мудрый Стардо увел ятвягов далеко на восток — в Рутению. Девять земель пруссов заключили с Орденом мир. Самбия воевала. Разгромленные и развеянные крестоносцами по ветру племена и роды, как из морского тумана, являлись вновь.

Из никого у них возникали новые вожди, набравшие новые дружины. Новые вайделоты шептались с богами и носейлами у жертвенных костров.

В глубине души Ванграп понимал, что уничтожение Кривы ничего не решит. «Самб воюет и после смерти» или «И мертвый самб — воин», примерно так переводились истины, на которых вскармливались витинги этого племени пруссов. И все же он считал, что самбов нужно остановить, иначе к ним снова присоединятся другие земли и война опять полыхнет по всей Ульмигании.

В палатку вошел дозорный:

— Лазутчики привели чью-то мергу.

Женщина была молодой, простоволосой — незамужней и выглядела напуганно. Ванграп пригляделся к ее гривне.

Железная с маленькими серебряными колокольцами, тонкой, не прусской работы. Девушка была не из простолюдинов.

— Ты чья?

Мерга молчала.

Огромный Виссамбр стоял рядом и вертел в руке короткий прусский меч. Острый конец мелькал у девушки возле самого лица.

— Если ты не ответишь, я уйду, — сказал Ванграп. — А мои воины с удовольствием позабавятся тобой.

Виссамбр вроде и не совершал никаких движений, только кончик меча блеснул ближе к

¹⁰⁰ Дравина — долбленный улей.

телу девушки, а рубаха ее, будто сама собой, развалилась до пояса, правая половина съехала с плеча и открыла маленькую круглую грудь. Мерга ахнула и натянула половинки рубахи до подбородка.

— Я из рода Варниса, — сказала она со страхом, косясь на то, как ухмыляющийся Виссамбр упражняется с мечом.

Дальше она отвечала без запинки.

Сколько витингов в деревне? Где остальные? Был ли в деревне Крива?

Был. Витинги уходили с ним, и пришли с богатой добычей.

Вернется ли?

Она не знает — это дела воинов. Но из последнего похода ее брата привезли раненым. Ее и поймали, когда собирала целебные корни.

— Хорошо. Мы не сделаем тебе ничего плохого. Свяжите ее и бросьте в палатку. Пусть подождет, пока мы соберемся для визита к Ворону.

Деревня Ворона была рядом, за двумя дюнами. Но Ванграп не захотел идти через них — сработал древний запрет.

Самбия вся покрыта мирными с виду холмами. Но бывало, что пруссы, расковыряв почву на таком холме под ячменное поле, будили духов земли. И тогда они ворочались под землей, и, несмотря на обильное возлияние жертвенной крови, холм, еще недавно щедро даривший зерном для хлеба и пива, просыпался белым песком, оживал и начинал угрожающе двигаться в сторону ближайшей деревни. Тогда самбы бросали все, что у них было, в жертву носейлам дюн, и налегке уходили подальше, на день, а то и два дня пути. Две живые дюны и отделяли Ванграпа от деревни Ворона, и он не стал рисковать, решил обойти их.

Отряд вышел к ручью и по его откосу стал подниматься вверх, к озерам в глубине леса, к владениям Варниса. Поднявшись на очередной холм, они увидели деревню. Ворота были открыты, и это не понравилось Ванграпу. Это значило, что род либо ушел, а у него на это было полдня, или, что вернее, — это ловушка.

Ванграп не хотел ввязываться в драку с Вороном. И не только потому, что тот хоть и пробавлялся разбоем, как и всякий другой, но в открытую против Ордена не выступал. Дело было еще и в том, что род Ворона основал друг отца Ванграпа — Балварн. Оба они были из морских волков. Когда-то давно люди из рода Вепря подобрали их на берегу, чудом уцелевших после неравной стычки в море с данами. Оба стали рабами у одного витинга. Оба были храбрыми и удачливыми воинами. И после похода к литовцам обоим хватило добычи, чтобы выкупить себя на свободу. Одного вскоре выбрали вождем Вепря, а другой с рабами и сеймином ушел и основал свой род.

Ванграп подумал, что мог бы сжечь деревню, забросав ее стрелами с горючей паклей. Но это ничего бы не дало. Если здесь западня, то уйти просто так ему все равно не дадут. За ним уже наверняка следят лазутчики из ухоронок.

Пока он раздумывал, из ворот деревни выехал всадник и направился к отряду. Он был без бруни, а когда подъехал ближе, стало видно, что и без оружия, если не считать ножа на поясе.

— Белый Ворон ждет князя Ванграпа, сына Вепря. Если это ты, то мне приказано проводить тебя к вождю.

— Балварн жив?! — удивился Ванграп.

Всадник, не ответив, повернул коня.

Деревня казалась брошенной. Видно, Ванграп был прусским князем только для Балварна. Для остальных — ненавистным крестоносцем.

В центре деревни у дома вождя проводник спешил и скрылся в дверном проеме, завешенном шкурами. К Ванграпу подъехал Виссамбр.

— Князь, а что будем делать с этой?

Девушка висела поперек лошади. В Самбии цена мерги сильно колебалась. Иногда за нее нельзя было взять и худого козла, но можно было получить и сверяписа. Это зависело от

того, насколько дорога она родственникам.

— Лишняя лошадь нам не помешала бы, — сказал Ванграп. Прусские лошади были мелковаты для рыцарей, но очень выносливы, они идеально подходили для обоза. — Да, попробуй вышибить с них коня. И, кроме того, — Ванграп заговорил по-немецки. — Выведай, что сможешь, о рыжем кобеле. Возьми с собой Фридриха и Эйбута. Будь осторожен — не нравится мне эта тишина.

Шкуры на входе зашевелились. Из-под них выглянул проводник.

— Балварн ждет тебя, князь.

Несмотря на то, что в доме горели факелы, Ванграп не сразу разглядел Балварна, утопающего в груди мехов у очага. Возле него сидела женщина и обтирала ему лоб холстинкой. Видно было, что старого вождя лихорадит, но глубоко запавшие глаза смотрели ясно.

В доме было еще несколько витингов, вождь приказал им выйти. Сделали они это без охоты, косясь на Ванграпа.

Ванграп снял шлем.

— Я боялся, что ты не придешь, — сказал Балварн. — Мой вайделот шептался со своими богами, и они сказали ему, что ты придешь в день моей смерти. Но я никогда не верил прусским богам и боялся, что мне придется уходить в Валгаллу,¹⁰¹ так и не увидев тебя. Но — Хель¹⁰² у изголовья, и ты — здесь.

Вождь замолчал и прикрыл глаза. Тут же женно зачерпнула ложкой густую дымящуюся жидкость из горшка у очага и поднесла к его губам. Вождь отвел ложку.

— Один¹⁰³ не дал мне счастья иметь детей. Но, очень давно, когда мы с твоим отцом были рабами у Вепря, мы стали братьями.

Балварн выпростал руку и показал Ванграпу шрам на запястье.

— У меня нет других наследников, кроме тебя, — он поднял руку, предупреждая возражения. — Не торопись с ответом. Подумай. Я знаю, род Ворона небольшой. Кроме того, у тебя будут сложности с жрецом, да и витинги вряд ли примут тебя с радостью. Но ты большой воин, ты сможешь взять их в свои руки.

— Я крещеный, — напомнил Ванграп. — Мой Бог накажет меня, если я буду служить другим богам.

— Я думал об этом. И не вижу ничего страшного, если после моей смерти род примет твоего Бога. Помнишь, это ведь я подарил тебе когда-то этот крест, — указал Балварн на грудь Ванграпа, где висело большое серебряное распятие. — Теперь о другом. Мне не нравится прусский обычай оставлять трупы в доме до тех пор, пока не провоняет вся деревня. Я хочу, чтобы моя душа отправилась в леса Одина сразу после смерти.

— Хорошо, я прикажу сложить погребальный костер сразу, как только ты отдашь Богу душу. Не хочешь ли ты сам окреститься?

— Нет, — резко сказал Балварн. — Я и так прожил жизнь с чужими богами. А сейчас уходи. В доме для витингов приготовлено угощение для тебя и твоей дружины. Уходи. Мне нужно подготовиться. После трапезы вернешься. Я научу тебя, как найти того, кого ты ищешь.

Ванграп помедлил, ожидая, что Балварн еще что-то скажет, но тот только отмахнулся.

С холмов сползали сумерки. Отряд был в седлах, руки — на рукоятках мечей. Притихшая деревня казалась им затаившейся. Но это могло объясняться и тем, что жители ждали смерти вождя. Ванграп приказал спешиться.

¹⁰¹ Валгалла — Страна мертвых в скандинавской мифологии.

¹⁰² Хель — богиня смерти.

¹⁰³ Один — верховный бог.

Подошел Виссамбр, волоча за собой мергу. Руки у нее все еще были связаны.

— Ее брат умер, а больше никаких родственников нет.

— Ну, так у брата должно же быть какое-то имущество. Он был витингом, участвовал в набегах!

— Он умер еще утром. Сразу, как только она ушла за травами. А поскольку она долго не возвращалась, племя сочло ее пропавшей... Там все пьяные, и уже ничего не осталось. Они даже попытались продать мне ее саму.

Ванграп вытащил нож и подошел к мерге.

— Как тебя зовут?

— Битта. Не убивай меня, я буду тебе рабыней, служить буду.

— Мне не нужны рабы.

Она опустила голову. Ванграп перерезал ей веревки на руках.

— Иди с Богом.

Глава 5

Ванграп сидел, вытянув ноги к очагу, и смотрел, как подрумянивается мясо на окороке медоеда, шпигованном диким луком. Мяса на окороке уже было мало, выглядывала желтая кость. К очагу все реже подходили воины, разговор становился тише, и кое-кто храпел, привалившись к черным, закопченным бревнам стены, а пиво все подавалось. Неполные жбаны доливались, взамен пустых появлялись тяжелые, в пене.

Он как-то быстро захмелел. Веки тяжелели, голова то и дело валилась на грудь. Ванграп знал, что надо бы выйти, проверить дозоры, да и до ветру неплохо бы сходить, и он уже порывался сделать это несколько раз, но голова была неподъемной, а тепло очага таким уютным... Да и что тут, у старого Белого Ворона может произойти? У старого Белого Ворона... Вместе с его отцом, совсем мальчишками, они пришли откуда-то с севера, из-за моря, из каменистого края морских волков. И где-то у самой Самбии их окружили лоды данов, и вода стала красной от крови... И в этой красной воде огромной белой медузой расплылись длинные седые волосы старого Балварна. И рука его со шрамом от братания тянется за мечом через край дубовой лохани с красной водой, но никогда уже ей не дотянуться... Никогда уже Балварну, бывшему Олафом при рождении, не умереть с мечом в руках, как умирают в краю его предков... Высоко, возвышаясь над краем лохани, торчит рукоятка рыцарского кинжала... Глубоко в сердце Балварна проникло его острие...

Ванграп тряхнул головой, отгоняя дурацкий сон. Потомок морских волков, самбийский князь, крестоносец — что, кроме крови, могло ему присниться?

Он пошарил рукой на столе позади себя, но кружки не нашел. Тогда подтянул жбан и напился из него. Встал, шатаясь, звеня шпорами в тишине, — отряд спал, кого где сморило, — и, придерживаясь за стены, вышел во двор. Так же, по стене, завернул за угол. Долго сливал накопившееся за вечер бражничества. Глаза не открывались. А хоть бы и открылись? Что в такой тьме увидишь? Тяжело же пиво у Ворона... Давно он так не напивался. Ноги отказывались держать его, голову невозможно было выпрямить... Надо поспать... Чуть-чуть поспать, и все будет в порядке... Он присел в песок у стены — сейчас, немного подышу воздухом и пойду посплю. И уснул. Но перед тем как мозги его отключились, что-то шевельнулось в них, как будто что-то было не так, чего-то он не увидел, что должен был заметить.

Он не увидел дозорного у входа. Тот лежал за тем же углом, что и Ванграп, в двух шагах от него. И хотя горло его было разорвано так, что голова едва не отвалилась от туловища, крови под ним почти не было.

Глава 6

Ванграп проснулся от резкого запаха,шибанувшего в нос. Из закрытых глаз выступили

слезы. Перед глазами покачивалась сосновая лапа с шишками. В мозгах — какая-то мешанина из невнятных воспоминаний: мерга со связанными руками; полоска румяного мяса, срезанного с медвежьего окорока; Виссамбр, приплясывающий со жбаном пива; длинные белые волосы прусского вождя... Вождь!.. Балварн!.. Ванграп должен был проводить его по законам морских волков. Он начал вспоминать... Мерга... Ее железная гривна с маленькими серебряными колокольчиками... Нет, это ему не кажется. Он действительно видел перед собой маленькие колокольчики на шее склонившейся к нему девушки.

Ванграп попытался встать. Все со звоном поплыло в сторону. Он тряхнул головой, и с нее посыпались пучки травы. Снится ему все это? Вдруг — опять — резкий, раздирающий ноздри запах. Он отшатнулся, ударившись затылком о дерево.

— Очнулся, князь?

Мерга стояла на коленях, заглядывая ему в лицо. В руках у нее был горшочек, который она тут же сунула ему под нос. Запах из горшочка подбросил Ванграпа на ноги. Он уже стоял, но его шатало, и он опять опустился на хвойную подстилку.

— Очнулся, князь? — снова спросила мерга.

— Ты чья?

— Из рода Ворона. Меня зовут Битта. Я тебе еще вчера говорила.

Да, теперь он вспомнил. Виссамбр должен был взять коня в выкуп за эту девицу. Виссамбр!..

— Где мои витинги?

Она покачала головой.

— Никого нет, князь. Воины Ворона вырезали всю твою дружину.

— Ты врешь, мерга. Балварн — брат моего отца.

— Его убили еще раньше. Вам дали пиво, настоящее на моке — сон-траве, и, когда вы уснули, вайделот вытащил у тебя нож и заколол Балварна. А потом собрал род и сказал, что это сделал ты. Они были пьяные — пропивали даллисы от моего имущества... Тебе повезло, что ты спал во дворе.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я вернулась, чтобы попросить тебя взять меня с собой.

Она отвернулась. Ванграп понял, что Битта заплакала.

— Повязка на ране моего брата была смочена соком ядовитых трав. Он мог стать вождем Ворона, если б Балварн ушел в Страну предков. Если б вы меня сразу отпустили, я могла бы его спасти.

«А теперь ее отдадут в женно первому, кто войдет к ней», — подумал Ванграп. Он понемногу приходил в себя.

— Кто убил твоего брата?

— Вайделот.

— Зачем?

— Крива требовал, чтобы мы объединились с другими родами для войны с крестоносцами. Балварн был против. Моему брату это тоже не нравилось. Он говорил, что натанги, вармы и другие племена заключили союз с монахами и стали от этого только сильнее. У них появилось много нового оружия и железных инструментов.

— Как я попал сюда?

— Это я тебя перетащила. Возьми меня с собой. Мне некуда идти и страшно оставаться в деревне. Я боюсь вайделота.

— Помолчи, — сказал Ванграп. — Мне нужно подумать.

От того места, где он находился, ближе всего было до Гирмовы. Но две недели назад этот замок опять перешел к самбам. На северном берегу строился Нойкурэн, но положение Ордена там было шатко, и на помощь оттуда трудно было надеяться. А до Лохштедта он доберется только к вечеру, и то, если удастся выкрасть лошадей и оружие. Значит, завтра, когда он вернется сюда с отрядом рыцарей, в деревне уже никого не будет. Они уйдут

сегодня, как только обнаружат, что Ванграпа нет среди трупов. Да... когда они увидят, что упустили его и поймут, что их теперь ждет, они быстро протрезвеют.

И еще кое-что... И это было главным. Очень уж воняло псиной.

— Белый Ворон был братом моего отца и для меня он сделал когда-то очень много, — сказал Ванграп. — Я обещал ему, что проведу его душу к предкам. Я это сделаю.

Глава 7

Когда он ушел, Битта опять заплакала. Плакала тихо и долго. Потом успокоилась и стала ждать. Он сказал — жди, если вернусь, то заберу тебя с собой. Если до вечера меня не будет, тогда иди на северный берег, к замку Нойкурэн, и расскажи все, что знаешь. Но он вернется. И заберет ее с собой. «Кстати, — сказал он, уходя, — крестоносцы зовут меня Альбрехт фон Эбур. Запомни». Странное имя, непривычное для уха, сразу и не выразишь. Его так никто и не звал. Говорили — князь Ванграп, или Крестоносец из Вепря, или даже — Идущий Тропой Одинокого Волка. Так стали говорить недавно, когда он начал рыскать по Самбии, охотясь на Криву. Да разве того кто-то может поймать? Князь Ванграп — славный витинг, самый удачливый витинг в Самбии, так все говорят. Он вернется. Может, он даже возьмет ее в жену... Правда, Битта слышала, что у крестоносцев не бывает жен, но не верила в это. Разве может воин жить без женщины?

Она сидела под сосной, обхватив руками колени, и слегка раскачивалась. Услышав шорох где-то сбоку, в орешнике, она вскочила и хотела убежать, но увидела, что это всего лишь собака. Большая рыжая собака. Она вышла из орешника и стояла, разглядывая Битту.

— Ну? — спросила Битта. — Ты чей? Откуда ты здесь? Иди сюда.

Она вытянула руку и сделала шаг к собаке. Пес чуть присел на задние лапы и вдруг прыгнул и сшиб ее с ног, опрокидывая на спину.

Глава 8

Дозорный лежал в ухоронке и смотрел, как прямо на него через поляну идет человек в кольчуге, но без оружия. Такое снаряжение немного озадачило витинга, но дело свое он знал хорошо, и в точно рассчитанное время он явился как из-под земли, упирая наконечник копья в грудь незнакомцу.

— Ты чей?

Незнакомец добродушно кивнул, сделал какое-то движение, и дозорный вдруг понял, что его копье зажато у того под мышкой. Он знал, что должно произойти за этим, но сглупил. Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону или пригнуться, он попробовал выдернуть копье. Оно не поддавалось. Тем временем тело незнакомца закончило полный оборот вокруг своей оси, и его нога со всего маху ударила дозорного в висок. Он упал, но сознания не потерял, и потому еще успел увидеть, как входит в него копье.

Следующим Ванграпа увидел дозорный у ворот деревни. Он дал человеку без оружия подойти достаточно близко. Как раз на такое расстояние, чтобы можно было наверняка попасть дротиком. Поднял руку, давая знак остановиться. Копье он держал наготове. Человек остановился и тоже поднял руки, показывая, что в них ничего нет. Дозорный хотел спросить того — кто он? Как вдруг человек махнул рукой, и откуда-то, чуть ли не из рукава кольчуги, вылетел тяжелый прусский пейле.¹⁰⁴

Витинг, охранявший ворота с внутренней стороны, нервничал. То, что они натворили ночью, даром для Ворона не пройдет, — думал он. Если б они убили князя Ванграпа, как обещал жрец, никто бы о ночной резне и не знал. Но среди убитых Ванграпа не оказалось, он ушел. А это значило, что рано или поздно вернется. С отрядом крестоносцев или во главе

¹⁰⁴ Пейле — большой нож, кинжал.

своей дружины, но он обязательно найдет род Ворона, куда бы они ни ушли. Вепрь всегда был знаменит не только славными витингами, но и мстительностью.

Витингу показалось, что снаружи, за воротами, кто-то негромко вскрикнул. Он посмотрел в щель между створками, но обзор был плохим и он ничего не увидел. Витинг прислушался, но и не услышал ничего. Тогда отодвинул засов и выглянул наружу. Там должен был стоять дозорный из его смены, но того почему-то не оказалось. В то же время он заметил, что неподалеку от ворот, в траве, лежит нечто похожее на куль с зерном. Он вышел посмотреть. Это оказалось тем самым дозорным, которого не было у ворот. Лицо его было залито кровью, и из глазной впадины на месте правого глаза торчала рукоятка ножа. Витинг хотел закричать, поднимая тревогу, но сзади на него кто-то навалился, захватив шею в замок. Поначалу он еще хотел что-то сделать и даже вытащил меч, но потом бросил его, вцепившись ногтями в руки, лишившие его воздуха. Он царапал и рвал их, пока не ослаб.

Ванграп подобрал его меч.

Люди Ворона сустились, собирая скарб для перехода на новое место, и на Ванграпа никто не обратил внимания, когда он прошел через деревню к дому жреца.

Вайделот стоял спиной ко входу, укладывая свои побрякушки в дубовый сундук и, казалось, не заметил, что кто-то вошел. Но как только Ванграп приблизился, резко обернулся, взмахнув кривым ляхским мечом, неизвестно как появившимся у него в руке.

Жрецы не умели драться — их никто не учил этому. Ванграп без труда вышиб у него меч и поставил на колени.

— Где Крива?

Вайделот, злобно пожирая Ванграпа глазами, молчал. Ванграп хотел четвертовать его, может, тогда он разговорился бы, но времени было мало. Да и шумное это развлечение.

— Мне очень жаль, что ты так легко умрешь, — сказал Ванграп. — Но у меня нет времени на что-нибудь поинтереснее.

Он коротко размахнулся мечом и снес жрецу голову. Обезглавленное туловище дергалось, разбрызгивая по стенам ядовитую кровь.

Ванграп вытащил факел из дорогой железной подставки и сунул его в сундук с амулетами. Когда там загорелось, дымя вонью паленой шерсти, он бросил факел на шкуры постели.

Трупы воинов его отряда были выложены в ряд вдоль штабеля из бревен, приготовленных для погребального костра в центре деревни у дома вождя. Они были нагими — пруссы сняли с них даже нательные кресты.

«Простите, братья, — подумал Ванграп. — Я не могу похоронить вас по-христиански».

Впрочем, многие из них, хоть и были крещеными, не имели глубокой веры и служили Ордену только потому, что ему служил их князь.

В доме Балварна сильно пахло смолой. На жаровне, пристроенной над очагом, потрескивал янтарь. Факелы не горели, и дальние от очага углы были темными. Белый Ворон лежал на носилках в боевом облачении. По правую руку от него — мертвое оружие, по левую — одна из женно.

Велдиснан¹⁰⁵ Балварна еще не поделили. В сундуках Ванграп нашел целую кучу и чужеземных доспехов, и прусской бруни самого разного происхождения. Он выбрал себе вполне приличный нагрудный панцирь, налокотники и кольчужный подшлемник. Хорошего шлема не нашел. Шлем вообще трудно подобрать, а тут и выбор был небольшим. Был еще хороший двуручный меч, но Ванграп не знал, как будет выходить из деревни. Длинный меч хорош не для всякого боя и будет только обузой, если Ванграпу не удастся раздобыть коня.

Он поднял меч и крутнул его над головой. Хороший меч. Жаль было оставлять его.

И вдруг — он не услышал, а скорее почувствовал какое-то движение за спиной. На мгновение он замер, потом бросился вниз, на пол, перевернувшись через меч и плечо, и

¹⁰⁵ Велдиснан — наследство.

вскочил лицом к входу. В стену возле него гулко воткнулось копье. Витинг, метнувший его, стоял в дверном проеме. Он уже успел выхватить меч и вглядывался в сумрак.

— Кто ты? — крикнул он. — Выходи!

— Лучше бы ты не звал меня, — сказал Ванграп.

Он вскинул меч и, когда тот описал половину окружности позади Ванграпа и готов был устремиться вперед, бросился к витингу. Тот был опытным воином и вовремя заметил опасность, правильно прикрывшись мечом. Но не учел силы того оружия, что было в руках у Ванграпа. Меч его раскололся, почти не задержав огромной, в сажень длиной, стальной отточенной массы. Она обрушилась, раскроив воина пополам — от левого плеча до пояса наискось. Верхняя половина его тела уже упала, когда нижняя еще стояла на ногах.

У входа в дом вождя перебирал тонкими ногами светло-серой масти сверяпис.

Дом жреца стоял особняком поодаль от других, и люди не сразу заметили, что дым, идущий оттуда, слишком густ для жертвенного костра. А когда сбежались, было поздно — внутри дома полыхало, как в горне. Пламя смерчем взметнулось к небу сквозь соломенную кровлю, поднимая целую тучу искр. И вот уже другая, третья крыши в деревне тлеют... Кто-то закричал, что горит дом вождя, и люди бросились к нему, надеясь спасти ценности, которые скапливались годами. Но к дому было уже не подступиться, а в деревне запылали сразу несколько хижин, загоревшихся с крыши.

И среди этого ужаса, плача женщин и визга детей, из пламени, как Перкун — в сверкающих доспехах с молнией в руках, разящей всех без разбору, явился витинг на светлой лошади. Он метался по деревне, кося обезумевших жителей, как жнивье, длинным мечом, крича и ругаясь, перемежая прусские слова с немецкими. И большая часть рода оказалась вырубленной, пока воины опомнились и схватили свои копья. Но Ванграп, князь Вепря, уже исчез к тому времени.

Выскочив из деревни, он с ходу, галопом, взобрался на холм и углубился в лес. Остановился, только доехав до знакомой поляны.

Конь всхрапывал, нервно вздрагивая.

Ванграп огляделся. Этой девицы — как ее там? Битта? — нигде не было. Он позвал. Негромко, но достаточно для того, чтобы быть услышанным в ближайших кустах. Она не появилась. Он начал объезжать поляну по кругу и почти сразу наткнулся на нее. Битта лежала под кустом орешника. Ванграп спрыгнул с коня и наклонился.

Она лежала навзничь, раскинув руки. Поперек шеи была большая рваная рана. «Это не нож», — подумал Ванграп. Он заметил еще одну странность — не было крови. Почти не было.

Ванграп встал и осмотрел траву. Если б ее ранили в другом месте и она поползла до этого куста, то был бы след. Следа не было видно. Он снова наклонился и стал разглядывать более внимательно и Битту, и само место.

Слишком мало крови... Можно было подумать, что кто-то подтер ее. Или... Выпил? Руки! В руках у Битты были ключья рыжей шерсти!

«Будь ты проклят!» — подумал Ванграп.

— Клантемай! — крикнул он. — Я все равно найду тебя!

Глава 9

Последние пять лет были его годами. Крива добился того, чего хотел. Война была везде. Старые немощные вожди были уничтожены большей частью с помощью Кривы, а новые были целиком во власти вайделотов. А те, в свою очередь, подчинялись ему. Появилось целое поколение молодых вождей, люто ненавидящих крест. Это им привил Крива. И он был очень доволен, когда их называли «щенками Кривы». Но он был стар, а война с христианами могла стать очень долгой. Ему нужен был наследник. Он должен был оставить себя — Верховного Жреца пруссов — в веках.

Глава 10

Антис боялась этого пса. С тех пор как ее продали в женно Криве, этот пес не отходил от нее. Своего мужа она еще не видела. Просто однажды отец объявил ей, что уже продал ее и она должна быть счастлива, потому что мужем будет Верховный Жрец. Она немного удивилась — обычно жрецы не имеют жен. «Но ведь Крива — другое дело», — подумала она. Тогда и появились присланные Кривой рабыня с псом. Рабыню Антис тоже побаивалась. С толстыми черными волосами, темным, изъеденным оспой лицом, немая и угрюмая, она часто вадила над какими-то снадобьями, рыча и твякая безъязыким ртом. Брызгала на Антис отварами, заставляла пить вонючие настои. Но, при всем этом, все-таки оставалась рабыней. А рыжий кобель, ни днем, ни ночью не спускавший с Антис человеческих глаз, пугал ее. Она не могла бы объяснить — чем. Он всегда был рядом. В нем было что-то странное, но и только. С виду — самый обычный пес, похожий на боевых слидениксов, только с более короткой гладкой шерстью.

Так вдвоем — пес и рабыня — охраняли и откармливали Антис, не давая ничего делать по дому, почти целую луну. Пока в одно утро отец не получил известие от Кривы. Тот ждал свою женно в маленькой заброшенной деревушке возле Гирмовы. Гирмова теперь у самбов, сказал отец, а крестоносцы не скоро вернутся, потому что пруссы готовят осаду их столицы. Так что там безопасно.

Антис с рабыней стали готовиться к поездке, а отец вернулся к себе домой.

Боги обошлись с ним неласково. Они хранили его жизнь во многих походах, но не дали ни богатства, ни сыновей. Они отняли единственную жену, но не дали других. К старости остались только шрамы и дочь, которую нужно было как-то кормить и почти невозможно выдать замуж. Мужчин становилось все меньше, да и те, кто остался, увязли в бесконечной войне. Поэтому, когда ему предложили за Антис четыре кобылицы и кырвиса,¹⁰⁶ он обрадовался. Но теперь, когда дочь должна уехать, он думал о том, что Крива — не молодой витинг... И уже далеко не тот, что прежде — мудрый Верховный Жрец. Слухи о нем ходят какие-то... Люди боятся его.

Он уложил в узел сыр, хлеб и отдельно — для Кривы — заднюю часть козленка. Ему показалось, что в доме он не один, и обернулся. У входа стоял тот самый рыжий пес, что Крива прислал с рабыней для дочери.

— Тебе чего? — спросил он пса. — Есть хочешь?

Он отрезал кусок с костью от оставшейся части козленка и протянул собаке:

— На, поешь.

Пес смотрел на него, никак не реагируя на мясо.

— Ну как хочешь.

Он отвернулся, чтобы убрать козленка, и в это время пес прыгнул и вцепился ему в глотку.

А Антис не могла понять, почему не идет отец.

Она хотела проститься с ним, но рабыня настойчиво, почти грубо, подталкивала ее к лошади, и пришлось смириться с тем, что отца она так и не увидит. Но, может быть, после он приедет к ней?

К вечеру они увидели Гирмову, угловато черневшую на холме, на фоне зеленого западного неба. Пес бежал рядом. Он куда-то запропал, когда они выезжали из деревни, но потом нагнал их в дороге. Как только подъехали к поселку, витинги, сопровождавшие их, повернули назад.

Поселок был заброшен давно, хижины покосились, у многих были провалены кровли. Но та, к которой они направились, была отремонтирована — кровля желтела свежим тростником.

¹⁰⁶ Кырвис — скот, здесь — вол.

Дом был жарко натоплен. В очаге еще тлели угли, но дыма не чувствовалось. Большая лохань с водой напомнила Антис о том, для чего она сюда приехала.

Рабыня помогла ей раздеться и, когда девушка влезла в лохань, принесла ковш с теплым сладковатым зельем.

Антис покорно выпила его. То ли от горячей воды, то ли от зелья, она вдруг почувствовала невероятную усталость. Тело наполнила приятная истома, она расслабилась и уже никуда не хотела вылезать из этой чудесной горячей воды. И когда рабыня вытаскивала ее из лохани, Антис сопротивлялась бы, если б тело хоть немного слушалось. Оно не хотело покидать воду, но оно и не хотело усилий.

Рабыня уложила ее на шкуры и, смочив руки каким-то маслом, начала осторожно втирать его ладонями в тело Антис. Масло легко и приятно пощипывало кожу, а движения рабыни становились все осторожнее, нежнее и медленнее. Вот она уже одними кончиками пальцев проводит по животу и ниже — по бедрам, и изнутри по ним, слегка раздвигая. От прикосновений все вздрагивает в Антис, напрягается в ожидании, но пальцы пробежали вверх и уже мягко играют сосками...

Антис лежала в забытии, ей казалось, что она куда-то летит. Она думала, что не смогла бы пошевелить ни единым пальцем, но внутри все дрожало и рвалось наружу. Руки рабыни пробежали по ее бокам, и оттуда по талии спустились в низ живота, и медленно — к бедрам, и еще шире раздвинули их, и опять коснулись того, в чем теперь была уже вся Антис, и она напряглась... И вдруг что-то горячее и твердое вошло в нее снизу, и проникло еще глубже, и там, пульсируя, задержалось.

Антис вскрикнула, открыла глаза и увидела перед самым своим лицом оскаленную песью морду, почувствовала зловоние пасти и закричала, пытаясь вырваться, но на лицо навалилась рабыня. От смешения ужаса, омерзения и восторга Антис потеряла сознание.

Глава 11

К концу декабря 1265 года война была везде. Несмотря на постоянно прибывавшие свежие отряды крестоносцев Ордену не удавалось усмирить Пруссию. Бушевали все земли. Месяцами оставались в осаде замки и города на, казалось бы, давно уже обжитых христианами территориях. Поэтому, когда фон Эбуру, уже больше года не видевшему Самбии, удалось убедить магистра вернуть некоторые из ее крепостей, он поначалу даже не поверил в это. Однако Самбия была морскими воротами Пруссии, а язычники уже настолько освоили прежде новые для них условия современной войны, что завели на заливе Халибо свой флот, замкнувший эти самые ворота и перекрывший доступ кораблям Ордена к Краловцу.¹⁰⁷ Самбы стали опасны как никогда, и магистр наконец понял, что ими следует заниматься в первую очередь. В декабре крупные силы Ордена при поддержке дружин князя Святополка перешли по льду залив и вторглись на южный берег Витланда.

У фон Эбура была особая задача. Не ввязываясь в бои за Шоневик и Лохштедт, он должен был обойти эти замки и подняться выше, к северу, к Гирмове, выбить оттуда самбов, очистить от пруссов пространство вокруг и, укрепив замок, насколько это возможно, начать строительство стен в камне, удерживая Гирмову в своих руках любыми средствами.

Уже месяц стоял необычный для Пруссии ровный мороз, стянувший льдом множество мелких озер и болотцев, разбросанных по Самбии. Отряд двигался быстро, обходя крупные прусские поселки, и с ходу, почти не останавливаясь, уничтожая небольшие засеки. Шли налегке. Ванграп отказался от обоза. Он знал вездесущую и мобильную разведку самбов и торопился опередить ее. Он не надеялся застать самбов настолько врасплох, чтобы найти ворота замка открытыми, но хотел, чтобы хоть количество рыцарей в отряде осталось для тех

¹⁰⁷ Краловец — первоначальное славянское, в угоду славянскому происхождению короля Отакара (Пржемысла II), название замка Кёнигсберг.

тайной.

Гирмова, построенная некогда для защиты Ромовы от вторжения с моря, занимала очень выгодное положение. Замок стоял на холме, южное подножие которого окружало болото. С запада и востока простирались дюны, уже не живые, но еще лысые, не заросшие лесом. И только с севера, со стороны ворот, но не вплотную к ним, а поодаль, вытянул узкий язык лесной массив, протянувшийся отсюда до северного берега Витланда.

На подходе к Гирмове Ванграп разделил отряд и треть его послал напрямую, через открытое поле к замку. Остальных повел на северо-запад, в обход, чтобы выйти к воротам лесом. Кроме того, он отобрал трех рыцарей рутенов из наемников князя Святополка и послал их кружить к югу от замка, отсекая связь его лазутчиков с соседними родами. Рутены, в отличие от братьев Ордена, чувствовали себя в лесу ничуть не хуже самбийских витингов, да и в единоборстве непривычные к дисциплине наемники были предпочтительнее монахов.

Они прошли болото и поднялись на дюну, обходя Гирмову с запада. За дюной было небольшое озеро. Дальше на холме начинался лес, в котором укрылся засадный отряд.

С вершины дюны были видны и замковые ворота, и гарцующие перед ними рыцари. Уже было ясно, что выманить самбов из замка и въехать на их плечах в ворота фон Эбура не удалось. На колеса прилаживалось бревно тарана. Готовился штурм. Ловить лазутчиков вокруг Гирмовы уже не имело смысла.

Русским очень хотелось туда, где они были нужнее. Они колебались, глядя, как разгоняется таран, облепленный людьми под щитами — «черепашкой». Из леса с обнаженными мечами галопом вылетел отряд фон Эбура и понесся к воротам. Их удалось провалить с первого раза — замок был примитивным, и ворота не защищались ни подъемным мостом, ни решетками. Там началась свалка. Русские решили замкнуть круг, хотя бы один раз — для очистки совести — а уж потом вернуться к замку.

В рощице, к северо-востоку от Гирмовы, они наткнулись на брошенный прусский поселок. Избы его, завалившись черными боками, растеряли часть своих бревен и мирно догнивали в самбийском тумане. Русские уже миновали поселок, как вдруг старшему из них, Борису, почудилось, будто кто стонет женским голосом.

— Стой, ребята! — сказал он. — Ничего не слышали?

Все трое замерли, а Борис даже приподнял шишак, освобождая ухо.

Теперь все слышали оборвавшийся не то стон, не то крик. Они повернули к поселку и обнаружили, что с самого края его, в низине, скрытый за развалинами, примостился дом, над крышей которого еле заметно дрожал теплый воздух, выходивший из дымового отверстия.

Путша остался снаружи, а Борис с Василькой зашли в дом, держа наготове мечи. Но то, что они увидели, заставило их смущенно топтаться у входа. На лежанке, застланной шкурами, отвернувшись к стене, лежала роженица, накрытая грубой холстиной, а в руках у черной косматой старухи заходилась плачем ребенок.

— Пошли отсюда, — сказал Борис, дергая Васильку за руку. — Не наше это дело.

Борис и Путша были уже в седлах, а Василько стоял у коня, переминаясь.

— Ну, — спросил Путша. — Поехали, что ли?

Василько задумчиво разглядывал дымок над крышей.

— Что-то тут не так, — сказал он. — Надо бы вернуться, посмотреть.

Войдя в дом, он быстро подошел к роженице и откинул холстину. Из-под левого соска выглядывала костяная рукоятка прусского ножа — пейле. Василько не успел выпрямиться, как из темного угла тенью на него кинулась собака.

Когда Борис и Путша вбежали в избу, Василько катался по полу, пытаясь скинуть с себя большого рыжего пса, а черная старуха бросилась на них с топором в руках. Путша одной рукой перехватил топор, а другой, затянутой в кольчужную голицу, ударил старуху в рябое лицо, превратив его в кровавую кашу. Старуха упала. Борис схватил пса за задние лапы и с размаху ударил им о стену. Пес, брызжа кровью из разбитой морды, извивался, норовя дотянуться до рук Бориса, но тот ударил им о стену еще два раза, и пес затих. Борис вытащил кинжал, чтобы добить собаку, но Василько остановил его:

— Погоди! Не тот ли это пес, что наш барон ищет?

— А у того, что он ищет, куцый хвост?

— Бог его знает...

Пес казался мертвым, но они все же связали его прежде, чем сунуть в узел.

Долго думали — взять младенца или оставить с бесноватой черной ведьмой? Надумали взять, хотя понятия не имели, что с ним делать в разоренном замке. Но ведь неизвестно, что здесь произошло, может, ведьма хотела и его зарезать? Жалко — хоть маленькая, но божья душа. Завернули в шкуры, приладили Васильке к седлу, поехали.

Глава 12

Ванграп сидел, прислонившись к стене, в алтарной части разрушенной капеллы. Держал в руках половину стрелы и разглядывал ее. Вторая половина с наконечником сидела у него в боку. Он разломил ее, потому что, торчавшая целиком, она мешала двигать рукой.

Самбы научились пользоваться арбалетом и даже делать для него вот такие, как эта, грубые деревянные стрелы.

Рыцари стояли возле и молча смотрели, как умирает прусский князь фон Эбур, не зная, чем помочь. Они хотели вытащить стрелу, но Ванграп не дал. Это причинило бы лишние страдания, а от внутреннего кровотечения он умер бы еще быстрее.

Сверкающие девы спустились с небес и встали по обе стороны от него. Их одеяния пахли снегом. Глаза их были как капли росы.

«Пора...» — подумал Ванграп.

Подшли те рутены, которых он посылал блокировать замок. В руках какие-то свертки. Что-то говорят... Ванграп, глядя на них, улыбнулся.

Когда-то один их соплеменник, пытаясь украсть у Кривы юную жрицу бога Лиго, убил его отца — могучего Вепря, защищавшего языческие святыни. Теперь они помогали Ванграпу отбить у Кривы Гирмову. Странно все в жизни складывается. Большие, бородатые, светлоголовые, они походили на витингов его народа. И даже язык их напоминал прусский. Только они христиане, а его народ...

— Князь! Князь! Барон!

Старший из наемников дергал его за плечо.

Ванграпу не хотелось возвращаться. Он уже был в покое, нисходящем к нему с искрящихся небес.

— Князь! — рутен дернул сильнее, причинив боль. — Не та ли это псина, что ты искал?

Он развернул кожаный узел, и к ногам фон Эбура свалился куцехвостый пес. Он казался мертвым. Лапы его были стянуты сыромятным ремнем.

Стрела мешала дышать. Он опять ее чувствовал.

Ванграп вернулся.

— Развяжите его.

Рутен наклонился и разрезал ремни.

Пес тут же вскочил и бросился на Ванграпа. Но он ждал этого и, сунув в пасть левую руку, правой сильно ударил сбоку в голову, со стороны уха. Пес упал и какое-то время не шевелился. Потом поднял голову, посмотрел вокруг мутными глазами и встал. Шатаясь, пошел на Ванграпа. И опять наткнулся на его руку. Но на сей раз Ванграп схватил его за горло, а другой рукой ножом распорол псу брюхо снизу доверху. Пес страшно закричал человеческим голосом, роняя кишки. Ванграп отбросил его от себя подальше и закашлялся. Потом уронил нож, откидываясь к стене. Из рта пошла кровь.

Наемники что-то объясняли, показывая другой сверток. Черная ведьма с ребенком... Роженица с ножом в груди... Бросился рыжий пес... Бросилась ведьма... Младенец...

Ванграп, князь Вепря, барон фон Эбур, уходил. Его ждал тот, во славу которого он все эти годы сражался с собственным народом. Девы взяли его под руки и помогли подняться.

Он видел собственное тело...

И вдруг до него дошло то, о чем говорили рутены — ведьма с ребенком — рыжий пес... Это ребенок Кривы! Младенца нужно убить немедленно и сжечь вместе с псом!

— Он что-то говорит, — сказал один из рыцарей, наклонившись к фон Эбуру. — Что-то о младенце. Я плохо понимаю по-пруски.

Ванграп вздохнул и затих. Тело его расслабилось. Душа медленно поднялась над замком.

— Все. Он умер.

Рыцари снимали шлемы. Кто-то из братьев Ордена начал читать молитву.

— Кажется, он хотел, чтобы мы позаботились об этом ребенке.

— Надо найти кормилицу.

— Пока ее нет, ребенка можно накормить козым молоком, — сказал Василько. — Тут в округе их полно.

Глава 13

«Итак, состоялся на тризне по убитым крестоносцами витингам Великий совет воинов ятвягов. И спросили все друг у друга: как же нам жить теперь? Покоримся ли пришедшим из-за Вистулы закованным в железо или будем биться до последнего мужа в племени, пока не опустеют наши дома, не овдовеют жены и не осиротеют дети ятвягов?

Вышел вперед вождь, известный своей мудростью, по имени Стардо, и сказал: не может стать рабом тот, кто был господином, поступим же, как некогда славный наш король Вайдевут...

И ушли ятвяги в дикие леса Литвы...

Но был среди них некто крещеный, по имени Кантегерд, и смутил он многих ласковыми речами и посулами, и не пошли они с князем Стардо, но пошли за Кантегердом на поклон к христианам.¹⁰⁸

Не простили боги Кантегерду предательства, и многие беды претерпело его племя, пока сам вождь не положил жизнь свою на жертвенник в священной Ромове. И тогда только получили ятвяги покой на новых землях».

До сих пор были только козы. Но сейчас в глубине стеге¹⁰⁹ лежал белый жеребенок. Несмотря на сумрак, длинная черная рана на его шее была хорошо заметна.

— Крови, конечно, нет, — сказал Кантегерд.

Старый плотник, хозяин жеребенка, молча кивнул.

Кантегерд, сдерживая ругательства, — на людях он изо всех сил старался выглядеть образцовым христианином — вышел из сарая в предрассветный туман.

Это началось полтора года назад. Собственно говоря, началось это гораздо раньше, но никто особенно не обращал внимания на то, что иногда с пастбища не возвращался какой-то козленок. Козы, обгладывая кустарник и молодые деревца, часто заходили глубоко в леса, где до них было много охотников. Но, когда однажды утром в загоне для скота

¹⁰⁸ К тому времени из одиннадцати прусских племен в Ульмигании осталось только десять. Ятвяги (судавы), населявшие юго-восток Пруссии, под началом князя Стардо ушли куда-то к границам нынешней Белоруссии, в дремучие леса Литвы, и там ассимилировались в среде русской и литовской знати. Например, в русских летописях («Галицко-Волынская», «Задонщина») многие ятвяги упоминаются уже как литовские и русские князья. Однако часть их крестилась и встала под опеку Тевтонского ордена. Чтобы окончательно порвать с языческим прошлым, князь Кантегерд попросил Конрада фон Тиренберга, будущего ландмайстера Пруссии, дать ятвягам другие земли, подальше от родовых капищ. Фон Тиренберг выделил им северо-западную часть Самбии, опустевшую к тому времени в результате бесконечной войны самбов с Орденом. В 1258 году около полутора тысяч человек князя Кантегерда пришли и основали здесь Хайлигенкройц, Сант-Лоренц и множество мелких деревень. С тех пор эту часть полуострова называют Судауше Винкель — Ятвяжский угол.

¹⁰⁹ Стеге — сарай, амбар.

обнаружились две нетронутые козы туши с неровно перерезанным горлом, впервые прозвучало: «Волколак»! Ужас зловещим шорохом стал расползаться по деревне. Люди, не забывшие своих брошенных в Судовии¹¹⁰ богов, стали роптать и угрюмо коситься на князя Кантегерда, обрекшего их на это предательство. Им казалось, что боги нашли их, сбежавших с родины, и начали мстить, прислав волколака — кровожадного оборотня.

И вот теперь белый жеребенок. Считалось, что белые животные особенно угодны прусским богам. Белые козы или лошади приносились в жертву новорожденными. Правда, за те годы, что ятвяги жили под опекой Ордена, древние суеверия стали уходить. На белую лошадь по-прежнему никто не рисковал садиться, но в хозяйствах их держали — на продажу самбам.

Первое время, когда ятвяги получили от Ордена новые железные орудия — мотыги, косы, плуги, когда в сараях встали коровы, дающие в десять раз больше молока, чем козы, а на полях зрели невиданные урожаи из подаренных орденом семян, казалось, благоденствию племени не будет конца. И тут появился оборотень. Или кто там, вместо него? До князя стали доходить слухи, что то в одном, то в другом доме ночью втайне приносились жертвы. Кто-то пытался vadить. В лесу он наткнулся на дуб, украшенный длинными разноцветными лоскутками. Дуб он приказал сжечь, но заметил, что витинги делают это без охоты, хмуро отводя глаза в сторону.

Сегодня на рассвете прибежала насмерть перепуганная девчонка — дочка плотника и, запинаясь, сказала, что волколак зарезал жеребенка. До сих пор Кантегерд не верил в оборотней, но когда увидел, что солома на кровле стеге осталась нетронутой, а в самом сарае нет никаких подкопов, которые обычно делают волки, он почувствовал, что ему вдруг стало душно. Из-под шапки на лоб потекли струйки пота.

Дом Кантегерда — добротный, высокий, срубленный на манер домов орденских поселенцев, с погребам, стоял напротив часовни Святого Креста, через дорогу, ведущую на юг, к Шоневуку. Небольшая площадь перед ним была вымощена булыжником, как в замках. Двери дома были набраны из еловой строганой доски, достаточно высокие для того, чтобы рослому князю не приходилось пригибать голову, входя в них.

Он приказал подать пива и озабоченно потягивал его, глядя себе под ноги.

Пришел Василько.

— Звал, князь?

Кантегерд кивнул и указал на скамью рядом с собой. Налил пива. Василько выпил, потом вздохнул и потянулся, хрустя костями.

— Скучно, князь, — сказал он. — Уйду я от тебя. Меня воевать учили, а не бражничать. А у тебя я живот наел.

Князь посмотрел на поджарого, как молодая рысь, воина и хмыкнул. Потом опять налил пива.

— Ты ни свет ни заря меня опохмеляться позвал, или дело какое есть? — спросил Василько.

— У кривого плотника ночью кто-то годовалого жеребенка завалил.

Глаза Василько из сонно-соловых превратились в два жестких камешка. Даже, кажется, и цвет свой поменяли с голубых на серо-стальной.

— Волколак?

Кантегерд поморщился.

— Ты, князь, конечно, можешь в него не верить, — сказал Василько. — Однако неладное что-то в деревне творится.

— Будет еще неладнее, если люди узнают об этом проклятом жеребенке.

Василько внимательно посмотрел на князя.

¹¹⁰ Судовия — название земли, где жили ятвяги, по имени их легендарного родоначальника, одного из сыновей Вайдевута — Судо.

— А ты, никак, собираешься плотнику рот закрыть?

— В деревне беспокойно. Кое-кто уже вадить пробует.

Василько махнул рукой:

— Знаю. Не хотел тебе говорить прежде времени, но мне кажется, что ятвяги что-то уж больно ласково стали привечать самбов. Давеча мне донесли, что у лесорубов какие-то подозрительные людишки ночуют. Я налетел, но поздно — их уж и след простыл. Лесорубы отмалчиваются. Их бы в темную... Да дознание бы учинить по всей форме...

— Так и сделаем, — сказал Кантегерд. — Только позже. А сейчас плотника со всей семьей — под замок. Да смотри, чтоб шуму лишнего не было.

— Я своих татар возьму. Они ни по-вашему, ни по-немецки не разбирают. Захотят — не проговорятся. А с плотником что будем делать?

— Отвезу в Гирмову или еще куда дальше. Как-нибудь пристроим. Ордену лишние рабочие руки не помешают.

— Ну и ладно! — Василько улыбнулся и встал из-за стола. — А то я уж грешным делом...

Как только он вышел, Кантегерд снова уткнулся взглядом в пол. Он думал.

В этом наемнике и его людях он был уверен больше, чем в себе самом. Да и в собственной дружине было достаточно верных витингов, чтобы навести порядок в случае мятежа. Хотя таковой вряд ли случится. Люди ему верят. Они прошли с ним десятки миль¹¹¹ во время переселения, претерпели массу лишений, пока обустранивались на новом месте. Если б сейчас не эта тварь... Все-таки, что же это? Оборотень-волколак? А может, какой хищник, которого они раньше не знали? Что-то вроде гигантского хорька. Самбия уже дарила им сюрпризы вроде живых движущихся песчаных гор или той голой женщины с рыбьим хвостом, которую Кантегерд видел сидящей на камне, выступающем из воды на янтарном берегу. До сих пор он упорно гнал от себя любые предположения насчет оборотней. Сейчас ему снова припомнились смутные разговоры о рыжей собаке, за которой гонялся знаменитый самбийский князь-крестоносец Ванграп. Говорили, будто это сам Крива, мстивший Ванграпу за разорение Ромовы. Но Ванграп ведь убил ту собаку! У Кантегерда даже был свидетель — Василько, рассказавший, как умирающий Ванграп распорол псу брюхо. Или ему все показалось? Надо будет расспросить.

У ятвягов, как и у всех пруссов, считалось, что вайделот может при желании обернуться собакой. Кантегерд не верил этому, как и другим слухам о непомерном могуществе вайделотов. Хотя... Он сам однажды видел, как один из них, войдя в раж от общения с богами, взлетел над землей и висел в воздухе, а пена из его рта клочьями падала на траву.

Кантегерд вспомнил, что и Крива исчез примерно в то самое время, когда Ванграп поймал и прикончил своего рокового пса. Правда, говорили, что он ушел в Литву, за князем Стардо. Так или иначе, Кривы здесь нет. И о собаке князя Ванграпа тоже ничего не слышно.

От всех этих мыслей голова у Кантегерда разболелась, и он решил выйти на свежий воздух.

Шпиль часовни терялся в тумане. Молодые желтоватые листочки на липах ежились в его ледяной сырости. А вечером небо было в звездах и предвещало теплую ясную погоду. Кантегерд передернул плечами. За двенадцать лет он так и не привык к резкой переменчивости и непредсказуемости самбийского климата. Весна здесь наступала гораздо позже, чем в его родной озерной Судовии. Осень тянулась чуть ли не до Рождества. А зимы вообще никакой не было. Эти туманы, их сырую непрозрачность он просто ненавидел. Особенно за то, что ими так ловко пользовались самбы. С их умением воевать могли сравниться только скандийские или русские наемники. Но то, что самбы делали в тумане, было похоже на кошмарный сон. Как призраки, они появлялись из сырости только для того,

¹¹¹ Прусская миля равна примерно семи с половиной километрам.

чтобы нанести удар мечом, и тут же растворялись в сизых клочьях, с тем чтобы через мгновение возникнуть совсем в другом месте. Казалось, их порождает сам туман. Кантегерд, еще вчерашний язычник, не очень-то поклонялся новому богу, но в одном он благодарил его — за то, что ятвяги не имеют таких врагов. Самбы — правовернейшие из прусских племен-язычников, презирали ятвягов за то, что те приняли чужую веру, но в открытую войну с ними не вступали. Правда, многие самбийские деревни опустели из-за этой бесконечной войны. Витланд, некогда славный своими городищами, превратился в пустыню. Но и малочисленные самбы были очень опасны. Кантегерду не хотелось связываться с ними, но он чувствовал, что без них ему с оборотнем не разобраться.

Он поймал себя на том, что уже и сам думает об этой твари, как об оборотне, выругался, подошел к чану с водой и плеснул в лицо.

Глава 14

К полудню солнце и легкий западный ветер разогнали туман. Люди были в работах. Кто корчевал пни под поле для ячменя, кто рыл каналы в болоте между дюнами. Этому их научили орденские братья, и ятвяги были поражены теми урожаями, какие давали осушенные земли. Так что, когда отправляли семью плотника в Лохштедт, им не с кем было перекинуться и словом. Кантегерд снабдил их кое-какой утварью и коровой из своего стада, и плотник не знал — плакать ему оттого, что высылают в чужие люди, или благодарить князя за неожиданный щедрый подарок.

Василько выжал из лесорубов все, что было в их немудреных головах, и то, что он выяснил, еще больше озадачило Кантегерда.

Русский хмуро ковырял ножом окорок дикой свиньи, время от времени прикладываясь к кружке с пивом. Этот рыцарь с короткой бородой на добродушном лице обладал целым рядом неожиданных для постороннего качеств. Например, трудно было предположить в тонком и гибком теле ту огромную силу, которую оно в себе таило, а за простоватостью светлых, почти прозрачных глаз — проницательность ума. Считалось, что именно ему принадлежала идея отвлечения самбов, осадивших Лохштедт, колокольным звоном в то время, как рыцари уходили из замка подземным ходом. Жребий остаться в замке выпал тогда фон Поленцу, а выпавши он Васильке — возможно, и не было бы никакой красивой жертвы. Ему наверняка удалось бы выкрутиться из той переделки.

— Так что же это все значит? — спросил его князь.

— Убей меня Бог, если я что-нибудь понимаю, — сказал Василько, продолжая ковыряться в свинине. — Добраться бы до тех, кто всю эту воду замутил... — он зло воткнул нож в дубовую доску столешницы. — Ишь, чертово семя, как закрутили!

Он приложился к пиву, а потом рассмеялся:

— Выходит, не только мы второго пришествия ждем! У них, видишь, тоже свой Спаситель ожидается.

Лесорубы признались, что приютили на ночь одного из вайделотов-самбов с его охраной. Те поведали, будто на земле древней Ромовы вот-вот объявится Новый Крива — Верховный Жрец пруссов, и тогда под его началом с помощью старых богов пруссы отомстят крестоносцам за поруганные капища и оскорбление уставов, завещанных королем Вайдевутом. А появление оборотня не что иное, как предзнаменование или даже прямое свидетельство того, что Новый Крива уже родился и со дня на день объявит о себе великими подвигами.

— Угораздило же тебя, князь, поселиться в двух шагах от этого их вертепа — Ромовы.

— Ничего не понимаю, — сказал Кантегерд. — Символ Верховной Власти — Кривуля, такая палка с закрученным концом. Так вот, она, как и сама власть, передается из рук в руки. Умиравшим Кривой — своему преемнику. Кривуля и Власть — вещи, неотделимые друг от друга. Так было столетиями, всегда. При чем здесь оборотень и зарезанные козы? Без передачи Власти и Кривули не может быть никакого Кривы.

— Я в ваших ведьмовских премудростях не разбираюсь, — сказал Василько. — Только я думаю, что тебе, князь, обязательно надо изловить этого оборотня. Иначе ждут тебя большие неприятности.

«А скорее всего, тебе уже и не избежать их», — подумал Василько, но вслух не сказал.

— А сам-то ты откуда будешь? — вдруг спросил Кантегерд. — Вот уж пять лет служишь мне, а кто ты, чей? Я до сих пор не знаю.

— У рыцаря меч — и родина, и родители. Псковские мы... — добавил Василько, немного подумав. — Был такой город некогда. Нет его больше. Пожег один князек наш, продавшийся татарам.

— А к нам тебя как занесло?

— Я в том городе полк водил. Ну и когда впервые князек этот, Ярославич, налетел, мы погнались за ним... Да ты, наверное, слышал, как мы с ливонцами в Чудском озере тонули?

— Так это ведь лет двадцать назад было!

— Точно. Вот с тех пор я по чужим землям и служу.

— И что же, у тебя родственников совсем нет?

— Там все, во Пскове и остались.

— А мне говорили, ты из пруссов. Врали, что ли?

Василько быстро посмотрел на князя и отвернулся.

— Ты, княже, чем всякие сказки слушать, думал бы, как свою голову да племя от беды уберечь, — сказал он.

Но Кантегерд думал о других вещах. У него была дочь на выданье да два малолетних сына — родной да пассон.¹¹² Случись что с ним сейчас, ятвяги останутся без призора. А вот, кабы отдать дочь за Васильку... Ничего, что он лет на десять старше самого князя, выглядит куда моложе! Только глубокие складки от носа к углам рта да мелкая сетка морщин под глазами говорили о возрасте да о пережитом.

— Думай не думай, а к самбам мне все равно придется идти, — сказал Кантегерд.

Василько кивнул.

— Вместе пойдем.

— Нет. Ты для них крестоносец, враг. А я, хоть и христианин, прусский князь.

— Не нравится мне это. Но решать тебе.

— Да. Я уже решил. Сегодня и отправлюсь.

Василько задумчиво разглядывал его.

— Ну-ну... Бог в помощь. А татарина одного я тебе все-таки дам.

Кантегерд согласился. Татарин — не немец и не рутен — вряд ли озлобит самбов. Правда, он не видел и пользы от него. Ятвяжские витинги ничуть не хуже, да и шел князь к самбам с миром. Но, если Васильке так будет спокойнее, он возьмет татарина.

Они говорили не таясь, зная, что в доме никого нет. Жены Кантегерда — их было только две — жили отдельно, в небольших пристройках к княжескому дому. Орден не признавал их, так как Кантегерд ни с одной не был венчан. Поначалу он никак не мог решить, которой же отдать предпочтение, но потом решил оставить как есть. Брат Петер, приезжавший по праздникам служить в часовне, закрывал на это беззаконие глаза, а орденское начальство делало вид, будто думает, что Кантегерд холост. Дочь его была сейчас на пастбище, присматривала за дойкой, а мальчишки играли за часовней в рыбаков. Там было небольшое, но глубокое темное озерцо, укрытое ветвями склонившихся лип и густой порослью ольшаника, увешанного подсыхающими сережками.

Звали мальчиков по-христиански — Генрих и Дитрих. Дитрих, приемыш, был на год моложе сводного брата. Но, несмотря на это, в играх он всегда верховодил. В свои пять с небольшим лет он иногда приводил в оторопь недетскими вопросами, высказываниями или знаниями, которым взяться было неоткуда у ребенка. Другие дети, даже те, кто был гораздо

¹¹² Пассон — «приемыш» (прусск.).

старше Дитриха, почему-то побаивались его, и мальчики почти все время проводили вдвоем.

Они закидывали в озеро кусок рыбацкой сети и потом, вытащив ее на берег, внимательно разглядывали все, что удалось выловить — лягушек, жуков-плавунцов, приставшие палочки трубочников, которые, выглядывая из своих домиков, сердито шевелили усами. Раза два или три им попадались маленькие рыбки-верхоплавки, тут же начинавшие танцевать в траве, поблескивая серебряными боками.

— Интересно, здесь глубоко? — спросил Дитрих, вглядываясь в темную муть.

Генрих тоже склонился и стал смотреть в загадочную темноту. Потом сказал:

— Наверное, очень глубоко.

Глубина казалась бесконечной.

— Там, на дне, должно быть холодно, — сказал Дитрих и поежился. Потом встал, накинул сеть на Генриха и столкнул его в озеро.

Когда вода успокоилась, он еще какое-то время постоял, глядя, как лопаются пузыри, всплывшие на поверхность, и, отвернувшись, вприпрыжку побежал домой.

Успел вовремя. Кантегерд был уже в седле и беспокойно оглядывался в поисках сыновей. Марта стояла рядом. Она подхватила подбежавшего Дитриха и подала Кантегерду.

— Ну, где вас носит? — мягко спросил он. — А где Генрих?

— Не знаю, — сказал Дитрих. — Я играл с мальчиками за воротами, но его с нами не было.

— Я уезжаю, — сказал Кантегерд, все еще озираясь. — Но завтра должен вернуться. Если задержусь, слушайте во всем сестру и Васильку. Договорились? И Генриху то же самое наकाжи.

— Хорошо, папа, — сказал Дитрих. — Я сейчас пойду поищу его.

Кантегерд ссадил его с лошади и прищепил ее. Сопровождали его только трое — два витинга и татарин в шапке с лисьим хвостом. Они выехали в южные ворота и постепенно скрылись за огромными липами, растущими на обочине древней самбийской дороги. Дитрих еще долго всматривался в ту сторону застывшим взглядом в жестких недетских глазах.

Глава 15

Ночью в деревне не спали. Искали княжича. Артайсы с факелами обшарили каждую кочку на болотах. Василько разделил витингов на маленькие отряды и обыскивал окрестные леса. Лица ятвягов вытянулись, глаза тускло светились страхом.

«Волколак», — шептали они друг другу на ухо.

«Князь Кантегерд отступился от старых богов, и теперь они мстят нам».

Но не роптали — боялись Василькиных звероподобных татар.

Далеко за полночь Василько отпустил людей по домам, с тем чтобы, отоспавшись, вновь приняться за поиски.

Марта не спала, но сидела у постели мальчиков, оцепеневшая, уставившись пустым взглядом в то место, где еще вчера лежал такой теплый, маленький Генрих. Тербила одной рукой разметающиеся волосы спящего Дитриха. Раза два он открывал глаза и, поглядев на Марту, спрашивал:

— Не пришел еще Генрих?

— Спи, — говорила Марта. — Спи. Он придет, не волнуйся. Василько разыщет его.

Дитрих кивал и безмятежно засыпал.

«Ребенок, — думала Марта. — Что с него взять?»

Пришел Василько, покашливая как всегда. Он ходил бесшумно и раньше не раз пугал Марту, неожиданно оказавшись рядом. Потом, приближаясь, он стал покашливать. Положил руку ей на плечо и молчал. Постоял так немного и ушел.

Внутри Марты, еще с вечера, все сжалось в ледяной комок и застыло, только в голове мягкий молоточек осторожно постукивал в такт ударам сердца.

Ближе к рассвету она ушла на женскую половину, где жила одна, и прилегла на лавку,

но уснуть не могла. Лежала с открытыми глазами и смотрела в темноту потолка. Позже Василько спрашивал ее о том, сколько времени она так пролежала, но Марта не могла вспомнить. Время для нее тогда свернулось в густую черноту под потолком, без формы и размера. Не было ни вчера, ни завтра, ни дня, ни ночи. Одна глухая темень над головой.

Вдруг ей показалось, что где-то во дворе она слышит слабый голос Генриха. Марта встрепенулась и села. Прислушалась. И опять почудилось, будто Генрих зовет. Звук был слабым, невнятным, да и был ли он вообще? Но и того хватило ей, чтобы выскочить из дома, напряженно вслушиваясь в рассветные звуки.

Галки возились под кровлей. Где-то заблеяла коза. Громко капнуло через дорогу возле старой липы.

Теперь она ясно слышала что-то вроде слабого голоса, позвавшего со стороны северных ворот. Она побежала.

Раньше, в первые годы после переселения, ворота стерегли витинги, теперь будка дозорного пустовала. Но ворота на ночь все-таки запирались на массивный засов, и Марте самой никак его было бы не открыть. Подбегая к воротам, она даже подумала, чтобы позвать кого-нибудь, но увидела, что одна створка приоткрыта. Она скользнула в щель и остановилась, прислушиваясь. Прямо от ворот начинались две дороги. Одна, хорошо проторенная, на запад к Янтарному берегу, другая, прямо поднимающаяся на высокий холм, за ним рассыпалась на тропки. Справа был небольшой сырой топкий участок леса, заросший орешником и кустистой черной ольхой. Хорошо были видны только заросли ежевики на его опушке, да темнели коричневыми стволами первые деревья. Все остальное утопало в густом тумане, застрявшем здесь с ночи. Но именно оттуда, из глубин тумана, послышалось глухое:

«Марта, Марта!..»

Это был голос Генриха. Она уже не сомневалась в этом.

«Марта! Марта!» — слышала она, продираясь сквозь цепляющиеся за подол ежевичные плети.

«Марта, помоги мне...» — звал брат.

Из дома она выскочила босиком, и сейчас десятки колючек впились в кожу ног. Она промокла до пояса. Но хуже всего было то, что коса растрепалась, и, цепляясь за ветви, мешала двигаться вперед, к жалобно звавшему Генриху.

Внезапно голос смолк. Марта прислушалась, потом нагнулась, выпутывая волосы из боярышника, и это ее спасло. Она увидела, как сбоку метнулось что-то яркое, рыжее и, перелетев через нее, с треском рухнуло в заросли. Она удивленно посмотрела в ту сторону и увидела большого, лоснящегося молодого пса. Тот уже вскочил на ноги и, оскалившись, присел на задние лапы, готовый к прыжку. То, что произошло дальше, она почти не видела. Пес прыгнул, но еще за мгновение до того что-то тяжелое ударило в нее, швырнуло Марту в сторону, в грязь. Потом рыжее пятно столкнулось с большим и темным, раздался звук, будто бросили белье в ручей, пес громко взвизгнул, и когда Марта перевернулась наконец на спину, то увидела над собой рутена наемника в странной позе — согнувшегося, хватающего рукой свой сапог. Но тут же Василько выпрямился. В руке у него был длинный узкий нож, который мелькнул рыбиной и исчез. Истошно завизжала собака, послышался затихающий хруст сухих веток и прошлогодней травы.

Марта села, изумленно разглядывая облепленное грязью платье. Василько был неподалеку — шарил в кустах, что-то выискивая на земле. Видно, он нашел, что искал, потому что поднял и сунул себе за пояс. Выдернул торчавший в стволе дерева нож и, обтирая его о полу исподней рубахи, подошел к Марте.

— Не попал, — сказал он. — Только лапу слегка задел. И это — странно, — он немного подумал и добавил, как бы про себя: — Не нравится мне эта собака.

Потом присел рядом с Мартой и, взглядываясь своими синими глазами в нее, спросил:

— Я так полагаю, что ты не помнишь, как сюда попала. А, княжна?

Она попыталась вспомнить, но не смогла. Сейчас Марта чувствовала, как болят ноги, но посмотреть, что с ними, не смела в присутствии мужчины.

— Ну, не говори ничего, — сказал Василько. — Потом поболтаем. Ты можешь идти?

Марта кивнула и встала, но тут же беспомощно села — ступни горели огнем.

— Ладно, — сказал Василько. — Тело твое хоть и неприкосновенно, но выбираться отсюда как-то надобно. Что скажешь, если я возьму тебя на руки?

Марте кровь хлынула в лицо, и она опустила голову.

— Спасибо, что не отказала, — пробормотал Василько, поднимая и прижимая ее к груди, как ребенка.

Марта считалась очень высокой девушкой в своем племени, и она никак не думала, что Василько сможет так легко нести ее, хотя и слышала разговоры о его невероятной силе. Она вяло вспомнила о том, как он ломает о колено ятвяжские мечи, потом уткнулась ему в плечо и вдруг заплакала. Сначала тихо, подвывая, а потом навзрыд, захлебываясь слезами.

— Поплачь, — приговаривал Василько, покачивая ее на руках, как младенца. — Поплачь, княжна, от этого тебе легче. Я знаю, у меня однажды тоже так было...

Глава 16

Кантегерд в тот день не приехал.

Не приехал он и к утру следующего. Зато на рассвете витинги, открывая южные ворота для скота, увидели снаружи понурюю лошадь с лежащим на ней всадником. Непокрытая лысая голова его была залита кровью. Из-под правой лопатки торчало древко копья.

В яремной вене татарина слабо, но ровно вздрагивала жизнь. Василько хотел сунуть руку ему за пазуху, чтобы ощупать место на груди, где вышел наконечник копья, но большая часть крови спеклась с одеждой и прилипла к коже так, что рубаху пришлось резать и отдирать кусками. Древко обрезали сразу, оставив снаружи конец в полторы ладони. Судя по углу, под которым он торчал, копьё вошло удачно, задев только край легкого. Скверным было то, что оно не проскочило насквозь, видно, метнули с большого расстояния. Непонятным было и обилие крови. Древко должно было запереть рану, и кровь разлилась бы внутри тела.

Голого татарина перевернули на левый бок, и Василько, наконец, ощупал место, где должен был, но не вышел наконечник. И тут татарин открыл глаза и хрипло, с бульканьем в груди, что-то спросил на никому не понятном языке. Василько ответил, судя по тону, успокаивающе. Татарин закрыл глаза. Лицо его было цвета недубленой кожи козленка. Не поднимая век, он сказал несколько слов, потом, после передышки, еще несколько.

Василько слушал, легонько похлопывая пальцами по коже спины, вокруг торчавшего обрезка копья. Лицо татарина кривилось, но говорить он продолжал. И вдруг, неожиданно для всех, Василько сильно ударил ладонью по древку и вогнал его в спину татарину. Тот захрипел и потерял сознание. С правой стороны от соска у него высунулся широкий окровавленный наконечник. Василько взялся за него и неторопливо вытащил все остальное. Его еще надо было обмыть, чтобы прочесть насечки — руны, но и так — по тому, что наконечник был широким, каменным, стало ясно: это копьё для ритуальных убийств. Как оно оказалось в спине татарина, было непонятно. Жертву обычно убивали связанной, на специально освященном для этих целей камне с желобком для стока крови. Василько же о том, что ему сказал татарин, пока помалкивал. А спросить никому не приходило в голову. Любопытство — черта не воина, но беззубой старухи.

А копьё попало в татарина случайно. Только потому, что у витинга, метнувшего его, ничего другого под рукой не оказалось. Кантегерда и тех, кто сопровождал его, пленили, когда они поднимались по лесистому склону Гальдагоры. Не прислушиваясь к заверениям Кантегерда о том, что он пришел с миром, самбы связали их и бросили посреди поляны, у ритуального костра. Там пленники провели почти сутки. Их по первому слову отводили по нужде, давали воды, но не кормили. И никто не обращал внимания на требования Кантегерда отвести его к вождю или вайделоту. Было ясно — готовят к жертвоприношению. Неподалеку от ритуального костра росла поленница жертвенного. Когда стало ясно, что мирная миссия

провалилась, татарин, умевший напрягать тело так, чтобы потом освободиться от веревок, ночью развязался и освободил ятвягов. Но как только он начал снимать путы с лошадей, самбы это заметили и подняли тревогу. Татарину удалось запрыгнуть на коня, но, когда он уже был на краю поляны, витинг, несший дозор, метнул копье.

Глава 17

Кантегерд лежал на широком плоском жертвенном камне, а по правую и левую руку от него лежали и тоже ждали своей участи его верные витинги. Им, остававшимся еще язычниками, хоть их и приводили к крещению, казалось почетным умереть рядом с вождем, и они спокойно с достоинством ждали, когда Перкун рукой вайделота занесет над ними жертвенный нож или копье. Князю такой конец совсем не нравился. Если б его народ был более крепок в христианстве, он, может, и согласился бы на жертву. Но с его смертью ятвяги могли вернуться к язычеству, присоединиться к воюющим самбам и разделить их судьбу, уже сейчас слишком очевидную — самбы будут драться с Орденом до последнего воина... А он собирался послать мальчиков учиться на запад, в Великую Империю... Хотел выдать Марту за Васильку... Интересно, добрался ли татарин до деревни? Один из витингов Кантегерда видел, как вскинул руки пробитый копьем татарин, как обмяк на лошади, уносившей его в лес... Вряд ли. Если б он добрался, Василько со своей дружиной и ятвягами уже был бы здесь. Слишком много времени прошло с тех пор, как татарин попытался бежать. Кантегерд покосился в сторону шалаша, увешанного амулетами. За двое суток он так и не видел, чтобы оттуда выходил вайделот. Может, его там и нет? Вообще происходило что-то странное. Чувствовалось напряженное ожидание чего-то. Или кого-то? Поляна была изукрашена, как к празднику, — деревья в побрякушках; столбы с головами вепря, лося, медоеда, зубра; три огромных деревянных бога посредине — Пикол, Перкун, Потримп. Но никакого праздника сейчас нет. Неужели вся эта чепуха об ожидании Нового Кривы действительно имеет какие-то основания? Человеческие жертвы — совсем не рядовой случай. К чему-то же это приурочено!

Об этом же думал и Василько, следя за тем, что происходит на поляне. У него было полтора десятка мечей, да еще сотня ятвягов обходила гору с другой стороны. Василько предпочел бы все решить без них. На Совете он предложил план, с которым мог бы малой кровью и бесшумно освободить князя при помощи только своих людей. Но ятвяги неожиданно обиделись и довольно резко напомнили ему, что это, прежде всего, им самбы объявили войну, а он — Василько, хоть и Великий Воин, но всего лишь наемник.

Четыре татарина, выбрав удобные места для стрельбы из лука, наблюдали. Несильный ветер шелестел кронами дубов. Среди деревьев он не чувствовался, но на поляне должен был изменить полет стрелы, и Василько боялся, что это может испортить дело.

Он отдал последние распоряжения и с двумя воинами направился к поляне. Василько уже приближался к ней, когда чья-то рука из сумерек перехватила узду его лошади, а у своей шеи он увидел узкий длинный наконечник метательного копья.

— Ты пришел за своей смертью? — спросили его на самбийском диалекте. — Или ты — с Тем, кого ждем?

— Я — с Тем, кого вы ждете, — ответил Василько и тут же понял, что совершил ошибку, открыв рот.

На ятвяжской кобылке и в русском шлеме, который часто использовали и самбы, он должен был сойти за прусса. Но его спросили, и он ответил — ему не оставалось ничего другого. А самб услышал его акцент. Василько был в тяжелом панцире и метнуться куда-то в сторону от направленного в горло копья не успел бы. К счастью, кому-то из татар показалась эта сцена затянувшейся, и самб, выронив копье, схватился за стрелу, пробившую ему грудь. Одновременно с этим сверху, прямо из воздуха, возник другой витинг и рухнул на Васильку, проскрежетав ножом по панцирю. Василько поднял кобылу на дыбы и бросил в сторону, пытаясь скинуть повисшего на нем сзади самба, но тот прилип, как паук, уцепившись за

упряжь. Как только передние ноги кобылы коснулись земля, самб перекинул ногу через круп. Василько этого не видел, но знал, что именно так и должно быть, и, развернувшись всем корпусом, двинул локтем в то место, где могла быть голова самба. Шип, напаянный на локтевой щиток, вошел ему в висок. Самб упал, и Василько смог разглядеть, что обоим рыцарям за ним повезло гораздо меньше — их сняли с лошадей. Один еще отбивался, но другой уже лежал на траве, корчась вокруг вошедшего ему в живот трезубца. Это был Войтек. Не то чех, не то лях, почти мальчишка, он недавно прибил к Василькиной дружине и обещал быть очень хорошим воином. Первым побуждением было — повернуть, но Василько сдержался и, выхватив меч, послал кобылу к поляне. Он уже слышал топот коней наемников, и — с другой стороны поляны — боевой клич ятвягов: «За мать Лосиху!» Это кричали люди, которых считали христианами.

Сумерки на поляне были реже, чем в лесу. Он уже видел, как силится приподнять голову от камня князь Кантегерд в попытке разглядеть то, что происходит, как выскочил из своей палатки вайделот с большим ритуальным ножом, как он вскинул руки к небу, взывая к богам. Василько увидел самбов, скачущих на неседланных конях ему наперерез. Но обо всем этом он забыл, едва заметив, что под углом к нему, к жертвенному камню большими прыжками стремится рыжий пес. Василько вдавил шпоры в бока кобыле.

Пес опережал его совсем чуть-чуть, на пол-лошади и, не добежав до камня, резко свернул в сторону и ушел в лес. Василько провожал его глазами и не видел, ни как падали сбитые татарскими стрелками самбийские витинги, ни как высыпали на поляну ятвяги. И только когда пес исчез в темноте за деревьями, он оглянулся и удивился тому, как мало на поляне самбов. Около десятка их, сбившись в кучку, отчаянно отбивались от толпы ятвягов. Василько слез с коня и перерезал веревки, стягивающие Кантегерда и его товарищей. Потом велел одному из подъехавших наемников разыскать вайделота, если тот еще жив.

Он был бы жив. Ятвяги не посмели бы тронуть жреца. Но татарским лучникам было все равно, кого насаживать на свои стрелы. Две из них попали вайделоту в грудь, а одна пробила щеку и застряла в горле. Ни Василько, ни князь Кантегерд так и не узнали, что же тогда готовилось на Гальдагоре.

Глава 18

Как только Кантегерд услышал об исчезновении Генриха, тут же распорядился возобновить прервавшиеся было поиски.

— Три дня уж прошло... — напомнил ему Василько, но настаивать не стал. Даже сам возглавил группу, отправившуюся на север от деревни, в пустынные места, где среди дюн жил вечный ветер. Он был почти уверен, что Генриха на этом свете уже нет, и не надеялся найти его, но Васильке нужно было подумать. Какие-то смутные подозрения не оставляли его в покое. Чувство было такое, будто что-то, о чем он всегда знал, вдруг выскочило из головы, и он никак не может вспомнить, что же это было?

Он поднялся на гору, самую высокую в Ятвяжском углу, с которой в ясную погоду хорошо были видны и западный, и северный берега полуострова. Прямо перед ним были земли, когда-то принадлежавшие племени князя Ванграпа. У небольшого лесочка еще можно было разглядеть остатки его деревни, примостившейся у ручья. Несколько домов было восстановлено, там жили ятвяги.¹¹³

Василько, в который уж раз, вспомнил, как легко бежал стройный красноватый пес... Это явно не тот, которому Ванграп выпустил кишки. Тот был старым, с проседью в шерсти и куцым хвостом... Что-то было не так. Ах да! Пес еле заметно припадал на левую ногу. Василько тогда, в ольшанике, зацепил его. Хотя должен был убить. Но нож в самый последний момент вдруг вильнул в сторону. Это так удивило Васильку, что он потом

¹¹³ Эта деревня сохранила в веках имя своего основателя в корне названия — Вангниккен.

несколько раз подолгу разглядывал верный кинжал, пытаясь найти появившиеся с годами изъяны. Их не было.

Глава 19

К вечеру поисковые группы стянулись в деревню. Ничего не дали ни прочесывание лесов и дюн, ни расспросы по мелким деревушкам. Кантегерд сидел, глядя в пол, как обычно, когда он размышлял, но попытки Василько втянуть его в разговор ни к чему не привели. Только иногда князь поднимал голову и спрашивал:

— За что же мне все это?

— Да не за «что», а «почему»! Надо подумать, откуда это идет, — пробовал Василько разговорить его, но Кантегерд опять склонял голову и тупо смотрел под ноги.

Василько оставил его и вышел во двор.

В липах, за часовней, пробовал голос соловей. Несколько раз щелкнет и прислушается. Потом немного посвистит вполсилы и опять вслушивается — то ли в свой голос, то ли ждет от кого ответа. Женщины, сидя у своих домов — кто на корточках, кто на пеньке, — ждали коз с пастбища. Из дома вышла Марта и стала звать Дитриха. Он отозвался из-за дома и потом прибежал, шлепая босыми ногами по выстланной булыжником площадке. Марта что-то сказала ему, Василько не расслышал, он сидел немного поодаль от двери под тихо шелестящей только что распустившимися листочками березой.

— Я еще немного поиграю, — попросил Дитрих.

— Нет, — Марта повысила голос. — Вода остынет.

Они вошли в дом, а Василько еще смотрел какое-то время на диагональ строганой доски закрывшейся за ними двери, отключив сознание, не подпуская к себе страшную догадку, которая нарастала снежным комом и вдруг прорвалась, и ударила в голову и в лицо, и вспыхнула, окатив жаром так, что Василько мгновенно покрылся потом.

Дитрих чуть заметно хромал.

Василько бесшумно вошел в жарко натопленную комнату мальчиков. Дитрих, голый, спиной к входу стоял в тазу с водой, а Марта поливала его из глиняного кувшина. На его левом бедре был хорошо виден узкий, затянувшийся коричневой корочкой ножевой порез.

«Заживает, как на собаке», — почему-то подумалось Васильке.

Дитрих вздрогнул и повернулся к нему.

— Открой рот, — сказал ему Василько.

Тот замотал головой и приложил ладонь ко рту. Марта, услышав в тишине голос, чуть не выронила кувшин, но, подхватив его, прижала к себе и так, в обнимку с кувшином, удивленно смотрела на Васильку.

— Открой рот! — повторил Василько и двинулся к Дитриху.

— Ты чего здесь? — спросила Марта. — Что тебе нужно?

Дитрих выскочил из таза и стал пятиться к стене, прижимая ладонь к лицу. Василько метнулся вперед и схватил его за рыжие волосы.

— Открой рот, гаденыш! — крикнул он, собираясь другой рукой схватить Дитриха за горло. И тут Дитрих завизжал. И визг этот был ужасен. В нем был и страх, и животная злоба, и еще что-то дикое, жуткое, темное, о чем никто из смертных не знает, но может только догадываться, проснувшись иногда среди ночи в холодном поту.

Василько инстинктивно отпрянул, готовый бежать на край света от этого страшного звука, зажав уши руками, но эти самые руки привыкли реагировать по-другому. Звук захлебнулся, Дитрих оторвался от пола, отлетел к стене, ударился об нее всем телом и осел. Василька нагнулся, чтобы заглянуть ему в рот, но что-то взорвалось у него в голове белой вспышкой...

Глава 20

Он почувствовал, что замерз, хотел повернуться, но руки его будто исчезли. Василько открыл глаза. Пошевелил руками. Они были надежно связаны за спиной. Связывали бесчувственного, иначе сейчас он смог бы освободиться. Ноги тоже были плотно обмотаны веревками. Он повернулся на спину сколько смог и осмотрел темноту. Справа сверху светлел небольшой квадрат. Он был в «темной». Так. И как же он сюда попал? Василько расслабился и стал вспоминать.

Сидел под березой. Рыжий выродок, внезапно охромевший. Рана на бедре от ножа. Василько хотел посмотреть, есть ли у него верхний левый клык или этот клык у Васильки за поясом? Тот завизжал как свинья... И все. Провал. Кажется, Василько еще успел ударить поганца... Голова болела — похоже, что его кто-то приложил. Еще Василько был почему-то мокрым. Пытались отлить, что ли? Или это Марта его — кувшином с водой?

Он почувствовал, что снаружи кто-то есть.

— Эй! — крикнул он. — Кто-нибудь!

Свет в смотровом окошке заслонила чья-то голова.

— Позовите князя, — сказал Василько.

Голова исчезла. Через какое-то время загрели засовы, и в темную вошел сначала витинг с факелом, а затем Кантегерд.

— Очухался? — спросил Кантегерд.

— Прикажи развязать меня, — сказал Василько.

Кантегерд подумал, потом сказал витингу:

— Развяжи ему ноги.

Витинг снял веревку.

— А руки? — спросил Василько.

— С руками погодим пока.

Василько встал.

— Там снаружи полтора десятка моих витингов, — сказал Кантегерд, как бы между прочим. — А твои люди заперты под охраной.

— За что же такая честь? Не за то ли, что мы пять лет живота не жалели для твоей светлости?

Кантегерду принесли скамью, и он сел. Василько остался стоять перед ним со связанными руками. Как пленник. «Интересно оборачивается», — подумал он.

— Ты меня не попрекай, — сказал Кантегерд. — За твою службу тебе и честь была особая. Я тебя чуть не за брата почитал. А тебе, видать, этого мало было? Захотелось место мое занять, самому княжить?

Василько взглянул ему в лицо.

— Что с тобой, князь? Или пива с горя перепил? Может, тебе пойти проспаться? Я могу здесь и до утра подождать.

Кантегерд вдруг вскочил и заорал, выпучив глаза:

— Ты мне голову не дури! Хватит! Наслушался я твоих речей дружеских! Ты наследника моего в озере утопил? Отвечай, не то я прикажу тебя поджарить!

Василько опешил.

— Какого наследника? В каком озере? Ты что, бредишь, князь?

Кантегерд сник, снова сел на скамью и уставился на свои сапоги.

— В озере, за часовней, — сказал он. — Сегодня выловили.

Василько еще плохо понимал то, что он говорил.

— Генрих — в озере, за часовней?

— Дитрих видел, как он с тобой шел туда, — добавил Кантегерд. — Тебе не отпереться. Ребенок такое не выдумает.

Василько зло усмехнулся.

— Да уж, ребенку такого не выдумать. А что же он раньше молчал, когда мы болота да леса обшаривали?

Кантегерд поднял голову и посмотрел на Васильку:

— Тебя боялся.

— Ясно, — сказал Василько. — Интересно оборачивается. А тебе Марта говорила, что произошло, пока ты гостил у самбов?

— Да, — сказал Кантегерд. — Только я думаю, ты сам же это и подстроил.

Василько аж дернул головой с досады. Но с толку сбить себя не дал.

— Так вот, я у того пса зуб выбил. Он у меня здесь, за поясом. Можешь посмотреть.

Кантегерд повел головой, витинг влез Васильке за пояс, вытащил клык и передал князю. Он повертел его в руке.

— Собачий.

Василько кивнул:

— Левый, верхний. У Дитриха его тоже нет.

Кантегерд поднял голову.

— Ну и что? У всех детей падают зубы в этом возрасте.

«Что бы я ни сказал сейчас, Кантегерд не поверит», — подумал Василько, но попробовал зайти с другой стороны:

— Вспомни, я сам тебе привез его...

— Хватит! — сказал Кантегерд. — Я всегда считал тебя честным воином. Противно смотреть, как ты изворачиваешься.

«Он ничего не слышит», — подумал Василько.

— Утром тебя казнят, — добавил Кантегерд. — Мы похороним тебя по-христиански. Я вызову брата Петера. Ты умрешь, как рыцарь, и никто не узнает о том, что ты натворил. Это все, что я могу для тебя сделать.

Васильке почему-то стало очень жаль Кантегерда. Он вдруг увидел, как тот постарел за этот день.

— Ты думаешь, если б я хотел княжить в твоём племени, то вытаскивал бы тебя из-под ножа вайделота?

Кантегерд встал и махнул рукой.

— Тут тебе мои витинги помешали. Мне говорили, что ты будто бы сам собирался меня отбить. Если б мои витинги не...

— Твои витинги? — перебил его Василько. — Смотри, княже!

Он ударил державшего факел ногой в пах и, когда тот, охнув, согнулся, другой ногой — в висок. Князь выхватил нож, но он тут же был выбит из его руки, и сам он, через мгновение, кувыркнувшись через Васильку, оказался лежащим на полу. Василько сидел верхом на груди князя, а его колено давило Кантегерду на горло. Упавший факел судорожно вспыхнул и погас. Князь хотел крикнуть, но не смог, только хватал ртом воздух. Руки его были под Василькой. Он понял, что еще чуть-чуть — и умрет. Но Василько ослабил нажим.

— Ты видишь, князь, — сказал Василько. — Если бы мне понадобилось, я мог бы тысячу раз тебя убить. Но я уже понял, что доказывать тебе сейчас что-либо не имеет смысла. Поэтому, я отпущу твои руки, а ты снимешь с меня веревку. Потом я скажу, что нужно делать. Если ты не натворишь глупостей, я не причиню тебе вреда.

Он приподнялся, и Кантегерд, на ощупь отыскивая концы, развязал ему руки. Василько отпустил его и исчез в темноте. Кантегерд встал на ноги. Внезапно он почувствовал, что ему стало гораздо легче, чем было до сих пор. Он будто вышел из тумана на берег, к чистой воде. Так было, когда он пришел в Самбию и увидел море. Вместе с тем появилось осознание того, что он только что совершил какую-то роковую ошибку, за которую после придется жестоко заплатить. И если б знать — какую? — то ее можно бы тут же исправить. Но в голове была мешанина, в которой он не мог разобраться.

— Послушай, — сказал он в темноту.

— Нет, — перебил его голос Васильки. — Я тебя уже выслушал. Теперь ты меня будешь слушать. У меня в руках меч, и ты знаешь, что это значит. Если не хочешь лишиться своих витингов, ты их сейчас отошлешь.

Кантегерд подошел к двери, открыл ее и приказал ятвягам разойтись.

— У тебя все в порядке, светлый князь? — спросил один из них, вглядываясь в свете факела в Кантегерда.

Приказ казался странным, и он надеялся увидеть какой-то жест или знак о том, чтобы быть начеку. Но и лицо, и голос князя были спокойны, и даже казалось, он доволен чем-то.

— Да, — сказал он. — Теперь я могу без вас обойтись.

Оглядываясь, витинги ушли.

— Ну? — спросил Кантегерд, повернувшись лицом к темному проему.

— Что дальше?

— Пойдем к моим рыцарям. После ты расплатишься с нами, и мы мирно уйдем. Если кто из них захочет остаться у тебя на службе, я не стану возражать. За раненым татаринотом кто-нибудь из нас придет позже.

Наемники не очень удивились, видя, чем окончились переговоры Кантегерда с Василькой. Любой из них мог бы проделать то же самое, если б понадобилось. Они дали запереть себя в палатах, где жили, потому что видели бредовость княжеских обвинений и надеялись, что это быстро выяснится. Большая беда ждала бы ятвягов утром, когда б наемники узнали, что Кантегерд собирается расправиться с Василькой.

Двое из них сопровождали князя за жалованьем.

После, уже устроившись в седле и упрятав за пазуху свой мешочек с брактеатами, динариями и солидами,¹¹⁴ Василько сказал Кантегерду:

— Мне жаль тебя, князь. Я не убивал Генриха. Но твое княжество, действительно, коекому очень нужно.

Василько подумал, что-то прикидывая в уме, потом добавил:

— У тебя есть две недели. И если за это время ты не разберешься с тем, что у тебя тут творится, я начинаю собственную охоту.

«А вернее, продолжу охоту князя Ванграпа», — подумал он, но вслух ничего не сказал, прищипорил коня.

Они уходили на юг. Князь Кантегерд стоял и смотрел вслед. Вместе с ним стояли дозорные витинги. В тот день, когда выяснилось, что самбы пленили князя ятвягов, Василько распорядился возобновить охрану стен и ворот деревни.

— Прикажи, князь, и мы их догоним, — сказал один из витингов.

Кантегерд повернулся и пошел к дому.

Вместе с прекращением службы на ятвягов Василько перестал быть начальником своим рыцарям. Народ это был разноплеменный и разновозрастный, и чаяния у них были разные. Кто-то хотел уже покоя и почета. И того и другого можно было добиться на службе у Ордена. Кто-то собирался к ливонцам — менее строгое соблюдение ими уставов давало возможность быстрого обогащения и получения титула и вотчины. Кто-то думал податься к ляхам. Большинство приступило к Васильке с просьбой не распускать дружину, а податься куда-нибудь всем вместе. За годы они притерлись друг к другу и в бою действовали, как единый организм, что увеличивало шансы на выживание каждого.

Но Василько не хотел втягивать их в собственную войну, да и неразумно гоняться за собакой целой дружиной. К тому же неизвестно было, что дадут эти две недели, выделенные им Кантегерду. Уговорились через месяц встретиться в Кенигсберге. Там все и решить. Все равно нужно время, чтобы оглядеться, послушать, что говорят в трактирах.

Расстались у стен Гермау. Рыцари поначалу хотели переночевать в замке, но решили, что если поторопятся, то к утру уже будут в Кёнигсберге.

Василько направился к воротам.

Кантегерд вернулся домой и лег спать. Перед этим он еще пытался разобраться в кутерьме, которая закружилась вокруг его племени: «Что там говорил Василько насчет того, что кому-то очень нужно мое княжение?..» — но голова была тяжелой, в ней мелькали

¹¹⁴ Монеты разного достоинства, ходившие в Орденской Пруссии.

обрывки фраз, смутные образы — все это болью отдавалось в затылке и гулом в ушах. Он присел на лавку, чтобы попробовать хоть что-то понять в том, что происходит, но завалился на нее и уснул. Спал недолго, а проснувшись, сел и уставился на растрескавшийся сучок, чернеющий в бревне стены.

Позвал раба-литовца, послал его за витингом, которого все звали Ангрис — Уж. У него было и два других имени. Одно — то, что ему дали при рождении, и второе — христианское, но их давно уже все забыли. Ужом его звали за выдающиеся способности лазутчика. Считалось, что он может влезть в любую щель и спрятаться даже в скудных пучках травы на склонах голых дюн. Кроме того, он, как и все лазутчики, умел бесшумно подкрадываться к дозорным и убивать их так, что те при этом не издавали и вдоха. Ему Кантегерд и поручил догнать и убить Васильку.

— Не доезжая Гирмовы, с левой стороны от дороги есть заброшенная деревня самбов. Василько должен быть там.

— Он один? — спросил Ангрис.

— Один.

— Могу я взять с собой еще кого-нибудь?

— Нет. Об этом никто не должен знать.

Ангрису не понравилось задание. Оно принесло бы ему большую славу в случае удачи, однако риск был слишком велик. Он привык рисковать — это была его работа, его жизнь, к которой его готовили с младенчества. Однако в этом случае почти не было шансов. Но даже не это тревожило искуснейшего из ятвяжских шпионов. Не само задание, а то, как об этом говорил князь. Взгляд его неподвижно упирался в стену, казалось, что он говорит во сне. Но речь его была связной и осмысленной.

Кантегерд замолчал, и Ангрис подождал немного, думая, что князь что-то еще добавит, но тот повалился боком на лавку и уснул.

Ангрису очень не нравилось это поручение, но как бы там ни было, его нужно было выполнять, и он отправился в сторону Гирмовы. Назад, в ятвяжскую деревню у часовни Святого Креста, он никогда уже не вернется. А Кантегерд хватился его только через несколько дней и был сильно удивлен, услышав о том, что он сам как-то ночью куда-то его отправил. Князь сначала не поверил этому, но когда его раб — старый литовец, которому он бесконечно доверял, подтвердил слова дозорных витингов, выпустивших Ангриса через южные ворота, князь попытался вспомнить, что же произошло в ту ночь и куда он мог послать своего лучшего лазутчика. Однако все попытки обрывались жгучей головной болью и гулом в ушах, что само по себе о чем-то напоминало... но о чем?

Но это было после. А пока Ангрис гнал своего коня на юг, к Гирмове. Сверяпис бежал легкой рысью, и его копыта, обутое в мягкие кожаные чехлы, неслышно ступали на песок древней витландской дороги.

В это самое время в замке Гирмова Василько заканчивал беседу с наставником часовни Святого Креста, братом-духовником Петером. Разговор был странным. Они оба будто играли в прятки. Василько видел, что Петера мучают какие-то догадки, но он не хочет понапрасну высказывать их. Василько тоже осторожничал, окольными путями выведывая все, что тот мог знать о семье Кантегерда. В конце концов Васильке надоела эта игра, и он прямо сказал Петеру, что слишком много нечистого в последнее время происходит в деревне и около нее. Появился оборотень, убит малолетний княжич, волколак напал на княжну, а сам князь явно не в себе и находится под чьим-то сильным влиянием. Он не сказал, что приемыш Кантегерда — главное лицо в этой истории, но заметил, что при упоминании о нем брат Петер напрягается и кладет на себя крестное знамение, стараясь, чтоб Василько этого не заметил.

— Я не требую, чтобы ты нарушил тайну исповеди, — резко сказал Василько. — Но если ты что-то знаешь, должен мне об этом сказать.

В ответ Петер, перебирая четки, стал мямлить, что он всего лишь ничтожный червь, служитель Церкви Христовой, что так же слаб, как и все овцы стада Божьего, что иногда ему

тоже кажется, ибо суеверием полны не только простые люди... Василько стал злиться.

— Не тяни, брат Петер! Что тебе показалось?

— Пассон князя — Дитрих — не по годам умен... И мудрость эта — не от Бога.

Петер поднял глаза от четок и посмотрел, не смеется ли над его словами Василько.

— Да простит меня Господь за мои сомнения, ибо сказано, что младенцы... В этом ребенке нет любви. Глаза и сердце его полны ненависти.

Петер еще ниже склонился и зажевал губами.

— Это все твои сомнения? — спросил Василько.

Петер мотнул головой, как лошадь, и быстро заговорил:

— Однажды мне показалось, что мальчик избегает принимать причастие. То есть он касается губами чаши, но не глотает из нее ни капли. Я стал приглядываться и понял, что действительно подношу чашу к плотно сжатому рту. Я ласково обратился к нему... В глазах его было столько злобы...

— Он отпил?

Петер пожал плечами.

— Не знаю, но он разомкнул губы. И вино в чаше стало густым и темным...

Петер умолк.

— Кровь? — спросил Василько.

— Мне показалось...

— Это была кровь?

Петер кивнул. Потом сказал:

— Ты говорил о собаке. В тот день какая-то рыжая собака сопровождала меня от самой деревни, почти до замка. Она не лаяла и не нагоняла мою подводу, но и не отставала. И в ней было столько угрозы, что я погонял лошадь без передыху.

Петер помолчал, потом вдруг несколько раз перекрестил Васильку.

— Храни тебя Бог в твоём нелегком труде! — сказал он. — Я буду молиться за тебя.

Он повернулся и быстро зашагал к замковой капелле.

Василько почему-то был разочарован. Ему самому неясно было, чего он хотел от монаха. Наверное, не подсказку, каким способом уничтожить оборотня, но все же что-то около этого. Может быть, совет. Но теперь, по крайней мере, он знал, что не одинок в своих догадках. Уже легче.

Небо на востоке белело. Холм старой засеки самбров темнел на нем шишкой, торчащей из земли. Василько обогнул его, пересек небольшой участок леса и увидел развалины деревни, в которой когда-то подобрал младенца. Он не знал толком, зачем поехал сюда, но, увидев среди полуразвалившихся срубов, заросших молодыми дубами и вязами, целый, незаметный в зарослях домик, понял, что не зря его так тянуло в это место.

Василько придержал дыхание, легонько поглаживая лошадиную морду. Лошадь тоже замерла. Он прислушался. Утро было тихим, безветренным. Дневные птицы еще не проснулись, а ночные уже попрятались. Казалось, можно услышать, как лезет из земли свернутый в кулачок лист папоротника. Убедившись, что поблизости нет ни живой Души, Василько беззвучно прыгнул с седла и опять застыл.

Так, замирая на каждом шагу, он дошел до домика, рывком распахнул дверь, висевшую на кожаных навесах, и отпрянул, вглядываясь в сумрак помещения. Он уже не раз благодарил Господа за бесшумные кусочки кожи, заменявшие пруссам скрипучие петли христиан.

В доме никого не было. Василько это чувствовал. Он вообще привык больше доверять своим инстинктам, чем разуму. Прислушиваясь, он больше слушал себя, чем то, что происходит окрест. Если все внутри него говорило за то, что в доме никого нет, значит, так оно и было. И все-таки что-то было не так. Где-то тихо и тревожно звенело, как жила на гуслях, тронутая порывом ветра. Причем этот звон сбивал с толку, потому что раздавался не с той стороны, откуда его можно было ждать.

Он попробовал раствориться в доме, обшаривая мысленно его углы. Там было

неуютно, нечисто, но пусто. Он даже представил, как лезет рукой в очаг. Пепел был еле теплый — еще вчера здесь готовили еду.

Василько стал медленно поворачиваться, обегая взглядом каждый распускающийся, в складках, листок лещины, каждую головку прошлогодней тимофеевки. Все было безмятежно, и все-таки не так, как тогда, когда он спрыгнул с коня. И тут он понял — слишком тихо. Паук в беге поднял лапу, но так и не поставил ее на жухлый лист. Мышь, собравшаяся на охоту, притаилась под корнем. Папоротник насторожился и остановил свой рост. В лесу был источник агрессии, и он почувствовал это раньше, чем Василько, и напрягся в ожидании, не зная, куда она направлена. А Василько, утопив в темноте дома свое чутье, обнажил спину. Он резко обернулся, и нож, направленный снизу в его почку, скользнул по хребту и вошел между ребер, гораздо выше и левее, чем требовалось для мгновенной смерти.

Ангрис так и не понял, что произошло. С ударом ножа заканчивалась его работа. Посылая лезвие в точно рассчитанное место, можно прекращать охоту и расслабиться. Нож заканчивает то, что лазутчик готовит сутками. И вдруг что-то твердое уперлось ему в подбородок, обхватило тисками голову, резко дернуло ее в сторону и вспыхнуло темнотой. Хруста шейных позвонков он уже не слышал.

Василько отпустил ятвяга и хотел посторониться, освобождая место для его падения, но почувствовал, что ноги не подчиняются. Боль начиналась с поясницы и поднималась вверх, раздирая грудную клетку. Он завел руку назад и ощупал рукоятку ножа. Понять, какие органы задеты, мешала страшная боль. Его мутило. Лес перед глазами начал дрожать.

И тут он увидел их. Обоих. Рыжий пес и черная старуха с топором стояли всего в пяти шагах. «Мерещится, — подумал он. — Все — как тогда». Но другой голос, голос воина, зло проговорил: «Только бы не упасть. Черт с ним, с ножом в ребрах! Только бы ноги напоследок не подвели».

Они стояли, выжидая.

Василько готов был рухнуть и завывать от жуткой боли, рвущей его торс на части, но воин холодно просчитывал: «Из-за ножа в спине я не смогу дотянуться к сапогу за кинжалом, а из-за слабости в ногах мне не управиться с мечом... Только бы ноги не подвели!»

Василько закинул руку за спину и взялся за рукоятку. Она была не скользкой. «Хоть это отрадно», — сказал воин.

Пес не выдержал и прыгнул, метя в горло. Но Василько отшатнулся, и тот вцепился ему в плечо, всей тяжестью заваливая Васильку набок. Нож не хотел выходить, но, уже падая, Васильке удалось-таки выдернуть его, и он ударил пса, понимая, что удара не получилось, — силы слишком быстро покидали его. Но пес завизжал, отскочил в сторону и завертелся на месте, пытаясь достать языком рану на плече.

Василько лежал на боку и смотрел, как, взмахнув топором, медленно идет к нему косматая черная ведьма. И опять ему казалось, что все это мерещится и сейчас подоспеют Борис и Путша, и они засунут пса в мешок и снесут князю Ванграпу. Где-то тут должен быть младенец... Он, Василько, напоит его козьим молоком и отвезет ятвягам. А! Вот и Путша! Он бьет старуху мечом поперек ее тощего живота, и та переламывается, роняя топор, беззвучно открыв безязыкий рот и тараща глаза на Марту. При чем тут Марта?

И лес, и Марта, и сложившаяся пополам старуха — все зыбко, все плывет.

Марта... Ее лицо заслоняет от Васильки ясное утреннее небо. Прусское небо. Обычно серое и низкое, в это утро оно странно светящееся и синее.

— Где рана? — спрашивает Марта. — Где у тебя рана?

Марта... Ему вдруг приходит в голову, что он мог бы ее любить. Или любил?

«Молчи, — слабо возражает в нем воин. — Воин не должен любить».

— Пес, — говорит Василько, не слыша самого себя. — Где пес?

Марта, наверное, тоже не слышит, потому что вглядывается ему в губы. Но она поняла.

— Не знаю, — сказала она. — Убежал. Где у тебя рана?

— Жаль...

— Чего жаль? — спросила Марта и вдруг поняла, что Василько уже не может ей ответить, и это почему-то удивляет ее.

— Как же так? — бормочет она. — Как же так?!

Потом она пытается взвалить его на лошадь, но он оказывается слишком тяжелым даже для такой сильной девушки. И тогда она из его плаща и нескольких жердей сооружает волокушу, крепит ее к упряжи и, погоняя лошадь к замку, все приговаривает:

— Как же так? Ну, как же это так?

Глава 21

Сутки Василько лежал без чувств. Потом пришел в себя, но взгляд его был мутен, и заметно было, что он плохо осознает окружающее. Вскоре опять впал в беспамятство, а к вечеру у него началась горячка.

Брат Петер все это время усердно молился, не забывая, однако, поглядывать за котелками в камине, в которых булькали отвары — для примочек, для вытяжки заразы из раны, для питья. Последний они с Мартой насильно, разжимая Васильке зубы ножом, вливали ему в рот через равные промежутки времени, когда из верхней колбочки часов просыпался в нижнюю весь песок.

К утру лихорадка раскалила Васильку до того, что он стал метаться, выкрикивая слова на непонятном ни Марте, ни Петеру языке. Они привязали его к лавке, чтобы он не разбередил себе рану. Брат Петер влил ему в рот несколько капель маковой настойки и, упав на колени перед распятием, горячо помолился.

— Ну вот, — сказал он потом Марте. — Теперь вся надежда только на Бога. Доживет до утра — выкарабкается. Нет — нам останется утешать себя тем, что он умер, как рыцарь — во славу Христовой церкви, с мечом в руках.

Марта посмотрела на распятие, потом перевела взгляд в угол, где освещенное красноватым светом лампы мерцало неземное кроткое лицо матери того, кто, как ей говорили, принес себя в жертву ради спасения всех людей. Заплакала и, опустившись на колени, впервые искренне, всем существом своим, взмолилась к ней:

— Матерь божия! Мне от тебя ничего не нужно. Молю тебя ни за брата, ни за отца, ни за суженого...

Брат Петер, потоптавшись, вышел во двор хохбурга.¹¹⁵

Когда он пришел, Марта уже спала, свернувшись клубком под иконой.

Спустя неделю Василько спустил ноги с лавки и попытался встать, но тут же сел, судорожно стиснув зубы. Посидел, тяжело дыша, и потребовал меч. Марта, не зная, как себя вести, посмотрела на Петера, но тот пожал плечами.

— Меч! — резко сказал Василько, и она не посмела ему перечить — подала.

Василько вытащил его из ножен и покачал сначала в одной руке, потом в другой, будто взвешивая, и вдруг стал быстро вращать им, перекидывая из стороны в сторону. Лицо его побелело и покрылось испариной, но руки казались такими же ловкими, как всегда. И только когда он закончил упражнения и аккуратно сунул меч в ножны, Марта увидела, как дрожат его пальцы. Молча Василько выпил поданный Петером отвар, повалился на лавку и тут же уснул. А как только открыл глаза, снова потребовал меч.

С этого дня Василько упражнялся с мечом по несколько раз в день — в те минуты, когда не спал. Минуты эти становились все длиннее, и постепенно он стал вставать на ноги, а вскоре смог и выходить. Сначала во внутренний двор, а затем дальше, через мост, во двор форбурга. Как-то само собой получилось, что Марта, поначалу помогавшая Васильке в передвижениях по замку, стала исполнять роль партнера в Василькиных занятиях. Затем и сама в них втянулась. Нападая порой на него с тяжелой ясеновой дубиной вместо меча, даже

¹¹⁵ Хохбург — собственно замок, в отличие от форбурга — предзамкового укрепления.

забывала о том, что в спине Васильки еще не затянулась рана. Опасения, что братья Ордена поднимут ее на смех, развеялись, когда Петер сказал, что многие из сестер, да и поселенки, владеют оружием наравне с мужчинами. И она начала всерьез обучаться технике боя.

В один из дней — это было на рассвете воскресенья, когда Василько ставил Марте боковой удар мечом — к ним подошел Петер. Постоял в сторонке, глядя, как Марта машет палкой, потом неуверенно начал:

— Сегодня все порядочные христиане посвящают себя молитвам...

— Не человек для субботы, но суббота для человека, — сказал Василько, отбиваясь от Марты. — Нога!

— Что? — спросил Петер.

— Дура! — сказал Василько. — Ну, хорошо, не понимаешь словами, тогда объясню по-другому.

В очередной раз, когда Марта направила свою палку поперек живота Васильке, он отступил, одновременно помогая дубиной пройти «мечу» Марты мимо него, и, когда она провалилась вправо и одна ее нога оторвалась от земли, Василько подсек другую, и Марта неуклюже, грузно шлепнулась в пыль. Петер решил, что она сильно ударилась грудиной, потому что видел, как зашлось ее дыхание и скривилось лицо от боли. Вдобавок к этому Василько ткнул ее палкой в живот.

— Я повторяю в последний раз, — сказал он. — Ноги не должны отрывать от земли. Они должны цепляться за нее. Ты можешь вертеть чем угодно, только не задницей!

— Я сейчас еду в Хайлиген Кройц,¹¹⁶ — напомнил о себе Петер.

— Я знаю. Я ждал тебя. Спроси у князя, помнит ли он, что кончается вторая неделя?

— Хорошо.

Петер посмотрел на Марту. Та, тихо постанывая, поднималась из пыли. Вообще-то Петер пришел ради нее. Он думал, что ей захочется передать что-нибудь отцу. Но Марта молчала. Она встала и, крепко упершись расставленными ногами в землю, изготовила свою палку к бою. Она была в грубых прусских мужских шароварах. Длинные волосы убраны в косу, скрытую воротом кольчуги.

Петер пошел запрягать лошадь.

— Ладно, — сказал Василько. — Давай отдохнем. Потом попробуем с мечами.

Марта помогла ему сесте и удобнее прислониться к стене. Под рубахой у Васильки, от поясницы и вокруг груди, были плотно примотаны к телу тонкие липовые плашки, не позволявшие делать лишние движения корпусом и дергать понапрасну рану. Это ему мешало двигаться, но сдерживало боль.

Марта присела рядом на корточки. Ей хотелось прислониться к нему, но она никогда бы этого не сделала. Вот если б он привлек ее... Но он сидел, прикрыв глаза, будто задумавшись. Она знала, что так он старается унять боль. Странно, но когда Василько лежал без сознания, беспомощный, как младенец, то был ей гораздо ближе, чем теперь.

— А твоя земля похожа на нашу? — спросила Марта.

Василько задумался, а потом сказал:

— А где она, моя земля? Отец мой где-то здесь лежит, в Пруссии, а я вспоминаю Псков — храмы белые, златоглавые, как одуванчики на поляне... Все пожгли татары... Все! Будет воспоминаний, — оборвал он. — Давай работать.

Марте показалось настолько странным то, что сказал Василько о своем отце. Она подумала, будто ослышалась, а спросить не решалась. Спросила почему-то о татарах:

— Как же они тебе служат, если твой дом сожгли?

— Да это не те татары. Эти — свои, кыпчаки. Они не меньше нашего от Батыя натерпелись. А ты выбрось все это из головы. Лучше за своими ногами присматривай как следует.

¹¹⁶ Хайлиген Кройц — (ныне п. Красноторовка) центральный поселок владений князя Кантегера.

В этот день брат Петер не вернулся. Но это никого не встревожило. Мало ли какие дела у духовника в деревне — крестины, венчание, работы по часовне. Он мог задержаться на день.

Поутру Василько с Мартой, как обычно, приступили к занятиям во дворе форбурга. Но не успели даже разогреться, как загремели цепи подъемного моста, заскрипели петли ворот, гулко топая, по оборонительной галерее пробежал дозорный.

— Что-то случилось, — сказал Василько. — Пошли, посмотрим.

У Марты отчего-то защемило сердце. Колочая рука схватила его изнутри и сжала. Она хватанула ртом воздух, и рука разжалась, но колочки застряли в груди и жгли углями. Она выпустила воздух, опять вздохнула и пошла за Василькой к лестнице на галерею.

— Дьявол! — вырвалось у Васильки, когда он выглянул в бойницу. Между деревьями леса, на дюнах, в низине у болота — везде были самбы. Их было три или четыре сотни.

Раз в десять больше, чем людей в замке. К мосту через ров скакал всадник, волоча по земле на веревке что-то большое и черное. Не останавливаясь, у моста он развернулся и, на ходу обрубив мечом веревку, умчался, оставив лежать то, что притащил. Василько уже понял, чем был этот предмет, но вслух ничего не сказал. Мост опустился, и по нему выбежали несколько кнехтов. Трое припали на колено, вскинув арбалеты, а остальные положили на носилки того, кто лежал у рва, и все тут же скрылись в воротах. Тяжело хлопнули створки, мост начал подниматься. Марта перебежала на внутреннюю сторону стены и перегнулась через перила ограждения. Василько вглядывался в самбов. Там, среди небольших родовых флагов мелькал широкий кожаный княжеский треугольник, поблескивающий металлом чеканки, но что она изображала, было неясно.

— Это Петер! — крикнула Марта.

— Спускаемся, — сказал Василько. — Помоги мне.

Едва они вышли из-под арки, к ним подбежал кнехт в длинной, до колен, кольчуге и низко надвинутом шлеме с полями.

— Тебя — к фогту, — сказал он Васильке и покосился на Марту.

«Неспроста он так глянул», — подумал Василько, направляясь к воротам хохбурга.

Он прошел мост, пархам¹¹⁷ и встал, упершись взглядом в один из камней, составляющих цоколь флигеля. Валун походил на морду тура. Василько вспомнил, где видел тот флаг. Лет семь или восемь назад пруссы осадили Кёнигсберг, и один из тех, кто заправлял разбоем, был князь натангов Генрих Монтемин. Замок им взять не удалось, но от городка Штайндамм, притулившегося к крепости, остались одни головешки. Многие из тех, с кем пришел Василько в эту страну, остались лежать там, над Преголлой. Монте был из молодых, жадных до власти вождей-предателей. Крестьясь в юности и пройдя обучение грамоте и военному искусству у Ордена, они потом оставляли его, переметнувшись к язычникам. Воевать с ними, зная все приемы боя, какими владели рыцари, было очень трудно. Кроме того, эти вчерашние христиане были необычайно жестоки и кровожадны. Любимым их занятием в свободное от грабежей время было принесение своим, вновь обретенным богам человеческих жертвоприношений. Людей они разделявали, как кроликов, жгли живьем и еще черт знает что с ними вытворяли. Монте перещеголял всех, спалив свою жену, христианку. Прусы называли таких вождей «щенками Кривы».

Фогт, уже облаченный в боевые доспехи, встретил Васильку в трапезной. Молча протянул ему кусок кожи, продырявленный посередине. Буквы, написанные чернилами из бузины, кое-где расплылись и были запятнаны кровью, но надпись читалась.

«Выдайте рутена и Марту Кантегерд, и мы уйдем».

С обратной стороны кожа была покрыта бурым слоем запекшейся крови.

— Это они прикололи ножом на спину брату Петеру, — сказал фогт. — Кто-то из них знаком с латынью.

¹¹⁷ Пархам — внешний двор хохбурга, окружавший его по периметру.

— Там Монте, — сказал Василько. — Я видел его флаг — голову тура.
Фогт выругался.
— Дела хуже, чем я думал. Я послал человека в Лохштедт, но... — фогт развел руками.
Василько знал, что послать человека — только четверть дела. Надо еще, чтобы человек добрался, да чтобы Лохштедт сам не оказался в осаде, да чтобы помощь поспела вовремя.
— Чем ты им не угодил? — спросил фогт.
— Я убил вайделота. Помешал ему заколоть очередную жертву.
— И всего-то? Из-за этого самбы собрали войско? И только из-за вайделота сюда притащился Монте? А эта мерга, как ее? Дочь Кантегерда — она им зачем?
Василько замялся.
— Хорошо, — сказал фогт. — В конце концов, мы не на исповеди. Как ты думаешь, если мы скажем, что тебя здесь нет, они уйдут?
— Нет.
Фогт кивнул:
— Я тоже так считаю. Зачем-то ты им нужен. И они хорошо знают, что ты здесь.
Принесли бумагу и перо. Василько видел, как старательно, непривычной к письму рукой фогт выводит буквы:
«Орден не выдаст христианина, пока хоть один из его братьев сможет держать меч, и тебе, ублюдок, должно быть это известно». И подпись: «Конрад фон Тиренберг».
— Как-то я уже собирался его повесить, но ему удалось бежать, — сказал фогт, оборачивая запиской стрелу. — Итак, — добавил он, передавая стрелу кнехту. — У нас только шесть рыцарей вместе с тобой и четыре десятка кнехтов.
— В замке есть подземный ход? — спросил Василько.
— Конечно, — сказал фогт и заглянул Васильке в глаза.
— Я не знаю, где он, — успокоил Тиренберга Василько. — Но, думаю, что его можно использовать.

Глава 22

Кованая решетка в воротах еще держалась под ударами тарана, но самбы лезли на стены со всех сторон. Площадка между рвом и форбургом кишела ими. Людей, чтобы скинуть все крючья их веревок, не хватало, кипятик давно кончился, и все больше пруссов оказывалось на галерее. Уже на ней шел бой, когда протрубил рог, и защитники форбурга стали отступать к воротам самого замка. Не все они успели к поднятию моста, и Василько, как только захлопнулись ворота пархама, оглядел собравшихся. Пять кнехтов — половина из тех, что были с ним на стенах. И — слава Богу! — среди них он увидел закрытый шлем брата Вернера. Послышался грохот рухнувших ворот и победные крики. Пруссы ворвались во двор форбурга. Вернер уже отдал распоряжения, и кнехты помчались на галерею. Рядом раздался странный, глухой рокот, и Василько не сразу понял, что это смех Вернера из-под шлема.

— А мне сказали, что ты ранен! — смеялся он. — У моего отца есть ветряная мельница. Дай бог, чтобы она махала крыльями так, как ты машешь мечом!

Василько улыбнулся, хотя ему было не до смеха — спина разламывалась, и казалось, что нож, который он вытащил две недели назад, вернулся на свое место. И еще ему мешали дощечки, примотанные покойным Петером к телу. Они натерли кожу, и она под ними саднила. Хотелось снять кольчугу, распороть все повязки, скинуть с себя этот хомут, но он знал, что тогда вообще ничего не сможет делать.

Сверху тихо свистнули. Василько поднял голову и увидел над собой улыбающееся лицо Марты. Она махнула ему рукой и скрылась на галерее.

Вернер, подняв забрало, вглядывался в смотровую щель.

— Что там? — спросил Василько.

— Тащат бревна, чтобы перекинуть через мост!

— В форбурге что?

— Начинается.

Василько отпихнул его от щели и приник к ней сам. Сквозь арку ворот всего двора не было видно, но по клубам дыма и появляющимся иногда языкам пламени можно было предположить, что Марта с кнехтами свое дело сделали — подожгли стрелами с горючей паклей солому и сено, снесенное со всего замка к складам и хозпостройкам форбурга. Деревянные строения должны были уже загореться, и теперь самбам только два пути — назад или в замок. Но замок — не форбург, на его стены можно было влезть только с моста, и тех кнехтов, что поднялись на галерею, должно было хватить, чтобы удерживать пруссов довольно долго.

Самбы пытались перекинуть бревна вместо подъемной части моста, но у них не получалось, пруссы падали под стрелами с галереи один за другим. Перед рвом началась давка. Из форбурга, гонимые жаром огня, на мост лезли все новые и новые витинги, иногда спихивая своих же соплеменников в воду.

— Рог! — закричали на галерее. — Мы слышим рог!

— По коням! — заорал Вернер. — Опускай мост! — и сам же кинулся к воротам.

«Какие, к черту, кони?!» — подумал Василько, отталкивая его от крюка, державшего железное колесо.

— Рано! — крикнул он Вернеру в дыры забрала. — Нужно дать им повернуться к Тиренбергу.

Решетку они не закрывали, чтобы можно было, опустив мост и откинув засовы на воротах, сразу броситься на пруссов, увязших между замком и форбургом.

Уже были слышны крики и звон оружия, и кто-то из самбов еще возился с бревнами, прикрываясь щитом от стрел, но остальные повернули назад, к рыцарям Тиренберга, ударившим им в спину из главных ворот. Василько снял крепление, колесо завертелось, и мост загремел цепями. Вернер уже вытащил засовы и нервно топтался у смотровой щели. Створки не открылись бы, пока мост не опустился. Но вот с гулким стуком мост коснулся своей второй неподъемной половины. Вернер, взревев, распахнул ногой ворота и, выкрикивая что-то на верхненемецком диалекте, побежал к форбургу. Василько старался не отставать, ругая деревянные, мешавшие двигаться.

Места на мосту хватало как раз двоим. Самбы в толпе только мешали друг другу, и Василько с Вернером уверенно прорубались навстречу Тиренбергу, шаг за шагом освобождая мост от пруссов. Так они вошли в арку, но тут застряли. Самбов выталкивал из форбурга огонь и рыцари. Василько с Вернером уже не успевали отбиваться от топорщившейся мечами людской массы в проеме. Постепенно их начали теснить к замку. Поначалу они этого не заметили, но, когда увидели, как падают витинги, пораженные стрелами из арбалетов, поняли, что снова вышли в сектор обстрела с галереи. И с этим ничего нельзя было поделать. Василько почувствовал, что сильно устал. Меч казался ему невероятно тяжелым, руки от него занемели. Боли в спине он уже не чувствовал, она стала негнущейся, деревянной, как привязанные к ней липовые плашки. Вернер работал мечом гораздо проворнее Васильки, но по тому, что он только хрипел, а не кричал, видно было, что тоже стал сдавать. Оба все чаще ошибались, и только узкое пространство моста да арбалетчики на галерее спасали их головы.

— Надо уходить! — крикнул Василько. — Иначе мы втащим их за собой в замок.

— Мы их и так втащим! — рявкнул Вернер. — Не успеем закрыть ворота!

— Я опущу решетку! — крикнул кто-то. Почему-то высоким женским голосом.

«Ах да! Марта!» — вспомнил Василько.

— Уходим! — крикнул Вернер, и оба бросились к пархаму.

Решетка упала вовремя, проскочить ее успели только трое витингов, и рыцари быстро расправились бы с ними, не догадайся кто-то из самбов в момент падения решетки бросить под нее бревно. В образовавшуюся щель высотой в локоть полезли юркие пруссы. Их становилось все больше и больше. В пылу Василько не заметил, как Вернера оттеснили от него, а когда увидел его поодаль, окруженного самбами у стены хохбурга, удивился. Кто-то

прикрывал его сзади вместо Вернера. Он улучил мгновение, чтобы оглянуться, и увидел за собой Марту, размахивающую коротким прусским мечом.

Самбы подняли решетку и теперь шли в пархам лавиной. Василько уже не мог следить за Вернером, его хватало только на то, чтобы отводить град ударов. К счастью, в это время в ворота вломился Тиренберг с двумя рыцарями и кнехтами. Они пробились к Васильке, и он увидел, что правая рука фогта висит плетью.

Пруссы стали отступать, а вскоре подоспели рыцари из Лохштедта, и с их помощью замок, а затем и догорающий форбург были полностью освобождены.

Самбы, как всегда, стояли бы до последнего витинга, если б Монте не увел натангов. Тогда дрогнули и самбы. Остатки их, огрызаясь, попятились в леса. Братья преследовали пруссов до опушки, но под деревья ступить не решились, вернулись в замок.

Василько, чувствуя себя треснувшей доской, шатаясь, бродил по замку, разыскивая Марту. Ее не было ни с живыми, ни с мертвыми. У стены, в куче пруссов, он нашел бездыханного Вернера. Василько помолился за его душу и стал расспрашивать кнехтов, разбирающих трупы: не видел ли кто девицы в мужской одежде? Арбалетчики, бывшие на галерее пархама, сказали, что она дралась вместе с ним, с ним же вышла из замка, но только это они и видели.

Он вернулся в форбург, и там один из рыцарей, прибывших из Лохштедта, сказал, что видел, как прусс, судя по одежде — из знатных, служивших Ордену, что-то говорил женщине в кольчуге, а она, опустив голову, слушала. Потом этот витинг заставил ее сесть к себе на лошадь, и они уехали.

— Куда? — спросил Василько.

— В ту сторону, — рыцарь махнул рукой на северо-восток. — В лес.

— Не по дороге?

— Нет, в лес.

— Давно это было?

— До того, как самбы ушли.

Василько подхватил первую попавшуюся лошадь, попросил кнехта помочь ему взобраться на нее и помчался на Ромову. Почему-то он был уверен, что Марту увезли именно в это дрянное, дьявольское место. До Ромовы было с полмили, и он гнал лошадь, стараясь не обращать внимания на то, что ее галоп причиняет ему дикую боль. Причем, болела не спина, она окостенела, а все внутренности. Казалось, они разом сорвались со своих мест и теперь болтаются в нем, перемешиваясь.

Еще издали Василько заметил дым.

Посреди поляны стояла поленница жертвенного костра, только что кем-то подожженная и не успевшая разгореться. На ней, распластавшись, лицом в серое небо, лежала окутанная дымом Марта. Она была в штанах, но больше на ней ничего не было. Ее белая кожа была в пятнах и разводах.

Василько спрыгнул с лошади, постоял мгновение, чтобы рассеялась темнотой ударившая в глаза боль, сорвал с ближайшего дуба ветку и попробовал тушить огонь. Но сразу понял, что с досками вокруг пояса ему это не удастся — нужно было пригнуться к земле. Он снял кольчугу, нательную рубаху и полоснул ножом по повязке на поясе. Она, гремя деревяшками, упала, и Василько, схватив рубаху, стал забивать ползущие по бревнам языки пламени. Когда до Марты уже можно было добраться, он влез на поленницу и с трудом, с передышками снял девушку с бревен, отнес подальше и положил на траву под дубом. Сердце ее не билось. Да и не могло биться, оно было разрушено широкой раной, и кровь еще сочилась, ручейком огибая высокую грудь. Живот был испещрен колдовскими знаками и рунами жрецов.

Василько тупо смотрел на спокойное лицо, а перед глазами у него возникала, раз за разом, одна и та же сцена — Марта падает в пыль, лицо кривится от боли, а он, Василько, тычет ее палкой в живот... И опять — он бьет ее по ноге, она падает...

Кроме этого он больше ничего не слышал и не видел. А когда почувствовал кого-то

сзади, было уже поздно. Он обернулся и еще успел увидеть странно пустые, бессмысленные глаза Кантегерда и даже отшатнулся в сторону от этого взгляда до того, как топор опустился на его ничем не защищенную ключицу.

Кантегерд сразу ударил и другой раз, и третий, и четвертый... Он рубил и рубил это тело, давно уже переставшее вздрагивать, пока не обессилел и не свалился рядом, в кровавую траву, и не впал в странное оцепенение. Он не спал, но и не бодрствовал. А ему снился кошмар. Будто лежит в луже крови, и кровь эта натекала из сердца его дочери, Марты. И сердце это он сам же и пробил — широким длинным ножом для жертвоприношений.

И все вокруг забрызгано кровью, и кровь эта человека, которого он очень любил и который долгие пять лет служил ему верой и правдой. И человека этого — Великого Воина — он сам же зарубил.

И подошла к нему дева со скорбным лицом, и коснулась его жгучей рукой, и сказала: «Ах, князь, князь, нет тебе прощения...»

Кантегерд в ужасе проснулся, вскочил на ноги и, дико озираясь, вдруг понял, что никакой это не сон! Вот эта кровавая груда — это и есть Василько! И эта девушка с раной в голой груди — его, Кантегерда, дочь!

Князь попятился, где-то внутри него родился вой, он рвался наружу и вырвался страшным звериным криком. Кантегерд побежал к лесу, потом остановился, вернулся и стал шарить руками в траве. Наткнулся на Василькин меч, схватил его за лезвие, не чувствуя, как оно прорезало ладони до костей, приставил острием к груди и, направив рукоятку в землю, рухнул на него всей тяжестью.

Молодой рыжий пес с умными глазами, внимательно наблюдавший за Кантегердом из-за священных дубов Ромовы, дождался, пока князь затихнет, подошел к нему, обнюхал и, убедившись, что тот мертв, упругой ровной рысью убежал в лес.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пес

Глава 1

В трактире кормили олениной. Жесткое крупноволокнистое мясо было к тому же скверно поджарено и почти не поддавалось человеческим зубам. Вуйко отрезал мелкие кусочки и, отправляя их в рот вместе с ломтями сырого лука, старательно разжевывал. Без пива эта еда в пищевод не пролезла бы, и он почти не отрывался от кружки.

Хорват сидел за углом огромного камина, сложенного из местного колотого валуна, ближе к выходу на задний двор. Это место он облюбовал еще десять дней назад — сразу, как только они прибыли в Штайндамм.¹¹⁸ Из двери дуло свежим ветром, отдававшим навозом, прошлогодним сеном и свежеспаханной землей с огородов. Он был куда приятнее, чем спертый и тугой воздух трактирного зала, провонявшегося жующей, потеющей, срыгивающей людской толпой, прогорклым жиром и годами не просыхающей стойкой буфета.

Со своего места Вуйко видел только часть зала, и потому не мог заметить, когда в трактир вошел маленький сухой кривоногий человек с круглым лицом и слегка раскосыми глазами. Хорват услышал резкие голоса, выдававшие пьяную жажду потасовки. Поначалу он не обратил на это внимания, но крик: «Я сейчас научу тебя вежливости, косоглазая рожа!» заставил его наклониться в сторону и, высунувшись из-за камина, посмотреть в направлении входа.

Толстый безбородый кнехт, походивший на беременную бабу, теснил животом

¹¹⁸ Штайндамм — первое поселение у замка Кёнигсберг, позже ставшее районом города.

невысокого татарина. Тот, не обращая внимания на кнехта, щурил свои и без того узкие глаза, вглядываясь в сумрак трактира. Кнехт, еще больше распалившийся от того, что его крики не напугали татарина, схватил его за шею и, тряхнув тщедушное тело, занес кулак для удара. Тут татарин, словно проснувшись, вывернулся, нырнул под руку кнехта и, оказавшись у него за спиной, подпрыгнул, как кузнецик, и обеими ногами ударил кнехта в поясницу. Тот, закинув голову назад, громко длинно ёкнул и рухнул на загаженный курами глиняный пол трактира. Вуйко, хмыкнув, перескочил через стол и в два прыжка очутился возле татарина, оказавшись там на мгновение раньше, чем три приятеля кнехта, бросившиеся на выручку. Одного, ближайшего, хорват ударом ноги в грудь сразу отправил под столы, а два других, ткнувшись взглядами в длинные боевые ножи в руках у Вуйко и татарина, сразу обмякли, признав наемников.

— Эй, ребята! — крикнул, подходя, высокий монах в белом плаще поверх кольчуги. — Руки чешутся? Не хватало, чтобы мы друг друга начали косить.

Мигом оценив обстановку, он повернулся к кнехтам:

— Повоевать захотелось? Ландмайстер собирает экспедицию в Натанген. Устроить?

Кнехты подхватили стонущего толстяка и молча убрались из трактира.

Рыцарь покосился на Вуйко и спросил:

— Охота тебе связываться со всякой рванью?

Хорват, не ответив, сунул кинжал в ножны и направился к своему столу. Татарин засеменил за ним.

— Есть хочешь? — спросил Вуйко, когда они уселись.

Татарин виновато улыбнулся и пожал плечами.

— А, черт! Я и забыл, что ты не понимаешь по-немецки, — сказал хорват и перешел на русский: — Я спрашиваю: ты голоден? Взять тебе оленины? В этом дерьмовом кабаке ничего другого не подают.

— Оленина — хорошо, — радостно закивал бритой головой татарин. Он уже снял свою лисью шапку.

«Василькина школа», — усмехнулся про себя хорват. Много здоровья тот потратил, чтобы заставить татар снимать головные уборы за столом.

Вуйко жестом позвал хозяина — старого хромого шваба, про которого говорили, что он пришел в Пруссию еще с Германом Залца и якобы с тех времен у него завелось золотишко, на которое он и построил трактир. Этот был уже вторым. Первый почти на том же месте сгорел дотла вместе со всем Штайндаммом во время осады Кёнигсберга самбами десять лет назад.

Татарин насыщался, чавкая и цокая языком от удовольствия. Татары любили дичь. Хорват же, глядя на него, тосковал по домашней свинине в винном соусе — блюде, о котором местный грубый народ и не подозревал. Вепрь, даже вымоченный в пиве, не мог заменить свинью. Впрочем, и пиво, сколько бы его ни было, не заменяло и глотка красного вина.

Татарин рыгнул и отправился во двор. Далеко он отходить не стал. Помочился тут же на стену трактира. Потом оторвал ветку у молодого клена и, расщепляя ее заскорузлыми серыми ногтями, вернулся.

— Ну? — спросил Вуйко. — Какие новости?

Тот перестал ковырять в зубах, вытащил изо рта обломок ветки и сморщил старушечье лицо. Напоминание о новостях явно испортило ему впечатление от ужина. Вуйко напрягся.

— Что-нибудь с Василькой?

— Нету больше Васильки, — сказал татарин и вдруг заплакал. Лицо его при этом не изменило выражения, но из угла узкого темно-зеленого глаза выкатилась слеза.

Татарин, кивая почему-то головой, как лошадь, быстро заговорил. Он был из западных кыпчаков — то ли берендей, то ли полочанин; Вуйко с трудом разбирал диалект, на который тот сбился второпях, но главное — про штурм Гирмовы Монтемином и про то, что кто-то убил Васильку и Марту — понял. А князь Кантегерд от такого зрелища одел себя на меч. На

Кантегерда и ятвягов хорвату было наплевать, но вот за Васильку кто-то должен ответить. Только кто?

— А ты куда смотрел, паршивец? Я тебя зачем туда посылал? — рявкнул Вуйко на татарина в сердцах.

— Моя не успел, — испугался татарин. — Моя пришел, в Гирмове уже много самбов было, и натангов много. Моя не пошел в Гирмову. Моя не смог.

«Я виноват, — подумал Вуйко. — Надо было сразу послать татарина, как только выяснилось, что в Гирмове есть раненый русский. А я чего-то ждал, не верил, что рутен в замке — это Василько. Да что там татарин, надо было всем идти. Пропали парня...»

— Ладно, — сказал он. — Разберемся. Ты побудь тут, а я пока гляну, кто из наших остался. Скоро вернусь.

Татарин прилег на настеленную в углу трактира свежую ячменную солому, а Вуйко позвал старика шваба, расплатился с ним за ужин и наказал:

— За татарина головой отвечаешь. Случится с ним что, ты меня знаешь, вырежу все твоё гнездо.

Шваб успокаивающе махнул рукой и, хромя, понес жбан с пивом на стол, только что занятый компанией плотников, зашедших расслабиться после работы в замке.

Смеркалось. От болотистого устья Прегеля тянуло холодной сыростью. Вуйко отвязал жеребца, снял с его морды мешок с овсом, подтянул упряжь и запрыгнул в седло.

К трактиру он вернулся уже поздно, когда тоненький месяц, преодолев робость, поднялся высоко над Пруссией и там, в небе, замер, прислушиваясь к состязанию сотен соловьев, выщелкивающих свои песни назло войне.

Прислушался к ним и Вуйко, поглаживая коня.

Слушал их сквозь сон татарин, которому снились необъятные степи и сестры, зарубленные Батыем.

В Диком лесу Генрих Монте, обходя дозоры, остановился, прислонился к липе и затих, внимая соловьям.

Монахи-рыцари прерывали молитвы и, затаив дыхание, вслушивались в песню птичьей любви, долетавшую к ним сквозь бойницы келий.

Господь радовался творению рук своих.

Только молодой рыжий пес, не обращая внимания на трели, бежал, не зная устали, вдоль реки к одному ему известному месту, где должны были сойтись надежды пруссов.

Пес торопился. Он знал, что Монте идет сейчас на Бальгу, а после того, как разгромит замок, вернется в девственную Надровию — землю, где крестоносцы пока не чувствовали себя хозяевами. Придя туда, он должен найти там Криву и новую Ромову во всем ее ужасном великолепии — с вечнозелеными дубами и папоротниками, с жертвенными камнями. Ручьи христианской крови освятят возрожденную столицу старой религии, и древние боги пруссов помогут вернуть былые порядок и величие народа воинов.

Глава 2

Изо всей Василькиной дружины в Кёнигсберге задержалось только шестеро — хорват Вуйко, татарин, которого все почему-то звали Вислоухим, хотя его уши ничем не отличались от ушей других людей, самб-христианин Альберт, еще в детстве получивший кличку Ядейка¹¹⁹ за отчаянную храбрость и талант к рукопашному бою, длинный и худой, словно оглобля, венгр Дьюла и братья-поморяне из Дантека — Болеслав и Войтек, прозванный ятвягами Меданис¹²⁰ за умение ставить силки и ловушки. Все они собрались к утру в

¹¹⁹ Ядейка — «драчун» (прусск.).

¹²⁰ Меданис — «зверолов» (прусск.).

штайндаммском трактире у старого шваба.

Едва рассвело, Вуйко отправился в замок. Ландмайстер примет его, он был уверен в этом. Так и случилось. Гитрих фон Гаттерслебен молча выслушал рассказ Вуйко о событиях в Хайлигенкройц и Гирмове. Когда тот закончил, ландмайстер повернулся к стоявшему за его креслом невысокому плотному монаху и спросил:

— Что ты об этом думаешь, брат Конрад?

«Фон Тиренберг», — догадался Вуйко.

— Я не очень верю в оборотней, хотя и повидал немало удивительного в этой стране, — сказал монах. — Но должен признать, что все рассказанное похоже на правду. Я видел изрубленного наемника, — он перекрестился. — Славный был рыцарь. Он был твоим начальником?

— Он был мне как брат.

— Понимаю. Так что же ты хочешь? Убийца твоего соратника мертв, я сам распорядился отдать тела князя Кантегерда и его дочери явтягам. Разве дело на этом не кончается? Или тебе хотелось бы, чтобы братья Ордена по твоей прихоти начали охоту за несуществующим упырем?

— Я тоже не верил в чудеса этой земли, пока своими глазами не увидел компанию барстуков, гонявших по полю зайца. И теперь мне не кажутся выдумкой рассказы о том, как вайделоты превращаются в диких зверей, — упрямо сказал Вуйко.

— Прекратим этот спор, — сказал ландмайстер. — Говори, что тебе нужно?

— Монте.

— Монте? — удивился фон Гаттерслебен. — Ты думаешь, он заварил всю эту кашу? Что ж, по крайней мере, это на него похоже.

— У меня пять человек, — сказал Вуйко. — Никто из них не знает страха, и все они с детства владеют любым видом оружия. Если Орден позволит, через неделю я принесу вам голову этого ублюдка.

— Глупости! Генрих Монтемин приговорен к повешению самим гроссмейстером, властью, данной ему от Бога и его наместника на земле — Папы Климентия IV, — сказал фон Гаттерслебен. — Он должен быть изловлен и казнен по закону. Мы не можем уподобляться в нравах язычникам и действовать, как разбойники.

— Разумеется, — сказал Конрад фон Тиренберг. — Вы, как всегда, правы, брат Гитрих. Однако я думаю, не в нашей власти запретить этому человеку путешествовать по Пруссии. Он ведь не член Ордена и может ехать, куда ему вздумается.

— Действительно, — оживился ландмайстер. — А если путешественник случайно забредет в район речки Ауксины¹²¹ и там случайно наткнется на лагерь какого-нибудь прусского вождя, то только одному Господу известно, чем эта встреча может закончиться.

— Всегда завидовал беспечным путешественникам, — вздохнул фон Тиренберг.

Вуйко поклонился ландмайстеру, кивнул фон Тиренбергу и направился к выходу из зала.

— Куда же вы? — догнал его голос ландмайстера.

— Готовиться к путешествию. Очень хочется посмотреть речку Ауксину.

— Сегодня ночью, — сказал фон Тиренберг, — из Бихау пришло сообщение, что большой отряд натангов, обойдя замок, прошел мимо него на запад. Мы думаем, что Монте нужна Бальга. Со дня на день должен прийти караван судов из Венеции. Захватив Бальгу, Монте сможет контролировать вход в залив.

— Вы считаете, что Монте решится на штурм комтурского замка?

— А у него нет другого выхода, — сказал ландмайстер. — Ему позарез нужны эти суда. Двадцать четыре рода вармов запросили мира, у самбов почти не осталось воинов, да и натанги устали воевать и уже бегут от него. В последнее время Монте приходится нанимать

¹²¹ Ауксина — ныне р. Голубая. Лагерь Монтемина был в месте впадения Ауксины в Преголлу.

литовцев, а для этого требуются средства. Вот он и вышел из Дикого леса.

— А что же он делал на полуострове?

— Не знаю, — сказал фон Тиренберг. — Это и для нас загадка. Может, хотел пополнить свой отряд самбами, а может, ему что-то понадобилось на Ромове. Разве христианину дано знать, что придет в голову язычнику?

— Значит, путешествие откладывается, — задумчиво сказал Вуйко.

— Это уж как вам угодно... — ответил ландмайстер.

— А может, вам с друзьями начать с прогулки вдоль залива? — предложил фон Тиренберг.

— Хорошая идея, — отозвался хорват.

— Правда, вам придется потерпеть и мое присутствие, — усмехнулся монах.

Вместе с ним на «прогулку» к замку Бальга отправилось еще сорок братьев Ордена и две сотни кнехтов. Учитывая, что и по пути, в Бранденбурге, к ним могли присоединиться рыцари, да и в Бальге их было не меньше десятка, Вуйко понял, что на сей раз Орден всерьез собрался прикончить Монтемина.

До Бальги крестоносцам было не суждено дойти. Да и в Кёнигсберг вернулись не все. Монте встретил их в миле от Брандербурга.

Нападение было неожиданным. Пруссы набросились с двух сторон, направив всю силу удара в центр походной колонны, стремясь развалить ее пополам. Им не удалось этого сделать, однако главной своей цели — не дать рыцарям перестроиться боевым вепрем — Монте достиг. Такая тактика уже не раз приносила ему победы. Точно так он разгромил Орден в битве при Покарбене. Бой, при котором нет ни флангов, ни авангарда, а все мешается в бешеном вихре, когда непонятно, где свои, а где чужие, был страшен только для тяжеловооруженных рыцарей. Пруссы же ориентировались в свалке, как летучая мышь в ночном лесу. Именно в таком бою, когда каждый за себя и все зависит только от личной храбрости и умения вовремя извернуться, витинги показывали все то, чем они владели.

В первые же минуты была уничтожена почти вся пехота Ордена. Таяли и разбросанные по полю всадники в белых плащах с крестами. В основном те из них, кто прибыл в Пруссию в последнее время, откликнувшись на призыв Папы. Хорошо обученные, грамотные и дисциплинированные военные, они ничего не могли противопоставить яростной драке без правил, в которой пруссы были непревзойденными мастерами, подобными лесным животным — рыси, волку или кабану, чьи изображения и даже целые головы носили на своих кожаных флагах.

Однако отряд фон Тиренберга состоял не только из новобранцев, и вскоре под штандартом комтура Гирмовы собрались остатки пехоты и около трех десятков рыцарей. Небольшое, но плотное, закованное в броню высоких щитов ядро вначале успешно отразило несколько свирепых атак, потом встряхнулось, как кабан, разбрасывающий легавых, и двинулось, десятками подминая под себя язычников.

Первым увидел предвестников своей катастрофы сам князь натангов. На западе, на краю покрытой редким кустарником долины, уходившей к заливу, он заметил светлое пятно, увеличивающееся в размерах. Отчаянно трубя в рог, он попытался созвать воинов под свой треугольный флаг, но на разгоряченных схваткой, непривычных к подчинению витингов эти звуки не произвели впечатления. Визжа и улюлюкая, они кружились вокруг людей фон Тиренберга, остервенело стараясь пробить брешь в их обороне.

Возможно, Монте еще удалось бы что-то сделать, чтобы спасти положение, но в его правое плечо вонзилась стрела. Он вырвал ее, посмотрел туда, откуда она прилетела, и обнаружил, что сквозь ряды его личной дружины к нему прорубаются несколько воинов, которых можно было бы принять за пруссов: на них не было белых плащей и их щиты не украшал черный крест. Но опытный глаз сразу по виртуозной манере владения мечом и хладнокровию, с которым те упорно двигались, уничтожая все на пути, вычислил бы в них профессионалов-наемников. Один, с широким темным лицом, прячась за спинами своих товарищей, как заведенный посылал стрелы, доставая их из-за плеча, в сторону Монте. Три

или четыре уже торчали в щите вождя. Следующая ударила Монте в шлем, гулко отозвавшийся звоном. Вождь посмотрел в долину. Отряд рыцарей из Бранденбурга был уже так близок, что видно было, как поблескивают в лучах весеннего солнца их шлемы.

«Все, — подумал Монте. — Это конец».

Он протрубил отход и, не дожидаясь, присоединится ли к нему кто еще, с полусотней своих приближенных помчался к северу — прочь из тисков, в которых вот-вот мог оказаться.

Уже выбравшись на свободное от боя пространство, он оглянулся и увидел, что шестерка наемников, так настойчиво искавшая встречи с ним, устремилась вдогонку.

Глава 3

Рана в плече Генриха Монтемина плохо заживала. Видно, наконечник стрелы был смазан соком какого-то растения. Сейчас рука уже двигалась, и опухоль начала спадать, но поначалу, когда ее разнесло и она покрылась синими пятнами, вайделот надров думал, что руку требует божок Пушкай, что живет под корнями бузины, и всерьез советовал отсечь ее и отдать богу, пока тот не захотел все тело князя.

В большой, хорошо укрепленной деревне надров Капнинесвик,¹²² что была под холмом — там, где сходятся Писса, Анграпа и Инстер — Монте «гостил». Именно так его пребывание и называлось, ибо, согласно заповедям короля Вайдевута, никто не мог изгнать гостя из своего дома. Здесь, в лесах Надровии, которые крестоносцы прозвали Диким лесом, в сознании людей, еще почти не тронутым пламенем беспощадной войны, страх нарушения священного Договора между пруссами и богами был сильнее соображений безопасности. А последние требовали немедленно указать Генриху на ворота. Тем более что он был князем другого народа — натангов и на особое отношение к себе у надров не мог рассчитывать.

В отличие от других вождей, прощаемых Орденом, едва те сложат оружие и признают крест, грехи Генриха Монте перед христианами были так тяжки, что он был приговорен к смерти без права обжалования. Орден ловил его, как мятежника и преступника, виновного в массовых казнях. Ловил Монтемина и прибывший в Пруссию с отрядом рыцарей брат его жены, принесенной князем в жертву богу Потримпу. Искали друзья Хиршхальса, божьего человека, славного воина, приютившего Генриха в юности и взлелеявшего собственного палача, — князь послал его на костер, празднуя очередную победу. Дружба с этим человеком становилась опаснее признания в язычестве.

Совсем недавно Монте узнал, что ко всем перечисленным врагам добавились еще какие-то охотники. Они шли за ним по пятам с момента сражения у Бранденбурга. Из донесений его шпионов, поступавших с мест, где объявлялась шестерка наемников, можно было понять, что они — не монахи и не приехавшие из империи за приключениями рыцари. Судя по тому, что о них рассказывали, эти люди были из тех, которые еще до своего рождения посвящались войне, из таких же, как сам Монте, военных родов. Они, умевшие питаться дождевыми червями и корой деревьев, дышать под водой и убивать движением пальцев, а не доблестные всадники с перьями на шлемах были опасны Генриху Монтемину. Он уже два раза посылал в ночь своих лучших лазутчиков, но никто из них назад не вернулся. Монте подумал, что Орден нанял этих молодцев для его поимки. Такое уже было, и тогда ему удалось откупиться. Он не считал, что эти наемники чем-то отличаются от тех: все они воюют за деньги, а значит, их можно перекупить. Но на отправленный запрос — что им нужно, чтобы уйти из Дикого леса, пришел ответ — голова Монте.

Толмач надров, выступавший посредником в переговорах, поведал, что его знание немецкого не понадобилось. Те, кто искал головы князя, прекрасно изъясняются на прусском. Или, вернее, на той его разновидности, что называлась языком самбов.

¹²² Капнинесвик (топоним неясный) — ныне не существует. По некоторым данным, поселок был столицей надров.

— Самбы?! — поразился Монте. — Что им от меня нужно?

— Я не сказал «самбы», князь, — уточнил толмач. — Я сказал, что они говорят, как самбы. Но они не пруссы. У того, с кем я говорил, славянский акцент.

— Лях или рутен?

— Не знаю. Но он послал тебе вот это.

К ногам Монтемина шлепнулся кожаный сверток. Монте присел на корточки и развернул его.

На куске шкуры лежала окровавленная фаланга большого пальца и шесть камешков. Тринтвей.¹²³ Кровная месть и шесть человек, поклявшихся ее исполнить. Это было серьезно. Охотники объявили Монте свое решение согласно обычаям земли пруссов, а это значит, что они ориентируются на ней не хуже витингов и удара можно ждать из-за любого дерева в лесу. Шесть мечей, заточенных специально на него. Шесть ножей, шесть пар умелых рук.

Несмотря на последние поражения, Монте еще смог бы собрать сотню воинов и обрушиться с ними на шестерку охотников, но что это даст? Они растворятся в лесу и объявятся совсем в другом месте, а преследовать будут, пока хоть один из них сможет передвигаться. Но даже если б ему и удалось их уничтожить, это все равно ничего не меняло: в Пруссии Монте обречен. Рано или поздно Орден, который получал все большую помощь из империи и уже усмирил где мечом, где хлебом большую часть страны, доберется и до Надровии. Монте нужно было уходить отсюда, уходить на Восток — в Литву или еще дальше, на Русь. Там всегда высоко ценилось прусское военное искусство. Он и хотел уйти, но вдруг поползли слухи, что на Катаве — самой высокой горе Дикого леса, где издревле обитал бог неба Окопирн, объявился Крива. Монте, впервые услышав об этом, не поверил. Крива исчез лет десять назад, в самый разгар Великого Восстания, когда Монте только что прибыл из Магдебурга. Считалось, что Верховный Жрец погиб. Однако слухи полнились, обрастали подробностями, и Монте, совсем уж было собравшийся покидать родные места, задумался. Что если Крива действительно остался жив и вернулся? Сейчас, когда от его дружины почти ничего не осталось, а роды других племен не пускали Генриха в свои деревни, чтобы не навлечь гнев Ордена, только освященное богами слово Кривы могло заставить пруссов вновь взяться за меч. Вдвоем, как Вайдевут и Прутено, Монтемин с Кривой объединили бы пруссов под одним флагом и, как в древности, в Великой Битве с мазурами, раздавили, перемололи врага в пыль под копытами прусских боевых коней. Тогда не только наемники, но и сам великий Господь христиан устрасится топота прусской конницы.

Молодой князь Ликса не скрыл облегчения, когда Генрих Монтемин объявил ему, что вынужден покинуть гостеприимную деревню надров.

— Куда же направится славный вождь натангов? — вежливо, но без любопытства спросил Ликса.

— Говорят, на Катаве поселился Крива...

— Говорят многое, да не все так бывает, как рассказывают.

— Посмотрим, — сказал Монте. — Если это действительно Крива, а не какой-нибудь самозванец, жди — я приду, чтобы забрать твоих воинов для нового похода на христиан. И поход этот будет страшным. Мы уничтожим их. Наши боги будут купаться в крови жертв и снова станут помогать своему народу.

Ликса, несмотря на молодость, отличался редким благоразумием. Он не стал ни спорить с Монте, ни поддерживать его. Однако племя проводило натангов со всем возможным почетом.

Глава 4

¹²³ Тринтвей — букв. «месть»; здесь — особый знак-предупреждение о неотвратимости мести.

Охотники опоздали на полдня. Когда они ночью появились у деревни Капнинесвик, Монте со своими людьми уже шел вдоль русла Писсы вверх по ее течению к горе Катаве. Князь Ликса проснулся оттого, что чья-то большая ладонь закрыла ему лицо.

— Тихо, вождь, — сказали в темноте на чистом самбийском диалекте. — Я отпущу тебя, но если ты попробуешь закричать, то не успеешь — у меня очень острый нож.

Ликса кивнул, и тяжесть руки исчезла. Вождь глубоко вздохнул и спросил:

— Что тебе нужно?

— Монте.

— Он ушел.

— Давно?

— Еще до заката.

— Куда?

— Не знаю. Я не любопытен.

Самб помолчал в темноте. Потом сказал:

— Ты, конечно, солгал, что не знаешь, куда ушли натанги. Я мог бы вытряхнуть из тебя правду, но ее мы и без тебя узнаем. Нельзя пройти по лесу, не оставив следов. Сколько у Монте витингов?

— Четыре десятка и шесть.

— Но еще позавчера их было больше пяти десятков?

— Люди уходят от него. Многие уже не хотят воевать.

— Это хорошо, что не хотят. Так куда, говоришь, он увел людей?

— Я не знаю.

— Но он не просил у тебя лодок?

— Нет.

— Значит, ни Инстер, ни Писсу он переходить не собирался. А что за разговоры ходят насчет того, что объявился Крива? Правда это?

— Не знаю. Никто из моих людей его пока не видел. Ты самб?

— Я христианин.

— Ты самб, — уверенно сказал Ликса. — А раз так, то кому, как не тебе разобраться — настоящий это Крива или дейвут?¹²⁴ Ведь это вы были избраны богами для его охраны, не надры и не натанги.

— Разберемся, — пообещал самб. — Я ухажу, а ты пока лежи немного, хорошо? Не нужно рисковать. Ты мудрый вождь, и твоя мудрость еще пригодится надрам. А своих дозорных потом соберешь. Не волнуйся, все они живы и даже не помяты, только связаны. Прощай, князь.

Ликса прислушался, стараясь уловить хотя бы шорох, но самб исчез, как растворился, не было слышно даже шелеста шкур на входе.

Альберт вышел из ворот деревни, услышал крик сыча и замер. Резкий высокий плач разорвал ночную тишину прямо над головой самба, и в следующее мгновение он почувствовал, как всколыхнулся воздух справа от него. Сыч улетел вперед и, когда Альберт двинулся, встретил его своим жутковатым визгом.

— Ликса говорит, что не знает, куда ушел Монте, — сказал он нагнавшему его Вуйко.

— Врет?

— Конечно. Зато он поведал, что Монте не понадобились лодки.

— Значит, он остался на этом берегу. Ты думаешь, он направился к Катаве?

— Наверняка. Люди бегут от него, и сейчас ему нужно заручиться поддержкой Кривы.

— Это действительно Крива?

— Не знаю. И Ликса этого не знает. Но это не важно. Монте — хитрый и умный князь,

¹²⁴ Дейвут — «юродивый» (прусск.).

он все еще пользуется уважением у пруссов. Если он скажет, что это Крива, ему поверят. И тогда не будет иметь значения — Верховный Жрец это или самозванец. Все будет так, как нужно Монтемину. Ты слышал — кричал сыч?

— Нет. Тебе показалось.

— Плохо, что ты не слышал. А где Вислоухий?

— Он подойдет чуть позже. Пусть проследит, не пошлет ли Ликса гонца к Монте.

Чуть позже к ним присоединились братья поморяне, блокировавшие подходы к деревне. Охотники спустились к Писсе, где на небольшом мыске, окруженном с трех сторон излучиной реки, их ждал Дьюла с лошадьми.

На незаметном со стороны, обложенном камнями костре поджаривалась пара глухарей.

— Вы не слышали сыча? — спросил Альберт у Войтека, присаживаясь к костру.

— Не слышали.

— Тебе показалось! — жестко сказал Вуйко.

Альберт не ответил. Он знал, что не показалось, но было важно, слышал ли кто еще, кроме него, этот крик? Если нет, значит Пикол, покровитель духов, послал за ним душу кого-то из предков. Возможно, это был отец Альберта, павший при штурме Шоневика, или дед, смертельно раненный в единоборстве с мазурским князем, а может быть, отец матери Альберта, сгинувший где-то в песках косы куров, погнавшись за отрядом литовцев, грабивших и без того нищие курские деревеньки. Мало кто из рода Альберта умер в своей хижине. Самбы умирали в бою, откликаясь на зов сыча тем, что хватали меч. И Альберт подумал, что, возможно, уже не увидит красавицу Дейнайну — предвестницу нового дня и удачи.

— Кто из нас первым идет в дозор? — спросил самб у Вуйко.

— Болеслав, потом его брат.

— Я заменю Болека. Что-то мне не до сна.

— Ты все еще думаешь о крике сыча?

Альберт, не ответив, встал и направился к ухоронке, укрытой ветками еще с вечера под небольшим холмиком.

Далеко за полночь над лесом поднялся припозднившийся прозрачный серпик молодого месяца. Самб уже должен был разбудить поморянина, но не торопился. Спать ему не хотелось. Он думал об отце, которого плохо помнил, тот погиб, когда Альберт был совсем юным, о других витингах, павших, даже не успев обзавестись потомством. Вспоминал годы учебы в Кульме. У него была хорошая память, и ему лучше других давались Закон Божий и латынь. Сверстники даже прозвали Альберта Епископом, а монахи-воспитатели прочили ему духовную стезю. Однако те, кто отличал его школьные успехи, забывали, что имеют дело хоть с маленьким, но самбом — потомком Само, принявшего меч от самого Вайдевута.

Альберт насторожился. Всем телом, которое было плотно прижато к земле, он почувствовал тяжелые мягкие шаги. Слишком тяжелые для человека, они все же принадлежали паре ног. Иногда медоед ходит на задних лапах, но тот нисколько не думает о шуме, который производит. Здесь же движения были привычно крадущимися.

Альберт вглядывался в темноту между деревьями леса, до которого было не больше полутора десятков шагов, но ничего не видел. Зато он слышал и теперь точно знал, что шаги — человечесь и в лесу тот был не один. Еще три или четыре пары ног топтались на опушке. Не все они были достаточно ловкими, и несколько раз ухо самба уловило хруст треснувшей ветки.

Он повернулся в сторону спавших у реки товарищей и, приложив ладони ко рту, издал громкий треск сороки и испуганное хлопанье ее крыльев. Немного выждал и, когда услышал легкий всплеск воды и хлопок, будто бобер плюхнулся в воду и шлепнул по ней хвостом, снова перенес внимание к лесу. Теперь он расслышал тяжелое дыхание и тихие утробные звуки. Ему стало страшно. Самб уже понял, кто крался из леса, еще до того, как увидел огромную фигуру с маленькой шишкой-головой без шеи и длинными, до колен, толстыми, как бревна, руками.

Гигант вышел на открытое место и повел из стороны в сторону верхней частью туловища. Принюхивался. Вслед за первым из леса вышли еще трое — все семейство.

Альберт, раскидывая ветки, вскочил на ноги и вскинул меч. Прятаться не имело смысла — они бы его все равно унюхали.

Черная мохнатая масса двинулась в его сторону, и древний суеверный ужас перед этими тварями, казалось, выдул из Альберта душу вместе с теплом тела. Он почувствовал, как льдом сковывает сердце, а ноги наливаются холодной тяжестью. Он коченел, потому что знал — так бывает со всеми, на кого глянет своими маленькими глазками маркопет. Никому из людей не удастся уйти от его взгляда — считали пруссы. И никто из людей не смеет тронуть земляного человека — слугу самого бога Пикола. Здесь их было сразу четверо.

«Вот почему кричал сыч», — мелькнуло у Альберта в голове. Но ведь на шее у него крест! За ним — сила истинной веры и божественного причастия.

— Господи Иисусе Христе, сыне Божий, спаси и помилуй меня, грешного! — громко и отчетливо сказал самб.

Маркопет при звуке его голоса недовольно зарычал и попятился.

— А, ехидна, боишься креста! — радостно закричал Альберт и бросился вперед.

Вислоухий, уже собиравшийся отпустить тетиву своего лука, досадливо крикнул и опустил руки. Альберт закрыл от него собой цель. Но из лесу выскочили еще трое, и татарин быстро прицелился и выстрелил. Зверь, немного поменьше первого, взвыл и завертелся. Вислоухий выдернул из колчана на спине следующую стрелу.

Дьюла еще на бегу метнул легкое прусское копьё, и оно пробило маркопету то место, где у человека была бы шея. Он с ревом отбросил от себя Альберта, вскинулся и напоролся на меч Вуйко, разваливший ему череп.

Другого, истыканного стрелами, обезумевшего от боли и потому ничего не видевшего, кроме торчащих из его skóry палок, поморяне добили без особого труда. Остальные звери с воплями скрылись в лесу.

Используя копы как рычаги, охотники перевернули тушу, навалившуюся на Альберта.

— О, Господи... — сказал Дьюла, разглядывая при свете факела серые, сильно напоминавшие человеческие лица с выдававшимися вперед челюстями, раздавленными носами и массивными бровями над маленькими поросычьими глазками.

— О, Господи! — повторил Дьюла. — Они похожи на людей. Кто это?

— Маркопеты, — с отвращением сказал Вуйко. — Пропади они пропадом! Смотри, что он сделал с Альбертом. Давай, подсовывай копьё, надо отнести его к костру.

Дыхание самба было трудным. Открыв рот, он пытался вдохнуть, но ему не удавалось. Грудь Альберта колыхалась под кольчугой, как бурдюк с водой. Маркопет несколькими ударами размолотил ему ребра в крошку.

Альберт умер вскоре после того, как его уложили поближе к теплым камням кострища, так и не встретив в ту ночь Дейнайну.

На рассвете охотники опустили самба в неглубокую могилу, убили и сложили к нему его оружие, помолились и зарыли, укрепив камнями крест, сработанный за ночь Болеславом.

Воображение Дьюлы так поразила схожесть маркопетов с людьми, что он спросил:

— Может, и их нужно похоронить?

— Не надо, — сказал Вуйко. — Пока они тут лежат, ни один прусс не посмеет даже приблизиться к могиле Альберта. Да и после, когда волки и беркуты растащат их кости, все равно это место будет считаться заколдованным.

Охотники быстро доели остатки глухарей, выпили по глотку пива, помянув Альберта, и отправились к Катаве. Но не напрямую, а в обход, переправившись через Писсу, чтобы сбить с толку лазутчиков Монтемина, если они были поблизости.

Глава 5

Склоны Катавы кишели змеями. Ужи, медянки, масса разноцветных ящериц шуршали в

траве, создавая тихий монотонный шум. Земля была покрыта извивающимися, ползущими, сплетавшимися в клубки гадами. Все это стремилось к вершине горы — туда, где три гигантских дуба были обнесены ярким алым пологом. Монте еще не видел его, но был уверен, что так оно и есть.

— Крива... — прошептал он. Сейчас Монте пожалел, что оставил витингов у подножия горы. Пусть бы и они убедились в том, что Жрец вернулся.

Конь храпел и взбрыкивал, кося глазами на шевелившихся под копытами пресмыкающихся.

Монте спешил и осторожно, чтобы не наступить на священных животных, шаг за шагом стал подниматься на вершину вместе с ними.

Увидев сквозь стволы деревьев красную ткань, Монтемин упал на колени и опустил взгляд. Из больших раскрашенных сосудов, стоявших тут же, высунулись головы гадюк. Дрожа тонкими раздвоенными языками, они шипели, но не бросались на князя. Сейчас они были заодно.

— Могу ли я предстать перед тобой, Великий Крива? — спросил Монте.

— Можешь, князь.

Голос, ответивший Монте, был детским, но это не удивило вождя. Крива мог превратиться даже в дерево, это все знали.

— Могу ли я задать тебе свои вопросы?

— Можешь, князь.

— Ответишь ли ты мне, Великий Крива?

— Отвечу, князь.

Монте помолчал, припоминая все сомнения, не дававшие ему спать по ночам, раздирающие его на части противоречия, смешавшиеся в незрелой голове язычника Евангелие и Заповеди Вайдевута.

— Прав ли я был, отдавая Потримпу любимую жену? Прав ли был, предавая огню друга? Прав ли, обрекая на смерть витингов своего племени, посылая в неравный бой с крестоносцами?

— Женщина не была тебе женой, ибо взял ты ее не по нашему обряду, не спросив позволения у своих богов, и была она тебе как рабыня. Разве не может хозяин убить своего раба? Друг твой был не другом, но врагом тебе, ибо пришел он в нашу землю с оружием насаждать свой устав. Разве не обязан воин уничтожать каждого, вошедшего в наши пределы с мечом? Разве не так сказано в Договоре, заключенном нашими предками с богами, и разве не скрепили своими жизнями, взойдя на костер, этот договор Вайдевут и Прутено? Разве не обещано богами вечное блаженство витингу, павшему с мечом в руках? Ты сомневаешься в воле богов, в их силе или в праве воина на благо в стране духов?

— Я сомневаюсь в победе над крестоносцами и боюсь, что скоро в моем народе не останется воинов.

Перед лицом Монте вдруг полыхнуло, ослепив его и опалив бороду, синее пламя, резко запахло горелой шерстью и янтарем. Монтемин испугался. Понял, что сболтнул лишнее.

— Прости меня, Великий Крива, — тихо сказал он. — Я только хотел, чтобы ты укрепил меня, развеяв сомнения.

— Сомнения — дело бабы на сносях, но не витинга! — разнесся эхом над вершиной горы твякующий голос. — Боги устали от твоих пустых вопросов. Иди и принеси им для начала в жертву Великого оленя, и тебе будет сказано, что ты должен сделать. Иди!

Не решаясь повернуться спиной к Криве, полуослепший Монтемин попятился вниз. Гады уступали ему дорогу.

Спустившись с Катавы, он на рысях увел дружину на запад, через Писсу и Анграпу — туда, где при впадении в Преголлу небольшой богатой форелью речки Ауксины на холме было одно из его базовых укреплений.¹²⁵ Таких лагерей, разбросанных по Надровии и

¹²⁵ Холм позже в честь Генриха Монтемина получил название Монтегарбен.

Натангии, у него было несколько. Нигде Монте подолгу не задерживался, и в этом была причина его неуловимости. Правда, на Ауксине он появлялся чаще, чем в других местах. Подозревали, что где-то под холмом зарыта большая часть награбленных им за годы войны сокровищ.

Монтемин так торопился, что даже не заметил исчезновения двух своих витингов. Те, бездыханные, лежали под кучей листьев, а их лошади шли в поводу у галопом несущихся к Кёнигсбергу братьев-поморян. Для того чтобы домчаться до замка без остановок, нужно было менять коней. Поморяне несли ландмайстеру весть о новом, особо опасном языческом центре на Катаве.

Тем временем в Диком лесу трое охотников, став бестелесные тени, следовали за Монте.

К вечеру отряд прибыл на место. Генрих собрал витингов в круг и объявил, что боги проявили милосердие к своему народу — вернули ему Криву, и теперь, под его духовным началом...

Генрих Монтемин говорил хорошо — он не зря посещал в Магдебурге университет, — однако в голосе его все больше сквозила неуверенность. Он видел, что воины плохо слушают, ропщут, а кое-кто из них стал затягивать упряжь на лошадях. Монте прервал речь и тяжело обвел взглядом витингов.

— Что происходит? — спросил он.

Ему никто не ответил, но еще несколько человек пошли к своим коням.

— Гедаут, Вайкит! — окликнул их Монте. — Я еще не закончил говорить. Куда вы собрались?

— Домой, — ровным голосом, как о давно решенном деле, сказал Вайкит, прилаживая седло. — В Натангию.

После этих слов, как по команде, те, кто еще не решился оборвать действием вождя, направились к лошадям. Почему-то особенно задело Монте, что и Кандайм, человек, которого он знал еще с детских игр в крепости Бислейда¹²⁶ — отец витинга приходился родственником матери Монте, — и тот уже был верхом.

— Кандайм! — крикнул Монте. — И ты с ними?

— Сколько можно воевать, Генрих? — сказал Кандайм, отворачиваясь. — Я уже забыл, как выглядят мои жены, и даже не знаю, все ли они живы? Лес наступает на наши поля. Война бессмысленна. Монахов не становится меньше, сколько бы мы их ни убивали, а у племени скоро не останется мужчин, чтобы защитить наши деревни хотя бы от диких зверей.

— Крива пошлет на ваши головы гнев Перкуна!

— Ничего, богов мы умилим жертвами, а Криве, если это действительно он, лучше позаботиться о своей голове. Крестоносцы придут и в Надровию.

— Кандайм, ты же был мне другом... Ты клялся в верности!

— Да. Но только ты тоже обещал скорую победу над христианами. А мы уже состарились на этой войне.

— Ты не витинг! — раскричался Монте. — Ты — артайс. Убирайся! Убирайтесь все! Мне не нужны крестьяне. Я наберу новую дружину, а ваши дети проклянут вас за трусость!

Дьюла, следивший за этой сценой, скрытый ветвями старой липы, видел, как витинги покинули засеку, и сразу за этим Монте, заперев ворота, вошел в глинобитную хижину. Венгр быстро спустился с дерева и, пригибаясь, побежал к оврагу, где прятался Вуйко.

Братья Монтемина решили не медля, пока кто-нибудь из натангов не надумал вернуться к своему вождю. Однако, перебравшись через частокол ограды в укрепление, охотники не нашли князя.

Конь Монте стоял у входа в хижину, но его хозяин исчез. Вуйко и Дьюла шаг за шагом

¹²⁶ Бислейда — родовая вотчина рода Монтеминов. Ныне — Безледы (Польша).

обшарили всю засеку и, озадаченные, покинули ее.

Монте в это время находился в прямом смысле у них под ногами, в подземелье, где многие годы хранил свои сокровища — церковную утварь, дорогие ткани, оружие, деньги. Уверившись, что все цело и не подпорчено сыростью, Генрих завернулся в расшитую золотыми нитками парчу и прилег прямо на землю у одного из сундуков.

Он обойдет всю Надровию, а если понадобится — и другие земли, и найдет Короля-Оленя, — думал Монте. Боги примут его жертву, подарят ему удачу, и у него снова будет большое войско. Он вышибет христиан из Твангсте и Хонеды и станет Великим Князем пруссов.

С этими мыслями он и уснул.

Глава 6

Утром Монтемин, едва выйдя за ворота укрепления, столкнулся с вооруженными людьми. Их было четверо.

— Кто вы? — спросил Монте, выхватив меч из ножен.

Один из них, пониже ростом, но гораздо плотнее своего напарника, поднял левую руку с завязанным тряпицей обрубок большого пальца.

— А-а! — зло усмехнулся Монте. — За моей головой пришли? Ну что ж, попробуйте ее взять. Кто первый? Ты, беспальный?

Тот покачал головой, даже не пытаясь поднять меч, на яблоко рукоятки которого опирался.

— Я не буду с тобой драться, Монте. Ты давно уже не воин, а с ворами и предателями не дерутся, их казнят. Мы тебя просто повесим, Генрих из рода Монтеминов. Можешь помолиться своим деревяшкам.

Монте громко и яростно зарычал и бросился на Вуйко, но вдруг его шею захлестнула петля аркана. Щелкнула узлом, затягиваясь, дернула и поволокла по земле за лошадью Вислоухого. Монте, извиваясь, пытался обрубить аркан мечом, но жесткая волосная веревка, впившись в гортань, уже ломала ее, отнимая у вождя сознание. Он выпронил клинок.

Татарин помчался к лесу, отвязал от луки седла конец аркана и перекинул через ветвь ближайшей ольхи. Потом перехватил его обеими руками, пришпорил коня, и бьющийся в агонии Монте был вздернут на дерево.

Подоспевшие Вуйко с венгром помогли закрепить веревку. Дьюла на всякий случай несколько раз ткнул уже безжизненное тело копьем.

Глава 7

В те времена люди старели быстро, а воины умирали, не успевая состариться. Вуйко в свои сорок лет вполне мог считать себя пожилым и умудренным жизненным опытом человеком. И он знал: не все, что на первый взгляд кажется смешным и нелепым, действительно смешно.

Молодой человек, сидевший напротив через стол, не казался сумасшедшим, хотя в то, что он рассказал, было трудно поверить. Звали его Кант и был он ни много ни мало — принцем барстуков. В другое время, в другой стране Вуйко не поверил бы и в существование самого карликового народа — человечков, не достававших головой взрослому мужчине и до колен, но здесь он их видел. Он даже мог допустить, что у барстуков есть свои короли и принцы, возможно даже, они выбирают властителями нормальных людей. Однако молодой человек назвался сыном какого-то духа, который несколько десятков лет назад спустился с небес для того только, чтобы обучить барстуков пользоваться мечами и оставить семя, из которого и появился на свет Кант.

Вуйко еще раз оглядел его. Бледное лицо с висящими по бокам короткими косицами цвета выгоревшей на солнце ячменной соломы, видно, что волосы он начал отращивать

недавно. Серые спокойные глаза, слегка высокомерный взгляд. Под плотно запахнутой вилной простолоудина угадывается кольчуга. Нет, он явно не походил на сумасшедшего. Дейвуты не носят доспехов.

— Хорошо, — сказал Вуйко. — Допустим, я поверил во все, что ты тут наговорил. Но зачем ты мне это рассказывал?

— Барстуки — хорошие ремесленники и звездочеты, — сказал Кант. — Но мы не умеем пахать и ловить рыбу. Многие века мой народ помогал большим братьям ухаживать за домашними животными и птицей, а за это пруссы предоставляли нам пропитание. Теперь им не до нас. Война захватила все их помыслы, и поля уже никто не обрабатывает. Пусть так. Дух Гянтар научил нас держать оружие, и теперь мы можем сами защитить себя от диких зверей. Я научу барстуков пахать, и мы проживем без пруссов. Но я не могу этого сделать, пока идет война. Боевые кони топчут наши жилища, выгорают леса. Я должен остановить эту бессмысленную бойню. И ты мне в этом поможешь.

Он сказал это так, будто Вуйко обязан был в то же мгновение вскочить и побежать исполнять его волю. Но у Вуйко на его слова была совсем другая реакция. Он потерял интерес к молодому человеку.

Подошел шваб-трактирщик. Поменял пустой жбан из-под пива на полный, и, будто смахивая со стола крошки, наклонился к самому лицу Вуйко.

— Кое-кому здесь не нравится твой гость, — сказал он. — Многим он кажется самбийским шпионом. Они хотят послать за людьми фон Тиренберга.

Вуйко отмахнулся. Ему было наплевать на запуганных самбами кнехтов. Шваб пожал плечами, дескать, мое дело предупредить, и отошел за свою засаленную стойку.

Вуйко выпил пива и утерся. Молодой человек, назвавшийся принцем барстуков, выжидательно смотрел на него.

— Когда ты подходил сюда, видел там внизу на реке парусник? — спросил Вуйко.

Кант кивнул.

— Утром он уходит в Венецию, — сказал Вуйко. — И я уже уплатил за место на этом коге. Мне осточертела ваша война, ваша страна и ваше пиво. Мне надоело убивать, и я устал мерзнуть в ваших туманах. Хочу домой, в Хорватию — выращивать виноград и пить вино. И завтра я туда поеду. А тебе я советую поскорее убраться отсюда, пока кому-то не пришлось в голову выяснить, зачем тебе под вилной кольчуга и кинжал.

Кант смотрел на него спокойным надменным взглядом. Вуйко сплюнул под стол и вышел из трактира до ветру.

С запада, от устья Преголлы, ощутимо тянуло сырým холодом.

«Скоро осень, — подумал Вуйко. — Этот легкий ветерок принесет с моря ураганы и бесконечный прусский дождь. А где-то там впереди, на юге, прямо за рекой, за натангами и галиндами, за ляхами и чехами, сверкает на ярком солнце зеленью садов и виноградников маленькая родная Хорватия. В трактирах темноглазые девушки, улыбаясь, уже подают искрящееся молодое вино. А у здешних — бледные хмурые лица, серые, как сталь, глаза».

Вуйко едва успел завязать тесемки на штанах, как услышал гулкий, будто ударили по бочонку, звук, и окунулся в темноту.

Очнулся оттого, что где-то капало. Крупные капли падали и разбивались, и звон от них был еще долго слышен. Вуйко повернулся, почувствовал, как раскаленным студнем что-то колыхнулось в голове, и понял, что каплями отдавалась боль.

Он лежал на куче давно сопревшей соломы. В сумерках были видны уходящие вверх стены из колотого дикого камня без малейшего намека на окна или бойницы. Лестница у дальней стены поднималась к забранному решеткой дверному проему. Оттуда в подвал пробивался свет, и раздавались голоса. Три или четыре человека где-то там играли в кости. Рядом с Вуйко, прислонившись к булыжникам стены, сидел самозванный принц.

— Где мы? — спросил Вуйко.

— В подвале замка Кёнигсберг. Тебя ударили мечом плашмя по голове, а потом связали.

— Понятно. Значит, эти смерды из трактира все-таки донесли на тебя. Я же предупреждал, чтобы ты убирался поскорее.

Вуйко сел. В голове, ударившись о стенки черепа, качнулся язык колокола. Он посидел, привыкая к головной боли, потом встал и поплелся к лестнице.

Три кнехта, пристроившись к бочке, действительно играли в кости.

— Эй, — позвал Вуйко по-немецки. — Кто-нибудь, поднимитесь в хохбург и скажите Тиренбергу, чтобы он спустился сюда.

Один из игроков поднял голову и посмотрел на Вуйко.

— Отойди от решетки, — сказал он.

— Позовите Тиренберга, — повторил Вуйко.

Кнехт взял копье и подошел.

— Я же сказал тебе, песья морда: отойди от решетки!

Он просунул наконечник копья между прутьев и попытался ткнуть им Вуйко. Тот подался в сторону, перехватил левой рукой древко и сильно дернул на себя, а правую руку открытой ладонью выбросил навстречу кнехту вперед и вверх. Кнехт взбрыкнул обеими ногами, будто хотел сделать кувырок назад, и рухнул навзничь на кирпичный пол. Лицо его залила кровь из разбитого носа. Копье осталось у Вуйко.

Два других охранника выхватили мечи и, ругаясь на нижненемецком, подскочили к дверному проему. Вуйко с копьем наготове спустился по лестнице на пару ступенек. Один из кнехтов вытащил ключ от замка, но другой не дал открыть решетку.

— Оставь его, — сказал он приятелю. — Мы с ним завтра поквитаемся.

— Слышишь, ты, — крикнул он Вуйко. — Завтра я собственноручно приколочу твои кишки к пыточному столбу. Посмотрим, будешь ли ты таким же резвым, когда учуешь запах собственного дерьма.

— Завтра я заставлю влезть тебя на тот столб и кукарекать, — сказал ему Вуйко.

Однако раздражить кнехтов до того, чтобы те открыли решетку, ему не удалось. Продолжая ругаться, они оттащили своего приятеля к бочке и принялись останавливать кровь, хлеставшую из сломанного носа.

Вуйко спустился в подвал, бросил копье к стене и сел на солому.

— А Тиренберга нет в замке, — сказал кто-то из темноты дальнего угла. — Он уехал в Эльбинг.

— Кто это? — спросил Вуйко у Канта.

Тот сидел, безучастно наблюдая за происходящим. И сейчас он так же равнодушно пожал плечами.

— Я — Ауктуммис, — сказали из темноты. Говоривший изъяснялся с легким помезанским акцентом. — Орден сейчас готов хватать и пытаться любого, кто носит прусское платье. Боятся самбийских лазутчиков. Вот и меня схватили. А вы как сюда попали?

— Заткнись, артайс, — сказал Вуйко.

— Как вам будет угодно, — отозвался помезанин. — Я просто хотел поговорить с кем-нибудь перед тем, как нас прибьют к пыточному столбу. Палач ведь не станет спрашивать, кто ты: артайс или князь. Здесь мы все равны.

— Заткнись! — громче сказал Вуйко. — Иначе ты и до утра не доживешь.

— Он прав, — тихо сказал Кант. — Самбы уже выбили крестоносцев из Гирмовы и Рудавы и готовят новый поход на Кенигсберг. Орден знает об этом, и ему повсюду мерещатся прусские лазутчики. А фон Тиренберг с великим магистром действительно уехали, и тебя некому будет спасти от пыток. Не искушай судьбу, рыцарь Вуйко. Я еще раз спрашиваю: пойдешь служить мне?

— Шел бы ты ко всем своим прусским чертям.

«Плохо, — подумал Вуйко. Если ни Тиренберга, ни гроссмейстера в самом деле нет в Кенигсберге, все может очень скверно кончиться. У Ордена не принято держать в замках постоянный гарнизон — одни монахи приходят, другие уходят. Даже если в Кёнигсберге и окажется кто-то из тех, кто знает Вуйко, разбирательства все равно помешают попасть на

судно до отхода. А когда будет следующее — неизвестно. Если самбы в самом деле готовят штурм и осаду замка, то обязательно перекроют Преголлу. А там — зима. Реки и заливы могут укрыться льдом. Да, на ког не успеть, — еще раз подумал Вуйко. — Попасть в руки палача шансов гораздо больше».

— Похоже, ты знаешь, как отсюда выйти, — тихо спросил он Канта.

— Ты пойдешь со мной?

— До первого корабля из Венеции.

— Согласен.

— Как мы выберемся?

— Об этом — позже. Подождем, пока уснет помезанин.

Вуйко кивнул и удобнее устроился на соломе.

И уснул.

Ему приснилось детство. С валунами, уложенными в лямки за плечи, они бегут с отцом по горной тропе вверх, туда, откуда видна россыпь изумрудных островов в море. Отец бежит легко, и Вуйко едва поспевает за ним. Перед глазами мелькают только каблуки отцовых сапог и ножны меча. Вуйко устал и все чаще опирается рукой о торчащие по краям тропы скальные выступы. Но жаловаться и просить о передышке нельзя: он, хоть и маленький, но воин. А воины ни у кого ничего не просят, все зарабатывают своим мечом. Воин не должен замечать усталости и того, что колени сбиты в кровь о камни, он может думать только о конечной цели — о вершине, с которой видны острова Хорватии. Все. Вот и вершина. Но Вуйко не до вида раскинувшегося перед его взором моря. Он падает на землю и закрывает глаза. И вдруг чувствует, что твердая каменистая почва под ним стала рыхлой, податливой, она проваливается куда-то вниз, и Вуйко уходит под землю вслед за ней.

Проснулся и с ужасом осознал, что это не было сном, — он действительно проваливался под землю. Но самым страшным было то, что ноги его связаны, руки плотно притянуты веревкой к бокам, а лицо замотано тряпкой. Вдобавок ко всему его хватали, толкали и тащили десятки маленьких цепких лапок. Вуйко попробовал напрячь тело, изогнуться, чтобы освободить руки, и тут же услышал взволнованный, похожий на детский шепот:

— Он проснулся! Он дергается!

И — другой, у самого своего лица:

— Тихо, витинг, не волнуйся и не дергайся, ты нам мешаешь. Мы не сделаем тебе ничего плохого. Потерпи, скоро все закончится.

А он все равно ничего не смог бы сделать, потому что понял — находится в узком тесном тоннеле, скорее даже норе, а лапки, щиплющие его за одежду, — руки подданных Канта, барстуков. И успокоился. Ничего другого Вуйко не оставалось.

Первое, что он увидел, когда с его лица сдернули тряпку, — огромная, яркая, переливавшаяся разными цветами звезда. Потом — уходящая в черное небо стена замка и ноги лошадей. Потом его развязали, и Вуйко встал на ноги. Огляделся. Небо было чистым и звездным, но без луны, и потому уже в нескольких шагах ничего не было видно. Сразу сориентироваться, с какой стороны они от Кёнигсберга, не получилось. Под ногами, еле заметные в темноте, сустились маленькие человечки. Подошел Кант, ведя в поводу двух лошадей.

— Надо спешить. Нужно уйти подальше, пока охрана не заметила, что нас нет.

Вуйко запрыгнул в седло и только взял поводья, как сзади, от стены послышалось:

— А как же я? Возьмите меня с собой!

Вуйко резво развернул лошадь.

Помезанин стоял у дыры в подкоп и отряхивался. Вуйко направил лошадь прямо на него.

— А ну, полезай назад!

— Не могу, — пятась к стене, сказал помезанин. — После того как вы сбежали, палач точно вынет из меня кишки.

— Не вынет. Скажешь, что ни в чем не виновен, потому и не побежал с нами. Лезь в дыру!

Помезанин уперся спиной в стену и встал.

— Возьмите меня с собой. Я могу вам пригодиться.

Подъехал Кант.

— Дай мне меч, — попросил его Вуйко.

— Оставь, — сказал Кант. — Мои подданные говорят, что это шпион Тиренберга. Он может нам пригодиться. А убить его мы еще успеем.

Помезанин метнулся в сторону, но, не сделав и трех шагов, упал, споткнувшись о ловко подставленную каким-то барстуком палку. Он вскочил на ноги и наткнулся на десяток маленьких, поблескивающих наконечниками рогатин. Барстуки окружили его и прижали к стене замка.

— Найдите ему лошадь, — сказал Кант. — И догоняйте нас. Помезанин, как ты говорил, тебя зовут?

— Ауктуммис.

— Ауктуммис, даже не пробуй отклониться куда-нибудь в сторону от той дороги, что тебе покажут. Нет никого и ничего в Ульмигании, что бы могло укрыться от глаз моего народа. Тебя очень быстро найдут и очень жестоко покарают.

— Я понял, князь.

— Я не князь. Меня зовут Кант, и я — принц барстуков. Можешь обращаться ко мне просто «ваша светлость».

— Хорошо, ваша светлость.

— Поехали, — сказал Кант Вуйко. — Если мы поторопимся, то к утру будем в Тависке.

Вуйко впервые слышал это слово — «Тависк». Ни замка, ни поселения с таким названием он не знал, хотя изъездил, исходил и исползал на брюхе всю Пруссию и мог ориентироваться в этой стране даже лучше, чем в своей Хорватии. Но любопытство — черта не витинга, а беззубой старухи, говорили самбы. И Вуйко с ними соглашался.

Кант пришпорил лошадь и скрылся в темноте. Вуйко помчался за звуком копыт.

Глава 8

Тависк оказался подземельями с многочисленными переходами между обширными залами с колоннами и низкими потолками, где голова человека едва не касалась дубовых балок перекрытий. Добирались к нему лесами, обходя людские поселения. Судя по положению звезд, что иногда мелькали над кронами деревьев, шли на северо-запад, глубоко в Самбию. Но точнее место, где он оказался, Вуйко не смог определить и оттого чувствовал себя неуверенно.

— Где мы? — спросил он Канта, как только оказался под землей.

— Дома. Это древний замок королей барстуков.

— Но где он находится, этот ваш замок? Мне показалось, что я слышу море, когда мы подъезжали.

— Это северный берег Самбии. Мы чуть западнее Рантавы. Море от нас прямо на севере.

— А большая деревня, что я видел с холма, это Бетен?

— Правильно. Я подозревал, что ты хорошо знаешь Ульмиганию, рыцарь Вуйко, и не ошибся. Ты именно тот, кто мне нужен.

— А теперь скажи: зачем?

— Я скажу. Сейчас нам подадут еду, мы сядем и все обсудим.

Еда — рыба и какие-то сладкие вареные корни — была в деревянных мисках, а то, что Кант назвал пивом, оказалось густым терпким черным напитком, напоминающим больше бальзам для смазывания ран, чем хмельную брагу. Повсюду расставленные и развешанные по стенам глиняные светильники потрескивали и распространяли сильный хвойный запах.

Видно, барстуки как-то наловчились использовать для освещения живицу.

Для начала Кант заявил, что Вуйко убил не того, кого следовало. Оказывалось, что не Генрих Монтемин был повинен в смерти Васильки, а кто-то другой. Вуйко не поверил. Кант позвал одного из своих маленьких подданных, и тот рассказал, что видел, как князь Кантегерд зарезал Марту, а затем зарубил и Васильку. Все это было нелогично и нескладно. Во все это невозможно было поверить. И вот тогда принц барстуков поведал Вуйко длинную и невероятную историю про то, как князь рода Вепря Ванграп уничтожил Верховного Жреца, а вместе с ним и то Великое тайное знание, которое помогало пруссам жить в ладу с богами и окружающим миром; и про то, что у Кривы остался наследник, вскормленный ничего не подозревавшим Кантегердом. Младенец, который, по сути, никогда не был ребенком, но с самого рождения, не имея никакого представления о тайном знании, обладал, однако, всеми природными качествами Верховного Жреца и бесконечной властью над духами и силами природы. И этого-то младенца, выродка, Вуйко очень хорошо знал и даже служил ему вместе с Василькой.

— А знаешь, кто принес этого ребенка Кантегерду? — спросил Кант. — Твой друг и нобиль¹²⁷ — Василько. Тогда в замке Гирмова князь Ванграп приказал убить младенца, но его не поняли. И теперь за это поплатился не только твой нобиль. Ульмигания истекает кровью.

— Я убью его, — сказал Вуйко.

— Вот это мне и нужно. Он хотел построить новую Ромову в Надровии. Ты ему помешал — убил князя Монтемина, на которого он рассчитывал, а крестоносцы по твоей подсказке разорили Катаву. Теперь он поднимает склавинов и надров и больше не собирается строить святилищ. Он хочет только одного — затопить Ульмиганию кровью. У него появились князья, готовые служить Верховному Жрецу, не подозревая, что это вовсе не тот Крива, что был. Они наивны и думают, что с ним вернут былое величие пруссов. Но так уже не будет никогда. Мой народ не только все видит и знает обо всем, что происходит в Ульмигании. Мы свято храним заветы предков и помним все их пророчества. И мы знаем — этот ураган, принесший с запада закованных в железо людей, принес не только войну. Пруссии, такой, как она была семь сотен лет, уже никогда не будет.

— Как мне его найти?

— Я помогу. Крива блуждает по восточным землям, и даже верные ему пруссы не знают, где он завтра объявится. Но от моего народа ничего в Ульмигании не может быть скрыто. Однако нам нужно быть очень осторожными. Ему уже присягнул князь Стинегот, а у того своих не менее двух сотен мечей, да еще сотни готовы примкнуть. Князь Скуманд пообещал привести Криве шесть сотен литовцев и рутенов. Так что подобраться к нему будет очень непросто. Я слышал, что кое-кто из вашей дружины сейчас служит Ордену. Ты их позовешь?

— Нет. Чтобы зарезать пса, мне не нужны помощники.

— Ты воин, тебе виднее.

— Мне нужно оружие. Мое отобрали в Кенигсберге.

— Этого добра у нас достаточно. Барстуки — лучшие кузнецы в Ульмигании. Что-нибудь еще?

— Я должен иметь постоянную связь с твоими лазутчиками и знать не только о том, где сейчас находится этот пес, но и то, что он ест и как чихает, — все о нем.

— Хорошо, ты будешь это знать.

— Ты можешь сделать так, чтобы этот артайс помезанин всегда был рядом, но не путался под ногами?

— Как это?

— Пусть твои карлики погонят его по моему следу и присматривают, чтобы он не

¹²⁷ Нобиль — (здесь) — глава дружины, воевода.

сбился с пути. Помезанин может мне понадобиться.

— Это не сложно. Больше ничего не нужно?

— Понадобится — скажу.

Кант два раза хлопнул в ладони, и четыре барстука принесли небольшой сундучок, оказавшийся доверху набитым золотыми монетами. Сверху лежал небольшой квадрат величиной с ладонь из белого металла с дыркой посередине. Кант продел в дырку кожаный шнурок, завязал его и протянул Вуйко.

— Надень это на шею.

— Я — христианин, — сказал Вуйко, — и не ношу ваших оберегов.

— Это не простой покунтис. Эта штука из наследия белых великанов. Крива очень опасен для простого смертного, но на того, кто носит вещи из такого металла, не действуют никакие чары. Даже такого великого вайделота, как Крива. Надень его, иначе вся наша затея станет бессмысленной.

На обереге выпукло виднелись несколько клинообразных значков незнакомого Вуйко письма. Они были похожи на прусские руны, но все же отличались от них. Металл был на удивление легким и теплым, как янтарь. Вуйко даже звякнул по нему ножом, проверяя — металл ли это? Потом нехотя повесил поверх креста. В другой стране и при других условиях он никогда бы этого не сделал.

— Это ты сможешь увезти в свою Хорватию, — сказал Кант, указывая на золото в сундучке. — Если, конечно, все удачно сложится.

Монеты были большими, с крестообразной восьмиконечной звездой посередине и, такими же странными, как на обереге, значками, отчеканенными по краю. Таких денег Вуйко никогда не видел. Но золото в них было настоящим. В этом он разбирался. Вуйко зачерпнул рукой несколько штук и сунул за пояс.

— Пригодится, — сказал он.

В полдень Вуйко сидел в седле тощего злого сверяписа. Кант, по прусскому обычаю, пожелал ему доброй охоты, а потом добавил:

— Не называй мой народ карликами. Они этого очень не любят.

Глава 9

Вуйко в Капнинесвике, в общем, нечего было делать. Крива, которого Вуйко про себя называл Псом, здесь был, но исчез два дня назад, и вряд ли кто-то знал — куда. Но он хотел посмотреть, действительно ли все так серьезно, как говорил Кант. Оказалось — действительно.

Капнинесвик было не узнать. За каких-то два месяца из большого, но тихого поселка он превратился в огромный боевой лагерь. Стены вокруг него еще не выросли, но ров и земляной вал уже стояли. Внутри звенели молотками наспех сооруженные кузницы, ржали кони и скрипели колесами тяжелые походные телеги. Надры серьезно и основательно готовились к войне.

Стинегота он узнал по нескольким шрамам на лице. От барстуков Вуйко знал о нем все. Знал по именам обеих его жен, знал, какого пола и сколько у него детей, знал, откуда шрамы. Как-то орденские рыцари подстерегли князя с двумя витингами в лесу. Сам Стинегот как раз в это время голый залез в речку Тильзу за раками и, когда четверо крестоносцев напали, едва успел выскочить и схватить свой меч. В той схватке погибли все и с одной, и с другой стороны. Выжил только Стинегот. Рассказ о том, как склавины нашли в лесу возле реки своего голого князя, облетел всю Пруссию. На Стинеготе не было живого места, мясо на нем висело клочьями, как шерсть на паршивом баране. Но он выжил. И этот подвиг прибавил ему авторитета настолько, что к тому времени, о котором мы рассказываем, Стинегот стал всеми признанным лидером надров и склавинов. Одно его присутствие в поселке говорило о многом.

Потолкавшись среди витингов в Капнинесвике, Вуйко выяснил и то, что Скуманда с

его дружиной здесь нет. Вуйко решил, что тот, как и предполагал Кант, ушел на восток нанимать литовцев и русских.

Помезанин Ауктуммис крутился рядом. Вуйко раздражала его суетливость и постоянное желание что-то продать надрам. Время от времени он извлекал из-за пазухи какую-нибудь безделушку и приставал с ней к первому встречному. Чаще всего он пытался всучить надрам куски порезанного на части чеканного медного кубка. Он собственноручно проковырял в них дырки и выдавал за редкие покунтисы. Люди с недоумением смотрели на помезанина, и один раз он чуть не нарвался на неприятности. Какой-то витинг, часто бывавший в походах на Польшу, понял, откуда взялся покунтис, и со смехом отмахнулся от Ауктуммиса. Но тот не унимался, и тогда витинг приставил к шее помезанина нож, вытряхнул из него все остальные куски меди и раздал детям. Ауктуммис еле унес ноги, но, не успев отойти и на пятьдесят шагов, стал предлагать женщине с козой какую-то красную веревку. Вуйко оттащил его от нее за воротник вилны.

В лесу за поселком они расстались. Вуйко передал помезанина барстукам. Как только тот исчез за деревьями, барстук в кожаной шапочке доложил, что его соплеменники из Скаловии рассказывают о необычно пышных приготовлениях в замке князя Сареки. Возможно, они и не придали бы этому значения — Сарека был богатым и знатным князем с обширными родовыми землями, часто и удачно ходил в походы и устраивал торжества по этому поводу. Однако между небольшой засекой на холме над Инстером, где сейчас и сидел Пес, и замком князя уже два дня мечутся усиленные дозоры витингов Сареки.

Язык барстуков был каким-то шепелявым, кроме того, в нем иногда проскакивали слова, которых Вуйко не знал, и ему все время приходилось вслушиваться.

— У Сареки много витингов? — спросил он у барстука.

— Два раса пальсев, — сказал тот.

Вуйко пришлось напрячь мозги, чтобы перевести эту фразу на человеческий.

Он представлял себе, где находится замок, но так далеко на северо-восток он никогда не заходил. Вуйко даже подозревал, что в тех лесах вообще еще не ступала нога христианина. Пес точно выбрал место для своей деятельности.

«Сорок витингов... — думал Вуйко. — Сорок воинов, подготовившихся разрубить на части любого инородца, который приблизится к их божеству. А до ближайшего замка крестоносцев почти день пути».

— Как тебя зовут? — спросил Вуйко.

— Гунтавт.

— Вот что, Гунтавт, мы возьмем его перед замком. Успеем?

Барстук задумчиво пожевал губами и задвигал носом из стороны в сторону. Вуйко посмотрел на его меч, которым можно было разве что яблоки чистить, на копье, похожее на стрелу от баллисты,¹²⁸ и в который раз подумал, что толку в бою от барстуков будет мало.

— Если Крива уже вышел к Сареке, то не успеем, — наконец сказал Гунтавт.

— Попробуем, — сказал Вуйко. — Не получится, что ж, будем ждать другого раза.

— Ты не сомневайся, — сказал барстук. — Мы тебя не подведем. У нас все охотники из тех, что когда-то учил воевать сам великий король-дух Гянтар.

— Это еще кто?

— Долго рассказывать. Сейчас не время.

— Да, — сказал Вуйко. — Поехали.

Глава 10

Барстуки не подвели.

Стрела вошла снизу вверх под ключицей. Били из баллисты почти в упор, поэтому она,

¹²⁸ Баллиста — так орденские рыцари, а вслед за ними и пруссы называли арбалет.

не задев лопатку, прошила левое плечо насквозь и вышла наконечником со стороны спины. Удар был настолько сильным, что Вуйко упал навзничь. Если бы не подскочили маленькие человечки и не стали, как серпами, косить по ногам наступавших на Вуйко витингов, ему бы из той свалки не выбраться.

Вуйко молился крайне редко. Если быть честнее, то он вообще не помнил, когда молился в последний раз. Но тогда, стоя в рощице у дороги под стенами Сареки, сквозь завесу мороси он увидел крытую повозку, окруженную верховыми витингами, и внезапно для самого себя вспомнил о Богородице. Возможно, потому, что уже за мгновение до того, как пришпорить коня, понял — Пса ему в этот раз не достать. Витингов было около десятка, и шли они плотно, прижимаясь к телеге.

Барстуки из придорожных зарослей стали метать свои дротики в передних лошадей, и те, взбесившись от боли, поднялись на дыбы и скинули всадников, опрокидывая их на шедших следом. Благодаря этому наскок Вуйко на замыкающих колонну оказался для них неожиданным. Он сходу снес голову одному и рассек второго витинга. Потом полоснул мечом по холсту, укрывающему повозку, и прыгнул внутрь. И сразу напоролся взглядом на взведенную баллисту. Он еще успел схватить ее левой рукой, а правой махнуть мечом по плечу стрелявшего, но тот нажал-таки на спусковой крючок. Вуйко вывалился из повозки на дорогу вместе с баллистой и стрелой под ключицей. Если бы не барстуки со своими маленькими острыми, как бритва, мечами, запрыгавшие зайцами вокруг него, тут, на этой дороге возле замка Сареки, Вуйко и пришел бы конец. Но маленькие человечки, которых он уже не называл карликами, вытащили его оттуда.

Сейчас Вуйко сидел в «замке» старейшины барстуков Галиндии, более похожем на землянку, в которой взрослому человеку нельзя было встать во весь рост, и Ауктуммис, бормоча какие-то заклинания, прилаживал к его ране повязку со снадобьями. Рядом барстуки хлопотали над своим растоптанным лошадьё товарищем.

Более всего Вуйко сожалел, что не успел увидеть того, кто прятался в повозке за витингом с баллистой. Ему все еще не верилось, что тот, кого он называл Псом, а барстуки Кривой, — пасынок князя Кантегерда Дитрих. Сколько тому было лет, пять, семь? Невозможно представить, чтобы ребенок, пусть даже обладающий нечеловеческой силой, имел такое влияние на взрослых воинов, на князей целого народа. Вуйко воевал в Пруссии уже больше десяти лет и давно оставил попытки понять ее. Принимал все таким, каким оно выглядело. Ему когда-то говорили о том, что в лесах здесь водятся карлики размером с локоть, звери, похожие на людей, гадюки длиной в тридцать шагов и прочие чудеса. Тогда он не стал даже прислушиваться к этим рассказам, но вот же они, барстуки, суется возле него. Значит, есть и все остальное. Значит, может здесь быть и мальчик дьявольского происхождения, который в семь лет от роду готовит свой народ к войне. И все же внутри Вуйко ворочалось сомнение, и потому он очень сожалел, что не увидел того, кто был в повозке, своими глазами.

Пришел Гунтавт и рассказал, что Сарека не поверил своим витингам, что среди тех, кто напал на повозку, были барстуки. Кроме того, Сарека даже мысли не допускал, что кто-то покушался на Криву. В последние годы в разоренной войной и никем не управляемой беззащитной Пруссии стали появляться ватаги литовцев и даже рутенов, грабивших каждого, кто не мог дать им отпор. «Скорее всего, — думал Сарека, — кто-то из них отважился напасть и на повозку». Шаг этот, учитывая, что все произошло почти под стенами замка могущественного князя, был, конечно, отчаянным, но на то ведь они и разбойники, чтобы нарушать закон. Теперь витинги Сареки рыщут по окрестным лесам, разыскивая тех, кто отважился разбойничать на землях князя, а в замке полным ходом идут приготовления к каким-то торжествам. Ожидается приезд Стинегота.

— Ты Пса видел? — спросил Вуйко.

Гунтавт замялся. А потом сказал, что впервые в своей жизни он не смог найти то, что искал. Они облазили весь замок и все его подземелья, но куда спрятался Крива — так и не поняли.

— Может, его там и нет?

Крива в замке, Гунтавт был уверен в этом. Это легко было понять по возбуждению людей и их разговорам.

— Значит, он понял, что мы хотели добраться именно до него, — сказал Вуйко.

— Да, мне тоже так кажется, — сказал Гунтавт. — Мы его найдем. Тебе все равно нужно отлежаться несколько дней. А пока мы найдем Криву.

— Сколько вы его будете искать? Два дня, неделю, две недели? Вряд ли он будет меня ждать все это время. Надо разорить, к чертовой матери, это змеиное гнездо и выкурить его оттуда. Ауктуммис, возьми обеих лошадей и скачи без остановки в Кенигсберг. Расскажи Тиренбергу или ландмайстеру обо всем, что тут происходит. Скажи, что одним ударом они смогут накрыть и Сареку, и Стинегота. Самое главное — пусть постараются прийти сюда как можно тише, не ввязываясь в бои в мелких засаках. Гунтавт, присмотри, чтобы этот воришка по дороге не свернул куда-нибудь.

Глава 11

К Сареке пришли оба — и Конрад фон Тиренберг, и ландмайстер Самбии Дитрих фон Ледла. Они привели с собой двести рыцарей и невероятное количество кнехтов. И все же осада замка длилась почти три дня. Потери Ордена были огромными. И это так разъярило крестоносцев, что, ворвавшись в замок на исходе третьих суток, они не оставили в живых никого. Вырезали даже женщин и детей.

Но Вуйко этого уже не увидел.

На второй день осады, ранним утром, в спину орденским рыцарям ударил отряд налетевшего неизвестно откуда князя Скуманда. Дружина была небольшой, но неожиданность удара и свирепость витингов заставили крестоносцев развернуть большую часть своих сил в их сторону. Бой был недолгим. Витинги Скуманда отступили так же внезапно, как напали. Осажденные в замке даже не успели передохнуть, когда крестоносцы навалились с новой силой. Однако Вуйко, внимательно следивший за происходящим со стороны, заметил, как в то самое время, когда рыцари ослабили осаду, чтобы отбить отряд Скуманда, в сторону от замка поскакали три всадника. Причем один из них, плотно завернутый в шкуры, даже не возвышался над головой лошади. Вуйко ударил шпорами в бока сверяписа. У него не было сомнений в том, кем был этот маленький укутанный шкурами всадник.

Шли прямо на север. Вуйко слышал, что где-то там, в излучине Немана, стоит огромный древний замок Раганита. Кроме того, что несколько лет назад под замком полгода простояло большое войско рутенов, не в силах его взять, что подтверждало слухи о неприступности Раганиты, Вуйко ничего о замке не знал. Он чувствовал, что Пес туда и стремится, опасался этого и во что бы то ни стало хотел перехватить Криву раньше, чем тот укроется за стенами.

Пес не учуял погони. Покунтис из белого металла на груди Вуйко закрыл его для Пса белой дырой в пространстве. Пес чувствовал прогалину, но был еще не настолько опытен, чтобы она его насторожила. И потому, когда они остановились у маленькой речушки напоить лошадей, он с большим изумлением смотрел на то, как корчится упавший на траву витинг. Из шеи у него торчал наконечник стрелы. Потом он услышал лязг железа и увидел, как Скуманд с трудом отбивается от какого-то воина. Тот уже разбил щит Скуманда и продолжал яростно наступать. Крива хотел рассвирепеть, обернуться Псом и перекусить глотку этому неизвестному воину, но понял, что не может этого сделать. Более того, он вдруг ощутил себя маленьким мальчиком Дитрихом, беспомощным и испуганным, и ему захотелось плакать.

Скуманд неудачно отбил очередной удар Вуйко, и меч обрушился на голову князя. Он прошел вскользь, но все же оглушил его. Вуйко занес оружие, чтобы добить Скуманда, но краем глаза заметил движение слева у себя за плечом и, развернувшись, послал клинок в ту

сторону. Раздался странный треск, будто сломалась большая ветка, какая-то невиданная сила выбила меч из его рук, а потом ударила в грудь и опрокинула на спину. Он больно ударился о баллисту, висевшую между лопаток.

Чуть поодаль стоял гигант нечеловеческого роста с абсолютно белыми волосами и таким бледным лицом, будто из него ушла вся кровь. В стороне плакал пасынок Кантегерда.

Вуйко хотел вскочить на ноги, но не смог — тело казалось ватным, а к горлу подкатила мешавшая дышать тошнота. Он снял со спины баллисту, стал заряжать ее и понял, что не сможет натянуть тетиву, — руки ослабли и плохо слушались. Вуйко взял стрелу и бросил ее в Пса. Стрела, не долетев, упала в траву. Тогда он лег и стал думать о Хорватии. Он еще видел, как беловолосый великан распахнул рубаху на его груди и сорвал подаренный Кантом оберег, но ему уже не было до этого никакого дела.

Эпилог

Когда барстук Гунтавт рассказал Канту обо всем, что тогда произошло у замка Рагайны, тот только произнес:

— Вот это мне и нужно было. Все, конец войне.

А Скуманд увез Криву в дикие леса Литвы, где тот на реке Вилейке основал новую языческую столицу, куда крестоносцы все же не добрались, и прожил там долгую жизнь, окруженный почетом и любовью литовцев. Но никогда ни его сердце, ни сердца его потомков не покидала ненависть к христианам, изгнавшим Верховного Жреца из родной Ульмигании, и тоска по ее туманным берегам.¹²⁹

САГИ И СКАЗКИ ПРУССИИ

История в легендах, легенды в истории... Сегодня никто не оспорит, что эти понятия сплелись неразрывно, и часто невозможно отличить реалии от вымысла. Иногда память народа сохраняет в своем мифотворчестве детали того или иного события, которые гораздо точнее отражают суть произошедшего, чем сухие факты. И времена, давно ушедшие, и нравы, давно забытые, вдруг предстают яркими и живыми. Как любая другая, прусская мифология населена множеством загадочных тварей. Правда, удивляет непохожесть, оригинальность местного бестиария, но это можно объяснить. Прусы, отгородившись от всего мира Вислой и Неманом, веками ревностно охраняли от других народов как свою территорию, так и самобытность культуры. Неудивительно, что ее влияние позже сказалось и на переселенцах-христианах. Поражает другое. Точность описания некоторых существ и взаимоотношения с ними местных жителей. Это не похоже на сказки. Это настораживает. Приглядевшись внимательнее, вдруг понимаешь, что Король-Олень — гигантское животное с длинной шерстью, что-то уж слишком напоминает доисторического оленя, вымершего вместе с мамонтами. А маркопеты — «земляные люди» — полужвери-получеловеки, обитавшие в землянках, просто близнецы «снежного человека», реликтового гоминоида. Оторопь берет. И уже совсем по-другому начинаешь относиться к рассказам о Великом Змее Анге, о маленьких человечках — барстуках, о племени светловолосых великанов.

Меньше всего хотелось бы прослыть сказочником-краеведом. Не мое это дело. Я бы и не занялся им никогда, если б не случай. Работая над другой книгой, я нечаянно наткнулся на целый пласт никем не востребованной оригинальной местной мифологии. Казалось бы —

¹²⁹ Деятельность Кривы в Литве прослеживается только до 1386 года, когда воспитанный Верховным Жрецом литовский князь Ягайло, из политических соображений изменил язычеству. Приняв крещение и польскую корону, он обрушился на своего наставника, погасил жертвенный костер в Вильно и перебил священных змей. Сам Жрец в очередной раз бесследно исчез.

золотая жила, бери, разрабатывай да радуйся. А стало грустно. Вдруг понял, что все, чем меня потчевали до сих пор наши историки, ничего общего не имеет не только с историей, но и со здравым смыслом. Жаль.

В общем, пришлось отложить книгу и зарыться в архивы. Тут же выяснилось, что работа не настолько проста, как думалось поначалу. Живая некогда ткань человеческой памяти о былом рассыпалась от ветхости и отчасти была подпорчена пересказчиками, отчасти навсегда утеряна. Собирал кусочки, складывал картинки. Что-то получалось, что-то нет.

Наиболее удачные, на мой взгляд, реконструкции я сейчас и представляю вашему вниманию. Причем, заметьте, я уже заранее извинился перед пытливым читателем за недомолвки и пустоты, которые он, конечно же, заметит, особенно в древних легендах. Впрочем, возможно это только раззадорит ваше любопытство и вы тоже попытаетесь внимательнее присмотреться к прошлому этой страны — Пруссии. Поверьте, оно того стоит.

Рагайна (Сага о происхождении прусского племени склавинов)¹³⁰

В те давние времена, которых никто не помнит, ибо не было у людей еще Памяти, а бродили они по Земле дикими толпами и лица их были темны, а сердца — во мраке, с Неба упала Звезда.

И родила Звезда великих людей. Рост их был выше сосен, а волосы белее снега, а глаза их светились, как небо в утренние часы. А имя им было — ульмиганы.

И взошел старший из них на высокую гору, и окинул взором пески у моря, и многие реки, полные рыбы, и многие леса, полные дичи, и сказал: «Вот страна, достойная быть нам Родиной. Здесь мы построим наши замки. Ей отдадим мы свое Великое Знание. Ей посвятим мы свою небесную силу. И зваться она будет отныне — Ульмигания».

И взяли великаны темнолицых в подданные, и научили их строить замки, и выращивать хлеб, и делать одежду, и торговать. И приумножилось богатство той страны, и возросла слава ее, и счастливо жил народ ее.

Прошла тысяча тысяч лет. Стали великаны брать дочерей темнолицых себе в жены, и было у них много потомства, и разошлось оно по всей Земле, но дети их уже не были великанами, а только светлые волосы и синие глаза напоминали об их происхождении.

Прошла еще тысяча тысяч лет. Последний из потомков Звезды слег на смертном одре и призвал сыновей, а звали их Тильзе, Вильмант и Ромбин, и послал их в разные стороны, в разные земли, посмотреть — нет ли где невест, их достойных, из племени белолицего, небесного происхождения? И вернулись сыновья, и сказали отцу: «Все земли мы обошли, во всех странах были, но нет нам достойных — ни ростом великим, ни происхождением».

Опечалился великан, ибо не осталось у него уже надежды на продолжение рода, и отпустил сыновей. Пошли сыновья и построили неподалеку от замка отца свои замки. Тильзе и Вильмант на левом берегу Немана, а Ромбин — на правом.

Призвал великан дочь свою и спросил ее: «Согласна ли ты следовать воле моей и оставаться верной ей до конца?» Припала дочь к стопам отца и сказала: «Согласна». Велел великан дочери запереть все ворота в замке, взойти на самую высокую башню и бросить ключ на дорогу. А был тот ключ, хоть не очень велик, но заколдован, и отпирался им не только замок великанов, но вся долина Немана.

Многие годы прошли мимо замка и многие люди. Многие же пытались оторвать ключ от земли, но никто не смог. Решила дочь великана, что нет больше сильных и смелых на Земле, и нечего ей ждать, и надумала схорониться навсегда в заколдованных подземельях под замком.

¹³⁰ Здесь, пожалуй, уместно было бы вспомнить исследования некоторых этимологов, которые этноним «славяне» связывают с этнонимом «склавины», но в этой книге мы обойдемся без комментариев.

В последний раз поднялась она на высокую башню полюбоваться течением реки и увидела, что подходит к замку большое войско. И некоторые из войска того берутся за ключ, но поднять его не могут. Вышел тут юноша неприметный и взял ключ и вставил его в замок. Но не повернулся ключ. И тогда спросила великанша с башни:

«Чей ты, юноша, и как зовут тебя в твоём народе?»

«Склаве — имя мое. А отец мой — король Вайдевут», — ответил юноша.

«Ты поднял заколдованный ключ, — сказала великанша. — Значит, силой и смелостью ты достоин. Однако этого мало, чтобы владеть моим замком. Ты должен узнать имя той, которая в память о небесном происхождении, носит на голове золотые рожки месяца, а на лбу и на плечах знаки звезд».

И вспомнил тут юноша древнее пророчество, где говорилось, что вернется его народ в землю предков, и будет на краю той земли стоять замок великий, и на башне замка — последняя из дочерей Звезды. И сказал юноша:

«Рагайна — имя твоё».

«Входи! — сказала Рагайна. — Отныне тебе принадлежит все — и я, и замок, и власть над этими землями».

Замок этот стоял чуть восточнее современного Рагнита, а хозяевами его с той поры всегда были князья склавинов. Женщины этого прусского племени в память о породнении их предка с дочерью Звезды носили в косах месяцевидные украшения и одежды расшивали звездами.

Неринга

Во времена, когда пруссы были свободны и счастливы в своём язычестве, на тонкой косе, уходящей от Самбии на север, жило маленькое племя куров. С юга их защищали могучие самбы, а с других сторон окружала вода. Так что воевать им было не с кем. Обрабатывать землю они не умели. Это позже плуг разбудит пески и дюны начнут пожирать мирные поселки, а тогда коса была зеленой и цветущей. Залив был полон рыбы, а леса — дичи, и непритязательные куры были бы счастливы. Если б не горькая участь их вождя Карвейта, прозванного Великим за высокий рост и силу. У него было все, что нужно для спокойной жизни, — кроткие подданные, большой и крепкий замок, красивые жены. Вот только детей у Карвейта не было. Куда он только ни ходил со своей печалью. К каким только богам ни обращался. Ничего не помогало.

Как-то на охоте Карвейт убил оленя. Он уже собирался разделывать тушу, как вдруг видит, под липой неподалеку стоит старик с длинными белыми волосами.

— Здравствуй, Великий Карвейт, вождь куров, — сказал старик.

— Здравствуй, — ответил Карвейт. — Кто ты, старик? Я не знаю тебя.

— Это ничего, — говорит старик. — Достаточно того, что я тебя знаю. Не дашь ли ты мне часть своего оленя, вождь? Я иду издалека и уже много дней ничего, кроме лесных ягод, не ел. Силы мои на исходе, а путь предстоит длинный.

Вытащил Карвейт меч, разрубил оленя пополам и указал на заднюю, лучшую часть туши.

— Бери, старик. Я моложе, зубы мои покрепче, мне и жесткое мясо сгодится.

— Спасибо, Карвейт, — сказал старик. — Не нужно мне твоего мяса. Это я испытывал тебя. Теперь вижу — ты действительно добрый вождь. Я пришел помочь в твоём горе. Будет у тебя ребенок. Но для этого должно твое племя отказаться от приношений всем богам, каким вы сегодня молитесь, и три года каждое новолуние приносить к этой липе по оленю. Здесь обитает прекрасная богиня Лайма. Ей будете отдавать жертвы. А теперь обернись, вождь. Видишь то место на берегу залива? Ровно через три года, день в день, ты придешь сюда на рассвете с любимой женой, и здесь вас ожидает счастье. Ребенок ваш будет необычным, но ты достоин его, Карвейт.

Вождь хотел спросить у старика что-то, но, обернувшись к липе, не увидел его. Старик

исчез.

Мечом Карвейт нарубил дров, сложил ритуальный костер и взгромоздил на него оленя.

Три года куры носили жертвы богине Лайме. Впрочем, последние месяцы, с недоумением поглядывая на стройные талии всех трех жен Карвейта, они делали это менее охотно. Но Карвейт Великий считал себя человеком слова и решил до конца оставаться верным обещанию. По истечении срока, на рассвете, он явился с любимой женой к месту, указанному старцем. У самого берега волна покачивала плетеную корзину, в которой спал крепкий пухленький младенец.

Девочку называли Неринга. В благодарность Лайме за чудесный подарок куры, собравшись всем племенем, устроили под липой пышный пир, длившийся три дня и три ночи. Явилась даже старая колдунья-отшельница, жившая в черных песках на севере косы. Она подошла к колыбели, отогнула корявым пальцем покрывальце, долго вглядывалась в девочку и сказала:

— Еще ждут тебя, Карвейт, неприятности с этим ребенком, но у девочки великое будущее и славное имя ее останется в веках.

Как она сказала, так и случилось.

С первых же недель девочка стала вызывать тревогу родных и беспокойство всего племени.

Она требовала все больше и больше еды, молока шести кормилиц не хватало, чтобы ее насытить. Когда ребенку исполнился месяц, няня уже не могла поднять его. В полтора месяца девочка дотянулась до куска жареного мяса, схватила его и съела. С этого возраста ей стали давать взрослую пищу. К году она бегала с подростками по лесу и была ростом со своего отца. Вот тогда и явился к Карвейту жрец-вайделот.

— Три года, — сказал он, — ты, Карвейт, заставлял племя молиться третьестепенной богине. На три года ты отлучил свой народ от верховных богов. И этот великий грех — на твоей совести. Если ты не хочешь накликать беду на всех куров, то должен немедленно умертвить это порождение злобного духа и отдать Нерингу в жертву Пиколу.

— Нет, — сказал Карвейт. — Неринга — дочь, подаренная Лаймой, и я верю, что она принесет счастье курам. Я никому не позволю ей навредить.

— Хорошо, — сказал вайделот. — Тогда я отправлюсь в столицу пруссов — Ромову и донесу обо всем Верховному Жрецу — Криве. Он пришлет сюда свирепых самбийских воинов, и кровь куров ляжет на твою голову, Карвейт.

— Будь по-твоему, — сказал вождь. — Пусть нас рассудит Крива. Я возьму Нерингу, и мы вместе пойдем в Ромову.

Путь от замка вождя куров до столицы пруссов был недолгим. Уже через сутки они предстали перед великим Кривой. Тот выслушал обе стороны, потом велел привести девочку. Пристально глядя ей в глаза, он сказал:

— Многие тысячи тысяч лет назад на Землю упала Звезда. Эта звезда родила славное племя великанов с белыми волосами и глазами небесного цвета, давшее начало многим народам. Как знать, может, этот ребенок — один из них? Он принесет счастье народу куров и тебе, Карвейт.

Отныне Неринга пользовалась общей любовью и почитанием, а куры решили построить для нее огромный замок с потолками выше всякой сосны, чтобы было ей где жить, когда она вырастет.

Но и Неринга много доброго сделала курам. Подростком она с легкостью вытаскивала телеги, застрявшие в песке, и играючи выволакивала на берег лодки, терпящие бедствие в шторм. Ей ничего не стоило расчистить площадку под строительство хижины, выдернув с корнями несколько деревьев, или спихнуть в море дюну, угрожающую поселку.

Наконец пришло время и Неринге задуматься о потомстве. Но в малорослом племени куров не было ей пары, хотя лучшие парни сватались. Приезжали славные вожди и из других племен. Чтобы никого не обидеть, Неринга придумала испытание.

«Тот женится на мне, — объявила она, — кто докинет камень до Винде — огромного

замка на другом берегу залива».

Многие пробовали, но ни у кого не получилось. А поперек залива до сих пор лежит дамба из камней, набросанных поклонниками Неринги. Один из них, приехавший из далекой Бартии, сказал:

«Нас обманули, дав невыполнимое задание. Нет в мире человека, способного докинуть камень до того берега».

И Неринга, дабы устыдить его, подняла валун в половину человеческого роста и швырнула так, что, пролетев через весь залив, он ударился о стену замка Винде. И гром от удара был далеко слышен. А из замка вышел человек, под стать Неринге — гигантского роста, и с криком: «Кто посмел швырять камни в мой замок?» подхватил валун в человеческий рост и так бросил его, что перелетел камень залив, пробил просеку в лесу на косе и упал в море.

И тогда сказала Неринга:

— Вот мой жених!

Вскоре после этого начался страшный ураган, длившийся больше года. Ветер не стихал ни на мгновение, а море намыло на косе невиданные доселе дюны. Воды залива устремились к западному берегу и соединились там с водами Немана. Потоп угрожал и замку жениха Неринги. Стала собирать она дюны в фартук и носить через залив, высыпая горами вокруг замка. Так и спасла его. А насыпь эта существует и поныне.

Весь тот год Неринга трудилась не покладая рук. То песок от поселка отгребет, то промоину в косе засыплет, то бросится в залив ловить лодки, смытые ураганом, то поможет навалить сосен для ремонта разрушенного дома. И только когда ураган стих, стало возможным отпраздновать свадьбу.

Неринга перешла жить к мужу, в Винде, но всю свою жизнь не оставляла куров без присмотра. То и дело она переходила залив и помогала им в тяжелых работах.

У Неринги родился сын. Но судьба его мало известна, ибо, согласно древнему пророчеству: «...придет ураган с моря, и будет бушевать год и один месяц, и стихнет. Но, подобно урагану, с запада и с юга придут сильные люди, закованные в железо, и будут они бушевать, пока не падут под их мечами боги и народы Пруссии, и не исчезнут с лица земли, как исчез народ ульмиганов...»

Заклинатели прусского бога

Бывает так, что по несчастливому стечению обстоятельств в одном месте собирается сразу несколько особей из тех, что зовутся сорвиголовами. Как правило, это люди, недовольные судьбой, считающие, что они достойны лучшей доли — посытнее еды, побогаче одежды и т. д. Жалуясь друг другу на бедность, они постепенно распаляются, а дьявол уж тут как тут — подсовывает им очередной план внезапного обогащения. И если при этом присутствует хоть капля спиртного — жди беды. Дьявольский проект они решат осуществить немедленно.

Вот так в одном из трактиров Кёнигсберга в двенадцати головах сразу родилась идея запродать души язычеству. За приличное вознаграждение, разумеется.

Заправлял этой командой некий Иоганес, неприменный участник всякой потасовки, бывший солдат, бывший моряк, известный завсегдатаям пивных тем, что ему «сам черт не брат». Но главное его достоинство было в том, что он происходил по материнской линии из рода прусских жрецов — вайделотов. Хотя отец его был немцем и семья мало общалась с прусскими родственниками, все же когда-то Иоганесу довелось побывать на обряде жертвоприношения и заклинания богов. Такие обряды, хоть и были запрещены, но сохранялись у пруссов.

Итак, Иоганес, помня в общих чертах необходимые действия жреца, вызвался все устроить самым наилучшим образом. Они купили черного козла, бочку пива и отправились к холму Глаппенберг, где в древности было одно из прусских святилищ. Там Иоганес начал

колдовать, применив один из самых опасных обрядов, который использовался для прямого вызова божества, обитавшего в конкретном месте.

Я не стану описывать здесь этот обряд, дабы ни у кого не возникло соблазна его опробовать. Скажу лишь, что после трехчасовых стараний Иоганесу удалось добиться желаемого. Вот только вряд ли он действительно желал того, что получил. Четверо его товарищей, увидев результат действий, в ужасе бросились бежать не разбирая дороги. Позже выяснилось, что бежали они в сторону от Кёнигсберга, в район Северной горы. Бог сжалился над ними и привел прямо к старой кирхе Св. Якова, что стояла тогда на месте нынешнего форта № 3. В храме они оставались несколько дней, замаливая свой грех, а потом отправились в Палестину, чтобы у Гроба Господня вымолить прощение. Но это было после, а в тот день множество мужчин во главе со священником бросились на Глаппенберг в надежде спасти тех, кто там остался. Увы! Четверо были найдены в состоянии бессловесных тварей — они уже никогда не оправились. Трое лежали в ряд бездыханные. А самого заклинателя собирали по частям. Казалось, будто что-то разорвало его изнутри, и он разлетелся в стороны, как мыльный пузырь. Причем лихую голову Иоганеса — как ни искали, не нашли.

Шабаш

Улица Ролльберг в столичном граде Кёнигсберге была знаменита тем, что на ней селились ведьмы.

Само место их притягивало, что ли, или обычная женщина, поселившись на холме, со временем становилась ведьмой? Бог его знает. Но поразительно то, что, вопреки всем войнам, эта улица стоит и поныне. Она почти не изменилась с тех пор, хотя и стала зваться именем Коперника.

В 1775 году к священнику кирхи в Штайндамме (сегодня это место занято Ленинским проспектом) обратился старик на деревянной ноге с просьбой исповедовать его. Тайны из своей жизни он не делал и разрешил пастору записать его рассказ при условии, что имя упоминаться не будет. Вот суть рассказа.

Молодой человек нанялся в подмастерья к двум женщинам, имевшим на Ролльберге небольшую пивоварню. Были они в родственных отношениях, нет ли — он так и не понял. Иногда ему казалось, что они сестры, иногда — нет. Об их семьях он тоже никогда не слышал. Впрочем, о таких вещах он тогда и не задумывался. Хозяйки были молоды и, по его словам, «ухаживали за ним наилучшим образом», так что жилось ему неплохо.

Комната молодого человека была рядом с кухней, и однажды ночью он проснулся оттого, что кто-то гремел посудой. Он встал, осторожно приоткрыл дверь и увидел, что обе хозяйки расхаживают по кухне совершенно голые.

Смущенный, он не решил объявиться, хотя и закрыть дверь у него рука не поднялась. Так и стоял он, разглядывая их прелести через щель. Тем временем хозяйки сняли с печи котелок, добавили туда крупный кусок чего-то, похожего на жир, и тщательно размешали. Немного погодя, когда варево остыло, они стали брать его руками и намазывать себе на тело, хихикая и постанывая от удовольствия. Затем взяли ухваты и с визгом вылетели в каминную трубу. Подмастерье ахнул от неожиданности. Какое-то время он был в оцепенении, а потом любопытство взяло верх над благоразумием, он подскочил к котелку, где еще достаточно было мази, разделся и растер себя с головы до ног. Пошарив за печкой и не найдя больше ухвата, он оседлал совок для мусора. К ужасу и восторгу его, совок взвился и вместе с ним метнулся в дымоход.

Во время полета парень ничего не видел. По его словам: «тьма была кромешной». Наконец впереди подмастерье заметил огонь. Большой костер пылал на вершине горы. Когда он приземлился, на него никто не обратил внимания. Несмотря на то, что там было много людей, в основном женщины, никому до подмастерья не было дела. Все же его пробирала дрожь от необычности происходящего, и он решил укрыться за большим камнем и оттуда

наблюдать за шабашем.

Возле костра, где что-то варилось в котле и жарилось на вертелах, стоял огромный плоский камень, на котором лежал козел со спутанными ногами. Возле него и вертелся весь праздник. Старик с длинным, до подбородка, носом бил в бубен, а ведьмы плясали на простыне, которую по очереди держали за углы на весу. Тут же скакал и маленький пузатый уродец с козьими рожками и отвислыми ушами и дул в свиной череп, извлекая отвратительные звуки, которые, однако, очень нравились ведьмам. Когда карлику удавалось выдуть особенно пронзительную ноту, они радостно хлопали в ладоши и кувыркались на простыне, нисколько не стесняясь выставлять напоказ свои срамные места. Все пили густую темную жидкость, зачерпывая ее кружками, ковшами и просто мисками из большого медного таза. Подмастерье заметил, что жидкость совсем не убывала.

Когда веселье достигло той стадии, когда уже никто не разговаривал, а все только визжали и прыгали, одна ведьма, как показалось подмастерью, самая старая из всех, подскочила к козлу и, высунув язык, стала вытворять такие непотребства, что об этом и подумать стыдно, не то что рассказывать. После к козлу устремились другие ведьмы, выделявая то же самое. Когда очередь иссякла, безобразная старуха опять подбежала к козлу и закричала:

— Ну что, все приобщились?

— Все! — хором ответили ведьмы.

Она и в другой раз спросила, и в третий. И неизменно в один голос ведьмы отвечали ей.

А потом старая ведьма вытащила откуда-то большой нож, одним махом отсекала козлу голову и, размахивая ей, обрызгала кровью всех присутствующих. Ведьмы при этом радостно повизгивали, да так громко, что подмастерье закрыл руками уши, испугавшись за свой слух. Но тут все успокоились и стали мирно рассаживаться вокруг костра, готовясь к трапезе. Еда так вкусно пахла, что подмастерье заерзал за камнем. Его подмывало подойти и присоединиться. Заметив, что хозяйки сидят совсем близко, он не выдержал, выбрался из-за камня и подошел к ним. «Дайте и мне кусок мяса», — попросил он. Как же они удивились, увидев его! Но прогонять не стали, даже обрадовались. «Вот хорошо! — сказали они. — Ты-то нам и поиграешь на скрипке, а то нашего скрипача что-то сегодня не видно». Они усадили его рядом, стали кормить и угощать напитком из бездонного таза. Пойло оказалось довольно приятным — сладким и крепким, правда, со странным запахом, вроде как псиной от него несло, но измученному подмастерью было уже не до того, чтобы принохиваться. А подкрепившись как следует, он уже играл на скрипке, плясал и целовался с ведьмами, будто всю жизнь только этим и занимался. Мало-помалу он так уморился с непривычки, что свалился в траву и уснул.

Проснулся в своей постели далеко за полдень и никак не мог понять, почему это он спит голым и чем же от него так воняет? Понемногу подмастерье стал припоминать ночное приключение. И так ему стало гадко на душе, что встал он, оделся и пошел в ближайший трактир. А там, кружка за кружкой, он и излил душу приятелю.

Вернулся подмастерье домой, а его хозяйки делают вид, будто и не было бурной ночи.

Время шло, а в доме все как раньше. Подмастерью стало казаться, что та ночь приснилась. Он успокоился, и все бы обошлось. Вот только приятель оказался несдержан на язык. Пошли слухи. Подмастерье начал замечать, что хозяйшкИ стали косо на него поглядывать. Молчат, все больше хмурятся.

Как-то возится подмастерье в пивоварне возле котлов, вдруг заходит огромная кошка. Он таких и не видел никогда. Оторопел даже. Но кошка ничего, даже ласковой оказалась, стала тереться об его ноги. Хотел было подмастерье опять за работу взяться, но вдруг видит, что кошка его все ближе к кипящему котлу подталкивает. Он вправо, и она туда же, он влево, она — за ним. Еще бы шаг, и быть подмастерью сваренным живьем. Но он изловчился, отскочил в сторону и пнул кошку ногой. Она в котел и свалилась. Да как закричит человеческим голосом! Подмастерье глянул, а в котле его хозяйка варится. Испугался он, скинул фартук и сбежал из дома. Идет по улице и думает: а ведь найдут хозяйку в котле,

его казнят за эту ведьму. Добрался до порта, завербовался на судно. Потом сошел в Риге. Какое-то время в Курляндии перебивался, потом воевал в русской армии. А к старости домой — в Пруссию — потянуло. Вот и пришел к пастору облегчить душу.

Сказка о том, как крестьянин дьявола обхитрил¹³¹

Жил в Пруссии один крестьянин, известный неудержимой страстью к обогащению. Звали его Мартин. Чуть ли не каждый день изобретал он все новые способы к увеличению прибыли со своего хозяйства. Кони его были самыми сильными в Пруссии, коровы самыми удойными, свиноматки приносили по пятнадцать поросят, гуси были размером с овцу, а овцы — с теленка. Все у него было, и все — самое лучшее.

Как-то лег Мартин спать, а ему не спится. Хочется придумать что-нибудь еще, что прибавило бы доходов. Думал, думал, и впервые ничего в голову не пришло. Разволновался Мартин, взял фонарь, пошел в обход по своим владениям. Авось найдет, что — не самое лучшее, не самое совершенное. Не нашел ничего, ни одного изъяна. Даже стены амбара излазил, думал хоть мышиную норку найти да заткнуть ее, авось хоть на пригоршню урожая сбережется. Нет и норок. Давно уж грызуны во всей округе потравлены.

Сел Мартин во дворе на лавочку и чуть не плачет. Совсем отчаялся. Настроение такое пакостное, что вот хоть бери и черту душу закладывай, лишь бы прибыльно было.

А Дьявол, вот он, прямо тут и стоит.

— Звал, Мартин? — спрашивает.

«Да, — думает Мартин, — только вспомни о нем, он тут как тут».

— Так и есть, — говорит черт. — Такая работа. А ты, я слышал, прибыли ищешь?

— Да уж, — говорит Мартин. — Хотелось бы.

— Есть такой способ, — говорит Дьявол.

— Знаем мы твои способы, — отвечает ему Мартин. — Ты, небось, сразу душу потребуешь.

— Зачем же сразу? Мы не изверги. Потерпим. Да и не нужна мне твоя душа сейчас. Мне тоже прибыль надобна. Расходы ведь и у меня большие. А сделаем так: ты пашешь, сеешь, а я обеспечу урожай, которого в мире еще не видели. В десять раз больше того, что ты раньше имел. Только уговор — убираем вместе. А чтобы получилось поровну и никому не обидно, в первый год вершки мои, в другой — твои. И так мы поработаем четыре года. Ну, как?

— Да что ж, — говорит Мартин, — терять особо нечего. По рукам.

Пошел Мартин домой, немного поразмыслил, и с хитрой улыбкой уснул.

Подошло время уборки. Мартин носится как угорелый, строит новые погреба — картошку некуда девать.

Приходит Дьявол.

— Ну что, — спрашивает. — Урожаем доволен?

— Еще бы! Я о таком и мечтать не мог. Спасибо, брат.

— А моя доля где? — спрашивает Дьявол.

— Да там, в поле осталась. Иди, забирай.

Пошел Дьявол в поле, попинал копытом ботву и говорит Мартину:

— Да, знал я, что ты хитер. Ну да ладно, следующие корешки мои.

Прошел год.

Мартин и сам запарился, и семью свою загонял, и всех соседей в работу впряг. Пшеницей не только амбары, но и двор завален. Пыль столбом. Грохот от молотьбы такой стоит, что не говорить, а кричать приходится.

¹³¹ После «Семилетней войны» и оккупации Кёнигсберга русские солдаты перенесли в Россию вариацию этой сказки под названием «Крестьянин и медведь».

Явился черт.

— Доволен ли урожаем? — кричит Мартину.

— Ох! — тоже кричит Мартин. — Вот это уважил, так уважил! Всю жизнь тебя благодарить буду!

— А моя доля — в поле?

— В поле, в поле...

Пошел Дьявол в поле. Походил по стерне. Вернулся к Мартину.

— Знал я, что ты хитер, но не думал, что настолько. Но и ты еще не знаешь, с кем связался. В следующий год я буду сеять. А ты, если такой хитрый, должен догадаться, что за растение я посадил? Догадаешься — все твое. Не догадаешься — душу выну! Договорились?

Раскинул Мартин мозгами — нет такого растения, чтобы он не знал. Все у себя в хозяйстве перепробовал. Согласился с Дьяволом.

Приходит лето. Мартин бродит по своему полю и никак не может понять, что же это выросло? Листья какие-то круглые — не то лопух, не то салат. Мартин лист сорвал, растер в руках, понюхал. Нет, не съедобный — воняет. Сунул лошади — та отшатнулась. И не кормовой. Мартин расковырял землю, вытащил корешок, пожевал. Дрянь какая-то!

Поехал Мартин в Кёнигсберг, к умным людям, в университет. Показал растение. Нет, не знают там такого растения.

Нашел Мартин великого знахаря — вайделота, который людей лекарственными травами пользует. Нет, не знает он такой травы.

Приехал Мартин домой и так загоревал! Не ест, не пьет, по хозяйству ничего не делает. Все ищет, кто бы помог ему с дьявольской травой разобраться. Сулил такие деньги, что из дальних провинций народ приезжал. Никто не может понять, что у него в поле выросло.

Но вот как-то приходит старушка и говорит:

— Я помогу тебе, Мартин.

— Знаешь траву?

— Нет, — говорит старушка. — Знать не знаю, а помочь могу.

— Как же? — спрашивает Мартин.

— Это уж мое дело. А ты меня накорми, напои да спать уложи. А к вечеру разбуди. Я помогу тебе.

Наелась, напилась, выпалась со всем удовольствием старушка, а к вечеру в поле вышла. Да так прямо, с самого края, и давай растения выдергивать. Тут Дьявол налетел, да как заорет:

— Ты что это, дура старая, мой табак рвешь?

— Да я и не знала, — говорит старушка, — что это твой табак. Вижу — ерунда какая-то растет, дай, думаю, прополю.

— А ну, пошла отсюда! — заревел черт.

Извинилась старушка за свою оплошность, пошла к Мартину и сказала, как называется растение.

Тут и время уборки подоспело. Приходит Дьявол.

— Давай, Мартин, сюда свою душу, а урожай я уж сам уберу.

— А зачем тебе, чертушко, моя крестьянская душа, — спрашивает Мартин, — если сам ты в крестьянском деле ничего не понимаешь и ничего более путного, чем табак, посадить не можешь?

Выругался Дьявол последними словами и с тем исчез.

— Эй! — закричал Мартин. — А как же четвертый год? Я еще прибыли хочу!

Но черт больше не объявлялся.

А я вот сиюю здесь и думаю: конечно, жалко было бы Мартина, если б черт у него душу вынул. Однако сколько же в мире душ погибло с тех пор из-за этой заразы, которую в Пруссии всегда звали «дьявольской травой»? И ведь никто из них, за исключением Мартина, прибыли с этого не имел. Одни болезни. И вообще, кто же в этой истории оказался хитрее? Тот, кто получил прибыль и начал курить, или тот, который, казалось бы, ничего не получил,

но с удовольствием наблюдает, как мы чахнем, глотая дым?

Молочная ведьма

В былые времена в Тильзите долго помнили ведьму, которая держала в страхе весь город. Называли ее Молочной ведьмой. Жила она на окраине города, где многие имели скот, но коровы у нее не было. Незачем. Она и так всегда была с молоком.

День ее начинался с того, что ведьма брала всю имеющуюся посуду, складывала на тележку и начинала обходить дом за домом, взявая своеобразную молочную дань. Никто не смел ей отказать. Упаси Бог! Люди, завидев ее безобразную рожу, спешно собирали по дому все, что было самого вкусного из молочных продуктов, и с жалкой улыбкой вручали это ведьме. Если при этом улыбка казалась ей недостаточно любезной или она решала, что ей дали не все, что могли дать, она молча поворачивалась и шла домой. Но к следующему утру человек просыпался весь в бородавках или с горбом на спине.

Дома у ведьмы к потолочной балке были прибиты два куска веревки. Через них она могла доить любую корову или козу. И если колдунья была на кого-то зла, то его скотину она доила до тех пор, пока из веревок не потечет кровь.

Со временем старуха так обнаглела, что, встретив Смотрителя Замка — мифического покровителя Тильзита, привидение, которое горожане, впрочем, воспринимали как реальную личность, — потребовала свою долю молока и с него. Тот выслушал ведьму и вежливо предложил пройти в хлев, где она и осталась. Теперь ей молока достаточно. Замковый Смотритель превратил колдунью в корову, которая уже долгие годы бродит по подземельям с распухшим выменем, разыскивая кого-нибудь, кто бы мог ее подоить.

Еще и сейчас, если встать у замковой горы и прислушаться, то можно услышать жалобное мычание Молочной ведьмы.

Наказание жены горшечника

В Тильзите жил когда-то очень хороший гончар. Изделия его были так искусны, что приезжали за ними даже из Кёнигсберга. Он был гордостью гончарного цеха Тильзита. Но вот беда. Как это часто случается с хорошими людьми, попалась ему сварливейшая из жен. Ей всегда казалось, что покупатели только и думают, как обмануть ее при расчетах, муж старается утаить заработки, а слуги мечтают обокрасть. Целыми днями она занималась тем, что раскрывала козни окружающих. С каким же упоением она вцепилась однажды в волосы служанке, когда обнаружила пропажу баночки с синей краской! Бедняга осталась бы лысой, не подоспей вовремя хозяин.

Может быть, в другом доме на этом все бы и закончилось. Баночка краски не такая уж великая ценность, чтобы из-за нее призывать на голову ближнего все небесные кары. Но жене горшечника казалось, что этого так оставлять нельзя. Она решила, что здесь тот самый случай, когда надо всем доказать свою правоту, и отправилась на поиски Смотрителя Замка. Была некогда в городе Тильзите такая загадочная личность — старик с длинными белыми волосами — не то привидение, не то дух — хранитель замковых сокровищ и покровитель горожан. Все знали о его могуществе и справедливости и часто обращались за помощью и поддержкой.

В тот вечер она его не встретила. Но упрямая женщина пошла к замковой горе и в следующую ночь. И ей повезло. Разглядев в темноте высокую беловолосую фигуру Смотрителя, жена гончара бросилась ему в ноги и стала молить о немедленном наказании воровки. Смотритель подумал, взглядываясь в посетительницу, и сказал:

— Я смогу исполнить твою просьбу, но потом никто не исправит то, что я сделаю.

— Ничего не надо исправлять! — причитала жена горшечника. — Пусть воровку, взявшую банку с краской, так скрутит, чтобы она потом всю жизнь вспоминала свой поступок.

— Быть по-твоему, — сказал Замковый Смотритель и растворился в темноте.

Очень довольная, жена горшечника, переступив порог своего дома, начала громко звать мужа и служанку. Она хотела, чтобы наказание прошло при свидетелях. Так и случилось. Едва служанка и муж прибежали на крики, как что-то будто ударило женщину изнутри, и она вспомнила, что сама спрятала банку с краской на платяном шкафу. Но было поздно. Ее голова все ниже пригибалась и выворачивалась набок, ноги заплелись одна за другую, руки немислимым образом завернулись за спину, и вся она стала похожа на сломанный штопор.

Черные паруса в Саркау

Это было весной 1709 года.

Пастор рыбацкой деревушки Саркау, что на Куршской косе, ночью лежал без сна и слушал, как гремят льдины на заливе.

«Ну, вот и весна, — думал он. — Скоро рыбаки выйдут на промысел. Появится заработок, поселок оживет после зимней спячки, и во дворах засмеются дети».

Ураганый ветер выл в печной трубе и рвался в окна, но на душе у пастора было радостно. Все-таки весна идет.

Ему показалось, что хлопнула входная дверь. Пастор удивился, потому что помнил, как закрывал ее. Он встал и направился посмотреть, что происходит в сенях. Как вдруг распахнулась и дверь спальни. Чьи-то руки подхватили его и бросили на кровать. Мужской голос потребовал, чтобы он немедленно оделся и пошел в кирху. Пастор даже не испугался, потому что не понял, что происходит.

«Как же я оденусь в темноте?» — спросил он.

Ему разрешили зажечь лампу. И когда он увидел тех, кто пришел, ему стало не по себе. В комнате стояли двое мужчин, одетых во все черное. Лица их были скрыты темными платками так, что видны были только глаза.

«Что вам от меня нужно?» — спросил пастор, дрожащими руками натягивая сутану.

«Не бойтесь, — сказали ему. — Мы не грабители. Мы свидетели новобрачных. Нам нужно, чтобы вы обвенчали пару, которая уже ждет у кирхи. Там же и гости. У нас все готово, так что дело за вами».

Пастор только пожал плечами. Возражать в его положении было бессмысленно.

Подходя к кирхе, он увидел людей в черных одеждах. За ними в заливе покачивался корабль с черными парусами. И тут пастор по-настоящему испугался и бросился бежать. И убежал бы, но в темноте не разбирал дороги и уперся в кладбищенскую ограду, где его и настигли мужчины в масках. Они волоком оттащили пастора в кирху и освободили только на алтаре. К этому времени в кирхе уже горели свечи. Кто-то заиграл на органе неизвестную пастору тягучую мелодию. От этих звуков у него мороз прошел по коже.

Жених и невеста уже стояли перед алтарем коленопреклоненные. Они были единственными из присутствующих, кто не скрывал бледных, будто сделанных из воска, лиц. Пастор обвенчал их, и вся свадьба подалась из кирхи на берег залива. Двое ночных гостей проводили пастора до дома.

Уходя, мужчины в масках приказали не следить за ними, а в подтверждение приказа подперли дверь пасторского дома палкой, чтобы после их ухода он не смог выйти.

Все еще дрожа, не раздеваясь, священник лег на кровать. И тут раздался удар колокола. «Ветер», — успокоил себя пастор, хотя прекрасно знал, что такого не случилось даже в самые сильные ураганы.

Утром прихожане, не найдя пастора в церкви, пришли и освободили его из заточения. Пастор не стал рассказывать о событиях прошедшей ночи и заторопился к службе. Но в кирхе его ждало еще одно потрясение. У алтаря стоял гроб с той самой невестой, которую он обвенчал. Ни записки, ни чего бы то ни было, проясняющего хотя бы ее имя, при этом не нашлось. Пастор ее отпел и с несколькими рыбаками, добровольными помощниками, похоронил на кладбище безымянную. На простом деревянном кресте так и было написано:

«Неизвестная. 1709 год, число».

К вечеру того же дня пастор почувствовал недомогание. У него поднялась температура. Он подумал, что простыл на ночной прогулке, заварил чай из трав и укутался в перину, надеясь, что к утру температура спадет. Но облегчения не наступило. Наоборот, его лихорадило так, что редкие минуты он был в сознании.

Это была чума.

Следом за пастором заболели рыбаки, принимавшие участие в похоронах безымянной невесты, потом члены их семей, соседи...

Все время дул ветер. На поселок двинулись дюны, которые некому было остановить. Песок вваливался в окна мертвых домов, заползал на кровати и столы, засыпал колодцы.

Несколько рыбаков из Росситтена — сейчас это поселок Рыбачий — пришли как-то к Саркау и долго кричали, пока к ним не вышел мальчик лет двенадцати. Рыбаки предупредили, что каждый день будут носить еду оставшимся в живых жителям поселка и оставлять ее на окраине. Ранним утром мальчик должен был там же, на границе поселка, выставлять столько камней, сколько человек еще нуждались в пище.

В первый день на дороге перед поселком лежали девять камней. На другой день их было семь. К концу недели только один камень сиротел посреди дорожного полотна.

Песок заносил уже кирху, а ветер все дул, не ослабевая.

По странной прихоти чума не тронула подростка. Он единственный выжил, хотя от самого поселка не осталось и следа. Саркау без остатка поглотил песок. Где-то в недрах дюн остался пасторский домик, кирха, погост с крестом и надписью: «Неизвестная. 1709 год...»

Упрямый мальчик, не желая покидать гигантскую общую могилу своих родных и соседей, примостился жить неподалеку, соорудив себе у залива хижину. Скоро там же поселился какой-то рыбак с семьей.

«Как называется это место?» — спросил он у мальчика.

«Саркау», — ответил упрямый мальчик.

С него и начался поселок, тот, что мы знаем сегодня.

Рыбка Марии

Это было давно. В те времена, когда в Пруссии еще властвовали рыцари-монахи Немецкого ордена. В те времена, когда сельдь зачерпывали корзинами прямо из Прегеля, а жены ремесленников предпочитали носить одежды с серебряными пуговицами. Как-то дети играли в Кёнигсберге на набережной реки в прятки, и одна девочка, по имени Мария, забралась в лодку, болтавшуюся у берега на веревке. Но налетел порыв ветра, и веревка порвалась. Девочка стала кричать и звать на помощь, но лодка уплывала все дальше по реке в сторону залива. Дело шло к вечеру, и рыбаки, бросившиеся на поиски Марии, не смогли в темноте найти девочку.

К утру ее лодку выбросило на берег далеко от города, в районе замка Бранденбург. Мария, хоть была всего восьми лет от роду, сообразила, в какую сторону нужно двигаться к дому. И чтобы не сбиться с пути, шла все время по берегу залива.

Мария была смелой и умной девочкой и не сомневалась, что доберется до места. Одно было плохо — уж очень она проголодалась. У самого берега, на отмелях, шныряли какие-то рыбки, но у Марии не было огня, чтобы, изловив, поджарить их. Однако есть так хотелось, а рыбы так нахально вертелись у ног, что девочка не выдержала, поймала одну и откусила у нее кусочек с боку. Рыба оказалась вовсе не такой противной. Мария объела один бок, но потом ей стало жалко рыбу, и она отпустила ее в залив. Рыба, несмотря на то, что от нее осталась только половина, резво уплыла вглубь. Тогда Мария поймала другую и так же немного обглодала ее. Так девочка питалась рыбой несколько дней, пока не дошла до Кёнигсберга.

Это было очень давно. С тех пор Мария выросла и завела собственных детей, а ее дети, в свою очередь, тоже обзавелись семьями, и так далее, и много лет. И рыбы, наполовину

объединенные, тоже расплодились, и потомство их похоже на своих родителей — однобокое. Теперь эта рыба живет во всех заливах и во всех морях. И везде ее зовут теперь камбала. Но в Пруссии, ее всегда называли «рыбка Марии».

Ганс Лозе

В пятнадцатом веке, во времена правления Великого магистра фон Тиффена, в Кёнигсбергском замке служила одна примечательная личность — статный красавец, стрелок-арбалетчик Ганс Лозе. Умен, учтив, обходителен, всегда трезв, никаких нареканий по службе, любимец комтура и всех, кто был с ним знаком. Причем службе он отдавался не только в обязательные часы несения вахты, но и на досуге. Любил, знаете ли, изобличать подпольных торговцев янтарем. А все операции с камнем, от его добычи до продажи, в то время, как, впрочем, и в наше, были исключительной монополией государства. Тогда в Пруссии государством был Орден.

Ходит таким щеголем Ганс Лозе по рыночной площади, товар щупает, ценами интересуется. Потом, глядишь, набежали стражники — хватить одного торговца, хватить другого — и в замок поволокли. А там допрос. Янтарем торговал? Нет? А вот, посмотри, что мы у тебя в пшенице нашли. И горсть янтаря ему под нос.

У Ганса глаз верный. Не один десяток человек он на виселицу проводил. Но и кёнигсбержцы — народ тертый и тоже не слепой.

Как-то в праздник, когда никого дома не удержишь и только старухи сидят на лавочках, такая бабушка видит: Ганс прогуливается вдоль домов. Гулял, гулял и шасть — в одну дверь. Бабушка — за ним. Он на второй этаж, и — в квартиру. Старушка удивилась. Она хорошо знала, что хозяева этой квартиры никаких знакомств с Лозе не водили. Кроме того, их дома сейчас не было — все на ярмарке. Бабушка взяла и подперла дверь клюкой. А потом позвала стражу из ближайшей будки и соседей, кого нашла. Скрутили Ганса, а у него из рукавов да из-за пазухи янтарь посыпался. Видать, скучно ему стало на рынке в зерно и в сукно запретный товар подсовывать. Разнообразие захотелось.

Выкололи Гансу Лозе его проницательные глаза, отрубили ноги по колени, чтобы не смог больше зайти в чужой дом, и в таком виде выбросили на рыночную площадь. Где он и умер под плевками горожан.

Валтин Зупплит

Этот человек считался вольным крестьянином, но на самом деле был колдуном. Родом он происходил из самбийских жрецов — вайделотов. И хотя пруссы давно уже были христианами, люди, подобные Зупплиту, пользовались огромным влиянием. Они, правда, всячески скрывали от властей как свое происхождение, так и склонность к магии. Колдовство в Пруссии хоть и не наказывалось костром, как в остальной Европе, но все же было вне закона и могло аукнуться большими штрафами. Однако именно этими способностями, доставшимися ему от предков, Валтин Зупплит прославился во время прусско-польской войны 1520 года. Город Данциг тогда попытался высадить морской десант на западном берегу Самбийского полуострова.

Весть о появлении кораблей облетела Самбию мгновенно. Крестьяне из немцев точили рогатины, крестьяне из самбов чистили мечи своих предков, дворяне собирали дружины. Выходцы из Голландии, Чехии, Венгрии, Руси — те, чьи предки пришли сюда триста лет назад, и те, кто сам только что обжился — все готовились защищать Пруссию.

В тот день ландмайстеру донесли, что есть крестьянин из вайделотов, который берется колдовством отогнать вражеский флот от берега. Но для этого надобно высочайшее разрешение на ворожбу. Времени на моральные колебания у ландмайстера не было, как, впрочем, и иного способа избежать агрессии данцигских купцов. Он дал добро.

Валтин собрал огромную толпу крестьян из соплеменников. Отовсюду пришли люди,

еще не забывшие язык и обычаи прашуров. В складчину они купили черного быка, несколько бочек пива и собрались на высоком берегу в районе часовни Святого Адальберта. Потом развели два больших костра и стали молиться своим богам. Помолившись, забили быка и разделали его. Но шкуру, кости и внутренности не выбросили, а поджарили на сковороде и раскидали в море вдоль берега. Затем сварили в котле мясо, нашептывая заклинания как в небо, так и в кипящий бульон. Движения их напоминали танец. Мясо они вынули из котла и съели, запивая пивом, а бульон разлили в песок на берегу. Затем все отошли от берега на триста шагов, а Валтин остался стоять на откосе в одиночестве. Вдруг среди ясного и чистого неба раздался раскат грома, и по правую сторону от Валтина в море ударила молния. И море закипело в этом месте, зашипело, выбросив облако пара. А по левую сторону появился песчаный смерч. Он какое-то время крутился на берегу, а потом ушел в море и там, вздыбив огромную волну, рассыпался.

Все это наблюдали не только люди, пришедшие с Валтином Зупплитом, но и рыцари ландмайстера, и его кнехты, и он сам, поскольку был тут же, неподалеку. Не очень-то веря в колдовство пруссов, он пришел к берегу, чтобы с оружием встретить врага.

Валтин со своими людьми, пошатываясь и распевая непотребные песни, ушли, а все, кто остались, стали следить за польскими судами, которые к тому времени подошли уже близко. Но почему-то не стали ни причаливать, ни бросать якоря, а как-то странно повернувшись, пошли вдоль берега. Так продолжалось целый день. Корабли то приближались, то отходили. К вечеру они ушли к горизонту.

На другой день флот Данцига вновь повторил странные маневры в виду полуострова. Корабли, как стая уток, плавали вдоль береговой линии, словно не знали, куда приткнуться. То же повторилось и на третий день. И только в четвертый день утром суда исчезли в дымке за горизонтом.

Много позже моряки, бывшие в том походе, рассказывали, крестясь и в страхе оглядываясь, что сам черт тогда водил их у берега, не давая причалить. То вдруг казалось, что между кораблем и берегом открывается жуткая бездна, то вставала песчаная стена, то ураганный ветер мельчайшим песком забивал глаза.

Здесь эту историю можно было бы и закончить. Однако у нее есть довольно забавное продолжение.

Семь лет после этого ни один рыбак на полуострове не мог выловить даже дохлой камбалы. Побережье бедствовало — рыба была далеко не последней статьей доходов. И никто не понимал, что происходит. Пока сам Валтин Зупплит не догадался, что это его рук дело. Не то спьяну, не то впопыхах, но вместе с польскими судами он отогнал от берега все живое, что было тогда в море.

За свой счет он купил хорошо откормленную свинью и две бочки пива. Так же, как и в прошлый раз, собрал друзей. Они разделали и приготовили на берегу свинью, выбросив при этом ее соски в море, а потом, колдуя, попиروвали.

Хроникеры отмечают, что в тот год было столько рыбы, что даже малые дети хватали ее руками у берега.

А Валтин Зупплит за колдовство был оштрафован. Да на такую сумму, что пошел бы по миру, если б не помощь благодарных рыбаков.